Учредители:

АНО Редакция журнала "Социально-гуманитарные знания"

Лицензия на издательскую деятельность редакции выдана Госкомитетом по печати РФ ЛР № 040588 от 22.06.1998 г.

Свидетельство о регистрации журнала выдано Госкомитетом по печати РФ № 01262 от 20.11.1998 г.

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ № 6 – 2021 г.

Российское научно-образовательное издание

Издается с 1973 года

Прежние названия: **«Научный коммунизм» (1973-1990 гг.); «Социально-политические науки» (1990-1993 гг.); Социально-политический журнал» (1993-1998 гг.); «Социально-гуманитарные знания» (с 1999 г.)**

С момента создания Перечня ведущих рецензируемых научных журналов ВАК Минобрнауки РФ журнал включен в этот перечень согласно решению Президиума ВАК

E-mail редакции: **soc-gum-zhurnal@yandex.ru**

Сайт в Интернете: **http://socgum-zhurnal.ru**

Журнал представлен в Научной электронной библиотеке **elibrary.ru** и зарегистрирован в наукометрической базе РИНЦ (Российский индекс научного цитирования)

Адрес редакции: **109240, Москва, ул. Верхняя Радищевская, д. 16-18, к. 15**

Телефон редакции: **8(903) 019-56-09**

© «Социально-гуманитарные знания», 2021

Редакционная коллегия:

Миронов Анатолий Васильевич – главный редактор, доктор социологических наук, профессор, Заслуженный работник высшей школы РФ, почетный работник ВПО РФ, академик РАСН, РАЕН, Международной академии наук (русская секция) и др., член Союза социологов, Союза журналистов, Союза писателей РФ (Москва)

Аванесова Галина Алексеевна – доктор философских наук, профессор, эксперт центра «Гражданское общество и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО) РАНХиГС при Президенте РФ (Москва)

Андреев Эдуард Михайлович – зам. главного редактора, доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)

Балбеко Анатолий Михайлович – доктор педагогических наук, профессор, почетный работник ВПО РФ (Москва)

Владимирова Татьяна Николаевна – доктор педагогических наук, проректор МПГУ, директор Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования, член Союза журналистов России (Москва)

Волков Юрий Григорьевич – доктор философских наук, профессор, Заслуженный деятель науки РФ, научный руководитель Института социологии и регионалистики ЮФУ (Ростов-на-Дону)

Иванов Вилен Николаевич – доктор философских наук, профессор, чл.-корр. РАН, советник РАН (Москва)

Капицын Владимир Михайлович – доктор политических наук, профессор МГУ им. М.В. Ломоносова (Москва)

Editorial board:

Mironov Anatoliy Vasilievich – Editor in Chief, Dr. Sci. (Soc.), Prof., Honored worker of higher school of Russia, Russian Federation honorary worker of higher education, member of Russian Academy of Social Sciences, member of Russian Academy of Natural Sciences and International Academy of Sciences (Russian section) etc., member of Union of sociologists, the Union of journalists, the Union of writers of Russia (Moscow)

Avanesova Galina Alekseevna – Dr. Sci. (Philos.), Prof., civil society expert and social communication (UNESCO Chair) Russian presidential (Moscow)

Andreev Eduard Mikhailovich – Deputy Chief Editor, Dr. Sci. (Philos.), Prof., Cief researcher of the ISPR RAS (Moscow)

Balbeko Anatoliy Mihailovich – Dr. Sci. (Educ.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education (Moscow)

Vladimirova Tatyana Nikolaevna – Dr. Sci. (Educ.), prorector of Moscow State Pedagogical University, Director of the Institute of journalism, communications and media education, member of the Union of journalists of Russia (Moscow)

VolkovYuriy Grigorievich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Honoured science worker of RF, supervisor of the Institute of Sociology and regional studies SFU (Rostov-on-Don**)**

IvanovVilen Nikolaevich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Corresponding member of the RAS, Counsellor of the RAS (Moscow)

Kapicyn Vladimir Mikhailovich – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof. of Lomonosov Moscow State University (Moscow)

Кара-Мурза Сергей Георгиевич – доктор химических наук, профессор, главный научный сотрудник ИСПИ РАН (Москва)	**Kara-Murza Sergey Georgievich** – Dr. Sci (Chemic.), Prof., Chief researcher of the ISPR RAS (Moscow)
Карпухин Олег Иванович – доктор социологических наук, профессор Московского гуманитарного университета, Заслуженный деятель науки РФ	**Karpukhin Oleg Ivanovich** – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of the Moscow University for the humanities, Honoured science worker of RF, (Moscow)
Кефели Игорь Федорович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой культурологии и социологии Балтийского государственного технического университета (Санкт-Петербург)	**Kefeli Igor Fedorovich** – Dr. Sci. (Phil.), Prof., Head of the Department of cultural studies and sociology at Baltic State Technical University (St. Petersburg)
Козлова Оксана Николаевна – доктор социологических наук, профессор, директор Института социологии (Щецин, Польша)	**Kozlova Oksana Nikolaevna** – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Director of the Institute of Sociology (Szczecin, Poland)
Лазарева Юлия Васильевна – ответственный секретарь (Москва)	**Lazareva Yulia Vasilievna** – Executive Secretary (Moscow)
Макаров Анатолий Васильевич – кандидат философских наук, профессор, зав. кафедрой проектирования образовательных систем Республиканского института высшей школы (Беларусь, Минск)	**Makarov Anatoliy Vasilievich** – Cand. Sci. (Philos.), Prof., Head of the Department of the educational systems planning of the Republican Institute of Higher Education (Belarus, Minsk)
Матюхин Андрей Викторович – доктор политических наук, профессор, зав. кафедрой философии и истории Московского финансово-промышленного университета (Москва)	**Matyukhin Andrey Victorovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department of philosophy and the history of the Moscow financial-industrial University (Moscow)
Михайленок Олег Михайлович – доктор политических наук, профессор, руководитель отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН (Москва)	**Mihajlenok Oleg Michailovich** – Dr. Sci. (Pol. Sci.), Prof., Head of Department research on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS (Moscow)
Ореховская Наталья Анатольевна – доктор философских наук, профессор департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ (Москва)	**Orehovskaya Natalya Anatolievna** – Dr. Sci. (Philos.), Prof. Department of Sociology University of Finance under the Government of the Russian Federation (Moscow)

Панферова Валентина Васильевна – зам. главного редактора, кандидат философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, член Международной федерации журналистов, профессор кафедры коммуникационного менеджмента, рекламы и связи с общественностью Института журналистики, коммуникаций и медиаобразования МПГУ (Москва)

Пуляев Вячеслав Тихонович – доктор экономических наук, профессор, президент Академии гуманитарных наук, профессор Санкт-Петербургского государственного университета (Санкт-Петербург)

Скворцов Николай Генрихович – доктор социологических наук, профессор, декан социологического факультета СПбГУ (Санкт-Петербург)

Субочев Николай Сергеевич – доктор социологических наук, профессор кафедры корпоративного управления РАНХиГС, почетный работник ВПО РФ (Волгоград)

Хазиев Валерий Семенович – доктор философских наук, профессор, почетный работник ВПО РФ, заведующий кафедрой философии, социологии, политологии БГПУ им. М. Акмуллы, директор научно-исследовательского центра развития исламского образования БГПУ им. М. Акмуллы (Уфа, Башкирия)

Panferova Valentyna Vasilievna – Deputy Chief Editor, Cand. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, member of the International Federation of journalists, Prof. Department of communication management, advertising and public relations of the Institute of journalism, communications and media education of Moscow State Pedagogical University (Moscow)

Pulyaev Vyacheslav Tihonovich – Dr. Sci. (Econ.), Prof., President of the Academy of Arts, Prof. of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Skvortsov Nikolay Genrikhovich – Dr. Sci. (Soc.), Prof., Dean of the Sociology Department of St. Petersburg State University (St. Petersburg)

Subochev Nikolay Sergeevich – Dr. Sci. (Soc.), Prof. of chair of the corporate governance at RANEPA, Russian Federation honorary worker of higher education (Volgograd)

Haziev Valeriy Semenovich – Dr. Sci. (Philos.), Prof., Russian Federation honorary worker of higher education, Head of the Department of philosophy, sociology, political science, Director of the Research Centre for development of Islamic education Bashkir State Pedagogical University by the name of M. Akmullah (Ufa, Bashkortostan)

Зав. редакцией, компьютерная верстка – **Миронова Елена Витальевна**

Secretary of the editorial staff, computer layout **– Mironova Elena Vitalievna**

СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНЫЕ ЗНАНИЯ

Научно-образовательное издание **2021** **6**

• Общество вчера, сегодня, завтра

Г.А. Аванесова, А.В. Миронов – Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII-начала XXI вв.)..... 8

С.Н. Комиссаров, О.И. Карпухин – Художественно-творческая интеллигенция: миссия и судьба в новой России..... 33

О.Ю. Корниенко – Роль и место национальных ценностей России.. 62

• Наука, культура и образование на грани тысячелетий

А.И. Панов – Электронная культура и проблемы молодежи (социологические аспекты)..... 72

Н.А. Ореховская, А.А. Зотов – Корпоративная культура университета, как инструмент преодоления конфликтогенности в системе высшего образования..... 81

А.Н. Болдырев – Организационная культура: структура и уровни проявления..... 97

• Россия в динамике глобализирующегося мира

И.А. Селезнев – Россия, конфликтный потенциал Центрально-Азиатского региона и перспективы евразийской интеграции..... 104

• Человек и общество

А.В. Матюхин – Идея парламента в русской либеральной мысли начала XX века..... 120

Л.В. Макушина – Мир труда на переломе: проблемы трансформирующейся социально-трудовой сферы..... 130

И.В. Полозова – Метафоры социологии и исчезновение личности 139

В.В. Капустин – Социально-патриотическая направленность детей-сирот на обучение в военно-учебных заведениях..... 146

В.С. Калинич – Воспитание молодежи в условиях цифровой трансформации социального взаимодействия..... 153

• Социально-культурные процессы развития

А.В. Попова, С.А. Бутырина, М.М. Симонова – Гуманитарные аспекты управления человеческими ресурсами как важнейшее направление развития социальной ответственности бизнеса..... 163

Т.А. Рассадина – Гражданско-политический анализ студенческой молодежи в контексте развития студенческого самоуправления..... 172

И.А. Добровольская, В.С. Меськов – Целевые ориентиры как метауровневые характеристики образования детей старшего дошкольного возраста…….…….. 184

Л.А. Тхабисимова, М.А. Камилов – Конституционно-правовое регулирование публичных мероприятий в сети и Интернет…… 196

• Научные сообщения

А.Т. Каюмов, О.И. Мишурова – Сущность и основа социальной напряженности……..…… 204

И.А. Фанасова, В.С. Меськов – Роль и значение математико-дидактических компетенций в процессе формирования когнитивной деятельности…… 211

Т.В. Дмитриева – Сущностные признаки цифровизации…… 222

А.А. Юдинцев – Влияние процесса Brexit на доминанты и перспективы политических отношений ЕС и Великобритании……. 228

Е.В. Чумак – Глобальные миграционные процессы и миграционные риски…… 237

М.Х. Гугова, З.М. Кешева − Кабардино-Балкария в период Битвы за Кавказ …… 246

М.Х. Гугова – Освобождение территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск в 1943 г…… 255

Н.В. Варивода – Особенности семейно-бытовой культуры казачек Северного Кавказа в условиях военного времени во второй половине XVIII-XIX вв…….. 260

О.К. Шевченко – Пространство-Время власти в философской концепции А. Арендт…… 266

З.М. Кешева – Бренды КБР в медиапространстве…… 273

П.П. Аношкин – Идея социалистического государства в философии политики Н.А. Бердяева…….. 279

С.Л. Евенко, А.Ф. Щеглов – Трансформация научных категорий военной социологии: от «моральной упругости войск» до «морально-политического состояния»…… 288

И.Ю. Лебедев, Е.И. Лебедева – Австрия как медиатор отношений между ЕС и Россией…… 294

А.В. Зимин, А.А. Абросимов – Тамбовская областная Дума: этапы становления и перспективы развития…… 301

• Слово – молодым ученым

Д.Г. Букин – Информальное образование как область трансдисциплинарных исследований…… 310

М.С. Ярина – Спорт вне политики? К вопросу о роли МОК в организации олимпийского движения…… 316

А.И. Филяева – Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х – 2010 годов…… 323

А.А. Субботин – Масштабы миграции из России (на примере данных американской и российской статистики)…….. 329

С.В. Гареев, Р.А. Мазетов – Особенности национальной политики в г. Москве по ключевым документам Правительства Москвы…… 336

Э.В. Бициева – Конституционно-правовые обязанности политических партий, как участников выборов в Российской Федерации: вопросы совершенствования…….. 342

Т.Г. Егорян – Социальные предпосылки формирования V «Золотого века» культуры в Армении…….. 350

А.С. Шахбазов – Современные инструменты реализации внешней политики Испании…… 356

УДК 008
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51702

Г.А. АВАНЕСОВА
доктор философских наук, профессор,
эксперт центра «Гражданское общество
и социальные коммуникации» (кафедра ЮНЕСКО)
РАНХиГС при Президенте РФ*

А.В. МИРОНОВ
доктор социологических наук, профессор,
Заслуженный работник высшей школы,
Почетный работник ВПО РФ**

Постижение России: прорывы и тупики в развитии отечественной гуманитарной мысли (XVIII-начала XXI вв.)[1]

3. Анализ научной политики эпохи Модерна на Западе, в российской империи и СССР (продолжение)

Авторы анализируют, как осмысляли некоторые направления отечественной гуманитарной мысли особенности России –ее истории, общества и культуры Нового времени. Основное внимание уделено консервативной мысли. Эти процессы научно-философского самопознания прослеживаются, во-первых, по ходу взаимодействий России с западноевропейской цивилизацией, с ее гуманитаристикой и теорией познания, во-вторых, в контексте внутренних трансформаций культурно-цивилизационного и парадигмального характера в империи, в советское и постсоветское время.

Ключевые слова: *эпистемология/гносеология, отношения между знанием и реальностью в науке, теоретический рационализм, познавательные субстанции разных цивилизаций, парадигма*

* Аванесова Галина Алексеевна, e-mail: gal-09@list.ru
** Миронов Анатолий Васильевич, e-mail: soc-gum-zhurnal@yandex.ru
[1] Окончание. Начало см. в №№ 3, 4, 5 – 2021 г.

изучения России русской консервативной мыслью, ракурсы понимания России советским марксизмом, теория отражения, наука и политика, понимание научной истины и правды, псевдонаука в период Постмодерна.

G.A. AVANESOVA
Doctor of Philosophy, Professor, expert of the Center "Civil Society and Social Communications" (UNESCO Chair) of the RANEPA under the President of the Russian Federation

A.V. MIRONOV
Doctor of Social Sciences, Professor, Honored Worker of Higher Education, Honorary Worker of the Higher Education Institution of the Russian Federation

Understanding Russia: Breakthroughs and Dead Ends in the Development of Russian Humanitarian Thought (XVIII – early XXI centuries)

3. Analysis of the scientific policy of the Modern era in the West, in the Russian empire and the USSR (continued)

The authors analyze how the peculiarities of Russia – its history, society, and culture of Modern times-have interpreted some areas of Russian humanitarian thought. The main focus is on conservative thought. These processes of scientific and philosophical self-knowledge are traced, first, in the course of Russia's interactions with Western European civilization, with its humanitarianism and theory of knowledge, and secondly, in the context of internal transformations of cultural and civilizational and paradigmatic nature in the empire, in the Soviet and post-Soviet times.

***Keyword**s: epistemology/epistemology, relations between knowledge and reality in science, theoretical rationalism, cognitive substances of different civilizations, the paradigm of studying Russia by Russian conservative thought, perspectives of understanding Russia by Soviet Marxism, reflection theory, science and politics, understanding of scientific truth and truth, pseudo-science in the Postmodern period.*

Запрос на отечественных специалистов по проблемам России и их подготовка в сфере образования. Правители

империи не реагировали на мнение ученых, считая свою линию реформ единственно возможной. Политики, более восприимчивые к гуманитарному анализу, стали появляться на рубеже XIX-XX вв. П.А. Столыпин, проводя реформы, был, видимо, последним, кто, нуждаясь в такой экспертизе, пригласил к сотрудничеству государствоведа Л.А. Тихомирова, как специалиста по вопросам рабочей среды. Но сотрудничество не состоялось из-за убийства Столыпина. Переходя к образовательно-научной политике, напомним: Столыпина убил недавний выпускник юридического факультета Киевского университета.

Уже во второй половине XIX в. была очевидна неэффективность политики в подготовке специалистов социально-гуманитарного профиля − педагогов, лингвистов, правоведов, историков, экономистов, философов и др. Издатель и общественный деятель М.Н. Катков, отстаивая в печати идеи самодержавного охранительства, не раз изучал программы для гуманитариев в университетах с обучением на русском языке; он видел их перегрузку случайными темами, слабыми теориями, чуждыми воззрениями¸ с которыми «ни русский народ, ни государственная власть не имеют ничего общего». Вывод Каткова о том, что «наше образование поверхностное и подражательное», что университеты оканчивают «молодые люди, разлученные с отечественной культурой», следует признать точным и глубоким[1].

Власти рассуждали иначе. Царь Александр III, считавшийся среди монархов империи одним из выразителей русских позиций на троне, настоял после убийства студентами-радикалами его отца на том, чтобы не принимать в гимназии, университеты детей мещан, крестьян; для них оставались церковно-приходские школы. Интеллигенция осудила это решение, как отказ от политики народного просветительства. До нас дошло царское оправдание этой меры: «Сначала мы им даем образование, а потом они нас убивают». В этих словах игнорируются факты и логика. Доля детей мещан, крестьян в высших и средних учебных заведениях была ничтожной; среди радикалов их вовсе не было. Заметим, что в империи так и не удалось ввести всеобщее начальное образование детей с освоением русского языка и письменности (в 1912 г, в Думе обсуждались лишь проектные документы¸ но война

[1] См об этом: *Катков М.* Идеология охранительства. Раздел 6. Вопросы российского образования. М., 2009.

похоронит планы на этот счет). Позиция Александра III была уязвима еще по одной причине: контроль курсов среднего и высшего образования так или иначе осуществляло правительство России, а, например, не Англии (хотя тамошние политики отслеживали интересы российской молодежи). Именно власть империи несла немалую долю ответственности за гражданские позиции учащихся.

По ходу обучения у детей и юношества формировалась преданность синодальной церкви, царю, правящей династии, но у них не развивали патриотизм, качества, без которых нельзя конструктивно понять Россию. В этом можно видеть цену отказа правителей от принципа «симфонии властей» московского периода. Хотя в империи служители церкви и богословы были сведущими в вопросах духовного познания/понимания, их готовили в учебно-православных заведениях по «пестрым и не цельным программам» не для пастырства, а скорее, как педагогов, деятелей просвещения[1]. Чиновники от образования не проявляли интереса к консервативному анализу самопознания русской среды. Властная элита продолжала игнорировать связи между искаженным образом отечества у молодежи, отсутствием в учебных курсах патриотических компонент и безопасностью государства.

Главные цели подготовки специалистов высшей квалификации (гуманитариев, инженеров, естественников и др.) нуждались в очищении от умозрительности, чуждых идей, в сближении их с культурными и социально-прикладными аспектами разных профессий в империи. Важно было формировать уважение молодежи к той России, какой она создавалась в истории, усилиями многих поколений народов Евразии, а также развивать у учащихся привязанность к отечеству, не искаженную внесенным извне дуализмом «либо самодержавие, либо прогресс и демократия». Что касается гуманитариев, то время ставило задачу обучить их анализу социально-политических проблем, пониманию цивилизационного своеобразия России; они должны были осваивать практику взаимодействия без сословных предубеждений с разными стратами, этно-религиозными средами, которых они готовились профессионально обучать, обслуживать, исследовать. Критика Катковым учебных программ подсказывала, что в подготовке этих специалистов позитивное влияние могла бы оказывать логика до-

[1] См.об этом: *Флоровский Г.* Пути русского богословия. М.: 2009.

казательств консерваторов − их семантика, теоретические обобщения, практические выводы.

Выше нами был рассмотрен эффект появившейся на Украине антироссийской книги на русском языке «Истории Русов», где в адрес Россию и русской среды выдвинуты несостоятельные обвинения, но прославлен казачий сепаратизм прошлых времен. Когда русские и украинские историки доказали подложность этого «летописного свода», власти не отреагировали; он продолжал переиздаваться. Его и не надо было запрещать; было бы целесообразно сделать из него антипособие. Преподаватели раскрывали бы перед учащимися ложные смыслы, изощренные приемы воздействия на читателей, объясняя, какие силы и зачем создавали такие «труды» для населения империи. Логику «Истории Русов» уместно было бы сравнить с позициями на историю М.Ломоносова, с пониманием России Н. Данилевского, с анализом русских и других народов страны К. Леонтьева, Н. Страхова и др.

Запросы общества на гуманитарные исследования о разных этнокультурных сообществах росли еще и потому, что структура населения усложнялась из-за присоединения народов других цивилизаций, не имевших с империей прочных связей в истории. В России они, как правило, жили замкнуто, ничего не зная о жизни ее населения. Эти процессы повышали значимость информационной, межэтнической политики государства, которая опиралась бы на научный анализ. Какое-то время ситуация регулировалась самоорганизацией активных слоев, а также переселением русских по набору властей на новые окраины. Так, после присоединения Центральной Азии торговцы-татары из Казани помогали купцам-единоверцам Самарканда, Ташкента проникать со своим товаром в другие регионы страны. Правительство же имело смутные представления об отношении жителей региона к России, об их духовных интересах. В 1916 г. центральная власть стала мобилизовывать местных юношей на тыловые работы в помощь воюющей в Европе имперской армии. Коренное население взбунтовалось; русских переселенцев начали убивать; от мобилизации пришлось отказаться. Власти проявили политическую слепоту и когнитивное бессилие, не предвидя этнического протеста в столь враждебной форме. Такие ситуации показывали, что государственные структуры надеялись на простые решения в сложных политических коллизиях XX в., пытаясь добиться целей методами времен Золотой Орды. Их познава-

тельные навыки госуправления, нерелевантная картина мира не соответствовали вызовам времени. Местное же население, имея еще более отвлеченные понятия о современном мире, добилось своих целей с помощью мятежа и оружия, рассчитывая на безнаказанность в условиях войны.

Теоретический анализ цивилизационных и этатистских факторов развития России в XIX – начале XX вв. Выше описана проблемная ситуация: имперская элита не проявляла политического интереса к социально-гуманитарному познанию России; со временем у нее усиливалось отчуждение от массовых русских слоев, от православной части подданных, она не вникала в многообразие культурных свойств населения национальных окраин. Ниже попытаемся выяснить: почему самодержавная власть после двухсот лет расширения границ империи, оборонительных войн, хозяйственно-политических реформ необратимо утрачивала адекватное понимание России, была не в состоянии отвечать на общественные вызовы Модерна, отражать несиловую агрессию Запада? В чем суть конфронтации высших сословий с массой населения в оценках либеральных идей, «прогрессивных достижений» Европы? Эти проблемы не раз вставали перед российскими учеными; но их разрешение было, как правило, малоубедительным.

Данилевский затронул эти проблемы в общей форме в своем труде[1]. Изучая предпосылки культурно-цивилизационной консолидации, он считал, что определенные народы, племена способны легко уживаться друг с другом из-за обоюдных симпатий, схожих познавательно-моральных задатков, совместного труда. Сегодня мы уточняем, что такими народами-сообществами Древнего Киева, затем Московии/России были: славяно-русские и финно-угорские среды европейской части, позже тюркоязычные общности Поволжья, Урала, народности Севера, Сибири. Именно они закладывали основу совместного освоения Северной Евразии. Наличие устойчивого единства «комплиментарных народов» (как назовёт такие этносы позже советский этнолог Л.Н. Гумилев) отличает империю-цивилизацию со сроком жизни 1000 лет и более от непрочных «лоскутных» империй Средних веков и Нового времени, в т.ч. колониальных (срок жизни 200-300 лет).

Российская цивилизация, создаваясь активностью перечисленных народов на основе их общей совместимости, вы-

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа. М., 2003.

рабатывала надэтническую познавательную субстанцию (евразийский гнозис, которая по сути является полигнозисом), придавала форму их коллективной воле к выживанию в суровых условиях. По мнению Данилевского, такое гетерогенное и вместе с тем равноправное, устойчивое сообщество не может под угрозой распада единства отказаться от общей культуры, осмысленного существования, упорядоченной жизни, поскольку все это создавали на своих землях многие поколения их предков. Исследователь делает вывод: народы России, объединенные империей, и нации-государства Западной Европы являются разными культурными типами, эволюции которых глубоко различны. На языке теории ученый назвал эти факторы «самобытностью», «свободным самоопределением цивилизаций». Власть, аристократия, по его мнению, призваны осуществлять управление, правовое регулирование, военную защиту, совершенствуя социальные взаимодействия, усиливая консолидацию сообщества. Занимая высшие статусные позиции, имея привилегии, элиты со временем центрируются на своих интересах, утрачивают инстинкт самосохранения, навязывают обществу неадекватные цели, тем самым отрываясь от народной субстанции, от общего понимания своей истории.

Сегодня мы располагаем более конкретной и сложной трактовкой сущности цивилизаций, а также их непростой связи с этатистскими началами. На протяжении XX в. эти темы обсуждали аналитики разных стран в Международном обществе по сравнительному изучению цивилизаций (ISCSC, USA). Отечественную мысль там отчасти представлял П.А. Сорокин (ставший в 20-х гг. гражданином США и вместе с А. Тойнби создававший общество). С конца 80-х гг. в работе общества участвовали советско-российские ученые, в т.ч. Б.С. Ерасов, признанный специалист академического и мирового уровня в сфере цивилизационной компаративистики[1]. Эта полемика и межцивилизационные исследования конкретизировали идеи Данилевского применительно к разным культурным основам России и Запада и расширили понимание тех отношений, которые складывались между государством и цивилизацией в освоении мира, самопознании, в т.ч. с помощью науки. Обобщая эти процессы, аналитики XX в. вскрыли в цивилизации то главное, что Н. Данилевский наз-

[1] См.: *Ерасов Б.С.* Цивилизации: Универсалии и самобытность, М., 2002, с. 5.

вал «формативным» принципом (придающим форму? – *авторы*) культурно-исторического типа, но не конкретизировал его сущность. О. Шпенглер определял эту целостность, ее интегративный потенциал «высокой культурой» со своей «душой», «стилем». П.А. Сорокин называл все это «центральным смыслом», «ментальностью» культурной суперсистемы. На этот счет было еще немало сходных мнений. В науке прижилась ясная, краткая формулировка А. Тойнби: главное в цивилизации − духовные основания; речь шла о высших смыслах и моральных императивах, «вечных ценностях» и познавательных возможностях, согласовывающих ее внутренние структуры, материальные комплексы, виды деятельности и социальные связи.

Духовные основания развиваются спонтанно, через самоорганизацию сообщества в истории. Они включают в себя следующие компоненты и свойства: культурные стили, символы; системы знаний, способы понимания во всем многообразии их видов, типов, форм; экзистенциальные, морально-религиозные, эстетические основы; культурное наследие, традиции, как базовые компоненты цивилизации; язык «священных текстов», общий язык социальных взаимодействий, сеть отношений разного характера, в т.ч. между прошлым, настоящим и будущим и др. Эти основания создаются всеми народами, социальными слоями и культурными сферами цивилизации, но при этом их значимость для общего единства неодинакова. В российской культуре об этом можно судить, например, по: уровню развития деловых отношений, военной сферы, искусства; активности русских и малочисленных народов Севера; полномочиям центральных или локальных структур власти и др.

В Новое время духовные основания совмещены в жизни с социальными субъектами, с организационно-институциональными и целе-рациональными способами устроения цивилизаций. В этот кластер входят: механизмы трансформаций любых типов – конструктивно-созидательные, разрушительные, застойные; способы консолидации/дезинтеграции; «малая» и «большая» традиции; разные по характеру культурные пласты, в т.ч. срединная культура; расовые, этно-национальные формы и цивилизационные виды идентификации; правовые и управленческие механизмы; активность интеллектуальных элит; светская духовность, наука, идеология; революции, модернизация, как рациональные способы цивилизационного об-

новления; Хаос, Криминал, как состояния цивилизаций в глобальном мире[1]. В развитии институциональных основ цивилизации тоже задействованы все ее народы, социально-культурные слои, но с разной степенью активности и понимания своей роли в этих процессах. Ведущая роль здесь принадлежит властям стран конкретной цивилизации (или империи, как в России), организационно-управленческим структурам. Власть и бюрократия рационально вырабатывают цели, стратегии развития общества, решают внутренние проблемы, вопросы безопасности (в войне против врага участвуют вместе народ и элита), контролируют социальный порядок и др. В условиях Модерна, Постмодерна государство активно регулирует культурные процессы, упорядочивая труд в науке, искусстве, развивая систему образования, взаимодействуя с религиозными структурами, отслеживая содержание печати, информационно-медийной сферы.

Основная часть теоретиков XX в. признавала, что, с «осевого времени» этатистские начала развиваются в мире, как зависимые от культурно-цивили-зационных основ, но не наоборот. В России игнорирование властями этой зависимости, их чрезмерное упование на Европу, эгоизм элит не раз становились угрозой для общества и цивилизации. Опасные периоды в истории показывали: силы этатизма в это время могут лишаться массовой поддержки населения, что вело к утрате власти, а порой и к распаду государства. Эти причинно-следственные связи были хорошо известны мыслителям Древней Индии и Китая, аналитикам мусульманского Средневековья, князьям и летописцам Древней Руси, выражаясь в философских притчах, моральных поучениях, династических наставлениях. Язык теории цивилизаций и межцивилизационной компаративистики, на котором говорили члены Международного общества в США, позволял вскрыть эти закономерности в контексте XX вв. на примере Европы, США, России, других стран. Становилось ясно: в Новое время, в эпоху Модерна эти древние законы устойчивости/неустойчивости действуют, хотя и в более сложных формах; это позволяло понять разницу между цивилизационным и государственным единством.

[1] Авторы опираются на перечень единиц духовных оснований и компонентов цивилизационного устроения, представленный Б.С. Ерасовым в указанном выше труде; этот перечень авторы несколько расширили и упорядочили терминологию.

Религиозный раскол как повреждение духовно-православных оснований российской цивилизации. Напомним, что отечественная государственность на пред-цивилизационных стадиях Древнего Киева, монгольской неволи не имела мощной институционально-правовой основы. Но поздняя Московия, затем и Россия упорно строили масштабную державу со сложной структурой населения, чему Петр I придал имперскую форму. В русском государстве и до этого шли процессы интеграции разных народов, формируя духовно-цивилизационный фундамент, создавая способы познания мира и самопознания с помощью сверх-локальных ценностей. Цивилизационная эволюции России позволяет раскрыть ее системное назначение: консолидировать в Северной Евразии разрозненные племена, народы, региональные общности, религиозные среды, направить их активизм на создание устойчивой целостности, что дает им возможность вырабатывать более сложное понимание себя, как культурной общности, ставить новые цели по преобразованию природной среды и др. Российская цивилизация, как и любая другая, не сводится к идеям, либо к материи, либо к социальности, тем более к рациональному знанию. Ведущее значение в ней выполняют духовные основания, которые опосредуют все иные ее части и свойства, гибко интегрируя их между собой; подобные зависимости проявляются в разных сочетаниях и пропорциях во всех сферах деятельности.

Таким образом империя совмещалась с устойчивым цивилизационным фундаментом России, что могло усиливать, как сам фундамент, так и государство. При этом каждая из сторон оставалась функционально автономной, но с разными потенциалами самосохранения, свободы воли, когнитивных возможностей, выбора действий на опасных фазах истории. Ведущий коллективный субъект цивилизации − сверхсложное по составу сообщество – проявляет свои интегративные качества в массовых и групповых формах познания, в общих действиях, исторической памяти, сходных интересах, делая консолидированный выбор в сложных обстоятельствах, опираясь на опыт социальных слоев, малых групп. Другой субъект – государственная власть, политическая элита − проявляет активность во многом иначе: через рациональный анализ, право и политические действия, используя структуры безопасности, военной защиты, а также руководствуясь национально-государственными интересами; при этом немалое значение

имеют также социально-групповые интересы элиты, ее сословно-корпоративная консолидация, личностные запросы. Что в таком случае объединяло или разъединяло этих субъектов на разных фазах имперской истории?

Ведущую роль в нашей цивилизации изначально выполняли и выполняют ныне высшие духовные ценности русского православия, смыслы и нормы русского гнозиса. Печерская идеология Древнего Киева, летописные своды, позже учение псковского инока Филофея отражали попытки системно выразить высшие смыслы русско-православного миросозерцания и духовные константы православно-богословской и философской мысли. С этими константами и смыслами постепенно совмещались познавательно-религиозные ценности и духовные формы других народов, неконфликтно интегрирующиеся в российскую культуру, усиливая ее.

Не все народы включались в Россию добровольно; но впоследствии, и добровольная интеграция могла иметь неблагоприятные результаты для государства. Известно, что, присоединяя в середине XVII в. Малороссию по ее просьбе, царь и его советники сомневались, насколько безопасным станет этот шаг. Позже замысел православной империи царь обсуждал с ближним кругом советников. Идея же исправления церковных книг поначалу ни у кого не вызывала опасений. Но эти шаги привели Россию к расколу, за которым стояла уверенность власти в правоте своих целей и действий. Картину мира русского православия власть стала считать мало приемлемой для создания империи, а некоторые обряды признала искаженными (сами верующие не считали их таковыми). В итоге духовные основания российской цивилизации были деформированы.

Ныне любая мировая религия, ее разновидности (например, католицизм, протестантизм, православие и т.п.) или исходные религиозные системы (например, в индуизме Индии) признаются незаменимыми духовными основами той или иной цивилизации; их нельзя произвольно отменить или совместить с иными ценностями, рационально усовершенствовать по желанию отдельных лиц. Их место в культуре не могут занять ни научно-философские знания, ни нынешние псевдорелигии с их коммерческим духом. Иное дело, когда религиозные проповедники, чувствуя сдвиги в обществе и новые запросы верующих, вносят некоторые коррективы в обряды и догматику. На этой базе могут появиться секты, ответвления

от религиозного ствола. К тому же конкретная религия незаметно меняется в истории через саморазвитие. В этих случаях изменения осваиваются верующими по-разному – мирно, через войны и др. В России вопрос чистоты православия до XVII в. был принципиально важным. Принудительная политика осовременивания православия привела к замене его ценностей греческими аналогами, протестантскими, латинскими смыслами, элементами рационального знания. Эти репрессивные меры сверху заложили непонимание и вражду между властно-государственными и народными основами на сотни лет вперед. Русская культура утратила свое равновесие, что ответно лишало власть и государство духовной полноты.

Тупики имперской политики преобразований в фокусе цивилизационного анализа. Преобразования в странах Запада в XVII-XVIII вв. были позже названы модернизацией по-европейски, являясь в Новое время неотъемлемым свойством динамики стран Западной Европы и Северной Америки. Аналогичные изменения становились неизбежным фактором развития разных государств мира. Россия первой среди неевропейских стран начала реформы такого рода путем копирования европейских достижений. Сдвиги в обществе вызывали угрожающий рост сложных проблем, непредвиденных парадоксов, опасных последствий также в культуре и государстве. Данная коллизия, когда этатистские силы без осмысления целей, методов и ожидаемых результатов начинали серьезные реформы, стала еще одной причиной конфронтации между властью и населением, ослабляя цивилизацию.

Вместе с тем историческое здравомыслие и трезвый анализ мотивировали консервативных аналитиков XIX в. признать неизбежность поворота России к реформам. Н.Я. Данилевский обосновал правоту столь трудного, но неотвратимого шага запросом государства на оборону и безопасность; немаловажной была и необходимость обновляться ведущим сферам деятельности и населению в целом, не отставая от мировых тенденций. Рассматривая угрозы, которые имперская политика встречала на пути реформ, ученный переходит от анализа высокого уровня обобщения к прикладным аспектам реформ. Глубина его мышления проявилась в изучении цивилизационных издержек, вызванных неумелыми методами внедрения новаций. Оценка исследователя однозначна: новации нельзя было насаждать сверху и наспех «в целостном виде извне, а важно развивать постепенно изнутри», т.е. сле-

довало активизировать слои, способные легко их осваивать в привязке к российским реалиям, расширяя затем позитивные практики их внедрения. Это замедлило бы освоение новаций, но принесло бы больше пользы. Недопустимой ошибкой правителей и элит ученый считал их презрение к славяно-русским культурным основам, как «подлым, низким». В итоге общество «обезнародовалось»; русским нередко стали называть то, что этого имени не заслуживало[1]. Эти процессы от высших слоев растекались вширь, искажая русскую культуру.

Конкретизируя государственную практику обновления, Данилевский сгруппировал реформаторские ошибки и когнитивные издержки: искажение народного быта, русской жизни в целом; замена отечественных культурных форм иностранными; пересадка на русскую почву западных учреждений; взгляд на внутренние и внешние реалии российской жизни с европейской точки зрения. После Данилевского консерваторы фиксировали немало других негативных издержек, некоторые из которых мы рассмотрели выше, в анализе научной политики и спроса на специалистов по России.

Искаженный взгляд на Россию по-европейски и по-русски. Ниже проанализируем издержки, связанные со стремлением понять Россию, глядя на нее глазами: а) самих европейцев, б) российских политиков, исследователей, которые видели ее в фокусе европейской ценностно-смысловой призмы, освоенной ими однобоко, поверхностно. Тем самым различаются взгляды на Россию, которые представлены в несиловой агрессии Запада европейцами, американцами, и которые выражены отечественными западниками − высшей элитой, политиками, частью ученых, интеллигенции.

В XIX-XX вв. почти никто из российских исследователей, помимо консерваторов, не обращал внимания на, казалось бы, незначащие познавательные издержки реформ. Между тем, такая недооценка крайне опасна. Вдумаемся: в любом обществе процессы познания/понимания осуществляются всем населением, идут повсеместно, год за годом, днем за днем. Даже у спящего человека не прерываются эти процессы, по-разному закрепляя новый объем информации, совмещая его с глубинными пластами памяти, с духовными убеждениями. Общепризнано, что познавательные процессы сложно дифференцировать в мышлении человека: их трудно

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа, с. 259.

осмыслить в социальных формах; их спонтанность, самоорганизация не очевидны для общества и аналитиков, диффузно проникая в разные сферы жизнедеятельности масс, в групповую, индивидуальную активность. Но нельзя и забывать об этих процессах под предлогом их малозначимости. Власть имущие на Западе давно поняли огромную роль когнитивной деятельности, ее связей с поведением людей, что проявилось в стратегиях воздействия католических и протестантских проповедников на верующих, в разработке специалистами несиловой агрессии на массовую аудиторию, отчасти отразилось и на создании эпистемологии – познавательного направления в науке.

Не случайно страны Запада уверенно расширяли свое несиловое воздействие на Россию, делая его правдоподобным, убедительным для многих образованных кругов империи. Разные силы Запада − протестантские проповедники, члены масонских лож, работники посольств, агенты спецслужб, представители бизнеса и др. – могли со временем влиять прямо или через посредников не только на молодежь, но и на другие, с их точки зрения, уязвимые страты. Подчеркнем: в XIX в. эта агрессия еще не была системной пропагандой политических идей, борьбой формаций или классовых альтернатив; она носила национально-цивилизационные формы, опираясь на европейские ценности, на либеральную мысль. Но ее продуманные методы уже начинали действовать. Превозносилась экономически и технически развитая Европа, ее, казалось, свободно и справедливо устроенная жизнь; в черных тонах изображалась деспотическая империя со слабым научно-техническим развитием, бедностью населения, с попытками власти насильно русифицировать народы. Так, под видом анализа «объективных реалий жизни» срабатывали когнитивные ловушки о «передовой» Европе и «отсталой» России, внедрялось мнение авторитетов, деформировалось сознание целевых слоев.

Российские правители сталкивались с враждебностью Запада к России; они были осведомлены и о воздействии на сознание определенных сословий и этносов. На протяжении XIX в. власть искореняла движение офицеров-декабристов и не раз запрещала масонские ложи; она противостояла этническому сепаратизму (украинско-казачьему, польскому и др.) и хождению интеллигенции в народ; были казни студентов-подрывников и запреты партий социалистов. Структуры бе-

зопасности империи устойчиво фиксировали участие западных сил в поддержке сил российской оппозиции. Примечательный факт: когда доверенные посланцы А. Герцена, жившего в Лондоне, пытались вовлечь в борьбу против власти старообрядцев, то в массе те отвергли такое предложение, хотя у них для этого было немало причин не поддерживать властные структуры.

Но старообрядцы исходили из внутренней веры в свою правоту, считая Россию отечеством. Такого поворота к отечественным духовным основам, к патриотической мотивации молодежи власть не сделала; ее политика опиралась лишь на судебнонаказующие меры. Правители не допускали возможности противопоставить несиловой агрессии Запада свою пропаганду ценностей русской культуры в адрес отечественной, а также и европейской аудитории. В этой беспомощности видится огромный политический просчет власти, ее когнитивная раздвоенность и государственное бессилие. Поразительно, но Н.Я. Данилевский, будучи по образованию и по должности естествоиспытателем, в рамках цивилизационной теории обсуждает такую возможность – начать России ответную «пропаганду» (ученый ввел это понятие в свою теорию) на население стран Запада. Вот его логика и стилистика в терминах науки второй половины XIX в.: Европа «сильнее и деятельнее нас», влияя «на общественное мнение, борясь словом, происками, соблазнами». «Купцы и промышленники» (стран Запада) … пропагандисты Европейской идеи, даже если они не осознают ее. У нас между тем – недостаток в этих силах… Мы не можем ничего уделить… для проповеди Русской идеи»[1].

В начале XX в. силы из-за рубежа могли уже готовить революционные акты протеста в России, опираясь на либералов, активизируя этнические среды, учитывая недовольство рабочих, крестьян политикой царя. В этой ситуации разные группы оппозиции, видя беспомощность самодержавия, готовились взять власть. Укажем еще один нетривиальный факт: разбогатевшие семьи староверов образуют в Москве буржуазную прослойку с обновленной идеологией национального либерализма; эта сила в 1905 г. прошла в Думу, а в начале 1917 г. составила ядро заговорщиков, свергнувших монар-

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа, с.417.

хию[1]. Таким образом, часть состоятельных староверов духовно «сдалась», начав смотреть на Россию чужими глазами местного либерализма, перемещаясь тем самым из народных сегментов культурного пространства на этатистский верх.

Сама власть, преследуя радикальную оппозицию, выражавшую ложные стереотипы извне, опиралась на те же стереотипы Запада, используя их в качестве ценностей и целей своих реформ. Выступление новых либералов против «бюрократического самодержавия» и поддержка их Западом накануне февральской революции стали неприятным сюрпризом для Николая П. Ситуация вскрыла тот факт, что власть долго боролась не с оппозицией, а сама с собой, оказавшись в итоге в собственной ловушке. Подобный когнитивно-невротический диссонанс мышления правителей, их нерелевантная стратегия обновления оказались в ряду других факторов, подводивших империю к краху. Выскажем уверенность, что чужой взгляд правителей на Россию рождал у них истоки недоверия также и к гуманитарному знанию. Монархи боялись признаться себе в том, что теоретический анализ мог что-то вскрыть неприемлемое для их сознания; интуитивно они опасались именно этого. Вспомним реакцию Николая I на опус о России маркиза де Кюстина.

Разные подходы к пониманию русского предпринимателя, частного собственника. Реформаторы во главе со П.А. Столыпиным, их сторонники полагали, что новый виток преобразований не станет классически либеральным, как при Александре II; патриархальные основы жизни в России будут учтены. И тут же они ставят цель вырвать из общины основную массу крестьян, изменить русское традиционное сознание, которое они считали косным, зависимым от круговой поруки. Казалось, что к этому изменению принуждала ситуация в империи: состояние сельскохозяйственного производства и аграрного рынка, вырождение поместного дворянства, социальное разложение крестьянского мира. Но история показывает, что любую инновационную задачу можно решать разными способами. Реформаторы выбрали перевод аграрной сферы на рельсы частной инициативы, интенсификации, вновь обращаясь к западным канонам.

В трудах наших философов XIX в. (см. часть 1 данного материала в № 3 – 2021 г.) раскрыт тип русского человека; его

[1] См.об этом: *Пыжиков А.В.* Тайна двух революций. М., 2021.

сознание и деятельность определялись православным пониманием мира, самопознанием, общинной психологией в труде и быту; он подчиняется природным ритмами, живет по народным обычаям. Русский человек высоко ценит право свободно делать выбор в сложных ситуациях; у него своеобразное понимание личностной свободы воли. Приведем пример русской пословицы, которую в нынешней России как бы помнят, но раскрыть заложенный смысл могут далеко не все: «вольному воля, спасенному рай». В ней идет речь не о выборе обыденных решений, но о свободе выбора человеком своего поведения в трудных обстоятельствах. Русское мышление в этом случае опирается на высшие христианские ценности¸ хотя у человека может появиться искушение не прислушаться к совести. Если же человек сделает верный выбор, он будет спасен, его душа обретет достойное место в вечности. В общинной жизни крестьянин часто присоединялся к коллективному решению; однако он свободно говорил о своем несогласии, когда, например, попирались правда, справедливость. Не случайно в массовой русской среде немыслимо было презирать Россию, свой народ, ибо это означало измену самим себе.

Духовно-трудовая мотивация крестьян, их адаптация к природным условиям страны не интересовали отечественных либералов. Они пафосно рассуждали о православии, много говорили, вслед за Столыпиным, о великой России, прославляли русский национализм. Правда, потом выяснялось, что православные ценности в их понимании не способны мотивировать хозяйственную предприимчивость; их трактовка национализма сводилась к завоевательным войнам. На вопрос, какими качествами должен обладать новый русский хозяин на селе, их ответы были обтекаемы, эклектичны. В то время наука Запада только начинала изучать хозяйственные отношения с учетом религиозных убеждений людей и национальных норм. Но и эти проблемы российских либералов не интересовали, ибо они, смотрели на мир через очки, искажавшие реальность, как России, так и Запада. Главное для них было уйти от русской почвы, сблизить сознание российского агрария с логикой поведения абстрактного западного предпринимателя. Так, П.Б. Струве, экономист ново-либерального образца, видел мышле-

ние русского человека, в т.ч. агрария, похожим на англо-саксонский тип национального сознания в США[1].

Напомним, что прагматичная американская культура порождала белого человека-одиночку, без устойчивой этнической среды. Американский фермер уважает законы государства, но он жестко не стеснен законами природы (климат в США гораздо мягче российского), он скорее верит в технику, в нанятых сезонных рабочих. Его труд остается тяжелым, доходы невелики, зависимость от банковского кредита высока. Он не прочь поучаствовать в гонке за успехом, надеясь, что Бог еще наградит его удачей, как своего избранника. Амбициозный фермер стремится мыслить «самостоятельно», оберегая свою «свободу выбора», чтобы не стать жертвой крупных конкурентов или банковских монополий. Реальный американский фермер был весьма далек от представлений о нем русского либерала начала XX в.

Скажем также о реакции крестьянских масс на реформы Столыпина, которая, как правило, не содержала пространной аргументации. Но их реакция выражалась представителями низов свободно, будучи убедительной в своем негативизме[2]. Эту реакцию мы, несколько обобщая, выразим следующим образом: «Русский крестьянин без общины не выживет. Землю, говорите, надо продавать в частную собственность? Тогда начинайте торговать воздухом и речной водой, а наши души закладывайте в банках». Русский крестьянин реалистически понимал роль общины в жизни живущих и будущих поколений. Ее демократизм, взаимопомощь, даже скрупулезные технологии измерения земельных участков давали возможность жить своим трудом каждой семье, хотя и скромно. Отторжение крестьянской Россией реформ было не узостью отсталого сознания, но исторически проверенной практикой и трудовой моралью. Крестьяне не принимали бездушно коммерческого отношения к почве, домашней скотине: осуждали погоню за прибылью любой ценой. Уже в середине XX в. выяснялось, что высокая технико-технологическая вооруженность аграрного труда позитивно срабатывала на кратких отрезках времени (30-50 лет). Потом начинались кризисы, деградация произ-

[1] См.: *Струве П.Б.* Два национализма // Нация и империя в русской мысли начале XX в. М., 2004.

[2] Позиции имперского правительства и русской крестьянской среды рассмотрены в: *Островский А.Н.* Российская деревня на историческом перепутье. М., 2016; *Пыжиков А.* Грани русского раскола. М., 2017.

водства, что подтвердилось во второй половине XX в. на примере многих стран (истощение почв, болезни животных, выращивание генно-модифицированных культур и др.). Аграрные слои имперской России, не заглядывая по-научному в будущее, скорее интуитивно осознавали несовместимость реформ с их жизнью, с ценностями православия, ислама, буддизма; хотя наиболее проницательные догадывались, что в XX в. Будут радикальные и не благоприятные перемены в сельском хозяйстве. Примечательно, что после февральской революции все начинания Столыпина крестьяне порушили.

Позитивные и негативные результаты имперской политики обновления военной сферы. Выше рассмотрены управленческие тупики, когнитивные издержки имперских реформ. При этом не выделены те положительные сдвиги в обществе и государстве, которые вели к обновлению отечественной культуры, к сохранению равновесия между цивилизацией и государством. Эволюционные балансы конструктивного развития культуры и государства исключительно важны; благодаря им отечественная государственность развивалась 1000 лет, существуя ныне в виде Российской Федерации. Пока такое равновесие между издержками реформ и позитивными их результатами сохраняется, продолжает развиваться и государство; когда деструктивный потенциал развития начнет превышать допустимый объем своего состава сравнительно с созидательными началами, государство входит в фазу жесткого кризиса, который может перейти в катастрофу его распада.

В таком ключе анализа рассмотрим государственную политику обновления военной сферы. К этой сфере была обращена аргументация Н. Данилевского, когда он обосновывал необходимость реформирования России. Ученый признает силовые приемы политики и военные столкновения неустранимым явлением международных связей и отчасти внутренней жизни разных стран. Исходной позицией для него служит анализ типологических качеств русских людей. В пост-ордынское время их деятельность усиливала институт государства и власти. Оставаясь в основном земледельцами, они расширяли также иные виды активности, в т.ч. охранно-казачью службу, труд первопроходцев, осваивая Север, Сибирь, Аляску, дойдя до Калифорнии в Америке. На основе самоорганизации они брали под русскую опеку племенные сообщества, сотрудничество с которыми было по характеру раз-

ным. Так, с эскимосами они ладили; однако с индейцами Калифорнии (впрочем, как позже и с поляками-государственниками) понимание не сложилось; с чукчами отношения наладились не сразу.

Данилевский подчеркивает, что русская среда не проявляла насилия по отношению к аборигенам; она создавала условия для их включения в империю, а позже взаимодействовала с ними в хозяйственной сфере. При этом не со всеми этносами, вошедшими в Московию или в империю, русская среда жила по-соседски, не всегда между ними складывались доверительные отношения. Но русские считали, что каждый народ должен оставаться самим собой. Эти свойства уживчивости и ненавязчивости русских кажутся мало совместимыми с их военно-боевыми качествами по защите отчизны, создавшие им славу стойких воинов. Данилевский, говоря о таком сочетании разнородных свойств, полагал, что оно у русских коренное, устойчивое, что его нельзя приобрести по желанию или сменить его состав[1]. Дополним проницательный анализ Данилевского. Будучи врожденными, боевые качества русских не проявлялись в конкретной военной кампании автоматически; они могли остаться втуне, могли обнаружить себя частично или не сразу. Многое зависело от целей и характера войны, от политики власти, от организации войск командованием; немалое значение имело то, на своей или чужой территории велись военные действия.

В империи проблемы безопасности и военного строительства являлись предметом особого внимания монархов. Петр I стремительным рывком сделал имперскую армию по-европейски боеспособной; после него подражательные перекосы в военной политике, конечно, оставались. Но война с Наполеоном, Крымская кампания подтвердили: армия сильна глубинными традициями, свойствами духовного типа русского воина-защитника, учетом в ходе военных действий природно-климатических и гео-ландшафтных условий России. Бесспорно, важны были и современные способы организации и обученность войск, военная техника и т.п.

Особое искусство имперской власти и высшего командования состояло в том, чтобы органично соединить традиции защиты отечества с мировой динамикой военного строительства. В этом случае правительству удавалось добиться

[1] *Данилевский Н.Я.* Россия и Европа, с. 450.

межцивилизационного синтеза по ходу внедрения инноваций в войска, что редко случалось в обновлении гражданских сфер деятельности. Еще одна важная особенность: реформы не рушили древних духовных целей и смыслов боевой службы; в боях сохранялись и учитывались стереотипы поведения русско-российского контингента. Так, командование, офицеры, солдаты крепко держались за народное понимание защиты Родины, выраженное в боевом кличе «За веру, царя и отечество». В этом императиве каждое слово имело точный смысл; клич приобретал важное значение для разных военнослужащих, будь то православный или мусульманин, мордвин или грузин.

В условиях Модерна русская армия применяла в разных операциях казачьи соединения с их навыками степного боя. Эти соединения умело дополняли действия основных боевых частей – пехоты, артиллерии и др. В мирное время имперская политика развивала казачьи структуры, как пограничный род войск, которые выполняли функции народной дипломатии. Высшая власть поддерживала освоение казачьего уклада жизни и службы башкирами, бурятами, некоторыми этносами Кавказа. Военные запросы и нужды заставляли власть мириться со староверием русской казачьей среды; даже царский конвой набирался из казаков-старообрядцев. Но инициатива Александра I внедрить в России похожие солдатские поселения, взятые из прусской армейской практики, не оправдала себя; Александр II их упразднил.

В империи сложно было добиться качественного призывного состава. Долгое время солдатами становились в основном крепостные из русской деревни, как правило, безграмотные. Данилевский подчеркивал, что отмена крепостного права позволила русскому солдату стать современным воином гражданского типа. Однако вопрос пропорционального призыва представителей всех сословий, этнических и вероисповедальных сообществ был в империи неразрешим. Впрочем, тупиковым было состояние многих социально-культурны и экономических проблем, от которых зависела эффективность армии в современной войне. Так, имперская система образования не позволяла начать массовую подготовку рабочих и инженеров для военно-промышленных производств; речь шла не о том, что у правительства были такие планы на отдалён-

ное будущее; подобные планы вообще не обсуждались[1]. Вот вам и вопрос «нехватки снарядов", который будто бы разрешил Николай II во время своей поездки на фронт в 1915 г.!

Н. Данилевский подробно рассмотрел еще одну важную проблему безопасности империи, связанную с войнами. Ученый полагал, что геополитическое положение России делает ее причастной к межгосударственным связям разных континентов и множества стран; место западноевропейских государств должна в этих отношениях определять лишь сама Россия, из своих интересов, но не из нужд Европы. Ученый, проанализировав своеобразие европейской политики на протяжении ряда столетий в адрес империи, сделал вывод. Правителям и народам Европы присущ дух злорадства, ненависти или презрения к населению России¸ особенно к русским. Они видели в русских враждебное, чуждое начало. Инстинктивно они понимали (но и не раз наблюдали воочию)¸ что за внешне рыхлым, мягким поведением русского воина заложено ядро крепкого характера, которое ни растолочь, ни ассимилировать нельзя. Несиловая агрессия Запада против русских помогала, но она была эффективна среди аристократии, интеллигенции. Для нейтрализации русского народа разрабатывалась политика втягивания России в разного рода войны − в захватнические против России; во внутриевропейские, когда Россия была то союзницей для одних наций, то врагом других, в региональные войны у российских границ и др.

Данилевский подчеркивает: какую бы роль Европа ни отводила России в разных войнах, эту роль народы империи всегда оплачивали кровью и жизнью. Используя Россию как союзницу, европейские политики ее всегда в итоге предавали и обвиняли во всех грехах; когда же Россия ослабевала или, напротив, побеждала, то страны Европы пытались разными способами, в т.ч. лестью, обманом, включить ее в свои колониальные связи. Исследователь несколько раз повторял в своем труде мысль: Европа никогда не признает за Россией права быть равноправной союзницей западных стран, найдя способ предать и унизить ее. Правители империи должны помнить, что спасет Россию не упование на Запад, а грамотная борьба с ним и силовыми методами, и с помощью

[1] См.: *Верещагин О.Н.* Русская армия в годы первой мировой войны в цифрах и фактах. // http://samlib.ru/w/wereshagin_o_n/rusarm.shtml. Дата доступа 13.8.2019.

пропаганды русских идей. Эти принципы, разработанные ученым, позже будут заложены в основу нового научного направления – российской геополитики (А. Едрихин и др.)

Данилевский и Леонтьев делали в конце XIX в. прогноз, что Запад непременно развяжет вскоре против России крупную войну. Эти ожидания сбылись с лихвой. Так, обе последние войны империи (1904, 1914 гг.) проходили у границ России или на чужой территории. Солдатской массе, офицерам оставался неясным характер этих войн, их цели. Слабыми были усилия командования по организации военных действий и боевых операций. Правительство не справлялось с обеспечением войск военной техникой, боеприпасами. Создавалась трагическая – и одновременно бессмысленная − ситуация, когда царь во время поездки на фронт брал на себя хлопоты о доставке снарядов в воюющую армию. Всего через 26 лет сыну сапожника из грузинского захолустья для решения подобной задачи надо было снять трубку спецсвязи или пригласить в кабинет ответственного чиновника. Впрочем, сын сапожника с началом ВОВ сразу же аккумулировал власть, приняв обязанности Председателя Государственного комитета обороны, председателя Ставки Верховного Командования, наркома обороны; позже он был назначен Верховным Главнокомандующим Вооружёнными Силами СССР. И для него начало войны с Германией стало исключительно тяжелым, хотя переломить катастрофу первого этапа советской армии удалось через 5-6 месяцев. Для последнего царя Николая II война империи с Японией и участие России в первой мировой войне стали факторами, лишившими его последней поддержки широких масс населения накануне двух революций.

Наш анализ имперской политики в сфере гуманитарных наук позволяет сделать ряд заключительных выводов. Эта политика осуществлялась по ходу реформирования России в течении двухсот лет на базе европейского опыта развития. Российская власть стала реализовывать стратегию копирования практики западных стран, поэтапно внедряя их инновационные формы в имперское общество; однако властям не удавалось добиться эффективного развития, сравнимого с западным уровнем.

Научная политика в империи, как и другие преобразования, проводилась в русле пассивного заимствования организации науки, подготовки кадров и др. Эта стратегия в целом, срабатывая в технических, точных, естественных науках, рожда-

ла амбивалентные результаты и сбои в социально-гуманитарных науках, в философии. Исследователи-гуманитарии оказались разделенными в понимании России, ее народов и культуры. Одна часть ученых приняла методологические постулаты западной гуманитаристики, признала отсталость России и неизбежность ее следования за Западом.

Другая часть стала вырабатывать парадигмальный анализ России, исходя из ее эволюционного развития, как самостоятельной культурно-исторической единицы, а также сосредотачиваясь на философском анализе русско-православного сознания/понимания, на российском полигнозисе. В рамках этого консервативного направления анализа были выработаны новые горизонты теоретического видения России не только в ее отношениях с Западом; появилась возможность более глубоко понять раскол русско-православной культуры, осмыслить результаты имперских реформ в разных сферах деятельности, в т.ч. в сфере военной безопасности, наконец стал возможен корректный анализ процессов познания/понимания России на уровне правителей империи, реформаторов, аристократии, интеллигенции. Теоретические представления Н. Данилевского, К. Леонтьева позволили вскрыть тот чужой взгляд, которым политическая элита смотрела на Россию. Этот взгляд рождал в политике познавательные тупики, разрушал позитивные балансы между цивилизационно-народным началом России и властно-государственным.

В научно-гуманитарной политике мы ныне должны признать, помимо издержек, наличие конструктивных, культурно оправданных шагов и практик. Так, гуманитарные науки империи развивались в условиях относительной свободы научного труда, когда имели место теоретические споры, создавались разные направления мысли и дисциплины. Немаловажно, что при цензурных ограничениях ученых никто не принуждал ко лжи, к созданию благополучной картины жизни в России, как это складывалось в странах Запада. Серьезные прорывы консервативного анализа мы должны зачесть пассивными плюсами научной политики по принципу «спасибо, что не мешала».

В заключении подчеркнем: культурная компаративистика XX в. дает возможности прояснить важный для нашей темы аспект, связанный с познавательными прорывами консервативной мысли. Эти прорывы были трудными для понимания имперских политиков разного ранга, а тем более для рядовых

читателей того времени. Подобные трудности объяснялись не только сложностью методов, неклассической парадигмой анализа, сколько новой картиной мира, непривычным образом России, которые воссоздавались в трудах консерваторов. Несмотря на отсутствие социального интереса, когнитивные прорывы отечественных мыслителей начинали действовать в скрытом и замедленном режиме, преодолевая забвение, поверхностную критику на Западе, запреты в СССР. В итоге идеи консерваторов получают признание в наиболее сложные периоды отечественной и мировой истории, включая нынешний период.

УДК 316.35
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51703

С.Н. КОМИССАРОВ
доктор философских наук, профессор, завсектором исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии РАН, руководитель центра по связям с общественностью и СМИ Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН*

О.И. КАРПУХИН
доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник сектора исследований социокультурных и медиакоммуникаций Института социологии РАН Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН**

Художественно-творческая интеллигенция: миссия и судьба в новой России

В статье рассматриваются проблемы трансформации художественно-творческой интеллигенции как одного из наиболее важных субъектов развития отечественной культуры. Показывается изменение социальных функций этой социально-профессиональной группы, особенности ее созидательной деятельности в условиях индустриально-массового производства символической продукции, анализируются новые духовно-нравственные и эстетические ценности представителей художественно-творческой интеллигенции.

Ключевые слова: *художественно-творческая интеллигенция, социальная роль интеллигенции в условиях реформ, духовные ценности творческой интеллигенции, судьба художника в России в последние три десятилетия.*

* Комиссаров Сергей Николаевич, e-mail: prcult@mail.ru
** Карпухин Олег Иванович, e-mail: prcult@mail.ru

S.N. KOMISSAROV
Doctor of Philosophy, Professor,
Head of the Research Sector of Socio-Cultural and Media Communications of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences; Head, Center for PR and Mass-media, Federal Research Center of Theoretical and Applied Sociology Russian Academy of Sciences

O.I. KARPUKHIN
Doctor of Sociological Sciences,
General Researcher of the Sociocultural and Media Communications Research Sector of the Institute of Sociology of the Russian Academy of Sciences, Federal Research Sociological Center of the Russian Academy of Sciences

Artistic and Creative Intelligentsia: mission and Destiny in the New Russia

The article deals with the problems of transformation of the artistic and creative intelligentsia as one of the most important subjects of the development of national culture. The article shows the change in the social functions of this socio-professional group, the peculiarities of its creative activity in the conditions of industrial mass production of symbolic products, analyzes the new spiritual, moral and aesthetic values of representatives of the artistic and creative intelligentsia.

Keywords*: artistic and creative intelligentsia, the social role of the intelligentsia in the conditions of reforms, the spiritual values of the creative intelligentsia, the fate of the artist in Russia in the last three decades.*

Одним из наиболее важных субъектов развития культуры традиционно является художественно-творческая интеллигенция, которая в российском обществе остается функционально-гомогенной социально-профессиональной группой, какой бы социально-экономической, идейно-политической дифференциацией она ни отличалась. Ее значимость в социокультурном развитии определяется тем, что в искусстве, пожалуй, больше, чем в любом другом виде общественной деятельности, проявляется неповторимость человеческой личности во всем богатстве ее социальных взаимосвязей, духовных особенностей и индивидуальных качеств. Но чем ярче выражается творческая и человеческая оригинальность каждого художника,

тем очевиднее его внутреннее родство с некоей общностью людей, различающихся по социальному происхождению, образу жизни, политическим воззрениям, религиозным верованиям, эстетическим вкусам и т.д., однако обладающих особой внутренней идентичностью, позволяющей говорить о психологической близости нынешнего начинающего поэта, художника или композитора с авторами "Слова о полку Игореве", Сонаты-Аппассионаты и даже с художником из Альтамирской пещеры.

При всей вариативности этой идентичности она отличается социально-генетической целостностью, которой не мешают границы, разные эпохи и общественные системы, культуры и языки. Обусловлено это не только совпадением места художника в общественном разделении труда, спецификой его профессии и необходимых для нее духовно-психологических качеств, но и единой социокультурной природой художественной интеллигенции, для которой творчество является родовой, сущностной характеристикой духовного облика и социальной деятельности[1]. Причем, творчество особого рода, результаты которого − художественные ценности и духовные смыслы − становятся все более необходимыми для полноценной жизни человека и общества, более того – для самоосознания рода человеческого.

Традиции изучения художественно-творческой интеллигенции во всей сложности ее духовных проявлений и взаимосвязи с конкретными историческими условиями развития культуры, общества в целом, заложенные Н.А. Бердяевым, В.С. Соловьевым и другими русскими философами, были во многом утрачены в советской философской литературе − отчасти по политическим причинам, отчасти из-за трудоемкости изучения духовных и социокультурных процессов, тем более среди деятелей культуры и искусства. Узкосоциологический подход, который значительно профанировал марксистское учение и воинствующе игнорировал традиции философского идеализма, не мог учесть духовные истоки российской интеллигенции с ее народопоклонством, идеей жертвенности, доминированием "бойкотирующего, а не созидающего" начала в "интеллигентском сознании" и других его особенностей. Тем более уже в 1990-е гг. трудно было увидеть реальные предпосылки дегу-

[1] См.: *Комиссаров С.Н.* Художественная интеллигенция: противоречия в сознании и деятельности. М., 1991, с. 7.

манизации культуры и всей общественной жизни, вымывания из общественно-политической жизни культурно-творческого начала, в значительной степени связанных с деятельностью творческой интеллигенции[1]. Направленность эволюции сознания интеллигенции и ее социальная значимость в нашей стране во многом обусловлена многолетней традицией одномерного видения смысла и перспектив социокультурного развития, подчиненного прагматическим социально-политическим задачам, какими бы – социалистическими или демократическими – терминами они бы не формулировались. И хотя советской художественной культуре присущи и высочайшие взлеты творческого духа во всех видах искусства, в прокрустовом ложе социализма духовная культура не смогла развиваться свободно, а субъект этой культуры – реализовать весь свой духовно-творческий потенциал. Все сказанное вполне применимо и к последним десятилетиям российского общества, которое обрело невиданную степень долгожданной свободы, которая превратилась в тяжелейшие внутренние оковы, в том числе, и для творческой интеллигенции, попавшей в жесточайшую зависимость от рынка.

Надо отметить, что проблема интеллигенции – в силу ее сложности и особой значимости этой социально-профессиональной группы для социокультурного развития в целом – является одной из ключевых для понимания сути и направленности общесоциальных изменений, произошедших в 1980-1990-е гг. и происходящих в современном российском обществе ныне. Традиционно считалось, что роль интеллигенции глубоко функциональна в силу характера ее деятельности – профессиональное занятие умственным творческим трудом, развитие и распространение культуры. Известна трактовка интеллигенции главой структурно-функциональной школы в американской социологии Т. Парсонсом: интеллигент – это специалист высокой квалификации, призванный обеспечить бесперебойное функционирование общественного механизма[2]. Такой, по сути, технократический взгляд на интеллигенцию был присущ и советским исследователям, которые писали о неправомерности выделения интеллигенции по такому признаку, как гражданская активность, поскольку она присуща всем передо-

[1] *Карпухин О.И.* Культурная политика государства в условиях реформирования общества: Дисс. доктора соц. Наук. М., 1997. − 386 с.

[2] *Parsons T.* The Social System, 1952. Ch. 10 / Bn: International Encyclopedia of Social sciences. N.Y., 1968, vol. 12, p. 536-546.

вым людям общества[1]. Но если мы будем даже исходить из известного ленинского замечания, это «интеллигенция потому и называется интеллигенцией, что всего сознательнее, всего решительнее и всего точнее отражает и выражает развитие классовых интересов и политических группировок во всем обществе[2] и то выражение этих интересов проявляется в соответствующих настроениях и гражданской интеллектуальной активности. Но чем продиктована эта активность, выражающаяся чаще всего в оппозиции власти? Невостребованностью государством интеллектуального, культурного потенциала самой интеллигенции. С этой социальной невостребованности начинается ее побег в оппозицию. В годы советской перестройки именно интеллигенция, выражая и формулируя интересы определенных политических группировок, стала творцом или, по меньшей мере, детонатором критических настроений в обществе. Более того, входя в эти группировки, многие деятели культуры и искусства оказались в их первых рядах, держали, так сказать, в своих руках знамя перестройки и реформ, и, заражая своей энергетикой различные слои общества, сыграли далеко не последнюю роль в разрушении советской социально-политической системы.

В работах различных теоретиков, из которых мы особо выделяем А. Грамши, утверждается, что власть господствующего класса держится не только на насилии, но и на согласии. Но согласие – величина переменная, ее сохранение требует непрерывных усилий. По А. Грамши[3], достижение согласия, как и его подрыв, − это «молекулярный» процесс, то есть он подразумевает изменение мнений и настроений в сознании каждого человека. В основе этого согласия – состояние «культурного ядра» общества. Стабильность его, обеспеченная устойчивой коллективной волей, и создает это самое согласие, создает стабильность, устойчивость общества. А вот если расколоть это ядро постепенными усилиями, «молекулярными» процессами, то в конце концов можно получить революционные изменения в сознании. Главная действующая сила в создании или подрыве согласия (по А. Грамши) при-

[1] *Руткевич М.Н.* Интеллигенция как социальная группа и ее сближение с рабочим классом. См. в кн.: Классы и социальные слои и группы в СССР. М.: Наука, 1968, с. 143.

[2] *Ленин В.И.* Полное собр. соч. Изд. 5. М.: Издательство политической литературы, 1967, т. 7, с. 343.

[3] *Грамши А.* Искусство и политика. В 2- т. М.: Искусство, 1991, т. 1. – 432 с.

надлежит интеллигенции. Он категоричен: главный смысл существования интеллигенции – распространение идеологии для укрепления или подрыва согласия, коллективной воли культурного ядра общества, которое, в свою очередь, влияет на другие классы и социальные группы. И далее он подчеркивает, что общественные движения, созревающие для борьбы за свою гегемонию, рождают собственную интеллигенцию, которая становится главным агентом по воздействию на культурное ядро всего общества как условия для завоевания гегемонии. Эта интеллигенция и есть «новая» интеллигенция, обладающая огромной социальной энергетикой.

Предтечей распада общественного строя в СССР был распад в духовной сфере, в общественном сознании, в «культурном ядре». В предотвращении этой трагедии огромную роль должна была сыграть художественно-творческая интеллигенция страны. В России, казалось бы, дело за малым – за духовными авторитетами, способными увлечь народ настроениями духовной перспективы и борьбы за преобразование общества риска в общество социальной, нравственной ответственности, законности и стабильности. Но для такой сложнейшей и требующей огромных усилий духовно-созидательной работы нужно было преодолеть собственный кризис идентичности. Он возник в условиях меняющегося общества, в рамках которого грубый материализм в политике и прагматическая самодостаточность в экономике оставляют человека с его духовными потребностями на периферии грандиозных реформаторских планов, лишают эти планы «человеческого измерения», делая их антигуманными. Потому-то шоковая терапия так больно ударила по науке, образованию и культуре, отбросила за черту бедности интеллигенцию, сделав ее труд непрестижным, а предназначение − неопределенным. Таким образом, интеллигенция в обществе риска сама стала группой риска. Она как бы перестала узнавать себя в зеркале общественных отношений. И само зеркало превратилось в кучу осколков, которые никак не складывались хотя бы в мозаику внятного образа реального пути развития страны. Любые попытки сформировать приемлемые для огромной страны и общества в целом перспективы отметались заклинаниями «сделать все, как у них на Западе», подкрепленными не только теоретическими выкладками, разработанными для нашей страны на Западе, но и конкретными решениями, «высочайше узаконенными» указами «первого президента», который чаще

всего был не в курсе или не понимал последствий факсимильно поставленных его подписей под такими документами.

В условиях такого катастрофического слома общественных структур и механизмов социокультурного развития кризис сознания, разруха в головах у многих наступила как выражение неадекватности представлений о самих себе, непонимания своих реальных возможностей и смысложизненных ценностей, своего духовного предназначения. Более того, былые идейно-нравственные стереотипы, модели поведения вступили в противоречие не только с новой духовно-нравственной парадигмой, но и с объективными обстоятельствами реальной жизни подавляющего числа граждан, а также с новыми вызовами времени.

Общество, в котором живет современный деятель культуры и искусства по-прежнему находится на перепутье, и во многом не поддается ни научному, ни художественному познанию, а потому невнятны цели и характер его дальнейшего развития. Отсутствие информации, целеполагания и осознанной перспективы всегда создают ощущение непредсказуемости и рискованности жизненного поведения отдельного индивида, а в рамках социума – атмосферу неуверенности в завтрашнем дне. Казалось бы, кому как не интеллигенции восполнить этот дефицит знания и информации, определить общественно-значимые цели и вместе с властью повести народ к их достижению? Ответ на этот вопрос дает неутешительный опыт «перестройки», когда попытка хождения во власть интеллигенции лишь подтвердила правоту классика: «В одну телегу впрячь не можно коня и трепетную лань»[1]. Но как же тогда быть с историческим опытом русской интеллигенции, который определяет ее историческое предназначение, с ее жертвенным служением идеалу, готовностью идти на подвиг на непростом, а иногда и мученическом пути нравственно-этических, идеологических исканий? В этом смысле, по точному замечанию Г.П. Федотова «интеллигенция – категория непрофессиональная, а идейная. Русская интеллигенция, помечал он, всегда служила идеалу, включающему в себя и этику, и общественное поведение: идеал, практически заменяющий религию. Идеал коренится в идее, в теоретическом

[1] *Пушкин А.С.* Полтава. См.: https://stihi.ru/diary/ladisinitsa/2013-09-06

мировоззрении, построенном и властно прилагаемом к жизни как ее норма и «канон»[1].

Таким образом, интеллигенция – носитель не столько веры, сколько идеи, а по своей общественной миссии она – идеолог, продуцирующий смыслы грядущих социальных изменений. Чтобы новые идеи и ценности овладели массами, русская интеллигенция стремилась либо до себя поднять народ («западники»), либо опуститься до него («почвенники»). Но своим мировоззрением, образом жизни, культурой, она была чужой для широких масс, которые жили в ткани другой культуры, в традициях патриархального уклада. Попытка воссоединения с народом через революцию обернулась трагедией русской интеллигенции. «Интеллигенция, уничтоженная революцией, не может возродиться, потеряв всякий смысл, − подчеркивает Т.П. Федотов, − теперь это только категория работников умственного труда или верхушка образованного класса»[2]. Так безуспешно завершилась борьба цвета русской нации с косностью и «сплочённой посредственностью масс»[3] (*Дж. Стюарт Милль, Герцен).* Но зато, как показала жизнь, интеллигенция вполне успешно и идеологически, и политически боролась с властью, свалив в конечном итоге две империи – царскую и советскую. Не потому ли в эйфории победы в 90-е гг. интеллигенция взяла на себя бремя властителей дум? Однако жизнь неумолимо перевела многих ее представителей в услужение подлинных властителей – собственности, финансов, законов, по которым пришлось жить всем в России. Оппозиционность интеллигенции как-то не заметно для нее же самой перешла в сервильность. Она же, эта «новая» интеллигенция, скомпрометировала себя безудержной поддержкой новых «сильных мира сего» и активным участием в переделе собственности.

По сути, эта интеллигенция слилась с властью, стала «пристяжной» частью аппарата, обслуживающего власть. Но в силу своего проникновения в СМИ, своих навязчивых, крикливых выступлений, нетерпимых к чужому мнению, и далеко не бесспорных, она формирует свой имидж в глазах общественности. Как отметил В. Третьяков в «Независимой газете»:

---

[1] *Федотов Г.П.* трагедия интеллигенции. Судьба и грехи России. (Избранные статьи по русской истории и культуры в 2-х томах). Спб: София, 1991, с. 68-70.

[2] Там. же, с. 100

[3] См.: https://verybigfish.livejournal.com/; так же см. *Мережковский Д.С.* Грядущий хам. https://www.gumer.info/bibliotek_Buks/History/intell/mer_grham.php

эта интеллигенция остается последовательной в трех вещах: во-первых, в постоянном требовании денег у власти, во-вторых, в постоянном недовольстве народом (при царе, при большевиках, при демократах), в-третьих, в преклонении перед богатством, роскошью, большими деньгами[1]. Вспомним, как в самом начале перестройки в общественной атмосфере витали мифы о политически не ангажированной, высокодуховной интеллигенции. Телевизионные встречи с педагогами-новаторами (Ильин, Шаталов, Амонашвили, с известными учеными и писателями (Лихачев, Лотман, Абрамов, Гранин и др.) собирали огромные аудитории, как когда-то, в начале 60-х гг. − выступления поэтов на стадионах и площадях. Устав от лжи, люди пытались найти хоть что-то подлинное. И когда академик Д.С. Лихачев с присущей ему ясностью определений тихо сказал в камеру: «интеллигентом нельзя притвориться» ему аплодировала многомиллионная телевизионная публика. Эти слова стали ключевыми в создании имиджа, не только того, кто их произнес, но и для тех, кто появлялся потом на экранах телевидения, олицетворяя собой ударную силу перестройки – «новую» российскую интеллигенцию. Ее телевизионный имидж тогда идеально совпал в массовом сознании с корпоративным. Люди верили «властителям дум», потому что им хотелось верить – так завораживающе неотразим был их имидж. Не случайно многие из представителей интеллигенции стали в то время народными депутатами. Но, ничуть не умоляя авторитета тогдашних властителей дум, все-таки скажем, что их завораживающий имидж привел, в конечном итоге к осознанию горькой иллюзии: «нет пророка в своем Отечестве».

В этом, пожалуй, не было вины учителей-новаторов, выдающихся академиков, публицистов и мастеров культуры. Они быстро сошли с экранов, а их имиджем умело воспользовалась новая плеяда интеллигенции − бойкие «прорабы перестройки», научившиеся ловко притворяться интеллигентами. Ведь при современных пиар-технологиях любая иллюзия легко превращается в реальность. Чтобы гуманитарная интеллигенция оставалась хранителем и созидателем духовных ценностей, силой, влияющей на общество, на власть, у нее должен быть авторитет, честная репутация. Власть во все

[1] *Третьяков В.* Власть, общество и интеллигенция в современной России // Независимая газета, 17 января 2001.

времена заинтересована в этом авторитете, подкрепленным социальной ответственностью, но не в авторитете интеллигенции «продавшейся власти».

Все вышесказанное подводит нас к печальной констатации: степень поражения созидательной энергии народа и глубина кризиса духовно-нравственных и общественно-политических условий его жизни таковы, что одного политического действия будет недостаточно, необходимо движение духовного обновления общества и каждого его члена. В этой ситуации выход лишь один − консолидация общества на конструктивном прорыве к будущему, который начинается с самых маленьких дел. Идеологом такого прорыва в горькой нашей повседневности может выступить в первую очередь интеллигенция, пока еще - в отличии от многих политических сил и государственных институтов - не растратившая вотум доверия рода.

По мнению многих ученых и публицистов, испытав в 1990-е гг. острейший духовный кризис разочарования, российская интеллигенция сошла с круга истории, утратила свою духовно-провидческую и социально-мобилизующую миссию. Кроме того, в связи с этим утрачен один из самых действенных каналов прямого влияния на общественное сознание. Еще Н. Бердяев говорил о неспособности русских интеллигентов к политике, которую, как правило, прикрывают политическим экстремизмом. Более того, политическая невостребованность интеллигенции возрастала по мере дезорганизации социально-политических реформ, реальный ход развития которых выдвигал на первые роли в государстве и общественно-политической жизни финансовую олигархию. “Нет ни изданий, ни авторов, − фиксировал общественную позицию в 90-х годах известный социолог, − выступления которых с самой резкой критикой или самыми пылкими призывами могли бы вызвать взрыв общественного интереса, как это бывало семь-восемь лет назад. Упадок тиражей и интереса к печатному слову, отсутствие “властителей дум”, духовных авторитетов − признаки того, что кончилась эпоха общественных иллюзий...”, а “интеллигенция все больше не способна формулировать универсальный образец ориентации”[1].

[1] *Левада Ю.А.* Проблема интеллигенции в современной России // Куда идет Россия? Альтернативы общественного развития. Материалы международного симпозиума. М., 1994, с. 211.

Несмотря на рост в 90-е гг. разочарования населения страны интеллигенцией, которая еще недавно воспринималась как ум и совесть нации, общественное сознании уже в нашем веке сохранило представление о миссии интеллигенции и вовсе не склонно разделять мнение, что «интеллигенция – это ругательное слово» (В. Маяковский). Важно отметить, что роль интеллигенции в развитии страны, конечно же, имеет более близкое отношение (прежде всего, речь идет о творческой интеллигенции) к культуре. По данным ученых Института социологии РАН, положительно оценивают эту роль от 60% тех, кого условно можно назвать «традиционалистами», до 76% сторонников во многом противоположных взглядов – модернистов; от 50% тех, кто не закончил даже среднюю школу, до 84% среди лиц с высшим образованием[1].

Суть изменений социальной роли творческой интеллигенции состоит в том, что любой эпохальный катаклизм совершает с художником то же самое, что и природный – с животным миром: редко кто выживает… Художественно-творческая деятельность как способ самовыражения таланта сменился ныне его функциональным участием в индустрии культуры, художественное произведение превратилось, по сути своей, в «товар», изготавливаемый на рынок в процессе производства символической продукции. «Феномен постсоветской литературы, пишет известный критик, − характеризуется изменением общественной роли литературы в целом и статуса писателя в частности (из общественно важной и влиятельной фигуры, из властителя дум писатель превращается в частное лицо, владеющее и распоряжающееся − и то не всегда − только своей интеллектуальной собственностью)»[2].

Искусство живет и оценивается в парадигме рынка как специфический (с точки зрения возможной прибыли) вид предпринимательской деятельности, художественное произведение как товар, «ценность» которого определяется его прибавочной стоимостью, его создатель − как исполнитель по договору на определенную сумму, а его талант − как собственность того, кто за это заплатил. Добивается успеха, прежде

---

[1] Готово ли российское общество к модернизации? Аналитический доклад. Подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда имени Фридриха Эберта в Российской Федерации. М., 2010

[2] *Иванова Н.* Ускользающая современность. Русская литература XX-XXI веков: от "внекомплектной" к постсоветской, а теперь и всемирной // Вопросы литературы, 2007, № 3.

всего тот, кто сумел *встроиться* в новые условия и для кого творческая профессия стала способом заработать путем поточно-индустриального производства «лакированной дряни» с как можно более многократным продолжением. На подиуме масскульта царствуют люди, для которых творчество – способ заработать. Один из вполне успешных «новых русских» в искусстве проговорился: «Что это такое – работа, творчество, познание? Нет. Это имитация. Мы заняты имитацией творчества. Мы уж не знаем зачем. Этого требует время – имитируют все…»[1].

Конечно, многие – известные и не очень – художники и писатели продолжают работать, отказавшись от успеха и от сытной жизни. «Призвание можно распознать и доказать только жертвой, которую приносит ученый или художник своему покою и благосостоянию, чтобы отдаться своему призванию», − писал не только о своем, но и о нашем времени Лев Толстой. Гениев время распределяет эпохам примерно поровну, но механизм социальной поддержки – взращивания, профессиональной подготовки, обеспечения популярности – работает на таких, как «полуфабриканты»: ему не нужны самородки. Поэтому все меньше писателей пишут даже в стол: никто не прочитает, никто не оценит. Все меньше художников овладевают мастерством, без которого ты не станешь великим в любом виде искусства. Зачем вкалывать, все тебе обеспечит достаточная сумма для твоей раскрутки. Если нет денег у папы, найди спонсора, заинтересуй его тем, чем располагаешь, и, ты в дамках... «Наше время убивает самородков, − считает народный артист России Аристарх Ливанов, − во всяком случае, испытывает. Чем тоньше инструмент, тем его легче расстроить. Стоит один раз ударить молотком по роялю… А талант – «инструмент» несравнимо более тонкий. Но испытания – «ингредиент» таланта. Перед временем можно устоять, если ты будешь верен самому себе. Конечно, тебе за это достанется по полной программе, но если ты изменишь себе, то тебе уже никто не поможет. Неси свой крест»[2].

Самое главное – изменился статус художника как властителя дум. «Зорко и обостренно, − пишет известный критик, − часто с горечью всматриваются сегодняшние писатели в

[1] *Гурова Т., Матвеева А.* Компьютер как смерть культуры // Эксперт, № 49, с. 35. https://expert.ru/expert/2015/30/1996-kompyuter-kak-smert-kulturyi/

[2] *Ливанов А.* Профессия моя мотыльковая… // Элита России», 2007, февраль-март, с. 88-93.

трагическое изменение не то что писательского статуса (в конце концов, бог с ним, со статусом) − в изменение той ауры, что всегда окружала писателя и делала его положение в мире положением особым»[1]. Подмена художественных факторов успеха финансовыми и мафиозно-криптократическими привело к вымыванию талантов из этой сферы деятельности, а наше искусство − к ужасающей бездуховности. Певцам не нужен ни голос, ни слух, актерам – внешние данные и, главное, – актерские способности, композиторам – музыкальная грамота, художникам – владение техникой рисунка… «Понять современных художников не просто, − свидетельствует в пользу этой версии критик Мария Богатырева, − тем более, что их развелось больше, чем комаров. Почему их стало так много − понятно: теперь для этого не надо уметь рисовать и вообще не надо уметь. Существует даже мнение, что настоящий художник НЕ ДОЛЖЕН ничего делать, иначе он превратится в ремесленника без всяких творческих мыслей»[2]. В театре катарсис подменили стимуляцией инстинктов, кино перестало что-либо открывать в жизни кроме прелестей героини. А в целом искусство в значительной степени сосредотачивается на человеческих пороках, звериных инстинктах и насилии, исключающим сострадание к другому… Животный мир постепенно вытесняет человеческий благодаря *искусству*, которое всегда было способом очеловечивания человека.

В целом происходит отторжение от художественного творчества многих художников, выхождение значительной части художественной интеллигенции из поля отечественной культуры. «Российская заграница» − назвал последних Валентин Распутин[3]. Судьба разделила деятелей искусства: у одних распад и отход от художественного творчества, у других – переквалификация из соцреалистов в постмодернистов. Однако, прежде всего, надо отметить невостребованность многих талантливых людей и их произведений во всех видах искусства: конкуренция талантов подменяется умением приспособиться к потребностям рынка и «соответствовать» с представлениями продюсера о том, что и как нужно писать, сочинять, рисовать и т.д.

---

[1] *Щеглова Е.* О, не тоскуйте мне о нем // Вопросы литературы, 2004, № 1.
[2] *Богатырева М.* Прыжок в пустоту // Новое время, 1994, № 23, с. 45.
[3] *Распутин В.* Время трагедий // Советская Россия, 2010, 2 февраля.

Можно по-разному относиться к зафиксированному в самом начале трансформаций российской культуры процессу стремительного смещении системы духовных ценностей и творческих установок деятелей литературы и искусства, особенно молодых, в сторону меркантилизации и дегуманизации искусства, утраты ими духовных начал русской и советской культуры, об отказе от критериев художественности[1]. «А толпе нужен кич", − свидетельствовала в самом начале 1990-х годов критик С. Овчинникова и делала вывод, предвосхищающий последующее развитие событий в творческой среде: "Когда запросы толпы довлеют над художником, он теряет свое лицо, теряет свой художественный вкус, подчиняясь вкусу толпы»[2].

Вероятность творческого успеха определяется не талантом, а размерами финансирования «проекта», его раскруткой – касается ли это литературы или шоу-бизнеса. Отсутствие денег становится все более непреодолимой преградой для новых имен. «К сожалению, переиздаются книги небольшого круга детских писателей», − свидетельствует Ирина Котунова, заместитель гендиректора старейшего издательства «Детская литература»[3]. Экономический кризис не только резко сократил «номенклатуру» оставшихся «на плаву» издательств и издаваемых авторов, но и фактически «утопил» надежды новых прорваться на книжный рынок. «Писателю живется плохо, потому что он писатель и не писать, естественно, не может. А ему мало того, что платят сущие гроши, − еще куда-то, как назло, пропал читатель и от самого понятия «писатель» в его изначальном для отечественной литературы величии ничего, почитай, и не осталось. И вообще − всюду царит разброд, раздрай, растерянность, а само слово «свобода» вызывает, боже сохрани, не радость, а у кого горькие раздумья, у кого оскомину, у кого глубокую тоску либо злость», − пишет критик Евгения Щеглова[4].

---

[1] См.: Культурология в исходных научных понятиях, структурно-логических схемах и исторических феноменах культуры / Под редакцией Р.Г. Абдулатипова, В.А. Сапрыкина, С.Н. Комиссарова. М.: МГУКИ, 2011.

[2] *Овчинникова С.* Кич эпохи, перестройки // Правда, 8 января 1990, с.4.

[3] *Котунова И.* «Детская литература»: книга за книгой // Литературная газета, № 36(6188) 10-16 сентября 2008, с. 14.

[4] *Щеглова Е.* О, не тоскуйте мне о нем // Вопросы литературы, 2004, № 1.

Степень демократичности механизма отбора талантов, как это ни странно звучит в наше демократическое время, снизилась практически во всех видах искусства. Раньше, конечно же, сын оператора киностудии Горького имел большие шансы стать кинематографистом, чем дочь оператора машинного доения из сибирской деревни… Но сейчас – при сохранении тенденции наследования профессии знаменитого папочки или мамочки − гораздо большую роль играют *деньги* – нефтяные или газовые, банковские или строительные – какая разница, когда степень «таланта» измеряется вложенной суммой… «Ни для кого не секрет − это с горькой иронией рассказывал известный бард Александр Розенбаум − что создание любой шоу-звезды это вопрос не таланта, самоотреченного труда, а денег». Сергей Шакуров утверждал, что «сегодня любая бездарь может купить себе роль».

Художественная интеллигенция раскололась на два, а потом уже и больше лагерей. Атмосферу практически в каждом творческом союзе, не только среди собратьев по перу, отразил еще в 1995 г. поэт Андрей Вознесенский:

Писатели, что в вашем околотке?
Писатели: грызем друг другу глотки…[1]

Через 13 лет «Литгазета»[2] описывает раздвоение Международного сообщества писательских союзов… Один возглавил незадолго до кончины Сергей Михалков, второй Юрий Бондарев. Первые величины советской литературы никак не могли доделить писательскую собственность… Та же собственность – но уже кинематографическая – стала скрытым «яблоком раздора» прошедшего в 2008 г. съезда Союза кинематографистов, расколовшего профессиональное сообщество…

Поразительно, но социальное расслоение, доходящее до «контрастов» между олигархами и просто нищими, «люмпен-интеллигенцией» (А. Вознесенский), коснулось всех цехов искусства от эстрады, перелицованной в шоу-бизнес, до «русской совести» − литературы. С новоявленными гениями бизнеса практически одновременно появились почти не известные или совсем уж из околобогемной тусовки молодые люди, которые монополизировали творческое поприще, к которому

[1] *Вознесенский А.А.* Собр. Соч. В 2 т. М.: Вагриус, 2001, т. 2, с. 38.
[2] Литературная газета, №35(6187), сентябрь, 2008.

если и имели какое-то отношение, то на художественном Олимпе не блистали. Видимо, для успеха нужно было иметь совсем другие таланты.

Востребованные в бесконечных сериалах актеры в день зарабатывают столько, сколь малоизвестные коллеги не зарабатывают за год[1], растиражированные «полуфабриканты» строят фешенебельные замки под Москвой или закупают имения за границей, а талантливые певцы и певицы перебиваются на подпевке. *Вне*литературные женские романы и детективы, произведенные под раскрученное имя в «конюшне»[2], «выжигают» своими искусственными страстями все вокруг в литературном мире. Даже соотношение «успешных» и неудачников в творческой среде примерно такое же, как в обществе в целом – 1-2 «удальца» против 8-9 цеховиков… Фактически сбиты полюса и компас художественный ведет себя как на магнитной аномалии – в этой ситуации растерянности и дезориентации вперед проскакивают, как правило те, кто сориентирован на прилавок и без какого-либо комплекса неполноценности способен быстренько сварганить очередной товар на потребу публики: «*пипл схавает*» − стало расхожей фразой...

О разнице (с нашей точки зрения принципиальной – *авт.*) между художником, который пишет то, что можно продать, и художником, который продает то, что пишет, говорил Пабло Пикассо. В сегодняшней нашей действительности чаша весов склоняется в пользу первого… К сожалению, перед большинством художников, поэтов, композиторов выбор, который обозначен выше, не стоит, поскольку «не творчество, а хлеб насущный становится, − признается поэтесса Валентина Коростылева, − для нас главной целью». Поэтому, забыв творческие муки, многие бросились в самое горнило новой жизни − кто торговать, кто брокеровать, кто митинговать (если это приносит деньги). «Аллилуйя толстосумам – или сильным мира сего – звучала в наших «храмах» и раньше, но искусство выживало, откристаллизовывалось от таких панегириков», − счи-

[1] 80% актеров по горькому признанию одного заслуженного артиста в телепередаче «Дело принципа» 27 ноября 2008 г. «живут плохо и вынуждены браться за любую работу, чтобы прокормить семью, в том числе не по профессии».

[2] Термин для обозначения формы коллективного литературного творчества, фабрикации романов, детективов группой неизвестных литераторов под раскрученное имя.

тает известный актер театра и кино Аристарх Ливанов. А сейчас «театральная труппа целиком может причислять себя к обслуживающему персоналу развивающегося капитализма: новым русским ведь нужны не только охранники и девушки из экскорта, но и лицедеи. И оплачивается это хорошо – приезд всенародно любимых ко мне на мой личный праздник…»[1].

Кто-то вынужден был, чтобы зарабатывать на жизнь, вернуться к прежней, дописательской специальности (как прекрасный поэт Владимир Костров), кто-то осваивает новые. Поэт-модернист Александр Волохов в 35 лет ушел в… священники, объявил творчество «гордыней», а жизнь, как она есть − венцом творения. Как сложилась судьба его коллег более старшего возраста, когда поменять профессию трудно? Характерна в этом плане судьба одного из музыкантов: «Иду я зимой по подземному переходу на Пушкинской площади, − рассказывала бывшая замминистра культуры РСФСР Нина Жукова, − подхожу к одному: сидит с гитарой, рядом плакат: «Я лауреат таких-то конкурсов, солист Тверской филармонии. Подайте»… Привела его с собой на работу, накормила. «Давайте, − говорит, спою». Спел: блистательный уровень!..»[2]

Конечно, «чем печальнее» время для современника, тем благодатнее и интереснее для историка, художника… Но при всей пестроте общей картины редко кто из деятелей литературы и искусства избежал общей судьбы. Творческая интеллигенция в целом оказалась НЕ ГОТОВА к свалившейся «свободе» и к рынку, в котором каждый обнаружил себя, однажды поутру проснувшись… «Все в колоссальной растерянности», «чувство утраты почвы под ногами», «не о чем писать», «нечем заняться», − эти высказывания отражают общее настроение. Действительность изменилась столь стремительно, а вместе с ней критерии общественного признания, характер творческих стимулов, механизмы и правила публикации, и т.д., что как тут не впасть в «колоссальную растерянность»?

Правда, многие, пользуясь метафорой Дм. Пригова, недолго мучались и быстренько заключили брачный союз с новой властью, с новой действительностью. Причем, связывает этот брак, как правило, не только и не столько взаимная лю-

---

[1] *Ливанов А.* Профессия моя мотыльковая… // Элита России, 2007, февраль-март, с. 88-93.

[2] *Жукова Н.* Чудо выживания // Завтра, 1994, №24(29), с. 8.

бовь, сколько обоюдная выгода. Рыночные условия оказались на руку той структуре внутри отечественного искусства, о которой и сейчас пишут не очень охотно, но могущество которой превосходит власть прежней «парт-бюрократий». Речь идет о к р и п т о к р а т и и − явлении, идентичном мафии в любой другой сфере «народного хозяйства». О «внутреннем климате» в такой художественной мафии писал Владимир Максимов, имея в виду, конечно же, не всю литературу и не искусство как таковое: «Я никогда не представлял, что в литературе столкнусь с такой абсолютной, космической аморальностью во всем. И это больше всего убивает в конце жизни»[1]. «Литературной чернью» (о ней писали еще Пушкин и Блок) назвал Тимур Зульфикаров ту литературную (точнее – окололитературную − *авторы*) «тусовку», которая определяет, тем не менее, престижные премии, раздает ярлыки «гениев», а заодно и тиражи и гонорары. «Считаю, − прямо заявляет известный поэт, − что современный «московский салон» продолжает демонстрировать гнилую иерархию, выставляя в поэзии и прозе людей, никакого отношения к ней не имеющих. Вот в чем дело. Ключи славы − в руках торгашей от искусства».

Конечно, вряд ли можно представлять ситуацию в отечественной художественной культуре как вакханалию дорвавшейся до власти мафии от искусства − речь идет об опасной тенденции, которой бессильна перед главным оружием художника − ярким талантом, осознанием своего предназначения. Но не стоит и преуменьшать вредоносность этой тенденции.

Кризис художника нынешнего «массового разлива» Александр Солженицын объяснил «потерей ответственности автора перед высшей силой», которая есть в душе каждого настоящего художника или писателя: «Я чувствую внутренний долг, священно к нему отношусь, − так определил отношения с этим высшим призванием великий писатель. – А упадок ответственности перед высшей силой позволяет клоуничать, балаганничать…»

Результат двадцатилетнего «клоуничания» удручающий. И дело не только в том, что сколь либо значимые художественные произведения завалены горой мусора – в конце концов, вся эта макулатура все равно попадет на свалку. Нынешнее «художественное производство» не только утратило творчес-

[1] Московская правда, 03.02.1994, с.1.

кий потенциал, но и потеряло свои корни, изменило природе Великого отечественного искусства. Оно перестало быть откровением о человеке и времени, в котором он живет, о смысле его жизни и предназначении на земле. А это сразу переводит художественное творчество в разряд другой деятельности – предпринимательской. Она может быть вполне успешной в экономическом плане, может быть признанной не только публикой, но и властью. Но к искусству это имеет такое же отношение, как профессия женщин с низкой социальной ответственностью − к любви.

Социально-экономические потрясения последнего времени, геополитический «наезд» на Россию «цивилизованного» Запада, казалось бы, делают сейчас разговор о судьбах нашей культуры не столь уж и важным. Но это глубокое заблуждение! Последствия такого насилия над культурой более глубоки, чем экономический кризис. Они до конца не осознаются, но отражаются в душе художника, писателя. Литературу философ и культуролог Борис Михайлович Парамонов назвал «русским коллективным неврозом». И это, действительно так, потому что литература для нас – это саморентген души, а не зеркало, в котором отражаются только внешний облик. Потому литература – да и искусство в целом - никогда не станет для нас развлечением или отвлечением от самих себя.

Утрата смысла жизни, апатия, стресс, взрывы насилия, всплеск суицида, утрата проекционности бытия, отказ от будущего − все это противоречит устремленности в будущее как черте национального сознания. Благодаря навязываемому по всем каналам гедонизму и потребительству высшие устремления человека подменяются стремлением удовлетворить животные инстинкты. Время скукоживается до «здесь и теперь», духовное пространство – до собственного мирка с потаенными страстишками. Расщепление искусства на элитарное и массовое примиряет с расщеплением социума и общественного сознания по сословному признаку, теряется духовная и цивилизационная целостность страны. Все эти черты нашего времени болезненно воспринимаются художником и крайне противоречиво отражается в его творческой и человеческой судьбе. «Время теряет свою значительность», жизнь теряет смысл, культура деградирует, цивилизация угасает. В конце концов, надо признать, что все глубоко несчастны: «В больной стране не может быть не больных людей. Все болит, к чему ни прикоснись...» (В. Распутин).

Конечно же, то, что происходит в среде художественно-творческой интеллигенции, больше всего понимают и анализируют сами представители «творческого цеха», даже если не догадываются, что, используя один из социологических методов исследования как включенное наблюдение, являются экспертами по этой проблеме… Но совсем не социологический аргумент «лицом к лицу лица не увидать. Большое видится на расстояньи» (С. Есенин) в осознании соль сложного и закрытого процесса дает полное право проанализировать мнение людей, которые являются не только потребителями культурных ценностей, но и *носителями* культуры, которая создается не только представителями творческих процессий. Вспомним слова Маяковского о только что процитированном Сергее Есенине: «У великого народа-стихотворца умер звонкий запевала-подмастерье» … Эту поэтическую формулу отношений между художником и народом нельзя, конечно, признать научной, но использовать для доказательства правомочности суждений респондентов о представителях художественнй интеллигенции – можно.

Так вот, мнение опрошенных социологами, что «художник (композитор, писатель и т.д.) в России обрёл, наконец, свободу и может создавать любые произведения» разделяют 70% опрошенных. Правда полностью убежденных в этом намного меньше – всего 14%. Но тех, кто категорически против признать такую свободу всего 4%. Видимо, чувствуя, что не все так просто, еще 26% согласились с этим лишь отчасти. Больше всего оппонентов последних в группе обеспеченных россиян − 75% из них признают творческую свободу современного художника. Столько же − 74%-75% опрошенных россиян в возрасте от 40 до 60 лет согласились с этим, а среди них достаточно много людей вовсе не богатых… Все остальные социальные и возрастные, поселенческие категории мало чем отличаются в оценке степени свободы современного художника (см. таблицу).

Конечно же, надо признать, что произошел раскол творческой интеллигенции – и не только из-за политических позиций. «Все в колоссальной растерянности», «чувство утраты почвы под ногами», «не о чем писать», «нечем заняться», − эти высказывания отражают общее настроение в творческой среде. Это «потерянное поколение» художников было разбросано новой действительностью с беспощадностью закона естест-

венного выживания. Кто-то сумел приспособиться к овой реальности, кто-то ушел из профессии и отказался от своего призвания, кто-то сумел уцепиться «коготком» таланта за телеэфир, обеспечивший сносные, а нередко и вполне достойные условия существования, кто-то разменял свой талант на торговый бизнес или влился в офисный планктон со стабильным заработком[1]... Вряд ли социологическими методами можно подтвердить вполне жизненную теперь ситуацию, схваченную сатириком: «Сколько замечательных поэтов среди тех, кто не пишет стихов»…

Таблица

Отношение разных групп россиян к суждению «Художник (композитор, писатель и т.д.) в России обрёл, наконец, свободу и может создавать любые произведения», %

		Полн. согласен	Скорее согласен	Скорее не согласен	Полн. не согласен
Возраст	18 – 30 лет	22	50	24	4
	31 – 40 лет	14	52	30	4
	41 – 50 лет	15	60	22	3
	51 – 60 лет	18	56	22	4
	Старше 60 лет	14	53	30	3
Материальное положение	Хорошо	24	51	21	4
	Удовлетворительно	17	53	26	4
	Плохо	12	56	29	3
Тип поселения	Мегаполис	21	49	22	8
	Областной центр	15	55	25	5
	Районный центр	17	56	25	2
	ПГТ	22	49	25	4
	Село	15	52	29	4
Образование	Ниже среднего специального	16	54	26	4
	Среднее специальное	15	55	26	4
	Высшее включая незаконченное высшее	19	52	25	4
	Ученая степень и прочее	16	46	24	14
Всего		17	53	26	4

[1] О судьбе писательского сообщества в одном из российских городов см. *Сущий С.Я.* Литературное сообщество современного российского города (на материалах Ростова-на-Дону) // Социологические исследования, 2014, № 2(358), с. 107-115.

Трудно возражать и против мнения о том, что «современные художники «не догоняют» современность… Омывающий нашу жизнь вал сложнейших и непознанных явлений остается по-прежнему неназванным и неосмысленным. А те, кто претендует на звание носителя передовых взглядов, на поверку заняты плагиатом и мелкими спекуляциями»[1]. «В такой обстановке, − высказывал мнение Александр Солженицын, − опадает наиболее творческая часть культуры. Это относится и к философско-мировоззренческому циклу, и к вершинам теоретических наук, пока далеких от утилитарного применения, и, разумеется, и даже в первую очередь, ко всему искусству. Художник теряет стимулы творить применительно к суждениям высших знатоков, ценителей − и сам себе дает опуститься в требовательности к своему труду, и еще более увлекаем в этом выхватами заказов для поверхностного потребления… Так падают − и быстро − многие роды искусства, впадают в низкое ремесло, настойчиво возобновляются и возобновляются примитивные формы. Сперва вкусы к ним воспитываются (навязываются) самими ухватками подачи, затем производятся "общественные опросы", обнаруживаются эти же самые "вкусы" и тем получают желаемое оправдание самоповторов и дальнейшего снижения уровня»[2]. Но каким бы ни был диктат политического невежества или могущество доллара, он не способен перечеркнуть «тайную свободу» (А.С. Пушкин) интеллигента, лишить его творческого потенциала, заложенного в самой природе его деятельности, во внутренней связи с национальными интересами его народа, выразителем которых подлинный интеллигент и является.

Главную силу российской интеллигенции составляет ныне ее небывалая общественная востребованность, надежда, которую народы России связывают с новой духовно-культурной элитой, способной использовать передовой опыт человечества в интересах своей страны, выработать национальный способ выживания в геополитических, экономических, информационных реалиях XXI века, сохранить уникальность культур российских народов.

Сегодня, в ситуации постоянно-меняющейся социальной и политической повседневности, меняется и культурный ланд-

---

[1] Завтра, 2009, № 40(828), с. 7.

[2] *Солженицын А.* Исчерпание культуры? Выступление на «круглом столе» Российской Академии Наук 24 сентября 1997 года.

шафт страны. Рынок вносит свою весомую лепту в процесс культурного строительства, но государство призвано по-прежнему обеспечивать равенство прав граждан на культуру. Попрежнему главный приоритет культурной политики нашего государства – всемерная поддержка национальной культуры, которая в лучших своих проявлениях создается яркими творческими индивидуальностями, а ее миссия – в создании гражданина с самобытной, неповторимой идентичностью и сбережении многонационального российского народа и уникальной отечественной культуры. Ведь именно в рамках этой культуры человек раскрывается и как гражданин, и как личность.

Настоящий художник способен не только отражать действительность, но и угадывать (часто интуитивно, помимо своей воли) глубинные тенденции её развития, из которых создается будущее. А значит, и воздействовать на эту будущее нередко гораздо глубже и сильнее, чем это делают ученые и политики, не говоря уже о людях более прозаических профессий. Художник представляет доминантное звено в структуре культуры, активизация которого способна существенным образом трансформировать всю систему отношений и в самой культуре, и в общественной жизни. Творения художника обладают огромной трансформационной (созидательной или разрушительной) энергией, являются по природе своей социорегулятивными, а возможности их влияния на всю культурную «сферу» столь велики, что для социологического исследования необходим анализ деятельности художественно-творческой интеллигенции как индикатора направленности и характера социокультурных изменений в целом. Куда же устремлены творческие поиски писателей, художников, композиторов, деятелей театра? Ответ на этот вопрос могут дать только системные социокультурные исследования с использованием всего арсенала социокультурного анализа литературно-художественного процесса изнутри, включая контент-анализ художественных произведений, ставших достоянием миллионов людей через телевидение, Интернет и другие каналы приобщения к культуре. Сделать это и с учетом состояния социологии культуры, и с пониманием особой сложности предмета исследования, неразработанности методологии и методики таких исследований, конечно же, непросто.

Особенно с учетом ожесточенных столкновений «бескомпромиссных» позиций, взглядов, ценностей, вкусов, культурных практик и оценок творчества «своих» и «чужих», в которых

в наибольше степени проявилась тенденция политизации художественно-творческой интеллигенции. Проявляется она не только и не столько в публичных и заочных спорах ее представителей в политических ток-шоу, в журнальной периодике, но и переносится на репертуарную и тематическую политику, в тексты литературных произведений и «раскрутку» тех или иных имен в искусстве. При этом художественное произведение и создается, и подается как «доказательство» правильности своего варианта видения сегодняшнего дня и будущего России. Поразительно, как точно обрисовал картину нынешнего отечественного искусства наш соотечественник, великий социолог П. Сорокин: «Это псевдоискусство, не объединенное каким-либо серьезным образом в единый стиль, представляющее собой механическую смесь той или иной формы. У него нет внутреннего единства, нет индивидуального стиля, и оно не отражает системы унифицированных ценностей. Это искусство мешанины различных стилей, форм, тем, идей. Такое искусство скорее псевдо, чем истинное»[1].

В условиях рынка и поточного производства символической продукции – культурной индустрии - творческое «Я» художника исчезло как отправная точка художественной деятельности. Из способа самовыражения таланта она превратилась его функциональное участие в индустрии культуры, художественное произведение стало товаром, изготавливаемым для продажи на рынке[2]. Раньше оригинальные авторские предложения, ограничивались идеологическими рамками и административными рычагами давления; ныне же творчество определяет спрос, направляемый, прежде всего, выгодой арт-продюсеров, приватизировавших различные сегменты системы производства символической продукции. А создатели художественных ценностей – независимо от «цеховой принадлежности» − превратились в «подмастерьев» продюсера. Новые «хозяйствующие субъекты» «используют сферу культуры в качестве источника личных и корпоративных доходов, не считаясь при этом с двойственной природой культурного продукта»[3]. Если не препятствовать тенденции коммерциализации, считает молодой омский исследователь Дина Литвина, «то рынок в конце концов полностью монетизирует искус-

[1] *Сорокин, П.* Человек. Цивилизация. Общество. М., 1992, с. 3.
[2] См.: *Бурдье П.* Рынок символической продукции // Вопросы социологии. 1993, № ½, с. 49-62.
[3] *Михайлова Л.И.* Социология культуры, М.: Логос, 1997, с. 87.

ство»[1], а ее коллега – театровед констатирует, что театр уходит от «от серьезного разговора со зрителем ради коммерческого успеха»[2].

Искусство стало жить и оцениваться в парадигме рынка как специфический (с точки зрения возможной прибыли) вид предпринимательской деятельности, художественное произведение как товар, его создатель как исполнитель по договору на определенную сумму, а его талант как собственность того, кто за это заплатил.

В первое десятилетие новой России *мейнстримом* отечественного искусства стал постмодернизм: «Вся современная литература – постмодернистская и иной сейчас быть не может», – писал теоретик постмодернизма в начале 90-х, вполне отражая, недавнюю, похоже, не опровергаемую установку на «единое по содержанию, многообразное по формам» искусство[3]. За три десятилетия постмодернизм, конечно же, повлиял на общий тренд развития отечественной культуры, но превратиться в единственную идейно-творческую «канву» ее развития, определяющую эстетические пределы и творческие перспективы, естественно, не мог. Иллюзии представителей и идеологов этого течения за последние три десятилетия развеяны жанровым и стилевым многозвучием и многоголосием российских писателей, художников и т.д. Однако было бы неверно недооценивать постмодернизм как таковой, который «сегодня является страшной движущей силой общества вообще»[4]. Речь ведь идет не только об эстетике, но и о системе ценностей, смыслов, идеалов, вообще, мировоззренческой проекции расцветшего в 90-го и последующие годы постмодернизма в искусстве и, прежде всего, в литературе. В целом все это составляет особую идейно-ценностную – и художественно-эстетическую, конечно, же – *парадигму* нового социального мышления, который вытесняет не только оте-

---

[1] *Литвина Д.* Театр и театральная критика в культуре современного российского общества. // Страстной бульвар, 10. Выпуск № 3-193. http://www.strast10.ru/node/4066

[2] *Сорокин В.Н.* О некоторых тенденциях в современном театральном процессе // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств, 2008, № 6, с. 60.

[3] *Лейдерман Н.* «Магистральный сюжет». XX век как литературный мегацикл // Урал, 2005, № 3, с. 235.

[4] *Михалков Н.* Должна произойти смена элиты. Интервью П. Власову // Культура, 2020, 30 января. https://portal-kultura.ru/articles/country/321612-nikita-mikhalkov-dolzhna-proizoyti-smena-elity/

чественную культуру как таковую, разрушая ее внутреннюю ценностно-художественную основу, но и традиционную духовно-ценностную основу российской цивилизации.

Стоило ли уделять вообще внимание этому «всплеску моды» 1990-х годов? Ведь «постмодернизм умер, − констатирует Алексей Колесников. – Умер он лет двадцать назад, но вот остыл он по-настоящему совсем недавно. Нам подарена судьбой уникальная возможность наблюдать разложение этого урода с «ироничным запахом». Прежде всего, свидетельство критика, что «массовая литература присваивает приемы и методы постмодернизма», превращая его в «предмет конвейерного производства и массового потребления»[1], делает это направление в литературе и искусстве предметом социокультурного рассмотрения. Но главное для понимания социодинамики отечественной культуры заключается в том, что духовно-нравственные интенции и художественно-эстетические принципы этого течения в яркой и концентрированной форме складываются в генотип разрушения не только художественной, но и всей духовной культуры общества.

В процессе трансформации современного театра «не всегда выбор пьесы связан с ее художественной ценностью», поэтому «сегодня театр все чаще становится местом эксперимента ради эксперимента, трибуной для художников-режиссеров, которые в угоды зрелищности не задумываются о нравственном воздействии спектакля на зрителя, преследуя цель увеличить посещаемость ради рейтинга и кассы», что «часто ведет е возникновению сомнительных мировоззренческих ориентиров, подмене понятий, появлению псевдодуховных видов творчества», − пишет молодой исследователь и делает вывод уже в рамках не театроведческого, а социокультурного анализа: «в основе таких практик лежит философский подтекст тенденции культуры постмодерна с его коллажностью, идеей «смерти Автора», тенденцией к «высмеиванию сакрального» ради «освобождения от угнетения моралью» и поэтому «сегодня художественная культура, а в частности театр, переживает трансформацию своей глубинной сущнос-

[1] *Колесников А.Ю.* Постмодернизм мертв, а я еще нет // Вопросы литературы, 2019, № 2, с. 42-49.

ти, происходит подмена ценностей и искажение толкования эстетичности и морали, а в целом – искусства»[1].

Логика развития отечественной культуры оказалась несравнимо богаче предсказаний наступления «века постмодернизма», прежде всего потому, что, если такая логика и существует, она носит социокультурный характер, учитывающий духовно-социальный резонанс любого явления искусства. Идейно-художественные искания нынешних писателей, художников – а их с каждым годом появляется все больше − в прокрустово ложе постмодернизма, конечно же, не укладываются, отыскивая новые пути и способы самовыражения и художественного осознания реальности. Достаточно сослаться на «топовые» (по нынешним меркам) произведения, например, 2016 г., шорт-лист которых на премию «Русский Букер» составили книги, показавшие, что «…происхождение современности для нынешнего романиста интереснее самой современности» что по вполне зрелому с точки зрения социокультурного анализа, мнению критика Алисы Ганиевой, «много говорит о состоянии нашего общества. Общества, которое обернулось вспять и ищет образцы и модели существования и самопрезентации – в отработанных копиях прошлого»[2].

Важно учесть реальную тенденцию развития современной российской литературы и всех видов искусства – депрофессионализация создателей «художественных произведений», выставляемых на арт-сектор рынка… Применительно к музыке − казалось бы, одному из самых и «трудоемких» видов искусства − это доказала современный исследователь-музыковед Г.А. Шикина, которая считает, что дадаизм, например, не только «нивелировал разницу между композитором-профессионалом и композитором-любителем», но и трансформировался с начала прошлого века в «универсальный образ мышления…»[3], вполне созвучный и сообразный, если говорить о живописи − многим современным создателям художественных произведений… Речь идет о дада-стиле», универсальном для многих современных представителей любого вида искус-

[1] *Литвина Д.* Театр и театральная критика в культуре современного российского общества // Страстной бульвар, 10. Вып. №3-193. http://www.strast10.ru/node/4066

[2] Цит по: *Кудрин О.В.* Вперед в историю» Перечитывая шорт-лист «Русского буккера – 20167» // Вопросы литературы, 2017, ноябрь-декабрь.

[3] *Шикина Г.А.* Дада-музыка: феномен на пересечении искусства и антиискусства. Автореферат дисс. канд-та искусствоведения. Н. Новгород, с. 11, 21.

ства, поскольку включает в себя некоторые характерные черты, в частности, «ирония и гротеск», «использование «клише, китча, нарочитого примитива», «на целенность на эпатаж», «пародирование», «использование монтада, коллажа, симультанной техники», случайность, импровизационность, и т.д.[1].

Необходимо отметить чрезвычайную ценностно-смысловую и жанрово-тематическую подвижность литературно-художественного процесса, что и с творческой, и с социокультурной точки зрения свидетельствует о продуктивном потенциале заявивших о себе и пока никому не известных авторов. Анализируя, например, тренды современной российской литературы по таким вполне социологическим показателям, как литературные премии («Русский Букер», «Нацбест» и т.д.), известный литературовед Анна Жучкова фиксирует смену «литературной моды», которая, конечно же, отражает глубинные духовно-эстетический пласты происходящего в культуре и в жизни россиян. Историко-политическая тематика «премиально признанных» сменяется, по ее мнению, «поворотом от политики и идеологии к личности», а затем к «исповедальным текстам с экзистенциальной проблематикой…»[2]. Сосредоточенность на личном, единичном мире среди «глобального метафизического кризиса», − вот как оценивают современный литературный тренд эксперты, знающие современную литературу: «в центре нового русского романа – личность как точка отсчета, с которой начинается мир… Пришло время понять, какие же мы», − пишет критик Анна Жучкова[3]. На социологическом языке это отражает мучительный процесс поиска идентичности, о котором художественные произведения дают представление наглядное.

Важно, в какой идейно-эстетической парадигме будет развиваться отечественное искусство – «нового реализма» (З. Прилепин, С. Шаргунов, Р. Сенчин)[4], смеси «отживающего постмодернизма и нарождающегося метамодернизма» (выражение Алексея Колесникова) или синтеза любых других «из-

[1] *Шикина Г.А.* Дада-музыка: феномен на пересечении искусства и антиискусства. Автореферат дисс. канд-та искусствоведения, с. 22.

[2] *Жучкова А.В.* Ставка на выйгрыш // Вопросы литературы, 2019, № 3, 78-91. https://doi.org/10.31425/0042-8795-2019-3-78-91.

[3] *Жучкова А.В.* Новый русский роман: от идеологии к психологии. Журнальный зал 2017 // Вопросы литературы, 2018, май-июнь, с. 41.

[4] *Пустовая В.* Пораженцы и преображенцы. О двух актуальных взглядах на реализм // Октябрь, 2005, № 5. https://magazines.gorky.media/october/2005/5/porazhenczy-i-preobrazhenczy.html

мов». Современный исследователь, например, перечисляет художественные течения, которые «подхватили» «открытия дадаистов» − ташизм, кинетизм, неодадаизм, поп-арт, концептуализм, «арте повера», «флуктус»…[1]. Авторы уверены, что список этот далеко не окончательный. Не трудно предположить, какое многообразие тем, сюжетов, художественных приемов и способов подарят сегодня и завтра литература и искусство читателю и зрителю. Главное состоит в том, в какую эстетику и идеологию будет вписываться каждый новый «изм» − деэстетизации или обогащения представлений о красоте, дегуманизации или «очеловечивания человека», деструкции духовности человека и его связей с социальным миром или одухотворения его внутреннего мира и связей с социумом. Именно это и определит вектор становления художественно-творческой интеллигенции в наше время. И значимость любого художника будет определяться не принадлежностью к очередному «изму», а степенью постижения сложности набирающего невиданную историческую скорость XXI века, глубиной понимания душевного состояния современника этого века. Способностью «поймать и зафиксировать время», − как вполне социологически сформулировала критик Татьяна Соловьева[2]. Еще более соответствует социокультурному выводу мнение литературоведа Анны Жучковой: «Ведущий принцип современной литературы − поворот к человеку, интерес к отдельной личности и тому, как она справляется с жизнью»[3]. Этот принцип отражает глубинный вектор развития творческой интеллигенции как субъекта развития культуры и художественного осознания происходящего в наше время.

[1] *Шикина Г.А.* Дада-музыка: феномен на пересечении искусства и антиискусства. Автореферат дисс. канд-та искусствоведения, с. 23.

[2] *Соловьева Т.В.* Поймать и зафиксировать время / Т.В. Соловьева, С.А. Шаргунов // Вопросы литературы. 2020, №4, с. 91-106.

[3] *Жучкова А.В.* Каждый стал богом. Литература начала эона // Вопросы литературы, 2019, № 4, с. 58. Вся статья с. 57-74.

УДК 428
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51704

О.Ю. КОРНИЕНКО
кандидат филологических наук, доцент факультета глобальных процессов МГУ имени М.В. Ломоносова*

Роль и место национальных ценностей России

Статья посвящена важной социальной проблеме России – содержанию ее ценностей. Для объективности отражения ценностной картины применяется метод социолингвистического изоморфизма, который позволяет получить объективную социально-политическую картину, поддающуюся научной интерпретации. В результате было продемонстрировано, как смысловое поле «свой-чужой» проникает в ценности свободы, дружбы, отношения к внешнему миру.

Ключевые слова: *социолингвистический изоморфизм, свой-чужой, свобода, родина, русский менталитет.*

O.Yu. KORNIENKO
PhD (Philology), Associate Professor Faculty of Global Studies, Lomonosov Moscow State University

Role and place of Russian national values

The article is set to analyze an important social problem, the problem of the national values content. This research met the aim through a sociolinguistic isomorphism method, which allows us to get an objective sociopolitical image to be later scientifically interpreted. The research produced a number of key findings: the semantic field "ours – theirs" embraces the value contexts of freedom, friendship, attitude to the outside world.

Key words: *sociolinguistic isomorphism, "ours – theirs" opposition, freedom, homeland, Russian mentality*

В свете процессов глобализации, с одной стороны, и локализации, с другой стороны, возрастает актуальность идентичности не только отдельных личностей, которые час-

* Корниенко Ольга Юрьевна., e-mail: lin_expr@mail.ru

то чувствуют себя беззащитными против сил глобализации и американизации, но целых этносов и даже цивилизаций, к которым мы относим и русскую цивилизацию. Такие важнейшие объекты осмысления, как социологический, политический и психолингвистический, находятся под воздействием культурных и гражданско-политических ценностей нации, ее идентичности. Именно они максимально испытывают на себе влияние всех аспектов глобализации, как то: экономический, политический, образовательный, лингвистический, информационный, при возрастающей роли[1].

Сейчас наблюдается активное противостояние общечеловеческих и специфических, национальных и этнокультурных ценностей, что особенно актуально в международных отношениях[2]. Все более актуальным становится проблема соотношения универсальных, общечеловеческих и национальных, этнокультурных ценностей, когда в условиях прессинга глобальных процессов граждане формируют свою идентификационную матрицу на основе определенных ценностных критериев. Такие критерии, положенные в основу идентичности, выражаются в том, как люди соотносят себя с той или иной культурой, этносом, социально-политическими группами внутри этноса, с выработанными ценностными ориентирами.

Для понимания важнейших идентификационных ценностей важно рассмотреть понятие «свой-чужой», чтобы представить глубинные основы восприятия мира. Данное противопоставление породило множество других, крайне важных для русской ментальности лексических полей: «свой – свобода», «род – родина» и «друг – гость».

Все новые веяния жизни и развития мира влияют на основополагающие ценности идентичности народа. В самих словоформах заложено стремление сохранять и развивать основополагающие ценности, значения и смыслы, которые не уходят из мир-системы народа пока она сохраняется как единая идентичность, что есть залог жизнеспособности нации. Проблема «свободы» обычно рассматривается в философии и политике, но его значение гораздо шире, по-

---

[1] *Науменко Т.В.* Современные процессы глобализации в аспекте массово-информационного воздействия // Экономика и управление: проблемы решения, М.: Изд-во ИД БН, 2020, т. 2, № 4, с. 12-18.

[2] *Ощепкова Е.С., Синячкин В.П.* Роль ценностей в формировании идентичности // Вестник Южно-Уральского государственного гуманитарно-педагогического университета, 2013, № 2, с. 199-209.

скольку в каждом отдельном случае оно выступает как «возможность проявления субъектом своей воли на основе осознания законов развития природы и общества»[1]. Она является основой самоосуществления человека, его самореализации и самоактуализации.

Ф. Ницше первым поставил проблему самоактуализации как реализации свободы в новом ключе: он противопоставил негативный денотат «свободы от» позитивной характеристике «свобода для»[2]. Он особо подчеркивал, что свобода является движением духа, от отдельного человека до человечества. При этом свобода развивается через преодоление проблем внутри коллектива, в отношениях между людьми. Когда случились социальные конфликты XX в., то некоторые народы стали заменять ее понятиями «экономической необходимости».

Немецкий философ Ясперс считал основной задачей людей, осознающих свою ответственность, отстоять свободу, поднять ее ценностный смысл. Он писал: «Если Гегель еще мог спокойно рассматривать мировую историю как историю свободы в сознании и действительности, то люди, испытавшие более глубокое душевное потрясение, ужаснулись возможности того, что свобода будет вообще утрачена людьми»[3].

Влияние языка на мышление народа и влияние мышления на строй языка давно привлекало внимание исследователей, поскольку это является отражением той картины мира, что сформирована вмещающим ландшафтом, характерным образом жизни, морально-идеологическими и религиозными воззрениями, историей и особенности коммуникации с окружающими народами.

Очень популярный исследователь-когнитивист, представляющий научную школу Стэндфордского и Калифорнийского университетов, Лера Бородицки в исследованиях подтверждает важнейшее влияние языка на мышление. По данным серии опытных исследователей язык влияет на сознание всего сообщества, на то, как именно родной язык влияет на восприятие действительности. Кроме того, от языка подачи инфор-

---

[1] *Ожегов С.И.* Свобода / Толковый словарь. URL: https://dic.academic.ru/dic.nsf/ogegova/215486 (дата обращения: 12.04.2021)

[2] *Ницше Ф.* Воля к власти. Опыт переоценки всех ценностей / Пер. с нем. Е. Герцык и др. М.: Культурная Революция. 2005. – 880 с

[3] *Ясперс К.* Истоки истории и ее цель // Ясперс К. Смысл и назначение истории / Пер. с нем. М.: Республика. 1994, с. 166.

мации могут зависеть даже такие важнейшие для политической оценки свойства как симпатия или антипатия в отношении лица или поданного материала[1].

Предлагаемый нами авторский метод социолингвистического изоморфизма позволяет получить объективные данные, поддающиеся научной интерпретации. Философский энциклопедический словарь определяет «изоморфизм» как понятие, выражающее тождественность форм. В шестидесятые годы прошлого века метод «изоморфизма языкового плана» предлагался учеными польской и копенгагенской школ, где самым ярким представителем был Луи Елмслев[2]. Ученый данной школы исходили из того, что язык есть часть семиотической системы, а части языка есть знаки, отражающие ментальные процессы.

Исследователи анализировали параллелизм в организации звуковой и смысловой сторон языка. Мы считаем, что использование нами термина «метод социолингвистического изоморфизма» является важным инструментом анализа для установления связей между социальными процессами и способами из представления через языковые структуры.

Важно понять, как с помощью языковых средств идёт отражение идентификационных ценностей, и как в языковом сознании закрепляется структура ценностных ориентиров. Именно поэтому так важно учитывать роль языка при формировании и воссоздании образов фундаментальных понятий русской идентичности, их становление, развитие, интеграцию в современном глобальном мире.

Обсуждение

При определении идентичности практически все авторы отталкиваются от дихотомического подхода «свой – другой». В русской идентичности важнейшей является дихотомия «свой – чужой»; именно «свой – чужой», а не «свой – другой», или «свой и все остальные». Последнее характерно для британской идентичности, где мир воспринимается по системе кругов, где есть «элит-круг» − «круг соотечественников» − «мир всех остальных», с которыми не нужно смешиваться, что ещё раз подтвердил исход Брексита.

---

[1] *Boroditsky L*. How language shapes thought // Scientific American, 2011, № 304(2), p. 62-65.

[2] *Елмслев Л*. Пролегомены к теории языка. М.: КомКнига. 2006. – 248 с.

Понятие «свой-чужой» представляет глубинные основы восприятия мира, что породило множество других, крайне важных для русской ментальности лексических полей: «свой – свобода», «род – родина» и «друг – гость». Неведомое и таинственное также отмечалось понятием «чужой», в том числе, и словом «чудной», что когда-то относилось к племени «чудь», т.е. незнакомому народу. Появление таких словоформ как «чудь – чудной, чудо» отражало изменение быта и перемену мест, когда славяне начинают выходить на просторы полей и чаще встречаться с «чуждым, чужим». Образуются многие слова, связанные с новыми отношениями и местами: «чудище» (неведомое, страшное, что идет войной в образе неведомых существ); «чужеземцы» (чужое войско, чуждый народ); «чужь» (чужой человек), «чужина» (чуждая земля); «чужое» (масса, толпа), «чудовище» (урод, пугающее существо)[1].

Процесс узнавания чужеземцев, которые не были «чудовищами» сменился интересом к народам, что меняет смысловую доминанту понятия «чужое», на удивление: «чудно-то как!». В результате не все «чужие» становятся «чуждыми», которые постепенно размежевались в значениях. «Чужой» часто становился «гостем» («gasto» из языка балтийских славян)[2], когда «чужой» из-за поля, или пришедший с чужого поля, которого принимали в доме, был «гостем».

«Враг» изначально был отверженным родом, который всегда был зол и мог вредить, наводить беду (ворожить), и община через «ворожу» (жеребьевку) решала судьбу врага. Самого врага называли «ворожбитъ» (злодей, злоумышленник), поскольку он мог мстить общине. «Вражда» в древнеславянских текстах означала месть бывшего «своего», который становясь «чужим» идёт войной, чтобы мстить. Потенциальный враг становится «противникъ», постоянный враг – «ворогом», а «супостат» − враг, который приступил к военным действиям[3].

То, насколько важно понятие рода-племени было в славянском менталитете, демонстрируется быстрым развитием в

---

[1] *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол.фак. С-Петерб. Гос. ун-та. 2000, с.167.

[2] *Топоров В.Н.* Из истории русской литературы. Т. II, Русская литература второй половины XVIII в. Исследования, материалы, публикации // М.Н. Муравьев. Введение в творческое наследие. М.: ЛитРес, 2018, с. 169.

[3] Патерик // Литературная энциклопедия терминов и понятий / Под ред. А.Н. Николюкина. М.: Институт научной информации по общественным наукам РАН: Интелвак, с. 168.

русском языке словообразования вокруг семы «род», т.е. община «своих». Источники зарегистрировали расселение славянских племен по разным территориям, в результате чего они стали называться по-разному.

Важно очертить границы понятийного поля свой при его конкретизации в виде смыслового ряда: «род − родной – родина». Все, что вне «рода» − это «отродъ/отродье», «породъ» (исчадие, мразь», и более мягкая форма «народ» (толпа, стадо, иные народы). Однако словообразовательная цепочка на этом не заканчивается, давая новые словообразования: неродъ (тот, кто относится к роду свысока), уродъ (физически увечный человек), породие (мразь, позднее − плохие качества членов рода «порождение ада»)[1].

Слово «род» было настолько важно, что даже закрепилось в хозяйственной сфере: «зародъ», участок, где члены рода хранят припасы, «природъ/природа» в значении живности и растительности, которые обеспечивают жизнь рода. Со временем слово «род» приобретает и социально-политическое значение. Это представлено в словоформах «сродство», «родители, родина», «родинка» (примета рождения в определенном роде), родной, родимый и т.д.

Слово «друг» в русском менталитете никогда не входило в поле «свой», представляя чужой круг, что, как ни странно, сохраняется как реальность и сегодня. Сейчас в социально-политической сфере мы часто оперируем понятиями «дружественные связи, дружественные страны, друзья», но, по факту, они являются не очень надёжными участниками политических и деловых отношений.

В сфере русской ментальности слова «друг/друзья» часто принимают отрицательное значение: бывший друг, заклятый друг, плохие друзья, мнимые друзья, странные друзья, ложный друг, фальшивый друг, сомнительные друзья, вероломный друг и т.п. Язык отражает подвижные границы «дружбы», отмечая, что в нем есть «временность», возможность перемены отношений тех, к кому идёшь с добром.

Социально-политические отношения вокруг семы «друг» очень динамичны. Так в XV-XVI вв. меняется социально-политическая обстановка и меняется семантическое поле слова

[1] *Ковтун Л.С.* Русская лексикология эпохи средневековья. М.-П.: Наука. 1963. – 445 с.; *Он же.* Русская лексикология эпохи средневековья. М.-П.: Наука. 1963, с. 227, 247.

«друг». Постоянных войн, беспрестанных столкновений уже нет, и все больше экономические отношения феодализма меняют отношения людей, и не в чести становятся отношения обязательства друг перед другом. В «Домострое» Сильвестр поучает сына, как вести себя с разными людьми с точки зрения того, что друг-приятель может и предать: «Другу не дружи, недругу не мсти, и волокида бы людемъ ни въ чемъ не была, всякого отдѣлай с любовию без брани[1]» (с другом не дружи, недругу не мсти, волокиты людям не устраивай, всякого отваживай ласково, без брани).

Важное место в жизни восточных славян занимала «свобода», которое произошло от местоимения «свой» и означало всех «своих», но определяло в границах рода, родичей положение каждого «своего» члена рода. Колесов В.В. отмечает, что было влияние еще двух однокоренных слов: «собьство» (потом «свобъство) и «особа», что подразумевало ‘сущность’[2]. Когда-то «собьство» было именованием личности, которая входит в свободный род как его непременный член; по представлениям наших предков, это и есть существо и суть всякой жизни. Следовательно, и «свобода» – суть этой жизни, одно из слагаемых в совокупности признаков свободного члена рода. «Собь» без «свободы» не существует, но и «свобода» сама по себе ничто, она слагается из множества «о-соб-ей»[3]. Если ты противопоставляешь себя всем другим, то лишаешься свободы, т.к. ты уже не «собь», не свой.

С начала XVIII в. «собь» уже эволюционировало в «особь», потом – в «особа» (персона, личность), т.е. «особь» которая может жить вне рода, у него может быть «собина» − личное имущество каждого члена, которым он отличается от других: «добро, имъние, имущество». Последние два слова ярко определяют суть новых социальных отношений, когда важным становится понятие, выражаемое глаголом «иметь», т.е. «владеть по праву захвата».

Слово «свободь» − социальный термин, означающий независимость в рамках своего рода. Независимость от рода – состояние своеволия, которое не есть свобода, потому что

---

[1] *Протопоп Сильвестр.* Домострой. По рукописям Императорской публичной библиотеки / В. Яковлев. СПб.: Издание Д.Е. Кожанчикова, 1867, с. 172.

[2] *Колесов В.В.* Древняя Русь: наследие в слове. Мир человека. СПб.: Филол.фак. С-Петерб. Гос. ун-та. 2000. – 326 с.

[3] *Филин Ф.П.* Историческая лексикология русского языка // Под общ. ред. и с предисл. В.Я. Дерягина. Изд. 2-е. Москва: URSS. 2008, с. 59.

оно свойственно только изгоям, которые лишены поддержки рода. Данное понимание надолго осталось в генной памяти русского народа. А слово «свободный» определяло совесть человека. «Несвободный» означало «низменный, нехороший, неблагородный». Ещё свобода была связана с понятием «правда», т.е. «справедливость», когда в словарях зафиксированы следующие формы: «опрадися – свободися»[1].

После утери родоплеменных отношений в русском обществе по-прежнему понятие «свобода» связано с теми, кто живет в пределах своего мира со своими мерилами ценности и красоты, т.е. «свобода» во-многом смыкается с понятием «идентичности». В дальнейшем свобода все более сужается за счет законов, обычаев, привычек, правил поведения и других категорий общественной жизни.

В XVII в. новые границы государства, изменения социального плана, закрепление крестьян изменили представления о свободе, и, по словам Ключевского, «Уложение … личную свободу превращало в неволю по имя государственного интереса… Невольник тоже свободен в границах своего мирка или мира, в своем отношении к государству, к хозяину и т. д. Вот почему крестьянские вожди XVII-XVIII вв. призывали своих современников не к борьбе за свободу – они обещали им волю[2]». Феномен «свободы», как коллективной воли, стал исчезать, т.е. социальная и политическая свобода стала уступать свободе личной, построенной на вольнице, на своеволии.

Новую ступень в осмыслении жизни и ценностей представило время покорения славянами новых земель Сибири и Дальнего Востока, что привело к появлению новых слов и понятий. Освоение земель шло путем расчистки нивы, когда лес подсекали, выдирая заросли с корнем, палили, а землю удобряли, сажали зерновые и овощи, и все это требовало огромного труда русских крестьян. Процесс включал строительство двора рядом с пахотным полем»; возникновение хутора на данном участке земли; возникновение деревни или села. Расширение земель привело к новым социально-политическим отношениям: некогда «чужое» становилось «своим».

Меняется и осознание людей себя личностями, которые в дохристианскую эпоху жили по установлениям рода, семьи, но

---

[1] *Ковтун Л.С.* Русская лексикология эпохи средневековья. М.-П.: Наука. 1963, с. 435.

[2] *Ключевский В.О.* Русская история: Полный курс лекций в 3 томах. М.: АСТ. Мн.: Харвест. 2002, т. 2, с. 183.

было ощущение родовой свободы, ничем не скованной имущественными отношениями. Средневековое общество становится еще более дробным, со сложной системой отношений в семье, обществе. Социальные отношения проникают в жизнь, оттесняя на задний план отношения возрастные, семейные, родовые, и преобразуя их в ранги старшинства и власти.

Сегодня слово свобода в русском языке, по-прежнему, остается основополагающей ценностью, что подтверждает высокая сочетаемость этого слова: «свобода слова, свобода вероисповедания, свобода печати, свобода выбора, свобода личности, свобода быть собой, свобода своей страны и т.д». Русское слово «свобода» имеет очень широкое значение, и это указывает на ее важность в русской ментальности. Для ее перевода на английский язык требуется целый ряд разнообразных языковых средств: даровать свободу – give freedom; свобода высказывания – free expressions; война за свободу – liberation war; свобода – freedom. Есть и негативные оттенки: выпускать на свободу – turn loose; быть на свободе, не в тюрьме - be at large, to be on the street; обретать свободу – to be released. Часто используется именно гражданское понятие свободы: война за свободу − a liberation war; свобода мнений/слова − free speech. Однако во всех случаях видна коннотация: свобода среди своих, свобода внутри общества со своими обычаями и законами.

На основании данной выше информации можно сделать некоторые выводы. Во-первых, становление идентичности идёт постоянно и характерно для всех народов, и это проходит через формирование и эволюцию идентификационных ценностей. Во-вторых, язык через звуковые образы, грамматический строй, особый состав словаря формирует свою систему смысловых образов. Посредством этих языковых средств потенциально формируются и существуют в сознании различные смысловые образы, которые вызывают у представителей народов ассоциации, привлекая внимание, вызывая отторжение, симпатию, антипатию, что весьма актуально в политической сфере.

В-третьих, смысловое поле «свой – чужой» в русском языке является чрезвычайно подвижным, т.к. русская ментальность готова через некоторое время поменять отношение к «чуждым, чужим» и включить их через чувства интереса, любопытства, удивления в новое понятие «гость», который может стать «другом». Это смысловое поле имеет первостепен-

ную значимость и реализуется в кругу «свободных своих». «Свобода» возможна в совместной жизни «своих», своего рода, своего общества, что происходит в постоянном противостоянии сторон и разрешения разногласий в социальной, экономической, политической, культурной, духовной сферах. «Свои» играют важную роль в принятии правил свободы для самореализации через преодоление самоограничений для достижения общих важных целей.

УДК 316.72
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517705

А.И. ПАНОВ
доктор политических наук, профессор, профессор кафедры политологии и права Московского государственного областного университета (МГОУ)*

Электронная культура и проблемы молодёжи (социологические аспекты)

Актуальность исследуемой проблемы обусловлена интенсивным внедрением в среду молодёжи электронной культуры.

Целью предлагаемой статьи является активизация научных исследований в области «цифрового общества» и попытка прогнозирования социальных последствий внедрения электронной культуры в молодёжную среду.

Ведущими методами исследования проблемы перехода к электронной культуре являются: методы системного анализа и логико-математического моделирования, а также методы целеполагания.

Ключевые слова: электронная культура, молодёжь, «цифровое поколение», изменения, последствия, киберпространство, информация, прогнозирование, социум, человек, природа, общество.

A.I. PANOV
Doctor of Political Sciences, Professor, Professor of the Department of Polities and Law, Moscov State Region University

E-culture and youth issues (sociological aspects)

The relevance of the problem under study is due to the intensive introduction of electronic culture into the youth environment.

* Панов Анатолий Иванович, e-mail: ponchik.92@bk.ru

The aim of this article is to intensify scientific research in the field of "digital society" and an attempt to predict the social consequences of the introduction of electronic culture in the youth environment.

The leading research methods of the transition to electronic culture are: methods of system analysis and logical and mathematical modeling, as well as methods of goal-setting.

Key words: *electronic culture, youth, "digital generation", changes, consequences, cyberspace, information, forecasting, society, man, nature, society.*

В современном мире скорость изменений в окружающем человека мире значительно увеличилась даже по сравнению с прошлым веком. Стали появляться новые виды и формы социокультурного общения. Одним из таких новшеств является электронная культура. К настоящему времени под электронной культурой понимают совокупность элементов социальной сферы основанных на использовании информационно-коммуникативных технологий (ИКТ) в области культуры. Подобное определение дают российские учёные Каргаполов С.В., Дулина Н.В., Вельтман К.Ф., Калимуллин Д.Д., Лях С.С. и др.

Актуальность статьи в том, что в большинстве своём почти все исследователи рассматривают электронную культуру как более высокий этап развития человека, со всеми вытекающими из этого последствиями. А вот последствия как раз и не изучаются, и не прогнозируются. В основном рассматривается только положительные результаты электронной культуры, и она подаётся как самодостаточный процесс абсолютного развития человека. В этой статье мы попытаемся рассмотреть и противоположную сторону электронизации. Как часто учёные, увлекшись сиюминутными тактическими успехами, забывали о стратегии. А ведь в природе и обществе главное должно быть гармоническое соотношение всех её составляющих частей.

Кибер пространство формирует и некий образ киборга, который идентифицирует себя как кибер-Альтер-Эго. Человек уходит от своего природного естества в виртуальную реальность, для новой само презентации и самореализации, здесь он свободно меняет свой образ, и этот образ в большинстве случаев не идентичен реальному «Я». Проводя часть своего времени в электронном пространстве, молодёжь естественно попадает в зависимость, что повышает возможность её зомбирования на различные фобии. В том числе интернет провоцирует антиобщественное поведение,

неуспеваемость в учёбе, замедленное восприятие окружающей реальной природной действительности. Это своего рода наркотик и возможность извне манипулировать сознанием молодёжи. Интернет через специально подготовленных людей становится средством управления, о чём открыто говорил глава Сбербанка на Петербургском экономическом форуме 22 июня 2012 г. Г. Греф: ««Как жить, как управлять таким обществом, где все имеют возможность судить напрямую, получать не препарированную информацию, не через обученных правительством аналитиков, политологов и огромные машины спущенных на головы СМИ, которые как бы независимы, а на самом деле, мы понимаем, что все СМИ заняты сохранением страт?».

Только в общении с человеком, человек становится человеком. Перейдя в кибер пространство для общения с себе подобными, он будет медленно, но уверенно превращаться в киборга.

Особое значение в свете новых задач приобретает разработка эффективных путей развития электронной культуры, которая формирует субъекта – потребителя, потому что она оторвана от истоков создания ценности, будь она материальной или духовной. Широкий спектр товаров и услуг становится для потребителя гораздо доступнее, но они ему предоставляются в законченном, готовом к употреблению виде. Разрывается причинно-следственная и природная связь появления того или иного товара. В виртуальных сетях превалируют услуги, а не товары. Мне могут возразить, что сама деятельность человека в интернете есть творчество, но это примитивный уровень: нашёл – не нашёл, попал не попал, то, чему молодого человека приучили в школе на ЕГЭ. Что-то вроде кроссворда.

Необходимо помнить, что на Западе уже стали внимательнее относиться к «Эффекту Обезьянья лапа», русский аналог: «Гладко было на бумаге, да забыли про овраги, а по ним ходить!».

Бурное развитие одной из составляющих системы социума частей, как правило, вносит расстройство всей системы в целом. Да, мы знаем, что политическое будущее общества вариативно, но, тем не менее, человек через осознание вполне может его просчитать и сузить до нескольких вполне приемлемых вариантов.

Технологическое развитие усиливает индивида, зачастую отрывая его от непосредственного контакта с другими индивидами, что ослабляет общественную волю и энергию.

Культура информационного общества заметно отличается даже от предыдущего начала технологического уклада, что, несомненно, вызывает её усложнённое восприятие старшим поколением. Молодое поколение воспринимает его свободнее и легче, но именно как увлекательный процесс, без даже самого упрощенческого видения его результатов.

И активное внедрение электронной культуры не самоцель, а средство вживания человека в изменившиеся обстоятельства, в созданной человеком искусственной среде. С одной стороны человек создаёт новую среду, если с другой стороны эта же среда, создав новую антропологическую реальность, отодвигает от его человеческой природы. Отсюда не только возможно, но и закономерно появление нового Homo Sapiens, что уже отмечают наши сенаторы: «…существует обратная связь мозго-машинных интерфейсов или мозго-мозговых, когда вы можете создавать ложную картину действительности внутри человека, как бы там солдат, оператор и так далее. То есть это очень тонкая и сложная вещь, управление индивидуальным и массовым сознанием. И мы с вами видим, что происходит на уровне массового сознания, скажем с помощью интернета».

Культура несёт в себе систему норм, ценностей, одухотворяющих людей и характеризующая человека как высшее живое. Поэтому уже сегодня, если человечество ещё не опоздало уже необходимо начать вырабатывать эти нормы и ценности для электронной культуры. Учитывая скорость распространения и степень влияния электронной культуры, явно заметен перевес общения через интернет и выработка специфического языка общения особенно у молодёжи. Наблюдается и тенденция упрощения языка, что не является показателем развития личных способностей человека. Он всё больше в таком варианте становится зависимым придатком от машины (компьютера) становясь её обслугой. В этом процессе отсутствует системообразующие факторы, идёт потеря выявления закономерностей развития социума в целом, что не способствует и формированию духовных ценностей и нравственных ориентиров. Взаимоотношения людей становятся фрагментарными с всё более значимой привязкой к одной функции, одному чётко выверенному месту, наподобие дета-

ли в машине. Да, возможно автомобиль даже и не будет работать без этой детали, но и деталь (человек) будет привязан только к этому месту.

Электронная культура, созданная самими людьми, в свою очередь является способом создания нового отличного от настоящего будущего социума, который в свою очередь создаёт условия для успешного функционирования интернет-сетей. Определённым образом мы видим постоянно действующие причинно-следственные связи, которые способствуют адаптации в первую очередь молодёжи к быстро изменяющейся социальной реальности.

Сможет ли электронная культура сохранить традиционные формы культуры, особенно их национальную сущность, большой вопрос. Сегодня, завтра будет вчера. Это к тому, что если что-то сегодня разрушает, то почему оно завтра буде что-то сохранять, ведь оно его разрушило. Не нужно, в эйфории процесса электронизации забывать законы диалектики.

Одним из сдерживающих факторов эйфории внедрения электронной культуры необходимо удержание её в рамках информационной культуры и ограничения её только в рамках средства, а не цели.

Место электронной культуры в посредничестве между человеком и машиной в связи с всё усиливающимся отставанием развития личностных способностей человека и технологического уклада в целом. «В современном мире каждый человек ежеминутно находится в поиске ответов на вопросы, начиная от роста цен на продукты, заканчивая своим местом в мироздании. За последнее время мы полетели в космос, смоделировали структуру ДНК, создали искусственный интеллект, мы познали многое кроме самого себя. Так кто же мы и откуда?»

Человек, уверившись в преимуществе технологического уклада жизни над природным, стал отходить от человеческого образа жизни, ставя своей целью очередной этап ли ступень технических достижений. Помните: ««Природа не храм, а мастерская, а человек в ней − работник», − это слова героя из романа И.С. Тургенева «Отцы и дети» Евгения Базарова. Можно ли согласиться с этим?

Автор стоит на той точке зрения, что вообще нельзя разделять и противопоставлять человека и природу и вносить какие-то изменения в природу, даже под благовидным предлогом её улучшения. Человек сам является частью природы,

изменяя природу он изменяет самого себя, но в не лучшую сторону. Современная электронная культура, претендуя на всеохватность, будет и дальше входить в конфликт со своей «альма-матер» − информационной культурой, в борьбе вначале за объект своего воздействия, а потом став самодостаточной во внутривидовой (ЭК) конкурентной борьбе между частями самой себя.

ЭК не является историческим продолжением и веками сложившейся культуры человека, а является инновационной формой технологического уклада.

С технической стороны ЭК практически не изучена. Отдельные учёные бьют тревогу по поводу тотального внедрения электронных приборов. Резкое увеличение заболеваний раком связываются с электронным облучением тому доказательство.

ЭК в первую очередь вовлекла (привлекла) молодёжь, дифференцируемая возрастом от 14-16 до 25-30 лет, причём городская молодёжь позиционирует себя в более старшем возрасте. Тем не менее, скорость изменений всех процессов в мире детерминирует социальный статус молодёжи как лидирующего субъекта и объекта преобразований и более подверженного инновационным изменениям. О новых педагогических подходах в образовании студентов, в том числе с использованием цифровых технологий, рассматривается в работе проф. Г.Н. Крайнова.

Электронные коммуникации становятся важнейшим фактором влияния на молодёжь в процессе социально-политического реформирования и формирования «цифрового поколения». Поколение формирует очередное общество, каким оно будет? «Ведь, если в конце XX века речь шла о «цифровых технологиях», сегодня − о «цифровой экономике», а завтра − о «цифровом обществе», то послезавтра речь пойдет о «цифровой цивилизации», стоящей на грани выживания в связи с существующей глобальной стратегией, основанной на извлечении максимальной прибыли в кратчайшие сроки, не учитывая при этом экспоненциально сокращающиеся природные ресурсы, рост техногенной нагрузки, при одновременном экспоненциальном росте численности населения сего всевозрастающими потребностями».

Важнейшим атрибутом молодёжи в период их социального становления является образование, в это время идёт активное её приобщение к достижениям ЭК. Необходимо только

выдержать правильный баланс между повальным увлечением очередной модной инновацией и развитием личностных способностей вступающего в большую жизнь молодого человека. Это очень важный момент, так как идёт не только процесс овладения профессией, но и формирование будущего общества, будущей знати. Это понятие стало вытесняться из обихода, ещё в прошлом веке и сегодня оно практически полностью заменено понятием – элита. Знать же формировалась как часть общества не только знающая и ведающая, но и претворяющая эти знания в практические дела на благо себя и общества. Причём во всех областях человеческой деятельности, это передавалось по Роду, поэтому и существовало выражение: «Это человек из знатного Рода». Современная так называемая элита особенно в России утратила эти качества, увлекшись в основном удовлетворением своих материальных потребностей. И даже само по себе высшее образование не повышает социальную защищённость молодёжи, что является одной из причин её дезактивированной, психологической неустойчивости и несформированности чёткого мировоззрения. В этой связи, нужно обратить внимание на социальные процессы в обществе, влияющие на социализацию молодого человека. Исследователь П.Ю. Тазов к таким процессам относит: усиление влияние контркультур через Интернет; усиление равнодушия в обществе; рост потребления; рост социальных дистанций. Это отражается на ценностях молодых людей. К особенностям ценностного сознания студенческой молодежи П.Ю. Тазов причисляет: прожективный и противоречивый характер ценностей молодых людей; популярность адаптивных стратегий в противовес интегративным; рост индивидуализма; рост прагматизма; противоречие между разными уровнями ценностей: например, между должным и сущим.П.Ю. Тазов отмечает, что приоритет адаптивных стратегий в сознании студенческой молодежи, рост рисков в разных сферах общества и повышение неопределенности приводят к отсутствию долгосрочного планирования своей жизни, а развитие страхов и тревог затрудняют формирование важного условия нравственного развития личности – позитивной временной перспективы. «Позитивная временная перспектива отражает оценку личностью своих возможностей с позиции их социальной самореализации в определенный период времени в будущем. Позитивная временная перспектива обеспечивает

некоторое ожидание положительного будущего, создающее условие для формирования нравственных ценностей».

Современная российская молодёжь сильно дифференцирована по социальному, региональному и религиозному и культурному признакам. В связи с этим, например, на заседании Священного Синода в Валаамском монастыре были приняты «Пастырские рекомендации для приходской работы с молодёжью, вовлечённой в субкультуры». В этом документе отмечено что к субкультурам стремится молодёжь без полноценной традиционной социализации, переживающая трудный период в жизни и таким образом уходящая в электронные иллюзии и интерактивный мир.

Молодой человек не нашедший поддержки в семье и среди своих сверстников уходит в электронный мир, где возможно без контактного общения, где не видно его ущемлённая личность и он может создать себе фейковый ореол героя. «Важной составляющей становится эмоциональная, чувственная сторона взаимодействия («лайки», комментарии, грамоты, медали). Ожидание обратной связи оказывается определяющим для выстраивания отношений и самовосприятия», − говорится в документе.

Священнослужителям советуется общаться с молодёжью в сфере их интересов – в Интернете. Так РПЦ входит в электронную культуру для привлечения молодёжной паствы, она понимает и видит большие возможности для воздействия на сознание и ценностные установки, нормы и правила общения подрастающего поколения.

Также не нужно забывать о безопасности граждан и государства. В Конституции РФ сказано, что у нас запрещена любая государственная идеология. Читаем 13-ю статью Конституции: «Никакая идеология не может устанавливаться в качестве государственной или обязательной». Электронная культура есть результат человеческой деятельности, которая подразумевает цель, которая в свою очередь вырабатывается на основе идеологии. Создав электронную культуру, мы создаём и её идеологию, встаёт вопрос созидательную или разрушительную для человека и государства? Ответа пока нет! Вот есть электронной системы "Культура" − информационно-справочной системы для руководителей учреждений культуры. Эта система всё же остаётся средством, не объясняющим стратегическую её цель и главное последствия её внедрения. Существование этих детерминирующих обстоятельств не оз-

начает уже определившуюся самостоятельность электронной культуры в объёме всей человеческой культуры, её нужно вырабатывать. Она не запрещена, её нужно вырабатывать. И пока никто из исследователей не занимается идеологией электронной культуры, ею будут заниматься те, которые направят её во вред человечеству. Киберпространство явно идёт на пользу глобализации, создания некой единой структуры (единого государства) на планете Земля. Но это вызывает сопротивление тех государств и народов, которые хотят жить самостоятельно и независимо.

Все эти исследования позволяют глубже понять, что несмотря на заявления о демократичности электронной культуры в реальности мы видим уже просто настоящую диктатуру. Через интернет-пространство просто навязываются антидемократические действия, способы и формы жизнедеятельности.

Таким образом, молодёжная среда во все времена была очень динамична и быстро реагировала на различные инновации она на своём собственном опыте их апробировала и то, что было жизненно оно приживалось входило в стадию расцвета и какое-то время занимало лидирующее позиции. Практика как известно критерий истины. И рассмотреть несколько вариантов будущего. Влияние электронной культуры на молодёжь нельзя смоделировать можно только наблюдать сегодняшнее. Чем больше и глубже будет изучена электронная культура молодёжи, тем лучше она будет подготовлена не только к изменениям, но и к необходимости творческого созидания. Изменить парадигму жизни молодёжи невозможно если не изменится сам молодой человек. А на него сегодня изощрённо воздействуют многочисленные каналы и формы СМИ, формируя его ценности и поведение, и то, что сегодня будет в него вложено – завтра став взрослым он станет сам внедрять в жизнь.

Таким образом, молодёжь России должна знать, как становиться «знатью», должна научиться различать добро и зло на самом начальном этапе их появления, усваивать свои национальные ценности, которые не противоречат сохранению человечности на планете Земля.

УДК 316.774
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517706

Н.А. ОРЕХОВСКАЯ
доктор философских наук, профессор Департамента гуманитарных наук Финансового университета при Правительстве Российской Федерации*

А.А. ЗОТОВ
студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций Финансового университета при Правительстве Российской Федерации

Корпоративная культура университета, как инструмент преодоления конфликтогенности в системе высшего образования[1]

Цель статьи заключается в выяснении особенностей корпоративной культуры в современном университете.

Благодаря проделанной работе удалось выявить, что уникальность образовательной корпорации заключается в интеллектуальном капитале и академических свободах, дающих возможность развиваться и науке, и личности, что позволяет снизать порог конфликтогенности в конкурентной образовательной среде.

Материалы, изложенные в данной работе, могут стать фундаментом для разработки корпоративной культуры университета. Они будут полезны руководителям учреждений образовательной сферы различного уровня.

Ключевые слова: *конфликтогенность, корпоративная культура, общество, университет, конкурентная образовательная среда, корпоративная педагогическая культура.*

N.A. OREKHOVSKAYA
Ph.D., Professor of Department of Humanities Financial University under the Government of the Russian Federation.

---

* Ореховская Наталья Анатольевна, e-mail: orehovskaya@yandex.ru

[1] Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финуниверситета.

A.A. ZOTOV
Student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University under the Government of the Russian Federation, Moscow

Corporate culture of the University as a tool for overcoming conflicts in the higher education system[1]

The purpose of the article is to clarify the features of corporate culture in a modern university.

Thanks to the work done, it was possible to identify that the uniqueness of an educational corporation lies in intellectual capital and academic freedoms, which give an opportunity to develop both science and personality, which allows reducing the threshold of conflict in a competitive educational environment.

The materials presented in this paper can become the foundation for the development of the corporate culture of the university. They will be useful to the heads of educational institutions of various levels.

Keywords: *conflictogenicity, corporate culture, society, university, competitive educational environment, corporate pedagogical culture.*

Постановка проблемы

Для эпохи постмодернизма характерно качественное изменение всех структурных элементов общества. Причиной тому серьезные противоречия между традиционным педагогическим мышлением и социальными реалиями сегодняшнего дня, где в коммерческих структурах действуют правила, которые в корне отличаются от установок, выработанных в традиционном педагогическом сообществе. Современные корпорации предлагают социуму новые примеры организационной и деловой культуры. Они фигурируют точностью, расчетом, финансовым успехом, четким обозначением цены услуги, деловой борьбой.

Перелом обозначился в последнее десятилетие XX века. Именно в эти годы Россия изменила вектор своего движения. В результате университеты стали организациями, оказывающими образовательные услуги. Наметилась дифференциация по уровню и стоимости предлагаемых услуг. Государство пе-

[1] The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on the state order of the Financial University

рестало быть единственным потребителем образовательных заказов. Теперь заказчиками могли выступать как организации и группы людей, так и отдельные личности. Конкурентная образовательная среда подтолкнула образовательные учреждения к правовой и финансовой самостоятельности, активной заботе о своем престиже, созданию попечительских советов, поддерживающих интересы потребителей образовательных услуг[1]. Новые условия, в том числе и экономическая политика в сфере образования, выявили необходимость формировать корпоративную культуру университетов. Ее становление позволило учебному заведению активно позиционировать себя на рынке образовательных услуг. Наметилась тенденция к тесному сотрудничеству образовательных учреждений и производственных или финансовых корпораций.

Говоря о корпоративной культуре, следует определиться, что конкретно мы связываем с этим понятием. Анализ научных работ по данной тематике привел к выводу, что исследователи понимают суть и представляют, какой корпоративная культура должна быть, весьма субъективно. Институт корпоративной культуры, его признаки и принципы определяются как «среда, атмосфера, в которой мы пребываем, все, что нас окружает, с чем и с кем мы имеем дело на работе». Основываясь на этом описании, корпоративная культура представляется системой взаимодействующих между собой материальных и духовных ценностей, присущих данной корпорации, отражающих ее индивидуальность и проявляющихся в поведении, взаимодействии, восприятии себя и окружающей среды[2].

Рассматриваемая здесь тема актуальна. Ее важность усиливают противоречия, следующие ниже.

Национальная исторически сложившаяся педагогическая традиция и современные тренды.

Наша педагогическая традиция базируется на общинном сознании. Она ориентирована на высшие человеческие идеалы. Современные же тенденции ставят во главу угла успешность образовательного учреждения. Для достижения постав-

[1] *Аверьянова А.А.* Корпоративная культура и ее особенности в России // Молодой ученый, 2016, № 29(133), с. 345-347.

[2] *Балдин К.В., Передеряев И.И., Рукосуев А.В.* Антикризисное управление: макро- и микроуровень: учебное пособие. 4-е изд., испр. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К», 2009. – 268 с.

ленной цели оптимизируются экономические и интеллектуальные возможности, используются высокие образовательные технологии. Это позволяет выйти на международный рынок образовательных услуг и занять определенные позиции в конкурентной среде.

Современная корпоративная культура формируется под влиянием последствий, оставленных авторитарным государством – СССР. Работала централизованная система управления. Конкуренция в обществе подавлялась целенаправленно. Без уравнительного подхода, который являлся сущностью советской системы, она просто не могла функционировать[1]. В результате трудовая и хозяйственная культура, государственное устройство, механизмы управления, процветавшие в Советском Союзе и сложившиеся под влиянием природно-климатических и конфессиональных особенностей, были мобилизационными, экстремальными. Вдохновленный идеологическими лозунгами и находясь под давлением внешней необходимости, в кризисные моменты истории советский человек мог трудиться с необычайной самоотверженностью. Однако стоило внешним стимулам исчезнуть, как подъем трудового энтузиазма угасал[2].

С другой стороны, определенная корпоративная культура существовала и в советских организациях. Она проявлялась в социалистическом соревновании, борьбе за переходящее знамя, стремлении перевыполнить план за год или пятилетку. Изменения и достижения организаций приурочивались к каким-либо государственным торжествам, годовщинам. Фотографии передовиков и заслуженных работников помещались на доски почета. В коллективах было принято совместно отмечать важные государственные праздники. Все это сплачивало людей. Внутри коллектива создавалась особая атмосфера единства, особый психологический микроклимат. Происходило формирование специфического имиджа организации, ее репутации в обществе. В этом, в принципе, и состоит суть корпоративной культуры.

---

[1] *Прохоров А.П.* Русская модель управления. М.: ЗАО «Журнал Эксперт», 2002. − 376 с.

[2] *Арустамов Э.А., Пахомкин А.Н., Митрофанова Т.П.* Организация предпринимательской деятельности. М.: ИТК «Дашков и Ко», 2009. − 336 с.

Личные ценностные альтруистические установки педагогов и ценностные ориентации современного молодого поколения.

Преподавательский состав современных университетов России в массе своей воспитывался и получал образование в СССР. Советский строй отличался управленческим единообразием, унификацией, контролем, бюрократизмом, невысоким уровнем жизни, государственной монополией, простирающейся на все сферы общества, начиная с экономики. Беспокоиться о репутации, корпоративной культуре организаций, их имидже особенной нужды не было. Базовым объединяющим фактором для людей являлась коммунистическая партия и цели, которая она ставила перед народом. В советских гражданах культивировался приоритет целей организации над личными интересами. Достижения организации приравнивались к достижениям государства. В таком устройстве не было места личности. Индивидуальность и инициатива не приветствовались и подавлялись.

Сегодняшняя Россия впала в иную крайность. Сейчас можно наблюдать однозначность приоритета индивидуальности и личного благосостояния. К деньгам относятся с повышенной ценностью. Сегодня цели оправдывают средства, несмотря ни на что, поэтому активно развивается и процветает криминальный бизнес.

Во времена Советского Союза общество было ориентировано на будущее. В наши дни во главу угла поставлена сиюминутная выгода, вот почему на многих предприятиях, работающих в малом и среднем бизнесе, зачастую нет четкого плана развития, нацеленного на стратегическую перспективу. Таким образом, есть явный конфликт поколений: ценностные ориентиры и жизненные приоритеты преподавателей и их студентов находятся на разных полюсах.

Государственная политика сегодня ориентирована на то, чтобы общество сформировалось в единую социальную систему. Воспитание корпоративной культуры и корпоративного духа является ярким тому доказательством. Университеты, представляя собой активных игроков на рынке образовательных услуг, не остались в стороне и тоже включились в данный процесс. Руководители образовательных учреждений занимаются сплочением коллективов, вырабатывая и культивируя в них те универсальные ценности, которые были бы близки и носителям альтруистических ценностных установок – препо-

давателям, и студенческой молодежи. Прежде всего, это нацеленность на индивидуальный успех. Она предполагает свободу действий, инициативность личности, индивидуальные экономические проекты.

Чтобы решать поставленную задачу, используются нетрадиционные материальные и нематериальные способы стимулировать работников. Нередко можно наблюдать возрождение советских традиций: снова появляются доски почета, поощряются соревновательные элементы в работе, внедряется коллективная ответственность за результат, общие интересы организации выводятся в приоритет над личными амбициями.

Представления о корпоративной культуре, создаваемые современными корпорациями, и исторически сложившиеся педагогические ценности, влияющие на корпоративную культуру образовательных учреждений.

Есть довольно большая категория руководителей, считающих, что слишком накладно реализовывать стратегию, основанную на привлечении качественных трудовых ресурсов. Однако анализ результатов мероприятий, проведенных в ходе формирования и совершенствования института корпоративной культуры, показывает, что для обеспечения долговременной успешности бизнеса необходима именно такая стратегия.

Успехи и неудачи предприятий зачастую связаны с их корпоративной культурой, хотя порой взаимосвязь может быть и косвенной. Производительность труда, конкурентоспособность продукции, объем прибыли, а также другие важные показатели, находятся под влиянием психологического микроклимата, стиля руководства, сложившегося имиджа предприятия.

Существование рынка образовательных услуг не вызывает сомнений, а значит, современные университеты можно рассматривать в качестве своего рода бизнес-компаний. Исходя из этого, руководители образовательных учреждений всех уровней должны предвидеть, какие последствия для внутриорганизационных отношений и репутации университета возможны в результате принимаемых ими решений и действий.

Современному университету не обойтись не только без эффективного управления образовательным процессом и обеспечения технической поддержки. Для предоставления качественных образовательных услуг сегодня необходимо также позаботиться о претворении в жизнь кодекса поведения преподавательского состава и студентов, в котором

будут отображены этические ценности и базовые цели университета.

Нельзя игнорировать и феномен исторически сложившихся педагогических ценностей отечественного образования. Выделим наиболее выраженные моменты:

- Преподаватель высшей школы – это довольно специфическая работа. Его деятельность отличается многообразием. Преподаватель читает лекции, проводит семинарские занятия, уделяет время для подготовки к ним и занимается постоянным расширением своего кругозора. Кроме того, он ведет научно-исследовательскую деятельность. Уровень подготовленности преподавателя, широта его научных интересов и кругозора, его умение не просто передать свои знания, а увлечь, приобщив студента к научной работе, очень важны. Именно на этом базируется высокое качество образования, получаемого в университете.

- В учреждениях образования практически нет формализации отношений. Кафедра, а она является основополагающим звеном в структуре университета, воспринимается вторым домом, а коллеги считаются второй семьей.

- Менталитет преподавателя таков, что он не допускает равнодушия и недоброжелательности к студентам. К тому же большая часть преподавательского состава – женщины, которым свойственно проявлять материнское отношение к своим ученикам.

- Работа в системе образования – это возможность получать статусные отличия. Если говорить о школе: заслуженный учитель России, почетный работник образования. В университете преподаватели получают ученые степени и звания. Сотрудники коммерческих структур таких статусных отличий не имеют.

Вот почему особенности корпоративной культуры образовательных учреждений представляют особый интерес. Их следует рассматривать в качестве историко-педагогических и культурно-образовательных феноменов.

Модель выпускника современного университета, сфокусированная на социальную, индивидуальную, информационную и экологическую компетентность личности, – вот культурный ориентир деятельности образовательного учреждения и факт его культуротворческой работы. В прикладном смысле для данной модели предусматривается владение специальными знаниями, умениями и навыками, обеспечивающими самос-

тоятельное выполнение профессиональных обязанностей и профессиональное развитие выпускника. Это возможно только в том случае, если имеются все компоненты корпоративной культуры – педагогическая, организационная, экологическая, информационная, рефлексивная культуры. На текущий момент соответствующими научными школами каждый из этих элементов фундаментально разработан.

Педагогическая культура. Она распространяет свое действие главным образом на этические отношения и этику педагогической науки. Однако весь комплекс деятельности образовательного учреждения, например, необходимые организационные вопросы, она не раскрывает и не компенсирует[1].

Культура организационная в образовательном учреждении никак не затрагивает вопросы научной этики[2].

Экологическая культура, вобрав в себя множество этических компонентов, прочие важные аспекты деятельности образовательного учреждения в расчет не принимает[3].

Культура информационная не в состоянии стать заменой другим компонентам культуры, успешно функционирующим в образовании[4].

Коммуникативная (рефлексивная) культура также не способна заместить остальные стороны работы образовательного учреждения[5].

---

[1] *Ауезов Б.Н.* Педагогическая культура как составляющая профессиональной культуры учителя / Б. Н. Ауезов, К. М. Беркимбаев // Молодой ученый, 2017, № 4, с. 354-356. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://moluch.ru/archive/138/38803/ (дата обращения: 01.11.2021).

[2] *Томилин О.Б, Фадеева И.М, Томилин О.О, Клюев А.К.* Организационная культура российских университетов: ожидания и реалии // Высшее образование в России, 2018, № 1(219), с. 96-107.

[3] *Садыкова Э.Ф., Ниязова А.А.* Формирование экологических компетенций в процессе подготовки будущих педагогов // Фундаментальные исследования, 2014, № 11-9, с. 2066-2069. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35897 (дата обращения: 01.11.2021).

[4] *Павлушина В.А.* Практические рекомендации по формированию информационной культуры студентов-бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование» // Педагогическое образование в России, 2013, № 6, с. 69-72. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-rekomendatsii-po-formirovaniyu-informatsionnoy-kultury-studentov-bakalavrov-po-napravleniyu-podgotovki (дата обращения: 01.11.2021).

[5] *Хомякова В.Е.* Организационно-педагогические условия формирования деловой коммуникативной культуры студентов в процессе высшего образования // Педагогика. Общество. Право, № 2(18), 2016, с. 81-96.

Становится очевидным, что каждый компонент культуры, взятый по отдельности, продуктивную силу собой представлять не может. Стать единым организмом учреждение образования в состоянии только в результате их сращивания, то есть, при условии одновременного функционирования всех сфер культуры. Таким образом, корпоративная культура выступает своего рода обобщенным понятием подобной интеграции.

Методология исследования

Методологический базис данного исследования строится на общефилософских и общенаучных подходах в системном анализе и теоретическом моделировании. Если говорить конкретно, то работа основывается:

- на общефилософских принципах системности, всесторонности, конкретности, принципах единства теории-практики, историзма и социального детерминизма;
- на аксиологическом подходе, определяющем формирование ценностей, как в менталитете отдельно взятого индивида, так и в коллективном сознании;
- на культурологическом подходе, занимающемся рассмотрением особенностей национальных и конфессиональных компонентов в процессе формирования корпоративной культуры;
- на синергетическом подходе, используемом при изучении закономерностей самосоздания, самосохранения, самосовершенствования и самовоспроизведения порядка в корпоративной культуре в рамках функционирования системы университета.

Чтобы решить поставленные задачи и проверить результаты исследования, использовался комплекс методов, включающий методику сравнительного анализа педагогических процессов, и анализ контента, который предоставляют философские, педагогические и социологические труды. Теоретическая составляющая исследования была почерпнута из фундаментальных работ по педагогике, маркетингу, а также из материалов научных конференций и дискуссий, которые были опубликованы в научных изданиях за рубежом и в России. Кроме того, авторы пользовались эмпирическими методами – наблюдениями и моделированием организационных и воспитательных процессов.

Обзор литературы и дискуссий

Феномен корпоративной культуры исследуется достаточно давно. Появление самого этого термина, а также первые попытки изучить его детально и тщательно, относятся к 70-м гг. 20-го столетия. Такое внимание объясняется тем, что именно тогда начали возникать новые условия хозяйствования, динамизм. Росла неопределенность внешней среды, повысилась образованность персонала, поменялась мотивация работников. Научно-технический прогресс вышел на качественно новый уровень.

Признанным родоначальником исследований корпоративной культуры и корпоративизма является М. Вебер[1]. Он занимался изучением основ самоорганизации корпораций, взаимосвязей моральных и этических принципов с социально-экономическим благополучием отдельных корпоративных структур. Также им была разработана модель рациональной организации свободного труда.

В ходе изучения корпоративной культуры сформировались различные подходы. Их можно разделить на три школы, каждая из которых по-разному понимает ее сущность и направление исследования.

Поведенческая школа. Ее представители опирались на поиск и анализ закономерностей, по которым персонал в ходе своей деятельности в организации создает общие ценности, понятия, правила и поведенческие нормы[2].

Школа эффективности. Сторонники этого направления делали акцент на том, каким образом корпоративная культура организации влияет на эффективность ее деятельности[3].

Школа моделирования. С позиции ее представителей корпоративную культуру необходимо воспринимать в качестве самостоятельного объекта исследования. Ведется разработка

---

[1] *Вебер М.* Хозяйственная этика мировых религий. Опыты сравнительной социологии религии. Ч. 1. Конфуцианство и даосизм. СПб.: Владимир Даль, 2017. − 448 с.

[2] *David R. Hampton, Charles Edgar Summer, Ross A. Webber*. Organizational Behavior and the Practice of Management. Scott, Foresman, 1982. − 877 p.

[3] *Томас Дж. Питерс, Роберт Уотерман*. В поисках совершенства. Уроки самых успешных компаний Америки. М.: Альпина Паблишерз. 2011. − 216 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6885519 (дата обращения: 01.11.2021).

моделей ее формирования, методик ее оценки, предлагается классифицировать ее по типам и т. д.[1].

Для современных американских авторов характерна четкая формулировка управленческих рецептов, позволяющих повысить качество и конкурентоспособность компаний. Они дают конкретные рекомендации по росту производственной эффективности, отталкиваясь от жестких конкурентных реалий[2].

Коллеги американских экспертов из Западной Европы занимаются причинами и признаками конфликтов. Они подвергают их анализу, составляют типологию и предлагают варианты решения. Европейские исследователи убеждены, что бесконфликтное управление – это достаточно непростая задача. Однако руководство должно к нему стремиться, если намеревается вести коллектив к успехам и всегда находить конструктивные решения. Руководителю нужно сконцентрироваться на постановке задач, определении прав и обязанностей сотрудников, поиске приемов их мотивации. Он должен находить средства для достижения целей и инструменты осуществления контроля. Но если в коллективе на лицо столкновение мнений, эти его действия приобретают особенную важность[3].

Среди отечественных авторов следует выделить труды В. Ключевского и Н. Бердяева. Ими была выявлена взаимосвязь русского национального характера со специфическими природно-климатическими условиями страны[4]. Подразумевается способность русских людей к предельному напряжению сил[5]. Климат большей части территории России сжимает цикл сельскохозяйственных работ, поэтому для россиянина несвойственна привычка трудиться с упорством и регулярно. В итоге сформировался особый тип хозяйствования, сложилась особая система жизнедеятельности населения, его умений и трудовых навыков.

Подробным рассмотрением теоретических положений, относящихся к содержанию педагогической культуры, занимался

---

[1] *Камерон К., Куинн Р*. Диагностика и изменение организационной культуры / Пер. с англ. под ред. И. В. Андреевой. СПб: Питер, 2001. − 320 с.: ил. (Серия «Теория и практика менеджмента»).

[2] *Грейсон Дж.К. мл., О'Делл К*. Американский менеджмент на пороге XXI века. М.: Экономика, 2004. – 320 с.

[3] *Зигерт В., Ланг Л.* Руководить без конфликтов. М.: Экономика, 1990. – 337 с.

[4] *Бердяев Н.А*. Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. − 346 с.

[5] *Ключевский В.О*. Курс русской истории. Соч. 3-е изд. М., 1908-1916, т. 3. – 430 с.

Ш.А. Амондашвили. В своих исследованиях он фигурировал научными фактами и экспериментальными данными. Кроме того, педагог пользовался своим собственным богатым профессиональным опытом. Им были подвергнуты анализу корни авторитарно-императивного педагогического мышления и практики, устоявшиеся в общеобразовательной школе во времена советской эпохи, а также истоки Гуманной Педагогики[1].

Исследователь доказывает, что необходимо принять классические педагогические ценности, так как их основополагающие понятия – это духовность и гуманность, любовь и добро, мир и благо. Изменив педагогическое сознание, основываясь на этих понятиях, можно преодолеть авторитаризм, который является своеобразным бичом образования. Последствия авторитаризма, как явления, ведут к преумножению в современном обществе безнравственности и отсутствию духовности. Творческий потенциал педагогического сообщества развивается, а в социуме возрастает тревога за судьбу образования, что вселяет надежду на обновление педагогического сознания[2].

Современная педагогическая литература с различных ракурсов рассматривает формирование корпоративной культуры, а также содержание толкования самого этого понятия. Л. Г. Корчагина, например, среди всех составляющих корпоративной педагогической культуры особое внимание уделяет личностно-творческому, эвристическому и деятельностному компонентам. Автор полагает, что именно на них лежит функция аккумулирования: способности к рефлексии и эмоциональному сопереживанию; признания общечеловеческих ценностей; важности педагогического труда; необходимости профессионального самосовершенствования; прогнозирования собственных действий[3].

Продолжение анализа профессионально-педагогической культуры мы видим в работах В.И. Максаковой. Автор выделяет информационный, технологический и аксиологический компоненты. Информационной составляющей предусматриваются знания, являющиеся базовыми для человечества, народа, группы людей. Технологическая компонента – это про-

---

[1] *Амонашвили Ш.А.* Основы гуманной педагогики: в 20 кн.: Собр. соч. Междунар. Центр Гуманной Педагогики. 2-е изд. М.: Амрита-Русь, 2014. – 320 с.

[2] Там же.

[3] *Корчагина Л.Г.* Рефлексивно-пиктографические задачи как средство формирования педагогической культуры учителя: Дисс. канд. пед. наук. Тюмень, 2007. − 192 с.

цесс овладения преподавателем совокупностью интеллектуальных и операциональных умений и навыков, обеспечивающих высокое качество профессиональной деятельности. Аксиологическая составляющая предусматривает общечеловеческие и групповые ценности. Вышеперечисленные компоненты связаны друг с другом, а их реализация происходит через компетенции в области навыков и умений[1].

Собственное видение корпоративной культуры предложил А.И. Пригожин. Ключевую роль в формировании и развитии данного феномена он отводит руководителю, определяющему функции сотрудников и повышающему их мотивированность[2]. Впрочем, с ним согласны далеко не все исследователи. Основной аргумент против его позиции, который они приводят, заключается в том, что такой подход не учитывает потребность самого работника в получении удовлетворения от трудового процесса. Там, где есть полная ориентированность на организацию, профессиональному творчеству места нет. Профессиональную реализацию преподавателя невозможно представить без креативности и академических свобод, и здесь возникает явный диссонанс.

Проведенный анализ позволяет сделать вывод, что университет является корпорацией особого типа. Чтобы успешно выдерживать конкуренцию, образовательному учреждению жизненно важно сформировать свою корпоративную культуру. Причем фундаментом для этого должны стать исторически сложившиеся феномены педагогической культуры, а также характерные для современных бизнес-структур, новые черты корпоративной этики.

Результаты

Корпоративная культура университета формируется в реалиях современной конкурентной среды. Именно поэтому ее необходимо создавать на основе четко спланированной политики, учитывающей как экономические и профессиональные интересы преподавателей и образовательной организации, так и социальный заказ, поступающий от общества.

1. Корпоративную культуру университета нужно рассматривать как особый феномен. Для нее свойственны: финансо-

---

[1] *Максакова В.И.* Педагогическая антропология. Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. – 208 с.

[2] *Пригожин А.И.* Методы развития организаций. М.: МЦФЭР, 2003. – 864 с.

вая самостоятельность, целеполагание, собственная исторически сложившаяся идеология, правовой суверенитет, опора на поддержку социума – признаки бизнес-структур. Кроме того, на лицо ориентированность на моральное согласие всех членов на партнерство с обществом и открытость. Бесспорны и общие ценностные ориентации участников образовательного процесса – руководства, преподавателей, студентов, магистрантов и аспирантов. И хотя студенты, магистранты и аспиранты, в отличие от руководства и педагогического состава, не являются константой образовательного учреждения, они принимают корпоративную культуру своего учебного заведения и транслируют ее в социум. Идеологическая основа корпоративной культуры университета – принципы гуманизма[1] и педагогика роста личности ученика[2]. Уникальность университета в качестве бизнес-корпорации состоит в том, что внутри него преобладают интеллектуальный капитал и академические свободы преподавателя, дающие возможность развиваться и науке, и личности.

2. Корпоративная культура образовательного учреждения базируется на ценности личности, так как именно она является конкретным носителем культуры. Речь идет о ценности межличностных отношений, генерации нравственного сознания, ориентировании на понятии призвания, ликвидации проблемы отчуждения, дисциплине, удовлетворении запросов личности в творчестве и духовности, единении коллективных и индивидуальных целей. Достичь этого можно не управленческими, а исключительно воспитательными методиками[3].

3. Формирование корпоративной культуры университета протекает на фоне педагогических ценностей, сложившихся исторически. Субъектами данного процесса являются образовательные учреждения государственного и негосударственного уровня. Они призваны соответствовать запросам социума и государства. Плюрализм и конкуренция создают благоприятные условия, чтобы организация учебно-воспитательного процесса была направлена на корпоративные ценности.

---

[1] *Амонашвили Ш.А.* Основы гуманной педагогики. М.: Амрита-Русь, 2014.

[2] *Корчагина Л.Г.* Рефлексивно-пиктографические задачи как средство формирования педагогической культуры учителя. Дисс. канд. пед. наук Тюмень, 2007 – 192 с.

[3] *Амонашвили Ш.А.* Основы гуманной педагогики: в 20 кн.: Собр. соч. Междунар. Центр Гуманной Педагогики. 2-е изд. М.: Амрита-Русь, 2014. – 320 с.

Это положительно отразится на подготовке будущих специалистов, с уважением относящихся к своим профессиональным традициям[1].

4. Корпоративная культура университета складывается из нескольких важных компонентов. Она состоит из культуры педагогической[2], культуры организационной[3], культуры экологической[4], культуры информационной[5], культуры коммуникативной (рефлексивной)[6]. В ней сочетаются индивидуальные и коллективные интересы. Под ее влиянием формируется необходимая образовательная и нравственная среда, позволяющая подготавливать высококомпетентных специалистов.

5. Коренное отличие корпоративной культуры университета кроется в аксиологическом основании, формирующемся на традиционной солидарности в отношениях между разными поколениями, а также на компетентности педагогов в философской и мировоззренческой сфере. Педагогический ресурс для формирования и трансляции корпоративной культуры университета – это теории, выдвинутые русскими философами[7], и отечественные педагогические школы[8].

---

[1] *Максакова В.И.* Педагогическая антропология. Учеб. пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001. − 208 с.

[2] *Ауезов Б.Н.* Педагогическая культура как составляющая профессиональной культуры учителя / Б. Н. Ауезов, К. М. Беркимбаев // Молодой ученый. – 2017. – № 4. − 354-356 с. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://moluch.ru/archive/138/38803/ (Дата обращения: 01.11.2021).

[3] *Томилин О.Б, Фадеева И.М, Томилин О.О, Клюев А.К.* Организационная культура российских университетов: ожидания и реалии // Высшее образование в России, 2018, № 1(219), с. 96-107.

[4] *Садыкова Э.Ф., Ниязова А.А.* Формирование экологических компетенций в процессе подготовки будущих педагогов // Фундаментальные исследования, 2014, № 11-9, с. 2066-2069. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: http://fundamental-research.ru/ru/article/view?id=35897 (Дата обращения: 01.11.2021).

[5] *Павлушина В.А.* Практические рекомендации по формированию информационной культуры студентов-бакалавров по направлению подготовки «Педагогическое образование» // Педагогическое образование в России, 2013, № 6, 69-72 с. [Электронный ресурс]. Режим доступа: URL: https://cyberleninka.ru/article/n/prakticheskie-rekomendatsii-po-formirovaniyu-informatsionnoy-kultury-studentov-bakalavrov-po-napravleniyu-podgotovki (дата обращения: 01.11.2021).

[6] *Хомякова В.Е.* Организационно-педагогические условия формирования деловой коммуникативной культуры студентов в процессе высшего образования // Педагогика. Общество. Право, 2016, № 2(18),. С. 81-96.

[7] *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Соч. 3-е изд. М., 1908-1916, т.3 – 430 с.; *Бердяев Н.А.* Судьба России. М.: Советский писатель, 1990. − 346 с.

[8] *Амонашвили Ш.А.* Основы гуманной педагогики: В 20 кн.: Собр. соч. Междунар. Центр Гуманной Педагогики. 2-е изд. М.: Амрита-Русь, 2014 – 320 с.

Выводы

Представляя собой субъект самостоятельный, университет генерирует собственные ценности. Они дают ему с успехом функционировать в конкурентной образовательной среде. Академическая свобода преподавателей, инновационные виды деятельности, экономическая и организационная устойчивость являются аксиологической базой, которая обеспечивает его жизнеспособность.

Благодаря организационной устойчивости осуществляется формирование структуры и решение вопросов обеспечения кадрами. Устойчивость в экономическом плане гарантирует стабильность деятельности образовательного учреждения в условиях конкуренции. С помощью инновационной деятельности университету обеспечивается поддержка интеллектуального потенциала и организация процесса приращения научных знаний.

Под влиянием академических свобод создается ситуация, благоприятная для проявления профессионального энтузиазма и творческой самореализации. Проявление свободы и гибкости образовательной корпорации обнаруживаются как на индивидуальном, так и на организационном уровне. Это открывает возможности для совершения оперативных и масштабных структурных изменений, например, университет может создавать новые кафедры, научно-образовательные центры и т. д. Под пониманием академической свободы, как автономии, подразумеваются самоуправление и независимость от политики, экономики и общественных сил.

Однако данные ценности возможны только при наличии реального компетентного преподавателя. В работе он фигурирует богатейшим отечественным и зарубежным педагогическим опытом, чтобы сформировать корпоративную культуру, способствующую обучению и воспитанию специалиста с активной жизненной позицией и готового к конкуренции. Уникальный административный ресурс управления университетом черпается из современной теории менеджмента, а также из методик и форм педагогической работы, которые сложились исторически.

УДК 316.4.05
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517707

А.Н. БОЛДЫРЕВ
преподаватель, адъюнкт Саратовского военного ордена Жукова Краснознаменного института войск национальной гвардии Российской Федерации*

Организационная культура: структура и уровни проявления

В статье выявлены, обобщены и проанализированы различные группы концепций организационной культуры, дифференцированы данные теоретические подходы. Разработан интегрированный подход к содержанию феномена организационной культуры, раскрыты его универсальные характеристики. Доказано, что организационную культуру необходимо рассматривать как компонент культуры общества в контексте стратегической реализации достижения организационных целей, решения поставленных трудовых задач, а также социальной адаптации к трансформациям внешней экономической и социально-культурной среды. Представляются четыре уровня проявления организационной культуры: 1) поверхностный (абстрактный, внешний); 2) базовый (показной); 3) реальный (основной); 4) поведенческий (конечный).

Ключевые слова: *организационная культура, трудовая социальная система, трудовая организация, персонал, ценности, методологический, социологический, абстрактный.*

A.N. BOLDYREV
Lecturer, Adjunct of the Saratov Military Order of Zhukov of the Red Banner Institute of the National Guard of the Russian Federation

Organizational culture: structure and levels of manifestation

The article identifies, summarizes and analyzes various groups of organizational culture concepts, differentiates these theoretical approaches. An integrated approach to the content of the phenomenon of organizational culture is developed, its universal characteristics are revealed. It

* Болдырев Алексей Николаевич, e-mail: boldirev78@list.ru

is proved that the organizational culture should be considered as a component of the culture of society in the context of the strategic implementation of the achievement of organizational goals, the solution of the set labor tasks, as well as social adaptation to the transformations of the external economic and socio-cultural environment. Four levels of organizational culture are presented: 1) superficial (abstract, external); 2) basic (ostentatious); 3) real (basic); 4) behavioral (final).

Key words: *organizational culture, labor social system, labor organization, personnel, values, methodological, sociological, abstract.*

Функционирование современной организации как трудовой социальной системы, реализующей цели в условиях неопределённости, предполагает рост социокультурной устойчивости, интеграции ценностей ее персонала. Обеспечивается данное условие при постоянном и целенаправленном развитии организационной культуры, которая и призвана оптимизировать социальные системы организации, активизировать механизмы их устойчивого трудового взаимодействия. В условиях выхода страны из кризиса организационная культура становится основным фактором саморегулирования трудового поведения персонала современной организации.

В рамках социологического подхода организационная культура рассматривается как компонент социального механизма управления трудовой организацией[1]. Учёные делают акцент на то, что культура организации актуальная проблема научных разработок. Она является не только базовым направлением менеджмента, но и важным объектом анализа социологии[2].

Современные методологические подходы к анализу культуры трудовой организации представляются с различных позиций. Если обобщить различные теоретические традиции можно условно сформировать три группы направлений исследований организационной культуры: общетеоретическое, ценностное, социально-управленческое.

Рассмотрим данные направления подробней.

Общетеоретическое направление исследования организационной культуры ориентировано на уточнение категориального аппарата исследования, выявление параметров и

---

[1] См.: *Баландина Т.М.* Социальные коммуникации в системе организационной культуры предприятия // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Социология. Политология, 2017, т. 17, № 2, с. 166-169.

[2] См.: *Баландина Т.М., Быченко Ю.Г.* Человеческий потенциал: механизм оценки и инновационного развития // Дыльновские чтения материалы международной научно-практической конференции, 2017, с. 23-27.

оценочных индикаторов анализа. В рамках общетеоретических доктрин обосновывается методика оценки организационной культуры путём применения общих культурологических параметров. Символ рассматривается как некий абстрактный знак, имеющий общие признаки развития и единообразную реакцию, отражающую те или иные действия персонала. Т. Парсонс приходит к выводу, что культура организации проявляется в виде символов, которые в свою очередь характеризуют формальный набор социальных норм, а также ценностей субъектов труда[1]. Несложно заметить, что символы − это основа организационной культуры, именно символы характеризуют основные идеи, предпочтения, веру, ценностные трудовые приоритеты работников. Исследователи указывают на факты принадлежности культуры организации к часто реализуемым стратегиям, целям, социальным нормам, деловому языку общения, возможностям идентификации трудовой группы[2].

Таким образом, общетеоретическая доктрина представляет основные принципы исследования организационной культуры. Здесь исследователи осуществляют многочисленные подсистемные блоки культуры организации. Они описывают «аддитивные» подходы к определениям в результате перечисления компонентов и характеристик: символический комплекс, совокупность типовых форм деятельности, устойчивые традиции, обычаи, преимущества в веровании. В целом внешнее проявление организационной культуры связывается с системой символов. Последние определяются как явление, формирующееся в процессе всякой образовательной социализации, поиска взаимного понимания и согласия работников, использующих набор условных знаков как факторов коммуникации. При данном подходе работники коммуницируют между собой посредством символического набора слов, мимики, жестов, определяя оценку, реакцию и стиль трудового поведения.

Ценностное направление исследования организационной культуры ориентировано на рассмотрение ценностей как базового компонента всякой социальной, в том числе и организационной культуры. Организационная культура − это прежде всего социокультурная характеристика климата трудового кол-

---

[1] См.: *Парсонс Т.* О структуре социального действия. М.: Академический проект, 2002.

[2] См.: *Deal T.E. and Kennedy A.A.* Corporate Cultures. Reading, Mass.: Addison-Wesley, 1982.

лектива, определяющаяся не только физическим потенциалом профессиональных групп, но и характерным стилем трудового взаимодействия представителей персонала организации друг с другом, с клиентами, иными субъектами внешней социальной среды[1]. В рамках ценностной доктрины доказывается два базовых теоретических тезиса: 1) структурные компоненты организационной культуры имеют функциональное обоснование и формируются как предпосылка удовлетворения актуальных потребностей всякой социальной организации[2]; 2) организационная культура − это прежде всего набор элементов, зависящих от традиций и условий исторического развития трудовой организации, которые в конечном виде проявляются как взаимосвязанная система материальных, технологических, человеческих, культурных ценностей[3]. На основе данных принципов предлагается рассматривать культуру организации как перечень ранжированных по значимости ценностей, сформулированных и разделяемых большинством сотрудников организации. Ценности персонала представляются в двух плоскостях: позитивных − направляющих и мотивирующих работников на определённый образ поведения, на формирование и поддержание необходимых формальных стратегий и целей; негативных − определяющих снижение эффективности трудового взаимодействия работников.

Представляется специфическая методика оценки организационной культуры, определяющая, с одной стороны, анализ трансформированных ценностей, с другой стороны, уточнение фактов соответствия/несоответствия ценностных параметров необходимым допустимым индикаторам положительного состояния организации.

Таким образом, ценностная доктрина определяет ценности как основной структурный компонент организационной культуры. Последняя рассматривается в контексте дополнительных характеристик, связывающих ее ценностную сущность с социальными нормами, традициями, историческим прошлым,

---

[1] См.: *Schneider B. (ed.).* Organizational Climate and Culture. San Francisco: Jossey-Bass, 1990.

[2] См.: *Вяткин М.Б., Вяткина Л.Б.* Корпоративная культура как фактор развития способностей // Современные проблемы науки и образования, 2015, № 1-1. URL: https://www.science-education.ru/ru/article/view?id=18511

[3] См.: *Кузнецов Ю.В., Кизян Н.Г.* Стратегическое управление организационной культурой в предпринимательской деятельности в сфере услуг // Вестник ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2012, № 1, с. 85-95.

наследием работников, яркими событиями предыдущих временных периодов. Доказывается, что организационная культура представляет собой комплекс преобладающих ценностей, норм, верований как основополагающий механизм активизации социально-трудовой жизни работников. Организационно трудовые отношения организации, определяют, а в последствии и формируют поведенческие ценности субъектов труда, определяют их отношение к трудовому коллективу, их труду, поведению. Здесь базовыми желаемыми социокультурными ценностями являются: профессиональное лидерство, ориентация на успех, результативность, мотивация качества.

Социально-управленческое направление исследования организационной культуры ориентировано на рассмотрение практик управления и поведения персонала как конечного показателя проявления организационной культуры. Эдуард Шейн является ярким представителем данного направления[1]. Он, с одной стороны, представляет комплексный подход к организационной культуре, разделяя ее на группы (качественно различные элементы), с другой стороны, предлагает установить и уточнить существующие отношения, складывающиеся между данными группами, определить иерархические принципы трансформации. На основе методологии Э. Шейна можно выделить несколько компонентов комплекса организационной культуры: 1) основные представления, понятия, информационные обобщения об окружающем мире (мировоззренческие принципы); 2) осознанные и принимаемые формальные и неформальные ценности, социальные нормы; 3) культурные коммуникационные индикаторы (стиль общения, язык, обувь и одежда, склонность к ритуалам, традиции и история)[2]. Представленный первый компонент не только формирует основные представления об окружающей действительности, социуме, но и определяет положение дел в трудовой организации, социальную сущность там работающих людей, истинные намерения их поступков, мотивации и трудовой активности[3]. Первый уровневый компонент логично переходит во второй. На втором уровне мировоззренческие предпосылки организа-

[1] См.: *Schein E.H.* Innovative Cultures and Adaptive Organizations // Sri Lanka Journal of Development Administration. 1990b. 7(2).

[2] См.: Шейн Э.Х. Организационная культура и лидерство. СПб.: Питер, 2002.

[3] См.: *Быченко Ю.Г., Егоров А.В.* Ценности в системе социальной культуры семьи российского военнослужащего // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: социология. Политология, 2021, № 1, с. 11-16.

ционной культуры трансформируются в конкретный набор ценностей, норм и стандартов трудового поведения. На втором уровне наблюдается проявление предписанных и непредписанных ценностей, принципов поведения, мотивационных процессов и запретов на конкретные поведенческие предпочтения. Для успешности реализации организационной культуры на данном уровне организации в явной или не в явной форме определяют корпоративный социальный климат (философию поведенческого взаимодействия)[1]. Именно второй уровень организационной культуры отражает попытки современных организаций зафиксировать необходимые образцы трудового поведения, результат управленческого формирования организационной трудовой культуры. Здесь укрепляются не только социальные предпосылки, но и стандарты трудового поведения персонала, что определяет рычаг воздействия на развитие базовых приоритетов трудовой организации. На третьем уровне уже практически реализуется первоначальные (первый и второй) уровни. Здесь уже невидимые компоненты ценностей, норм, принципов и традиций проявляются в видимый комплекс символов, практических действий, обрядов. На третьем уровне организационная культура ярко проявляется, фиксируется на практике, воплощается в образовательной системе, передаётся новому персоналу. Символы, действия, знаки внешне проявляются как составная видимая часть культуры организации. Дополнительными компонентами культурного проявления организации на третьем уровне являются: истории (происшествия, скандалы, прошлые события, рассказы, курьезные случаи, новеллы, притчи, легенды, отражающие процессы эволюции данной организации); прошлые события (праздники, проводимые ритуалы, факты приветствия, процедуры найма работников, обновление оформления здания, внутренних помещений.

Таким образом, социально-управленческая доктрина представляет практики трудового взаимодействия как основной структурный компонент организационной культуры. Последняя в рамках данного подхода выступает в форме набора значений, поведенческих форм, образов, эталонного профессионально-группового сознания, разделяемых и присваиваемых

[1] См.: *Быченко Ю.Г., Магомедов М.К.* Проблемы развития культуры межнационального общения военнослужащих // Известия Саратовского государственного университета, 2020, т. 20, вып. 2, с. 154-160.

персоналом, конкретными его представителями (субъектами труда). Именно в трудовых отношениях, в практике конкретного поведения, взаимодействия проявляются формально прописанные и неписанные социальные нормы, ценности, правила и принципы действия индивидов, мотивационные механизмы, процессы, факты стимулирования и запрета.

Подведя общие итоги анализа, отметим, что методологические подходы к исследованию феномена организационной культуры различных научных школ имеют специфические черты. Каждый из подходов предполагает включение в систему организационной культуры не однородного состава элементов, что определяет специфику понимания уровней и смысла данного социологического явления. Поэтому каждый исследователь в конкретном своём случае должен определить и раскрыть контекст, в рамках которого он будет употреблять данную научную категорию.

В рамках интегрированного подхода организационную культуру необходимо рассматривать как компонент культуры общества. Структурно она включает в себя набор социальных норм, ценностей, правил поведения, пониманий и представлений, которые, с одной стороны, разделяет большинство работников, с другой − вошедшие в привычку оценки действия, а также определяющие не только традиции и стиль мышления персонала, но и их образ трудового поведения. Организационная культура определяет технологии интеграции профессиональных групп, отдельных трудовых субъектов в контексте стратегической реализации достижения целей, решения поставленных трудовых задач, а также социальной адаптации к трансформациям внешней экономической и социально-культурной среды.

Условно можно представить четыре уровня проявления организационной культуры: 1) поверхностный: абстрактный, внешний (все внешние материальные и социальные феномены, проявляющиеся в деятельности организации); 2) базовый: показной (провозглашаемые социальные нормы, ценности, правила поведения, понимания и представления); 3) реальный: основной (реально разделяемые и составляющие основу трудовых действий социальные нормы, ценности, правила поведения, понимания и представления); 4) поведенческий: конечный (внутренние стимулирующие основы трудовой деятельности акторов, образ их трудового действия и поведения).

УДК 316.483
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51708

И.А. СЕЛЕЗНЕВ
кандидат социологических наук, доцент, ведущий научный сотрудник ИСПИ ФНИСЦ РАН*

Россия, конфликтный потенциал Центрально-Азиатского региона и перспективы евразийской интеграции

В статье рассмотрены внешние и внутренние вызовы безопасности в Центрально-Азиатском регионе, причины возникновения конфликтов внутри и между странами региона. Автор анализирует перспективы развития евразийской интеграции в регионе с точки зрения интересов России, риски роста и имманентные риски на этом пути, возможности и потенциал ОДКБ и ЕАЭС по разрешению и предупреждению конфликтов. Предлагаются сценарии развития ситуации в средне-и долгосрочной перспективе.

Ключевые слова: *Центрально-Азиатский регион, Россия, ОДКБ, ЕАЭС, евразийская интеграция, конфликтный потенциал, территориальные споры, политические сценарии*

I.A. SELEZNEV
PhD in Sociology, Docent, Leading Researcher of ISPR FCTAS RAS

Russia, the conflict potential of the Central Asian region and the prospects of Eurasian integration

* Селезнев Игорь Александрович, e-mail: igdrake@yandex.ru

The article considers external and internal security challenges in the Central Asian region, the causes of conflicts within and between the countries of the region. The author has analyzed the prospects for the development of Eurasian integration in the region from the point of view of Russia's interests, the risks of growth and inherent risks on this path, the opportunities and potential of the CSTO and the EAEU for conflict resolution and prevention. The scenarios for the development of the situation in the medium and long term are proposed.

Keywords: *Central Asian region, Russia, CSTO, EAEU, Eurasian integration, conflict potential, territorial disputes, political scenarios*

Поводом для написания данной статьи стал вооруженный приграничный конфликт между Киргизией и Таджикистаном 28 апреля – 1 мая 2021 г. Оба государства де-юре являются союзниками по Организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ) и Шанхайской организации сотрудничества (ШОС) и их конфликт с применением военной силы вызвал разговоры о кризисе этих объединений. Хотя новейшая история знает прецеденты военных столкновений между членами одного военно-политического союза (напр. членов НАТО Греции и Турции, достаточно вспомнить вооруженный конфликт на Кипре в 1974 г.), но это, тем не менее, не даёт индульгенции при возникшей напряженности между участниками ОДКБ.

Киргизско-таджикский конфликт породил политические спекуляции. Каждая из сторон неоправданно призывала к военной помощи сил ОДКБ и отсутствие таковой было использовано для дискредитации Организации. Так, на заседании комитета по международным делам, обороне и безопасности Жогорку Кенеша − парламента Киргизской Республики, оппозиционными депутатами было предложено пересмотреть членство в ОДКБ и присоединиться к «другой организации» (имелось в виду НАТО). Данное предложение о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО получило широкое обсуждение среди киргизских пользователей социальных сетей[1].

В данной работе под Центрально-Азиатским регионом (ЦАР) понимается политико-географическое пространство, ранее обозначавшееся термином «Советская Средняя Азия и Казахстан», включающее 5 постсоветских государств. После 1991 г. эти республики Союза ССР обрели независимость и получили возможность самим выбирать своё будущее и век-

[1] В Кыргызстане заговорили о выходе из ОДКБ и размещении баз НАТО. [URL: https://news.myseldon.com/ru/news/index/250513890]

тор развития. Россия как правопреемница СССР перестав быть метрополией для новых независимых государств ЦАР, начала выстраивать отношения как с суверенными акторами международных отношений. Но ЦАР является для России и останется на историческую перспективу зоной национальных интересов. И в царский и в советский период ЦАР оставался территорией, важной для российского государства в стратегическом, геополитическом, экономическом и социальном аспектах. И Россия сохраняет целый комплекс механизмов влияния в ЦАР[1].

Россия заинтересована в сохранении политической и экономической стабильности на пространстве ЦАР, развитии интеграционных процессов, укреплении межгосударственных экономических, культурных, образовательных связей; урегулировании имеющихся и предотвращении возникновения новых очагов напряженности и конфликтов в прилегающих к границам РФ странах; использовании Россией объектов оборонной инфраструктуры, расположенных в государствах-партнерах по евразийской интеграции; недопущении расширения НАТО на территорию бывших республик СССР; противодействии распространению экстремизма и терроризма, наркотрафика и оргпреступности через соседние государства.

За четверть века евразийской интеграции на постсоветском пространстве возникли такие инициативы как Евразийский экономический союз (ЕАЭС), ОДКБ, ШОС, каждая из которых имеет свои функции и решает свои задачи. Евразийская интеграция может в долгосрочном плане помочь усилить экономическое сотрудничество на постсоветском пространстве и, соответственно, уменьшить негативный эффект глобальных кризисных явлений.

Россия рассматривает государства-участники евразийской интеграции в качестве близких экономических и стратегических союзников. Наличие совместных угроз объединяет партнеров, требует скоординированных усилий по выработке единой системы международного военного сотрудничества в соответствии с провозглашенными целями государств-членов ОДКБ и их союзников[2]. Тем не менее, руководители госу-

[1] *Притчин С.А.* Российская политика в Центральной Азии в XXI в. // Проблемы национальной стратегии, 2020, № 6(63), с. 76-92.

[2] *Цыплин В.Г.* Особенности укрепления военно-технического потенциала государств − членов ОДКБ в 2019 году // Военная история России: проблемы, поиски, решения. Материалы Международной научной конференции, посвя-

дарств ЦАР периодически заявляют, что проводят «многовекторную» политику, направленную, в первую очередь, на укрепление их собственной независимости. В этом плане опасения (а для многих и надежды), что ЕАЭС и другие интеграционные инициативы приведут к возврату России к роли «старшего брата» напрасны. ЕАЭС в случае, если в его рамках удастся наладить стабильное взаимовыгодное экономическое сотрудничество, способен усилить российский вектор в политике вовлеченных в евразийскую интеграцию стран. Но он не отменит при этом других векторов, только сбалансирует их. Так, за счет чисто экономических факторов российский вектор в ЦАР в последнее время сильно ослаб по сравнению с китайским. ЕАЭС может помочь в том, чтобы уравновесить этот тренд. Усиление экономического сотрудничества с Россией в этом плане может только помочь вовлеченным в ЕАЭС странам ЦАР укрепить свою независимость, в частности, по отношению к Китаю.

Ведь фактически внешнеполитическая «многовекторность», понимаемая зачастую как отдаление от России приводит к возрастанию зависимости от других центров силы (США и ЕС либо от КНР), что в конечном счете противоречит национальным интересам самих государств ЦАР. Поэтому, можно согласиться, что основным препятствием для нормативного и институционального развития евразийской интеграции является отсутствие политической воли, чётко обозначенной на высшем государственном уровне[1].

В предыдущей статье нам уже приходилось давать типологию издержек и рисков на интеграционном пути:

1. **Риски роста** − все те проблемы и сложности, которые возникают при институционализации интеграционных процессов. К их числу относятся: (1) экономические риски; (2) социальные риски; (3) риски безопасности.

2. **Имманентные риски** − порождаемые самим суверенным государственным статусом стран-участниц ЕАЭС, для которых существует определенная «красная черта» ограниче-

---

щенной 75-летию Победы в Великой Отечественной войне: в 3 ч. Волгоград, 2020, с. 40-48.

[1] *Журавлёв В.Е.* О некоторых тенденциях евразийской экономической интеграции // Вестник Института мировых цивилизаций, 2019, т. 10, № 3(24), с. 9.

ний, дойдя до которой дальнейшие интеграционные продвижения воспринимаются в качестве угрозы суверенитету[1].

Обозначим и некоторые характерные черты региональных конфликтов (РК): (1) РК можно рассматривать, как опережающее проявление назревающих глобальных конфликтов; (2) в основе РК лежат противоречия в сфере экономики, политики, религии и идеологии, и они, как правило, протекают в русле национально-этнических и религиозных столкновений; (3) РК отличаются составом участников, в качестве которых выступают административно-территориальные образования или этнические группы; (4) РК вовлекают в свою орбиту большие массы населения со своими зонами влияния; (5) РК связаны с динамикой и трансформацией восприятия исторических ситуаций; (6) формирование образа конфликтной ситуации у народа занимается политический менеджмент с активным использованием СМИ[2].

Итак, рассмотрим конфликтный потенциал в ЦАР.

Внутриполитические вызовы.

1) Бедность, рост социальной дифференциации; социально-экономическая нестабильность, высокий уровень безработицы.

2) За годы суверенитета в государствах региона произошла архаизация общественной жизни, связанная с широким распространением клановости, землячества, коррупции, продвижения и покровительства родственникам, пренебрежения правами человека, разделением властей, низкой эффективность государственных структур и т.п. Это не может не порождать социальной напряженности. По мнению специалистов, приспосабливаясь к современности, обретая новые сущностные качества, среднеазиатские кланы остаются актуальным социально-политическим феноменом. Противоречия с элитной верхушкой, порождаемые традиционным вектором эволюции кланов, инициируют «регионализацию» кланов, их консолидацию вокруг повестки, замыкающейся на местные проблемы. Такой «разворот» клановых сообществ может иметь

[1] *Селезнев И.А.* О первых итогах евразийской интеграции. достижениях и рисках Евразийского экономического союза // Социально-гуманитарные знания, 2020, № 6, с.167-173.

[2] *Евсеев В.О., Селезнев И.А.* Конфликт-менеджмент и методы исследования региональных конфликтов // ЦИТИСЭ, 2021, № 3, с. 79-95.

деструктивные последствия, в том числе потенциально ведущие к сецессии[1].

3) В обществах государств ЦАР сохраняются и межэтнические противоречия. Достаточно вспомнить межэтнические столкновения в Киргизии, в Оше и Джалал-Абаде в июне 2010 г. Стоит обратить внимание что политические противники лидера Киргизстана С. Жапарова, обвиняют его в приверженности к киргизскому национализму. По этим причинам рейтинг популярности президента крайне низок у многочисленной узбекской общины на юге страны, где его считают сторонником антиузбекских настроений и действий, в частности, в период ошско-джал-алабадских событий 2010 г.[2].

4) Джихадисты, исламские экстремисты, которые ждут своего часа, чтобы в случае возникновения политической нестабильности общества прийти к власти. Эти круги используют для вовлечения в ряды своих сторонников идеологические мотивы, связанные и не связанные с религией. Для дискредитации правящих светских режимов джихадистами широко используются спекуляции на существующих социальных проблемах и противоречиях стран ЦАР. Часто представители экстремистских организаций связаны с криминальными группами, используя их для маскировки своей деятельности, а также получения доходов, материальных и людских ресурсов[3].

5) Распространение наркомании и деятельность занятых транзитной наркоторговлей организованных преступных сообществ (ОПС). Практически во всех государствах ЦАР за последние годы наблюдается рост числа наркозависимых, что связывается в том числе и с нерешенностью проблемы поступления наркотиков из Афганистана[4]. Существуют связи наркомафии с исламским экстремизмом и есть угроза соединения занятых наркотрафиком криминальных структур с террористи-

---

[1] *Рекк Д.А., Егоров В.Г.* Социально-политическая эволюция кланов Центральной Азии // Социальные и гуманитарные знания, 2020, том 6, № 3, с. 250-259.

[2] Почему осужденного Садыра Жапарова так продвигают в премьер-министры и как он стал так популярен среди некоторых протестующих. [URL: https://kloop.kg/blog/2020/10/07/pochemu-osuzhdennogo-sadyra-zhaparova-tak-prodvigayut-v-premer-ministry-i-kak-on-stal-tak-populyaren-sredi-nekotoryh-protestuyushhih/]

[3] Профилактика терроризма и экстремизма в молодежной среде / Под общ. ред. А.П. Новикова / АТЦ СНГ, МОФ «Российский фонд мира». М.: Изд-во «Русь», 2018, с. 24.

[4] Процессы евразийской интеграции: социально-политическое измерение / Под общ. ред. Г.И. Осадчей. М.: БИБЛИО-ГЛОБУС, 2018, с.152.

ческими. Активизация экстремистских и террористических организаций в ЦАР крайне выгодна для наркомафии по двум причинам: (а) отвлекает внимание силовых структур региона; (б) дает возможность объединять свои усилия с террористическими организациями с целью дестабилизации обстановки в регионе. Реальность такой кооперации еще более вероятна в период смены политических элит в некоторых странах ЦАР, что потенциально может привести к появлению представителей наркомафии в высших структурах государственной власти. Отдельная проблема – в появлении идеологического обоснования наркоторговли, которая стала рассматриваться как один из действенных инструментов борьбы с Западом и его союзниками[1].

6) Потенциальным вызовом остаётся угроза политической дестабилизации региона как в процессе передачи власти новому поколению руководителей, так и смены руководящих элит. В Таджикистане, по ряду экспертных оценок, на среднесрочной повестке дня стоит передача власти от президента Э. Рахмона к его сыну Р. Эмомали. И Таджикистан может стать следующим объектом для попытки «цветной революции», тем более, что в стране для этого существуют все социальные условия. Учитывая события гражданской войны 90-х гг. в республике, последствия дестабилизации могут быть непредсказуемыми. Даже в относительно благополучных государствах региона могли быть проблемы с передачей верховной власти, но тем не менее, за прошедшие годы можно было наблюдать в целом удачные примеры транзита власти в Узбекистане (избрание президентом премьера Ш. Мирзиёева после смерти президента И. Каримова) и в Казахстане (по сценарию «рокировки в китайском стиле», с избранием на должность президента К.-Ж. Токаева и сохранением за «национальным лидером» Н. Назарбаевым постов главы Совбеза Казахстана, члена Конституционного совета и председателя правящей партии «Нур-Отан»).

Особняком в этой группе стран стоит Киргизстан. Если Западом не были признаны в качестве «свободных и справедливых» никакие выборы, проводимые в Казахстане. Таджикистане, Туркменистане, Узбекистане с момента обретения независимости, и политические режимы в этих государствах вос-

[1] *Селезнев И.А.* Роль ОДКБ и ШОС в обеспечении безопасности стран Средней Азии // Социально-гуманитарные знания, 2017, № 4, с. 146.

принимались в качестве авторитарных, то в Киргизии сложилась специфическая политическая культура смены власти, которую можно было бы назвать «охлократической» (свержение власти через массовые выступления недовольного населения). Подобная особенность политической жизни Киргизстана ослабляет государственные структуры и ставит процесс смены власти в зависимость как от регионально-субэтнических и властно-корпоративных кланов, так и от ОПС. Периодичность подобных решений внутриполитических социальных кризисов в стране лишь подтверждает наше предположение. (см. «Тюльпановая революция» в марте 2005 г., приведшая к отстранению от власти президента А. Акаева; свержение президента К. Бакиева в апреле 2010 г., «Третья киргизская революция» октября 2020 г., результатом которой стала отставка с президентского поста С. Жээнбекова и, в конечном счете, приход к власти С. Жапарова). Тем не менее, следует обратить внимание на усиление президентской вертикали власти в стране: большинство граждан Киргизии на референдуме 10 января 2021 г. проголосовало за президентскую республику, а апреля 2021 г. была принята новая Конституция, закрепившая данную форму правления. Характерно, что это уже 3-й раунд изменений в основном законе Киргизской Республики относительно формы правления, каждый раз осуществляемый по итогам «революций». Так, спустя два года после «Тюльпановой революции» в период президентства К. Бакиева были проведены изменения в основном законе в пользу усиления полномочий президента, но по итогам «Второй киргизской революции» 27 июня 2010 г. прошел референдум по новой конституции, которую приняли 90,57% голосами «за»: тогда государство после нараставших в период правления президента К. Бакиева авторитарных тенденций стало парламентско-президентской республикой. Теперь снова усилены президентские полномочия. Если США и страны Запада демонстрируют неприятие возможного усиления власти президента в политической системе Киргизстана, то Россия, КНР и Казахстан заняли другую позицию, поддерживая в первую очередь стабилизацию ситуации, под чем понимается отсутствие межэтнических конфликтов в стране и соблюдение руководством Киргизии ранее достигнутых договоренностей. Поэтому показательно, что лишь в середине ноября 2020 г. правительство России возобновило финансовую помощь Киргизии, приостановленную в период нестабильности внутриполи-

тической в Бишкеке. Поэтому неудивительны заявления С. Жапарова и в качестве кандидата в президенты КР и избранного президента о России как главном стратегическом партнере Киргизии. Тем не менее, стоит учитывать, что изменение формы правления не застрахует Киргизстан от повторения привычного сценария − силового захвата власти, поскольку сохраняются застарелые конфликты, а инициатива с реформой конституции − не новация, а возвращение устоявшейся практики, когда с приходом нового лидера и сплоченной и организованной группы его сторонников менялось и зачищалось политическое поле. Но тогда и следует ожидать, что через какое-то время весь цикл смены власти повторится[1].

Итак, очевидной является значимость внутренних причин в системе вызовов безопасности ЦАР. Каждый из вышеописанных факторов способен запустить или оказаться фоновым условием для реализации негативных сценариев развития.

Внешние вызовы. Существенное число проблем в Центральной Азии носит трансграничный характер, поэтому судьба каждой из республик ЦАР связана с судьбой соседей.

1) Угроза распространения возникшей нестабильности по странам региона и вероятность вооруженных провокаций; наличие вблизи стран региона очагов военных конфликтов.

2) Деятельность международных террористических и радикальных организаций и группировок, усиление позиций религиозного экстремизма в сопредельных странах вблизи границ стран ЦАР. Наиболее серьезным внешним вызовом для ЦАР на ближайшую перспективу остается афганский фактор с такими возможными перспективами, как возвращение «Талибана» *(запрещенная в России террористическая организация)* к власти в Афганистане и превращение его в центр радикального исламизма. В 2019-21 гг. ситуация в Афганистане остается одной из основных угроз региональной безопасности в ЦАР. Согласно данным Глобального индекса терроризма, Афганистан с 2018 г. сохраняет за собой лидирующие позиции в мире по уровню террористической активности[2].

---

[1] "Нами правили водители и телохранители". В Киргизии меняют конституцию. [URL: https://ria.ru/20201122/kirgiziya-1585600772.html?in=t]

[2] Рейтинг стран мира по уровню терроризма [URL: https://gtmarket.ru/ratings/global-terrorism-index]; Global Terrorism Index report 2020 [URL: https://www.visionofhumanity.org/wp-content/uploads/2020/11/GTI-2020-web-1.pdf]

3) Важным аспектом для среднеазиатских стран ЕАЭС становится усиление экономической роли Китая и его проникновение в ЦАР. Объективные причины для этого процесса − экономическая слабость стран ЦАР, рост экономики КНР, сокращение в рамках ЕАЭС инвестиционной активности России (находящейся под экономическими санкциями Запада), наряду с сокращением инвестиционной активности Запада в эти страны, и, наконец, стремление среднеазиатских государств диверсифицировать свои геоэкономические интересы. КНР заинтересована в стабильности в ЦАР и с экономической точки зрения (экспорт сырья и энергоресурсов, выход в Восточную Европу и на Ближний Восток) и исходя из вопросов безопасности. По некоторым оценкам, ЦАР уже попал в сферу технологической и экономической зависимости от КНР; военно-политическое влияние России еще сохраняется, но и эта часть постепенно будет делегироваться Китаю. Однако, в каждой республике своей баланс влияния двух стран, который на настоящем этапе поддерживается совместно РФ и КНР[1]. Стоит отметить, что экономическое проникновение КНР стало вызывать политические спекуляции различных политических сил, как акцентирующих возникающие угрозы и риски национальному суверенитету, так и подчеркивающих преимущества экономической активности КНР. Но периодически возникающие массовые антикитайские настроения в странах ЦАР используются там во внутриполитической борьбе[2].

4) Включение в процесс внерегиональных, неевразийских акторов. Потенциально влияют на обстановку в ЦАР противоречия между крупными мировыми державами, вовлеченными в центральноазиатские дела (США и их союзники, КНР, Россия): американо-российские противоречия и американо-китайские. А это ведет к разнонаправленному давлению на страны ЦАР, к тому, что внерегиональные игроки могут воспользоваться какими-то негативными с точки зрения обеспечения безопасности государств региона тенденциями в своих интересах. Учитывая вывод военного контингента США из Афганистана, не станет ли возможным размещение баз НАТО в пост-

[1] *Больбот И.* Растущее влияние Китая в ЦА: неизбежность или стратегия развития региона? [URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-05-18--rastuschee-vlijanie-kitaja-v-ca-neizbezhnost-ili-strategija-razvitija-regiona-54672]

[2] 10 наиболее важных событий в Центральной Азии в 2019 году [URL: https://asiaplustj.info/ru/news/centralasia/20190228/10-naibolee-vazhnih-sobitii-v-tsentralnoi-azii-v-2019-godu]

советских государствах ЦАР? В связи с этим директор СВР России С. Нарышкин призвал страны региона не допустить такого поворота событий[1].

5) Серьезной проблемой в ЦАР являются конфликтогенные межэтнические и межгосударственные противоречия и территориальные претензии. Споры эти особенно затрагивают Киргизию, Таджикистан, Узбекистан. Можно обозначить здесь следующие причины возникновения конфликтных ситуаций:

а) Дефицит водных и энергетических ресурсов, а также проблема ограниченности доступа к пастбищам и дорогам в ЦАР порождает соперничество как жителей приграничных сёл, так и государств, в частности, споры между государствами по поводу раздела вод трансграничных рек. Это всё в случае возникновения инцидентов между гражданами разных государств по поводу дележа ограниченных ресурсов придает конфликту социально-экономическое предметное содержание[2]. Но тогда срабатывают закономерности: политико-экономические конфликты провоцируют возникновение вооружённых конфликтов и войн, коэффициент корреляции довольно значительный и равняется 0,64[3].

б) Незавершенные в государствах ЦАР сложные процессы нациестроительства и формирования государственных идеологий, компонентом которых часто становятся территориально-пограничные споры с соседями или же притензии некоторых государств на региональное лидерство также провоцируют региональные конфликты[4].

в) Неурегулированные территориальные претензии между государствами ЦАР. При отсутствии общепризнанной делимитации и демаркации границ, каждая из стран способна интерпретировать в свою пользу разночтения в положении границы. В первую очередь, это актуально для ситуации в Ферганской долине, которую между собой делят Узбекистан, Таджикистан и Киргизия. Особенностью государственных границ в

---

[1] Нарышкин: США хотят отправить войска из Афганистана в соседние страны [URL: https://ria.ru/20210519/naryshkin-1733020836.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop]

[2] Люди гибнут из-за жажды: что не поделили Киргизия и Таджикистан https://runews24-ru.turbopages.org/runews24.ru/s/politics/04/05/2021/b99d2bs024c3f45c7ce5eb15283e6e81

[3] *Евсеев В.О.* Методология применение экспертных систем для анализа региональных конфликтов // ЦИТИСЭ, 2021. № 3, с. 67-68.

[4] *Малышева Д.Б.* Вызовы безопасности в Центральной Азии // Россия и мусульманский мир, 2014, № 1, с. 77.

ЦАР стало наличие множества анклавов/эксклавов. Внутри Киргизстана находятся принадлежащие Узбекистану территории Джангайл, Сох, Чон-Гара, Шахимардан и принадлежащие Таджикистану Ворух и Западная Калача; а в Узбекистане − эксклавы Киргизии (Барак) и Таджикстана (Сарвак). И эти анклавы служат яблоком раздора между граничащими республиками. Так, конфликты вокруг Воруха происходили еще в советское время (1974, 1989 гг.), но даже тогда союзный центр не смог политически решить эту проблему, хотя сумел погасить столкновения. А после распада СССР и обретения республиками независимости конфликты стали более ожесточенными. За период 2018-2021 гг. на таджикско-киргизской границе было зафиксировано только крупных 9 инцидентов[1]. Ситуацию на киргизско-таджикской границе на протяжении лет подогревают и западные НКО, которые в условиях политической «многовекторности» Киргизии и Таджикистана подтачивают систему безопасности в ЦАР[2].

В те самые дни, когда в конце апреля 2021 г. в Душанбе проходило заседание Комитета Совбезов стран ОДКБ на границе Таджикистана и Киргизии случился конфликт, суммарно унесший более 50 жизней с обеих сторон. Спор местных жителей из-за водораспределительного пункта «Головной» в верховьях реки Исфара перешел в боестолкновения с участием военнослужащих. Несмотря на беспрецедентность накала и масштабов прошедшего конфликта, следует отметить, что там на протяжении лет периодически возникали осложнения между жителями приграничных сёл. Тем не менее, нельзя не отметить, что, хотя за последние 20 лет стычек между жителями приграничных сел было много, но большинство из них конфликтом гражданских лиц. Также, киргизско-таджикский конфликт 2021 г. принципиально отличается от всех предыдущих тем, что столкновения проходили сразу на нескольких участках границы.

Кроме того, можно вспомнить и произошедшие 31 мая 2020 г. столкновения между жителями сёл Чечме Кадамджайского района (Киргизия) и Чашма в анклаве Сох (Узбекистан). По

[1] *Уваров А.* Киргизия − Узбекистан − Таджикистан: что делать с этими границами? [URL: https://www.fondsk.ru/news/2021/04/18/kirgizia-uzbekistan-tadzhikistan-chto-delat-s-etimi-granicami-53396.html]

[2] *Арешев А.* Кто стоит за вооруженным конфликтом между членами ОДКБ? [URL: https://vpoanalytics.com/2021/05/17/kto-stoit-za-vooruzhennym-konfliktom-mezhdu-chlenami-odkb/]

официальным сообщениям, конфликт при имеющемся дефиците воды начался из-за споров о том, какой стране принадлежит родник Чашма, обеспечивающий питьевой и поливной водой жителей как Узбекистана, так и Киргизстана[1].

Киргизско-таджикские отношения продолжают оставаться далекими от нормализации, постоянно происходят пограничные инциденты. Так, 8 июня 2021 г. опять произошла интенсивная перестрелка между пограничниками Киргизии и Таджикистана[2].

Важной проблемой остается водоразделение. Сразу после распада Союза ССР и обретения независимости союзными республиками был создан механизм регулирования водных ресурсов в ЦАР. В феврале 1992 г. было подписано соглашение «О сотрудничестве в сфере совместного управления использованием и охраной водных ресурсов межгосударственных источников» и была учреждена Межгосударственная координационная водохозяйственная комиссия (МКВК), а также бассейновые водохозяйственные объединения на Амударье и Сырдарье. Очередное, 80-е заседание МКВК прошло в мае 2021 г. По мнению специалистов, этот механизм ещё остаётся жизнеспособным, хотя к его работе уже нарекания за годы работы накопилось много нареканий[3].

Общая проблема водопользования заключается в распределении энергетической и ирригационной специализации между государствами: Киргизстану и Таджикистану достались крупные каскады ГЭС и водохранилища, а Узбекистану, Казахстану и Туркменистану – разветвленная система мелиорации с искусственными регуляторами воды. Эти отраслевые сегменты национальных экономик в различной степени зависимы друг от друга. Страны, лежащие в зоне формирования водостока трансграничных рек, нуждаются в развитии гидроэнергетики, являющейся для них практически главным стратегическим ресурсом. В нижнем течении, где традиционно используется поливное земледелие, вода остается жизненной основой для сельскохозяйственной деятельности крупных

---

[1] Конфликт на кыргызско-узбекской границе 31 мая [URL: https://ru.sputnik.kg/trend/konflikt-na-kyrgyzsko-uzbekskoj-granice-31-maya/]

[2] На границе Киргизии и Таджикистана произошла перестрелка. [URL: https://ria.ru/20210724/perestrelka-1742667975.html]

[3] *Каражанов З.* Вода – всему голова. Тем более – в Центральной Азии. [URL: https://www.ritmeurasia.org/news--2021-05-30--voda-vsemu-golova.-tem-bolee-v-centralnoj-azii-54865]

оазисов. Но недостаток доверия в этом вопросе между государствами ЦАР затрудняет развитие этой сферы. Проблема не может быть принципиально решена в пользу эгоистической выгоды только одной из сторон.

Потребность стран ЦАР в большом водном проекте остается довольно острой, но она упирается и в поиск взаимоприемлемого решения. Теоретически, существовало два различных подхода к решению проблемы дефицита воды в ЦАР:

а) Получение водосурсов из-за рубежа путем изменения русел полноводных рек и ввода в строй новых гидротехнических сооружений. Но тут следует вспомнить, как в 1980-е гг. при активном участии гражданского общества, АН СССР, экологов и гуманитарной интеллигенции был отвергнут грандиозный мега-план «поворота сибирских рек в республики Средней Азии», чреватый катастрофическими экологическими последствиями для многих регионов Российской Федерации. Неуспешная попытка реанимировать его уже в 2000-е гг., по предложению тогдашнего мэра Москвы Ю. Лужкова, лишь подтверждает одиозность и неприемлемость для России этого варианта.

б) Повышение эффективности использования уже имеющихся водных ресурсов, кооперация возможностей и сил в рамках ЕАЭС. Ведь ЦАР лидирует в СНГ по потерям воды и уровню ее загрязнения. Достаточно показательна проблема пересыхания Аральского моря, обмеления Амударьи. Отдельной проблемой остаётся вопрос о достройке комплекса из нескольких ГЭС на территории Киргизии и Таджикистана. Структуры ЕАЭС, как и российский бизнес способны и могли бы взять на себя роль лидера в реализации этого водно-энергетического проекта и не ждать, когда таким лидером рано или поздно станет какой-нибудь другой геополитический актор. И стоит отметить первые шаги на на этом пути. В июле 2021 г. Евразийский банк развития (ЕАБР) представил аналитический доклад «Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии»[1].

Итак, вопреки возникшим злорадным мнениям о «неэффективности» механизма ЕАЭС, ОДКБ, ШОС в предотвращении и преодолении возможных конфликтов существуют экономические механизмы разрешения противоречий. Воз-

[1] Инвестиции в водно-энергетический комплекс Центральной Азии. [URL: https://analytics.eabr.org/]

можно предложение со стороны евразийских объединений посреднических услуг конфликтующим сторонам (создание органов быстрого реагирования и разведения конфликтующих сторон, «дорожная карта» размежевания, арбитраж и т.п.). ОДКБ может оказывать своим членам помощь в делимитации и демаркации границ, оборудовании техническими средствами спорных участков границ и зон конфликтов, охране стратегических объектов, ликвидации последствий катастроф, природных катаклизмов и эпидемий и др. Но рост нестабильности в странах ЦАР показал нехватку механизма урегулирования споров между странами-членами ОДКБ, в том числе договорно-правовой базы в сфере безопасности, недостаточность прав ОДКБ на введение наблюдателей и миротворческих сил в зоны конфликтов, отсутствие посреднических групп и недостаточность взаимно обязывающих процедур[1]. И эти вопросы требуют решения.

Заключение. Анализ положения позволяет прийти к выводу, что в основе наличной и перспективной ситуации в ЦАР лежат сценарии интеграции и конфликта. Таким образом, эти две категории составляют диалектическую пару, с помощью которой можно понять и описать процессы в ЦАР, да и на всём постсоветском пространстве. На основании рассмотренного материала мы видим, что в основе источников нестабильности и конфликного потенциала в странах ЦАР лежат как «риски роста», так и «имманентные риски». Исходя из этого, можно предложить ряд сценариев развития евразийской интеграции в ЦАР на средне- и долгосрочную перспективу:

Сценарий № 1: «евразийская интеграция». Углубленная интеграция ЦАР в общее евразийское пространство экономических и политических союзов вокруг России. Хотя данный проект, частично уже осуществляется в формате ЕАЭС и др. интеграционных объединений суть вопроса заключена в интенсивности процесса. Мы наблюдаем «имманентные» интеграционные риски и препятствия в силу приверженности элит новых независимых государств ЦАР принципу суверенитета, наличие внутренних ограничений в их интеграционной политике.

[1] *Попова В.* ОДКБ: не спешите нас хоронить [URL:https://www.ritmeurasia.org/news--2021-06-09--odkb-ne-speshite-nas-horonit-55026?utm_source=warfiles.ru]

Сценарий № 2: «инерционный статус-кво». Сохранение основных имеющихся тенденций развития во внутренней и внешней политике каждой из отдельно взятых стран и в ЦАР в целом. Сохранение политических режимов, преемственность элит, достаточно плавный транзит власти новым поколениям политического класса. Под лозунгом многовекторности внешней политики участие в евразийских интеграционных объединениях будет носить ситуационно-утилитарный или формально-декоративный характер. При этом государства ЦАР параллельно будут участвовать и в экономических, политических и военных союзах, не связанных с участием России. Сохраняются формально светские общества с внешними атрибутами демократических республик, но во внутренней политике в противовес возможной исламизации нарастает тенденция на этнократию.

Сценарий № 3: «чужеродное поглощение». Выпадение ЦАР из орбиты России, падение правящих режимов, приход к власти контрэлит (исламистских или прозападных – этнократических, антирусских), вступление государств ЦАР в антироссийские (и антикитайские) военно-политические союзы. В связи с выводом войск США из Афганистана и появлением перспективы возвращения к власти в этой республике «Талибана» *(запрещенная в России террористическая организация)* возрастает угроза переноса военного конфликта слабой и средней интенсивности на территорию постсоетских стран ЦАР, риска крушения светских режимов и замены государственности на исламскую теократическую, с возможным распадом национальных государств и поглощением региона «исламским халифатом».

Сценарий № 4: «переформатирование границ». Изменение границ в ЦАР, ряд из государств прекратит свое существование или изменит свою площадь, присоединившись целиком или частично-регионально к соседним.

Сценарий № 5: «комбинаторный». Параллельное развитие сценариев №№ 1, 2, 3 4 для разных государств. Возможно более активное участие в евразийской интеграции одних из государств и дистанцирование от нее, изоляционизм, распад или присоединение каким-либо иным союзам других.

УДК 328. 1
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51709

А.В. МАТЮХИН
доктор политических наук, профессор кафедры теории и истории международных отношений института международных отношений и социально-политических наук (факультет) Московского государственного лингвистического университета*

Идея парламента в русской либеральной мысли начала XX века

В статье анализируются ключевые идеи парламентаризма в теориях русских либералов начала XX века. Важная роль здесь отводится парламентской концепции М.М. Ковалевского, конституционным проектам С.А. Муромцева и Союза Освобождения. Представлена также критика либеральных парламентских идей со стороны монархиста Л.А. Тихомирова.

Ключевые слова: *идея парламента, русский либерализм начала XX века, парламентаризм, конституционная монархия, всеобщее избирательное право, Государственная дума, М.М. Ковалевский, Союз Освобождения, С.А. Муромцев, Л.А. Тихомиров.*

A.V. MATIUKHIN
doctor of political sciences, Professor of the Department of theory and history of international relations at the Institute of international relations and socio-political Sciences (faculty) Moscow state linguistic University

The idea of Parliament in Russian liberal thought at the beginning of the XX century

* Матюхин Андрей Викторович, e-mail: avmpl@mail.ru

The article analyzes the key ideas of parliamentarism in the theories of Russian liberals of the early XX century. An important role here is assigned to the parliamentary concept of M. M. Kovalevsky, the constitutional projects of S. A. Muromtsev and the Union of Liberation. The article also presents the criticism of liberal parliamentary ideas by the monarchist L. A. Tikhomirov.

Keywords: *the idea of parliament, Russian liberalism of the beginning of the XX century, parliamentarism, constitutional monarchy, universal suffrage, the State Duma, M. M. Kovalevsky, the Union of Liberation, S. A. Muromtsev, L. A. Tikhomirov.*

Данная статья является продолжением исследования проблематики идеи парламентаризма в русском дореволюционном либерализме, начатой в предыдущих номерах журнала «Социально-гуманитарные знания[1]. В первых двух статьях анализировались как умеренно-консервативные подходы в рамках русской либеральной мысли XIX века к введению института парламента в политическую систему Российской Империи (М.М. Сперанский, К.Д. Кавелин, Б.Н. Чичерин и др.), так и радикализация требований ускоренного учреждения общероссийского парламента, проявившаяся во второй половине XIX в. со стороны либеральной общественности, и прежде всего − деятелей земского движения.

Развитие идеи парламента в русском либерализме начала XX в. было обусловлено двумя факторами: с одной стороны, продолжением теоретического дискурса о месте и роли народного представительства в России, идущего от традиций отечественного либерализма XIX в., начиная с М.М. Сперанского, а другой − политической практикой, связанной с учреждением и функционированием Государственной Думы и общественными процессам в стране. В данной статье, по преимуществу, будет уделено внимание первому фактору, а в следующей статье – второму.

Среди русских либералов начала XX века главным академическим авторитетом в области теории парламентаризма можно по праву назвать Максима Максимовича Ковалевского (1851-1916). Являясь специалистом по истории государственных учреждений Англии, он полагал оптимальной для Рос-

[1] *Матюхин А.В.* Идея парламента в русской либеральной мысли XIX века // Социально-гуманитарные знания, 2021, № 3, с. 226-238; *Он же.* Радикализация идеи парламента в русском либерализме второй половины XIX века Идея парламента в русской либеральной мысли XIX века // Социально-гуманитарные знания, 2021, № 4, с. 256-264.

сийской Империи адаптацию британского политического опыта. Его работа в должности профессора Московского университета, где Ковалевский читал лекции по государственному праву иностранных держав, была прервана в разгар правления яркого противника парламентаризма на российской почве Александра III (в 1887 г.) по политическим мотивам − «за отрицательное отношение к русскому государственному строю». Дальнейшая научная деятельность Ковалевского была связана с отъездом за границу, чтением лекций в университетах Франции, Англии, Швеции, Италии, США, а также написанием научных статей и книг не только на русском, но и на четырех европейских языках − немецком, английском, французском и итальянском. Ковалевский также вошел в историю российской и европейской науки как руководитель Международного института социологии, и как один из создателей Высшей Русской школы общественных наук в Париже.

Но в разгар событий Первой русской революции (в 1905 г.) М.М. Ковалевский вернулся в Россию, в том числе по причине необходимости внести свой вклад в становление российской партийной системы и парламентаризма. Оценивая научную и политическую деятельность Ковалевского важно подчеркнуть, что к началу XX в. он являлся заметным представителем «умеренной линии» в русском либерализме, сторонником либерально-консервативных традиций М.М. Сперанского, К.Д. Кавелина и Б.Н. Чичерина. Но в его время в русском либеральном движении доминировали и пользовались большой популярностью именно радикалы, сторонники «решительных мер» и ускоренных политических преобразований типа И.И. Петрункевича, П.Н. Милюкова и др. Именно радикализм многих либеральных лидеров подтолкнул М.М. Ковалевского и его соратников отдалиться от Конституционно-демократической партии и идти на выборы в Первую Государственную Думу в составе своей умеренно-либеральной Партии демократических реформ.

В партийной программе М.М. Ковалевского с опорой на английский политический опыт декларировалась важность формирования в России системы зрелой конституционной монархии в гармонии с полноценным институтом парламента. В самом начале программы подчеркивалось: «Государственное устройство Российской Империи как наследственной конституционной монархии определяется основным законом. Основной и другие вновь издаваемые законы требуют согласия

народного представительства и утверждения Императора»[1]. Но в отличие от конституционных демократов (кадетов), доминировавших в I Государственной Думе, Партия демократических реформ имела лишь четырех депутатов, включая самого М.М. Ковалевского. А в дальнейшем она влилась в консервативно-либеральную Партию Мирного Обновления (М.А. Стахович, П.А. Гейден и др.), где идейное влияние Ковалевского было также весьма заметным. Кроме того, с 1907 года в результате избрания от Академии наук и университетов, М.М. Ковалевский был представлен в Государственном Совете.

Являясь сторонником позитивистской теории общественного прогресса, М.М. Ковалевский в своих научных работах конца XIX − начала XX вв. активно применял историко-социологические аргументы в обосновании важности формирования парламентаризма, институтов народного представительства. Он полагал, что все племена и народы в мировой истории переживают «однохарактерные общественные явления»[2], а, следовательно, «проходят одинаковые стадии развития» в виде последовательной смены определенных общественных и политических состояний[3]. На первой стадии эволюции везде возникает родовой быт, он постепенно сменяется бытом феодальным, а затем закономерно воцаряется так наз. быт «гражданского равенства» с капиталистической организацией хозяйства.

В политической сфере также происходят объективные и «однохарактерные» изменения. М.М. Ковалевский, в частости, писал: «Государственные порядки вместо того, чтобы быть предметом свободного выбора, оказываются обусловленными всем предшествующим ходом общественного развития, в свою очередь стоящего в тесной связи с ростом знаний, техники и происходящими отсюда переменами в народном хозяйстве»[4]. А это неизбежно «сказывается также и на демокра-

---

[1] Программы политических партий России. Конец XIX − начало XX вв. М.: Российская политическая энциклопедия, Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1995, с. 350.

[2] *Ковалевский М.М.* Современные социологи. СПб.: Издание Л.Ф. Пантелеева. Типография М. Меркушева, 1905, с. 127.

[3] *Ковалевский М.* Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века *// История нашего времени (Современная культура и ее проблемы) / Под ред. проф. М.М. Ковалевского и К.А. Тимирязева,* Вып. 27. Пг.: *Издание Т-ва Бр. А. и И. Гранат и К°,* 1914, с. 33.

[4] *Ковалевский М.М.* Социология в 2 томах. Генетическая социология или учение об исходных моментах в развитии семьи, рода, собственности,

тизации государственных порядков»[1], обособлении законодательства от функций исполнительной власти и формировании системы парламентаризма как основного гаранта реализации политических прав населения. Ссылаясь на британский политической опыт «вызревания» либерального принципа разделения властей, Ковалевский подчеркивал, что в Англии историческая практика реализации политических прав и свобод определялась не простым механическим разделением ветвей государственной власти, но и симметричным распределением для каждой из них примерно равных областей влияния и господства: короне − королевскую прерогативу, лордам – право участия в законодательном контроле, общинам – инициативу реформ и заведования налоговым обложением[2].

В соответствии с английским опытом конституционной монархии, М.М. Ковалевский считал оптимальным и для структуры российского органа народного представительства наличие двухпалатной системы с правом парламентского запроса[3]. Но сама политическая практика строительства и совершенствования парламентских институтов в Российской Империи, по убеждению Ковалевского, должна отрицать революционные методы, отвергать «возможность переворотов»[4]. Формирование русского парламентаризма должно быть эволюционным, соответствующим «новым запросам жизни».

М.М. Ковалевский был сторонником введения в России всеобщего избирательного права. «В наше время, − отмечал он, − право голоса стало неотъемлемым правом всякого, способного сознательно пользоваться им. Всеобщее избирательное право превращается все более и более неизбежную необходимость, в основное условие всякой власти, истинно сильной и поэтому способной смело идти по пути прогресса»[5]. Дальнейшее успешное развитие Российской Империи Ковалевский

политической власти и психической деятельности. СПб.: Типография. М.М. Стасюлевича, Вас. Остр. 5, лин. 28, 1910, т. 2, с. 57.

[1] *Ковалевский М.* Очерк истории развития социологии в конце XIX и начале XX века, с. 85-86.

[2] *Ковалевский М.М.* Происхождение современной демократии в 4 томах. М.: Т-во Тип. А.И. Мамонтова, 1895, т. 1, с. 552.

[3] *Магазинер Я.М.* Политическая идея Ковалевского в связи с характеристикой его личности. Пг.: типо-лит. АО «Просвещение», 1917, 22 с.

[4] *Ковалевский М.* Очерк происхождения и развития семьи и собственности. М.: Соцэкгиз, 1939, с. 18.

[5] *Ковалевский М.М.* К истории всеобщего избирательного права / Пифферун О. Европейские избирательные системы. Спб., 1905. с. 360-361.

связывал с усилением политической роли парламента, называя зрелую систему народного представительства «воспол-нением конституционной монархии», ее «последним словом»[1].

Ряд идей М.М. Ковалевского в отношение образа российского парламента получила широкую поддержку среди отечественных либералов. Наиболее ярко это относилось, например, к стратегии введения внесословного всеобщего избирательного права. Так даже в программе праволиберальной партии «Союз 17 октября» («октябристы» − А.И. Гучков, М.В. Родзянко, Д.Н. Шипов и др.)[2] подчеркивалось «развитие и укрепление начал конституционной монархии с народным представительством, основанным на общем избирательном праве»[3]. А один из учредителей Конституционно-демократической партии, относящийся к ее «консервативному крылу», С.А. Котляревский (1873-1939) напрямую увязывал всеобщее избирательное право с возможность построения в России правового государства: «Естественная связь между принципом правового государства и избирательным порядком: принцип осуществляется тем полнее, чем большее число граждан признаются субъектами права на осуществление избирательной функции и чем более в этом смысле между ними достигнуто равенство»[4].

Однако другая идея М.М. Ковалевского о двухпалатной системе российского парламента вызывала среди либералов определенную полемику, вплоть до Февральской Революции. Если тот же С.А. Котляревский поддерживал Ковалевского в данном вопросе и отвергал структуру однопалатного народного представительства, подчеркивая, что оно «вотирует меры узкоклассового порядка»[5], то другой лидер кадетов П.Н. Милюков (1859-1943) считал, что именно однопалатный парламент более соответствует идеалу либеральной политичес-

---

[1] См.: *Ковалевский М.М.* Введение. Государство на Западе в начале XX в. // История нашего времени в 2 т. СПб., 1912, т. 1, с. 42.

[2] Отечественная история: Учебник. 2-е изд., перераб. и доп. / *А.В. Матюхин, Давыдова Ю.А, Ушаков А.И и др.* / Под ред. *А.В. Матюхина*. М.: Московский финансово-промышленный университет «Синергия», 2012, с. 162-163.

[3] Программы политических партий России. Конец XIX-начало XX вв. М.: Российская политическая энциклопедия, Российский независимый институт социальных и национальных проблем, 1995, с. 343.

[4] *Котляревский С.А.* Власть и право. Проблема правового государства. М., 1915, с. 275.

[5] *Котляревский С.А.* Предпосылки демократии // Вопросы философии, 1905, № III-IV, с. 115.

кой системы. В частности, он отмечал, что верхняя палата в структуре народного представительства «суть пережиток более или менее глубокой старины и почти всегда и везде передовые группы относятся к ним отрицательно»[1].

Но большинство российских либералов в начале XX в. все же склонялись к оптимальности двухпалатного парламента. Несомненно, знаковым здесь стал проект «Союза Освобождения», существовавшего в Российской Империи в 1903-1905 гг. как нелегальная организация, но сконцентрировавшая в своем составе почти всех крупных отечественных теоретиков либерализма этого периода: И.И. Петрункевича, П.Б. Струве, П.И. Новгородцева, Н.А. Бердяева, С.Н. Булгакова, И.В. Гессена, В.И. Вернадского, С.Н. Франка, Б.А. Кистяковского, Н.И. Кареева, Ф.Ф. Кокошкина, И.П. Белоконского и др. В своем проекте конституции России, подготовленном в 1904 г. и опубликованном в Париже в 1905 г., Союзом Освобождения предлагалась модель европейской конституционной монархии, но название парламента определялось как «Государственная дума», с апелляцией к традициям М.М. Сперанского. «Верховная власть Российской Империи, отмечалось уже первом параграфе проекта, − осуществляется императором при участии Государственной думы»[2]. Структура Государственной думы в качестве общерусского представительного органа власти виделась двухпалатной, в чем авторы усматривали «одну из главных гарантий действительного усвоения начал политической свободы».

В конституционном проекте Союза Освобождения предусматривалось избрание народных представителей на основе принципа всеобщего, равного и тайного голосования. Но если для нижней палаты Государственной думы предполагалось применить прямое избирательное право, то выборы в верхнюю − «Земскую» палату, в полномочия которой входило представление интересов губерний[3], предлагалось сделать двухступенчатыми. Депутаты верхней палаты избирались как региональные представители от земского и городского самоуправления, но выборы в сами местные органы власти также основывались на принципе прямого и всеобщего избирательного права. Принимался во внимание здесь лишь ценз осед-

[1] *Милюков П.Н.* Демократизм и вторая палата // Библиотека «Свободная Россия», 1905, № 5, с. 6.

[2] Основной Государственный закон Российской Империи. Париж, 1905, с. 1.

[3] Там же, с. 51-53.

лости, когда избирательного права не имели лица, проживающие менее года на момент выборов в конкретной местности.

В данном конституционном проекте подчеркивалось отрицательное отношение к сословному неравенству в избирательных правах, отстраняющему значительную часть населения от участия в выборах. Авторы проекта считали это серьезным ограничением законных политических прав граждан в решении насущных вопросов государственной жизни, что сделает реформируемый конституционный строй «шатким и непрочным», не позволит открыть «новую эру за равенство и справедливость»[1]. К трактовке же полномочий российского монарха либеральные авторы подходили все же с некоторой осторожностью, по крайней мере, для начального этапа реформирования политической системы. Император мог издавать указы, назначать и менять высших чиновников, руководить вооруженными силами, объявлять о войне и мире, получал право накладывать вето на любые законопроекты, а также право созыва и роспуска Государственной думы.

Для развития идеи парламента в русской либеральной мысли начала XX в. важно также отметить конституционный проект Сергея Андреевича Муромцева (1850-1910), подготовленный автором в 1904 г, а в июле 1905 г. поддержанный Земским съездом. С.А. Муромцев – это весьма знаковая фигура в русском либерализме. Он сыграл важную роль в создании Конституционно-демократической партии, а после выборов в I Государственную Думу стал ее председателем. В проекте Муромцева большое внимание уделялось полноценной реализации принципа разделения властей в Российской Империи. В частости, за монархом закреплялась роль главы исполнительной власти, а парламенту (Государственной думе) передавались значительные представительские и законодательные функции. И хотя органы исполнительной власти сохраняли право законодательной инициативы, но эти законопроекты получали силу закона после одобрения Государственной Думой и по утверждению императором с момента их обнародования.

В проекте С.А. Муромцева акцентировалось внимание на реализации принципа всеобщего равного, прямого и тайного голосования и предусматривалось избрание двухпалатного парламента. Верхняя (Земская) палата избиралась органами самоуправления регионов пропорционально количеству насе-

[1] Там же, с. 62.

ления, а нижняя − Палата народных представителей – выбиралась непосредственно самим населением. Муромцев отстаивал необходимость демократического порядка выдвижения кандидатов самими группами избирателей, соблюдения публичности при проведении выборов и подсчете голосов, отмечал важность выработки эффективных механизмов взаимодействия парламента с другими ветвями власти[1].

Для полноты картины важно отметить, что в начале XX в. главным теоретическим оппонентом русских либералов со стороны самодержавно-консервативных сил являлся Лев Александрович Тихомиров (1852-1923). В 1905 г. вышел его фундаментальный труд «Монархическая государственность», где, в частности, давалась критика либерального принципа разделения властей, а идеи и проекты отечественных либералов рассматривались как деструктивные, подрывающие российские политические традиции в сторону революционного развития событий. «В XX веке, − отмечал Тихомиров, − утвердилось две научно ложных, а практически вредных доктрины о «сочетаемости верховной власти» и о «разделении властей», распространенном и на саму верховную власть»[2]. В соответствии с идеями автора, и парламент, и судебная власть, и система исполнительной вертикали не могут рассматриваться как самостоятельные проявления «разделенной» верховной власти: «Законодательная, исполнительная, судебная власти имеют смысл только как проявление одной и той же силы, которая в законодательстве установляет некоторую общую норму, а в суде и администрации применяет ее к частным случаям и приводит в исполнение»[3]. Являясь сторонником политической теории Аристотеля, Тихомиров подчеркивал, что в мировой истории всегда реализуются лишь три формы верховной власти − или монархия, или аристократия, или демократия, причем любая из этих форм в статусе власти верховной принципиально не может быть ограничена: «Верховная власть сила царствующая, управляет управляющими»[4].

---

[1] См.: Проект Основного и Избирательного законов в редакции С.А. Муромцева // Сергей Андреевич Муромцев. М.: Изд. М. и С. Сабашниковых, 1911, с. 384-406.

[2] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992, с. 37.

[3] Там же, с. 39.

[4] Там же, с. 44.

Л.А. Тихомиров настаивал на том, что в России исторически и ментально сформировался монархический принцип в качестве верховной власти[1], поэтому предлагаемый либералами концепт «конституционной монархии» с выделением особой роли парламента как полноценного «соучастника» проявления единой государственной воли, научно ложен, а в практическом плане он неизбежно ведет не к реформированию политической системы, а к революции. Революцию Тихомиров понимал как замену одного принципа власти в качестве верховного – на другой[2]. В парламентских же идеях отечественных либералов он усматривал революционно-разрушительный процесс замены традиционного монархического типа власти на неорганичную и нежизнеспособную для России модель западной демократии.

Давая характеристику российским либералам как «обезличенной, оевропеившейся части русского образованного класса», Л.А. Тихомиров особо подчеркивал, что русская государственная наука, с доминированием в ней либеральных теоретиков, десятилетиями «прививала европейские идеи и понятия»[3], подготавливая тем самым революционные потрясения в стране. «Для того ли действительно создавалось государство, − писал Тихомиров, − чтобы привести нацию к необходимости строить новое?» [4]. Революционные изменения он считал наихудшим вариантом развития политических процессов, так как революция «создает много зла», многократно увеличивает степень насилия в обществе, ведет к хаосу, к «гибели лучших людей», и наоборот, «худшие» становятся «вожаками движения»[5].

Но дальнейшее развитие теории и практики парламентаризма в русском либерализме начала XX века происходило все же в контексте бурных политических, в том числе, и революционных событий, чему будет посвящена следующая статья в журнале «Социально-гуманитарные знания».

---

[1] *Матюхин А.В.* Принцип и особенности единоличной власти как верховной в монархической теории Л.А. Тихомирова // Журнал политических исследований, 2018, т. 2, № 1, с. 118-129.

[2] *Тихомиров Л.А.* Монархическая государственность. СПб.: Российский имперский союз-орден, 1992, с. 66.

[3] Там же, с. 310.

[4] Там же, с. 620.

[5] Там же, с. 625-626.

УДК 316.334.22
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51710

Л.В. МАКУШИНА
кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Отдела исследования социально-политических отношений Центра политологии и политической социологии Института социологии ФНИСЦ РАН*

Мир труда на переломе: проблемы трансформирующейся социально-трудовой сферы

Мир труда и в целом вся сфера социально-трудовых отношений радикальным образом меняются под воздействием цифро-сетевизации, последствий коронакризиса и им подобных глобальных процессов, которые наряду с колоссальными возможностями несут в себе реальные угрозы для человеческого труда. Поэтому уже сейчас важно предвидеть потенциальные социальные вызовы, которыми чреваты стремительные перемены в сфере занятости, социально-трудовых отношений.

Ключевые слова: *цифро-сетевизация; нестабильная и атипичная занятость; социально-трудовые отношения; социальное партнерство.*

L.V. MAKUSHINA
Candidate of Historical Sciences, Associate Professor, Senior Researcher on the socio-political relations Centre of politics and political sociology, Institute of Sociology FRSC RAS

The world of work at a turning point: the challenges of the transforming social and labor sphere

* Макушина Лариса Викторовна, e-mail: maklav2006@yandex.ru

The world of work and the whole sphere of social and labor relations are radically changing under the influence of digital networkization, the consequences of the coronavirus crisis and similar global processes. New technologies, primarily digital and networking, have a dual impact on employment and the labor market. Together with colossal opportunities, they pose real threats to human labor. Therefore, it is important now to anticipate and assess all the potential social challenges that are fraught with rapid changes in employment.

Key words: *digital networkization; precarious and atypical employment; social and labor relations; social partnership.*

Изменение самого труда

Особой приметой нашего времени становятся стремительные перемены, происходящие в сфере занятости и социально-трудовых отношений. Эпоха глобальной цифро-сетевизации, экономика-4, последствия коронакризиса радикальным образом изменяют мир труда. Новые технологии, в первую очередь цифровые и сетевые, оказывают двойственное воздействие на рынок труда, сферу занятости, социально-трудовые отношения. Вместе с колоссальными возможностями они несут в себе реальные угрозы для человеческого труда, поэтому экономистам, социологам, политикам очень важно уже сейчас оценивать все потенциальные вызовы, которыми чревата новая реальность.

В условиях сетевизации происходит изменение социологии труда, распространяются новые модели взаимодействия работников друг с другом и с предпринимателем. Меняется представление об организации труда. Так, например, всё чаще можно слышать о коллаборации как новой форме совместной трудовой деятельности, которая уже не вписывается в традиционное представление о трудовом коллективе. Подобное объединение может состоять из двух и более человек или организаций с общими целями, его участники обмениваются знаниями, проходят совместное обучение, разрабатывают стратегию для достижения поставленных целей. Актуальной становится, отличная от традиционной офисной, организация рабочих мест на принципах коворкинга. Начала бурно развиваться, особенно во время коронакризиса, платформенная занятость, в том числе в сфере дистанционного труда.

Атипичная занятость стремительно распространяется, при этом она остаётся пока мало изученной и, следовательно, слабо регламентированной. Она привлекает к себе внимание

исследователей, политиков и общественности, так как приводит к изменению характера самой занятости, и в целом всей системы социально-трудовых отношений. Особенно актуальными при этом становятся анализ преимуществ и проблем подобной занятости, определение её эффективности, решение проблем правового регулирования, разработка принципов защиты прав работников и другое.

В условиях цифро-сетевизации всё чаще используются такие формы трудоустройства работников, как проектная занятость, фриланс, самозанятость, заёмный труд, платформенная занятость и тому подобное. Часто такую занятость можно характеризовать как нестабильную (прекаризованную) или она вообще становится неформальной (теневой). Одной из проблем при нестабильной занятости является то, что у работника почти нет никаких гарантий на будущее, которые дает им оформление на работу в соответствии с Трудовым кодексом. Он в любой момент может лишиться работы и, следовательно, трудового дохода. Кроме того, из-за своего статуса работник не в полной мере включён в систему социального страхования. И если в традиционных трудовых отношениях рискам, связанным с экономическим спадом, подвергается в первую очередь работодатель, то в цифровой экономике – работники, имеющие, как правило, ограниченный доступ к системе социального страхования. Причём нестабильная занятость в наше время распространена не только среди низкоквалифицированных работников, но и людей с хорошим профессиональным образованием.

Взаимодействие субъектов цифрового рынка труда происходит исключительно посредством информационных и коммуникационных технологий. Следовательно, происходит отчуждение работника не только от результатов его труда, работник «отчуждается» от привычного, традиционного рабочего места, от рабочего коллектива, в целом от привычной рабочей среды. В связи с переходом сотрудников на «удалёнку» нарушаются коммуникации между подразделениями, чаще возникают трудовые конфликты. Руководителям разного уровня становится всё труднее справляться со своими обязанностями, особую актуальность приобретает вакансия «директор по организации удалёнки».

Около 80% управленцев отмечают снижение у сотрудников своих компаний мотивацию к высокопроизводительному труду. Среди причин этого сами работники называют свою не-

удовлетворённость форматом удалённой занятости: работе на дому часто мешает семья, возникают сложности в разграничении времени работы и досуга, как правило ненадлежащим образом бывает оборудовано рабочее место, ограничены социальные контакты с коллегами, отсутствуют привычные офисные ритуалы. В целом всё это приводит к разрушению социальных связей внутри коллектива, «атомизации» трудового сообщества[1].

Вместе с тем исследователи полагают, что сама концепция «работы» (job), которая была основополагающей для капитализма XIX-XX вв., со временем будет кардинально изменяться. Уже сейчас все более актуальным становится термин «подработка» (gig), то есть временная или проектная работа, которая чередуется с разными по продолжительности перерывами в занятости. Считается, что в будущем понятие общественно полезная оплачиваемая деятельность сможет включать в себя и усилия по воспитанию своих детей, уходу за пожилыми и больными родственниками, различного рода социальное волонтёрство. В этом случае изменятся критерии для определения категорий занятость и безработица, и частичная занятость станет типичной для значительной доли населения развитых стран уже большую часть жизни.

Проблемы регулирования социально-трудовых отношений

В условиях цифро-сетевизации сферы труда становится малоэффективной существующая система государственного регулирования занятости и социально-трудовых отношений (СТО). Получающие всё большее распространение нестабильная и атипичная занятость затрудняют традиционное колдоговорное и законодательное регулирование сферы СТО, которое строилось прежде всего на основах строго регламентированного, как правило, крупного производства. В результате сейчас даже в крупных организациях относительно защищёнными оказываются интересы высококвалифицированных специалистов и кадрового ядра, и ухудшается положение так называемых «рядовых» работников.

[1] Почти половина работников в России заявили о падении мотивации // РБК: [сайт]. 02.02.2021. URL:https://www.rbc.ru/society/02/02/2021/-60145d409a794772770ed336?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.10.2021)

Невозможность применения в полной мере трудового законодательства, приспособленного к традиционным формам производства и занятости, приводит к ущемлению прав работников, так как коллективные договоры на предприятиях либо отсутствуют вообще, либо заключаются практически полностью на условиях работодателей. Невыплата зарплаты, массовые увольнения, повсеместное нарушение трудовых прав уже стали обычным явлением и причиной социальных конфликтов. Колдоговорное регулирование социально-трудовых отношений сейчас всё чаще меняется на гибкое, ориентированное на индивидуальные потребности человека на основе частных договоров. Следствием этого является разрушение традиционных связей наёмных работников с профсоюзами. По данным ВЦИОМ, при нарушении их трудовых прав только 2% россиян обращались за помощью в профсоюзные организации, а 42% респондентов полагают, что в настоящее время российские профсоюзы практически не играют никакой роли в деле защиты интересов наёмных работников[1]. В современных условиях возникает объективная необходимость придания социально-трудовым отношениям большей гибкости. При этом профсоюзы видят опасность в том, что это может привести к нарушению работодателями норм трудового законодательства, ухудшению ситуации с охраной и условиями труда, а в целом – к снижению качества трудовой жизни.

Одним из важнейших индикаторов ситуации на рынке труда являются показатели численности работников, которые соучаствуют в системе социального страхования, а их доля в последние годы постоянно сокращается. Уже сейчас обозначился кризис системы, так как при нестабильной и атипичной занятости работники, как правило, не полностью включены в нее. Подобная ситуация вызывает такие проблемы, как сокращение доходной базы государственных внебюджетных социальных фондов и сокращение количества работающих, которые могут на них рассчитывать. По заявлению главы ФНПР Михаила Шмакова, «обязательное социальное страхование работающих по трудовому договору является краеугольным камнем для того, чтобы это было всегда включено и в законы государства, и в те трудовые контракты, которые заключает

[1] ВЦИОМ: Россияне не верят профсоюзам. 01.03.2019. URL: https://yandex.com/news/instory/Rossiyane_nashli_sposoby_zashhity_trudovykh_prav_bez_profsoyuzov--7a91f44a957ec8a9fdc3576e33060483?persistent_id=5413 (дата обращения: 20.10.2021).

каждый работающий, будь они коллективными или индивидуальными»[1].

Социальное партнерство в новых условиях

Обеспечение социального партнёрства в сфере регулирования трудовых отношений стало одной из тем поправок в Конституцию (ст. 114). Поправка призвана повысить уровень ответственности работодателей по отношению к сотрудникам, исключить ущемление их прав, а правительство – обеспечить реализацию принципов социального партнёрства.

Сложившийся в России механизм трипартизма, как представляется, нуждается в изменениях для адаптации к новым условиям взаимодействия субъектов социально-трудовых отношений. И один из основных вопросов при этом, кто сегодня может реально представлять интересы работников? В настоящее время традиционные профсоюзы, как отмечалось выше, утратили свою главенствующую роль защитника интересов наёмных работников. Они пытаются трансформироваться, в том числе и за счёт создания сетевых платформ, что даёт им возможность значительно увеличивать охват аудитории, делать контакты с ней более непосредственными и практически мгновенными. В то же время начали создаваться и стремительно распространяться профессиональные соцсети – неформализованные объединения работников по профессиональному признаку, где существуют свои правила общения и обсуждаются как чисто профессиональные вопросы, так и в целом проблемы занятости. Для их участников важно быть частью определенного сетевого сообщества, включаться в его коллективные практики. Правовой статус таких сетевых сообществ ещё не определён и поэтому они пока не могут вписаться в действующую в нашей стране систему регулирования социально-трудовых отношений. Вместе взятое это приводит к ситуации, когда интересы работников оказываются «недопредставленными».

В обществе происходят изменения и в понимании роли социального государства. Так, что «государство должно заботиться только о бедных» считали в 2018 г. около трети респондентов, а в 2020 г. – только 18%; мнение, что «государство

[1] Самые значимые поправки в Конституцию //RG.ru: [сайт]. 13.03.2020. URL: https://rg.ru/2020/03/13/samye-znachimye-popravki-v-konstituciiu-vyzvavshie-naibolshij-interes-v-obshchestve.html (дата обращения: 20.10.2021).

должно заботиться о тех, кто пострадал», разделяли в 2018 г. четверть опрошенных, а в 2020 г. – уже 40%. Во втором случае от государства ждут гарантий от несчастных случаев, ущерба, рисков, от всего того, что может породить у человека чувство неуверенности, тревоги (Гайдаровский форум, январь 2021 г.). Говоря о критичных переменах в экономике, бывший ректор Высшей школы экономики (ВШЭ) Ярослав Кузьминов ключевым вызовом назвал падение реальных доходов населения: в отсутствие господдержки многие представители российского среднего класса в период пандемии COVID-19 перешли в категорию «бедных». По его мнению, «справляться с этим традиционными методами, то есть поддержкой самых слабых, просто нельзя»[1].

В наше время одной из насущных проблем для человека становится сохранение на протяжении всей трудовой жизни своей профессиональной мобильности. Более половины россиян на фоне последствий пандемии коронавируса и связанного с ней развития технологий заявили о готовности обучиться новой или смежной профессии. Об этом говорится в исследовании Boston Consulting Group (BCG) и The Network при участии hh.ru в России и ряде стран СНГ[2]. По оценке ВЦИОМ сейчас у людей прежде всего вызывают тревогу проблемы, связанные с риском остаться без работы. В новых технологических условиях, по оценкам экспертов (в их числе Степан Земцов – ведущий научный сотрудник РАНХиГС), до половины трудоспособных граждан России могут быть исключены из активной хозяйственной деятельности. При этом речь будет идти не о так называемой технологической безработице, а о невозможности в принципе создать рабочие места в современной экономике для всех желающих работать. Поэтому на государственном уровне важно определять будущую потребность в тех или иных специалистах, осуществлять на основе этого профориентацию выпускников школ, разрабатывать новые государственные проекты в области образования и создания

[1] Ректор ВШЭ рассказал про обеднение среднего класса в России на фоне пандемии // Коммерсантъ: [сайт] 04.05.2021. URL: https://www.kommersant.ru/doc/4800962?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения: 20.10.2021).

[2] Согласно глобальному исследованию…BCG и hh.ru//bcg.com/ru-ru/press: [сайт]. 31.03.2021.URL: https://www.bcg.com/ru-ru/press/31march2021-global-talent-market-research-working-partially-remote-post-pandemic (дата обращения: 20.10.2021).

кадрового резерва для российской экономики. Пока же три четверти работников в нашей стране намерены самостоятельно повышать квалификацию, не дожидаясь поддержки работодателя или государства. Если стоимость профессиональной подготовки и переподготовки, постоянно необходимых в эпоху стремительных технологических перемен, будет расти и дальше, то это сделает его недоступным даже для представителей среднего класса, что может привести к серьёзным социальным проблемам, а вся система профессионального образования может оказаться в глубоком кризисе.

В таких условиях для государства становится затруднительным осуществление даже индикативного планирования будущих потребностей народного хозяйства в тех или иных специалистах, а традиционная система подготовки кадров уже сейчас не успевает за переменами. Это может привести к возникновению так называемой квалификационной ямы – ситуации, когда работодатели не могут найти специалиста нужной квалификации, потому что их на рынке просто нет. В то же самое время квалифицированные специалисты не могут найти работу из-за того, что их компетенции не соответствуют новым требованиям, или существует дефицит рабочих мест, подходящих им по уровню квалификации. Россия, по расчетам BCG, находится в основной группе стран, где уровень несоответствия квалификации запросам рынка находится на уровне 45-75%. Очевидно, что преодолеть квалификационную яму возможно только при взаимодействии всех участников процесса подготовки работника: государства, системы образования, бизнеса и самого человека[1].

Заключение

Из вышесказанного следует, что важно предвидеть и своевременно решать проблемы, возникающие в связи с новыми вызовами, порождающими неравенство в области социально-трудовых отношений. Основными направлениями государственной политики при этом могли бы быть – обеспечение доступности профессионального образования, повышения квалификации и переквалификации; повышение качества трудовой жизни; создание возможности полноценно совмещать успеш-

[1] Елена Виноградова. Что такое кадровая яма и как в нее не попасть // Ведомости: 20.12.2019 [сайт]. URL: https://www.vedomosti.ru/partner/articles/2019/12/20/819016-kadrovaya-yama (дата обращения: 20.10.2021).

ную профессиональную деятельность и семью; регулирование социально-трудовых отношений в новых условиях; повышение социальной ответственности бизнеса; обеспечение связи научно-технического прогресса с прогрессом социальным.

Как представляется, система социально-трудовых отношений станет более эффективной, если государство будет выполнять не только и не столько роль «третейского судьи» или посредника между работодателем и наёмным работником, но и само являться активным субъектом социально-трудовых отношений. А его главными функциями в этом качестве стали бы, во-первых, отстаивание общественных интересов в системе социально-трудовых отношений и, во-вторых, обеспечение социальной защиты людей труда, как наиболее экономически активной части населения.

УДК: 316.7
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51711

И.В. ПОЛОЗОВА
доктор философских наук, профессор кафедры философии Московского университета МВД России имени В.Я. Кикотя*

Метафоры социологии и исчезновение личности

В статье рассматривается роль метафор в социологии, в частности, базисной метафоры организма, способствовавшей утверждению в данной науке позиции социологического реализма, первичности общества по отношению к индивиду

Ключевые слова: *метафора, социология, социологический реализм, базисные метафоры.*

I.V. POLOZOVA
Doctor of Philosophical Sciences, Professor in the Department of Philosophy of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia named after V. J. Kikot

Metaphors of sociology and the disappearance of the individual

The article examines the role of metaphors in sociology, in particular, the basic metaphor of the organism, which contributed to the assertion in this science of the position of sociological realism, the primacy of society in relation to the individual

Key words: *metaphor, sociology, sociological realism, basic metaphors*

Внимание к метафоре, изменение оценки ее роли в научной сфере произошло во второй половине XX в., и было связано, в первую очередь, с пересмотром традиционного позитивистского представления о науке. В настоящее время метафора считается средством, имеющим колоссальное эврис-

* Полозова Ирина Владимировна, e-mail: polozova-irina@mail.ru

тическое значение для научного познания[1]. Современные исследователи изучают метафоры практически всех фундаментальных и прикладных наук.

В частности, ряд авторов обратились к описанию и осмыслению роли метафор социологии, отмечая их присутствие на различных стадиях и уровнях деятельности социолога. Так, было установлено, что метафоры играют роль на всех этапах подготовки социологического исследования, начиная с самых первых его шагов, с уровня эмпирических исследований и измерений[2]. Вместе с тем, наибольшее значение для социологии имеют метафоры, задающие ее основные парадигмы и обусловливающие сам характер данной науки. Как справедливо замечает А.И. Кравченко, «ведущие социологические парадигмы (перспективы) – марксизм, структурный функционализм, символический интеракционизм и другие – выстроены вокруг базовых метафор»[3].

Активное использование метафор в социологии происходило начиная с момента ее становления в качестве позитивной науки об обществе, что предполагало активное использование новой наукой терминов естествознания, которые применительно к обществу применялись в переносных, метафорических значениях. В значительной мере такое заимствование было связано с тем, что к моменту возникновения социологии естественные науки уже успели завоевать основательный авторитет, в то время, когда притязания новой науки еще нужно было обосновывать. С помощью метафор естественнонаучного происхождения социология в определенной степени утверждала свой научный статус. В то же время предпочтение тех или иных метафор было связано со спецификой социального познания.

На основе фундаментальных метафор, задающих определенный способ рассмотрения социальной реальности, происходило формирование социологии как научной области знания и конструирование основополагающих социологических теорий. Другое важное значение базовых метафор социологии состояло в утверждении с их помощью определенного

---

[1] *Полозова И.В.* Метафора // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М., Канон, 2009, с. 493

[2] *Каныгин Г.В.* Социологическое измерения и метафора // Социологический журнал, 1998, № ½, с.128.

[3] *Кравченко А.И.* Метафоры в социологии: новые перспективы или путь в никуда? // Социологические исследования, 2016, № 7, с. 128.

отношения между обществом в целом, с одной стороны, и индивидуальным человеческим бытием, с другой. Базовые метафоры социологии преимущественно задавали точку зрения социологического реализма, то есть рассмотрения социального целого как более высокой общности по отношению к отдельному индивиду, что способствовало утверждению научного статуса социологии. Метафоры, задающие обратную перспективу социологического номинализма, получили в социологии меньшее развитие.

Роль базисных метафор социологии состояла в том, что они должны были, с одной стороны, придать некоторый образ социальному целому и, с другой стороны, определить положение в нем человека, которое виделось не традиционно центральным, но напротив, человек низводился до некой элементарной единицы, социального атома, клетки социального организма, воспринимался как элемент более масштабной целостности. Именно такой подход мог претендовать на то, чтобы считаться объективным, научным в противовес принципиальной обращенности к человеку в философии или религии.

Данный подход содержался уже в первоначальном замысле создателя социологии О.Конта, который в значительной мере основывался на переносе из области естественных наук, где наука об обществе понималась как «социальная физика», изучающая социальные явления таким же образом, как явления астрономические, физические, то есть подчиненные неизменным естественным законам. Но после того, как термин «социальная физика» начал активно использоваться бельгийским математиком и статистиком А.Кетле, применившим его к изучению «среднего человека», Конт вводит термин «социология», главное значение которого состояло именно в утверждении принципа социологического реализма. Как пишет Н.И Лапин, «термин «социология» вполне отвечал сути социологического реализма: он как раз и означает позитивную науку, изучающее общество, которое существует столь же реально, как и природа»[1].

И в последующем развитии социологии базисные метафоры по преимуществу задавали парадигму восприятия социального, которое представлялось целостностью, поглощающей и подчиняющей себе человеческую индивидуальность. Таких

[1] *Лапин Н.И.* Когда и как Огюст Конт ввел термин “Sociologie” // Социологические исследования, 2003, № 4, с. 30.

фундаментальных метафор в социологии было сравнительно немного, но именно они для нее имели наибольшее значение, определяя понимание общества на самом масштабном уровне. Особая роль принадлежит в этом отношении органической метафоре, идущей от А. Сен-Симона, предложившего рассматривать общество как «организованное тело», и получившей наибольшее развитие в трудах О. Конта и Г. Спенсера.

Метафора организма не является заимствованной из биологии напрямую, как может показаться. Наряду с другими «большими» метафорами, такими как «борьба» и «эволюция» ее можно отнести к числу имеющих междисциплинарный статус «духовных универсалий эпохи»[1]. Вместе с тем, использование органических метафор во многом было связано с успехами биологической науки, а также определенным сходством между явлениями социальной и органической жизни, их динамичностью и сложным строением, при всем их отличии.

Именно органическая парадигма на долгий период определила теоретическое развитие социологии и обусловила понимание множества социальных явлений. С помощью органической метафоры общество уподобляется живому организму, по отношению к которому отдельные индивиды рассматриваются как образующие его и входящие в его состав живые клетки.

Использование органической метафоры в качестве базовой способствовало решению важнейшей задачи социологии, выстраивающей с ее помощью наиболее приемлемое для науки реалистическое отношение между социальным общим и социальным единичным, бытием отдельных индивидов, в соответствии с которым, бытие общего является более реальным в сравнении с индивидуальным, ведь научному изучению поддавались лишь общие социальные явления, на основе которых можно было выявлять определенные закономерности.

Органическая метафора обладает достаточно богатыми эвристическими возможностями, с ее помощью социологи смогли структурировать общество более детально. Метафора организма в данном случае является центром целостной системы признаков, которые переносятся на социальный объект: строение организма предполагает наличие составных частей

---

[1] *Шмерлина И.А.* Биологическая метафора в социологии Обзор монографии «Biology as Society, Society as Biology: Metaphors» / Ed. by S. Maasen, E. Mendelsohn, P. Weingart. Dordrecht: Kluwer Academic Publishers, 1995 // Социологический журнал, 2001, № 4, с. 142.

и подчиненных систем, которым в структуре общества были обнаружены соответствия в виде подсистем и различных социальных институтов. Кроме того, появилась возможность объяснять особенности и вариации общественного развития, механизмы социальной динамики, используя соответствующие термины биологической науки, в частности, адаптации и естественного отбора. Базовая органическая метафора в социологии, таким образом, оказалась в значительной мере жизнеспособной, проявляясь в виде ряда производных социологических метафор.

Влияние органической метафоры можно обнаружить, например, в теоретических построениях Э. Дюркгейма, одного из наиболее значительных фигур в классической социологии. Так, солидарность, ключевое понятие теоретической социологии Дюркгейма, является следствием развития представлений об «организованном теле», чему начало было положено еще сенсимонистом П. Леру[1]. По Дюркгейму, солидарность в высшем своем проявлении, является органической и выступает по отношению к индивиду в качестве основания более высокой, органической общности.

Органической метафоре обязан своим существованием системный подход к обществу, до сих пор не утративший свое основополагающее значение в теоретической социологии. Само понятие системы было создано Л.Берталанфи в значительной мере под влиянием модели организма, и его последующий перенос на общественные отношения является метафорой. Так, Т. Парсонс в теоретической социологии использует уже две метафоры для обозначения единства социума: социальный мир как органическая форма, выделившаяся из общей субстанции, и социальный мир как единая система, причем вторую метафору он использует, в отличие от первой, более осознанно[2]. Системный подход к пониманию общества еще в большей степени привел к утверждению позиции социологического реализма, и, как следствие, к опустошению понятия человеческой личности в социологии, выразившемуся в убеждении, что все ее содержание является полностью заимствованным из общества «Парсонс опустошает человека.

---

[1] *Блэ М-К.* Солидарность // Социологические исследования, 201, № 8, с. 13.

[2] *Гоулднер А.У.* Наступающий кризис западной социологии. Спб.: Наука, 2003, с. 248.

Человек – это полый, пустой сосуд, и только общество наполняет его содержанием[1].

На элементарном уровне рассмотрения социальных явлений социология не менее активно прибегает к метафорам, особая роль из которых принадлежит театральной. Метафоры микросоциологии задают образ человека, который видится также полностью обусловленным социальными связями и отношениями. Само понятие личности, которое характеризует человека в социологии, является метафорой по происхождению, первоначально обозначающей театральную маску. Выбор данной метафоры отнюдь не является случайным, ибо личность в социологии преимущественно понимается как некая условная маска, не совпадающая с реальным лицом индивида, не интересующим социологию как науку.

Метафоричность понятия «личность», его связь с театральным миром разворачивается далее в микросоциологии в различного рода ролевых концепциях личности. Так, статусно-ролевая концепция личности Р. Линтона, сохраняющая влияние в современной социологии, сводит личность к набору социальных статусов и соответствующим им социальным ролям. Личность проявляется, тем самым, лишь через репертуар социальных ролей, соответствующих ее позициям в обществе, в то время как глубинная личность, стоящая за социальными ролями, исчезает.

В еще большей степени сведение личности к ее социальным ролям проявляется в драматургической концепции И. Гофмана, основанной на логике и метафорах театрального представления, использующей понятия «исполнения», «реквизита», «труппы», «переднего и заднего плана», «веры в исполняемую партию», «выхода из роли»[2]. Согласно данной концепции, человек демонстрирует разные стороны своей личности каждой из групп, к которой он принадлежит. В социальном взаимодействии, поэтому, участвуют не собственно личности, но лишь их социальные маски, персоны, которых они изображают. Маски социальных субъектов, в конце концов, прирастают к лицу человека и становятся его единственным настоящим «Я». Стоящая за данными масками глубинная личность исчезает, она становится иллюзорным, в

[1] Там же, с. 243.

[2] *Вахштайн В.С.* Памяти Ирвинга Гофмана // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены, 2007, № 3(83), с. 142-144.

лучшем случае, потенциальным, желаемым, воображаемым «Я». Но, тем самым, утрачивается представление о личности как реальной человеческой сущности

И в других социологических теориях образ человеческой личности задается с помощью ряда метафор, лежащих в основе теорий социального обмена, зеркального «Я». Но образ личности, который строится с помощью данных метафор, также является производным и утрачивает собственное значение.

Таким образом, метафоры в социологии задают ее определяющую парадигму, согласно которой общество трактуется как первичная и изначальная по отношению к индивиду целостность. С помощью метафор, претендующих на общенаучный характер, утверждается научный статус социологии, общество становится в ряд с другими предметными областями научного познания и, тем самым, достигается концептуальное единство науки. С помощью метафор в социологии был задан единственно возможный, «научный» подход к человеку, когда он понимается полностью обусловленным социальным целым.

УДК 316
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51712

В.В. КАПУСТИН
кандидат социологических наук,
докторант кафедры социологии ФГКВОУ ВО
«Военный университет» МО РФ*

Социально-патриотическая направленность детей-сирот на обучение в военно-учебных заведениях

В статье описываются результаты проведенного социологического исследования в детских домах Москвы и Санкт-Петербурга. Раскрываются результаты опроса, выраженные статистически. Статья создает представление о социально-патриотической ориентированности детей, обучающихся в детских домах Москвы и Санкт-Петербурга.

Ключевые слова: *патриот, социальное, социально-патриотическая направленность, отношение к обучению в военно-учебном заведении.*

V.V. KAPUSTIN
Candidate of sociological sciences, doctoral student at the Department of Sociology, Federal State Educational Institution of Higher Education "Military University" of the RF Ministry of Defense

Socio-patriotic direction of orphan children for training in military educational institutions

The article describes the results of a sociological study in orphanages in Moscow and St. Petersburg. The results of the survey, expressed statistically, are disclosed. The article creates an idea of the

* Капустин Владимир Владимирович, e-mail: kapustinww@list.ru

socio-patriotic orientation of children studying in orphanages in Moscow and St. Petersburg.

Key words: *patriot, social, socio-patriotic orientation, attitude to training in a military educational institution.*

Нельзя не отметить что качества необходимые личности гражданина для эффективного функционирования в обществе развиваются в процессе социализации, так же индивид усваивает ценности и нормы общества, которые в последующем формируются в осознанную систему социальных установок, определяющих позиции и поведение индивида в обществе и направленность личности юного гражданина на его место и роль в нём. Все мы знаем, что первичная социализация индивида как процесс социального научения проходит в семье, но, если в силу жизненных реалий ребёнку семью заменили специалисты государственных образовательных учреждений «Детских домов». То система образования будет выступать в качестве социального института, оказывающего социализирующее воздействие на ребенка и направленность его личности, её место и сознание собственной траектории движения в пространстве социальных позиций общества. Это обусловило интерес автора статьи к некоторым аспектам социально-патриотической направленности воспитанников детских домов Москвы и Санкт-Петербурга – детей-сирот и детей оставшиеся без попечения родителей допризывного возраста на обучение в военно-учебных заведениях страны.

Для более полного раскрытия темы уточним некоторые понятия. Согласно энциклопедическому словарю под редакцией академика РАН Осипова В.Г.: *Социальное* − свойство, которое присуще различным группам индивидов, являющееся результатом интеграции индивидов, тех или иных свойств общественных отношений»[1].

При всем многообразии данного определения, автор считает, что ***патриот*** − человек искренне понимающий и осознающий интересы Отечества, жертвующий своими интересами ради общего блага и испытывающий глубокое чувство близости и симпатии к Родине, стойкий и неизменный в чувствах, отношениях, в исполнении своих обязанностей и долга своему народу.

[1] Энциклопедический социологический словарь / Под ред. Осипова Г.В. ИСПИ РАН,1995, с. 690.

В результате синтеза вышеперечисленных понятий автор пришёл к выводу, что ***социально-патриотическая направленность*** − свойство индивидов искренне, глубоко понимающих и осознающих интересы Отечества, испытывающих близость и симпатию к Родине, выражающуюся в целеустремленной сосредоточенности на обучении в военно-учебных заведениях.

В ходе проведенного социологического исследования среди обучающихся в 12 детских домах Москвы и Санкт-Петербурга было опрошено 389 детей-сирот в возрасте 11 лет (17,5%), 12 лет (18,5%), 13 лет (20,1%), 14 лет (32,6%), которые обучаются там с первого класса (46,3%), два года и более (30,8%) и находящихся в них менее двух лет (19,5%).

Цель исследования заключалась в социологическом анализе направленности, сознания и поведения детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей (далее – дети), на обучение в суворовских военных, нахимовских военно-морских, Московском военно-музыкальном училищах и кадетских корпусах Российской.

Полученные результаты социологического опроса позволяют сделать следующие выводы.

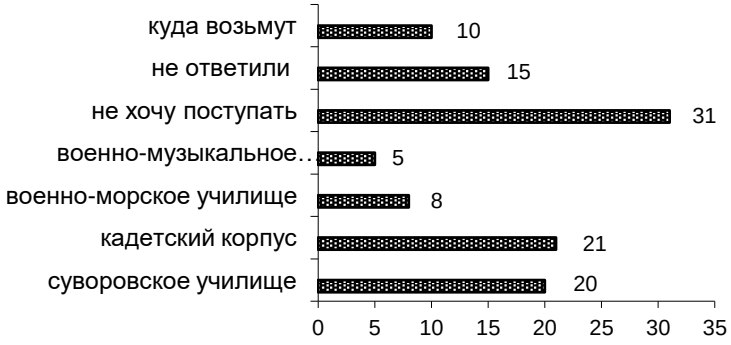

Рис. 1. Выбор детьми учебного заведения (в %)

Больше половины респондентов, 64 % выразили желание обучатся в вышеуказанных военно-учебных заведениях, однако одна треть детей 31% выразили отсутствие такого желания. При этом предпочтения в выборе были отданы желанию обучаться в суворовском училище и кадетском корпусе (рисунок 1). Но причину своего желания обучаться именно в

этих учебных заведениях дети все же четко сформулировать не смогли.

Исследование показывает, что осведомленность детей о жизни и учебе в суворовских военных училищах является неполной (рисунок 2).

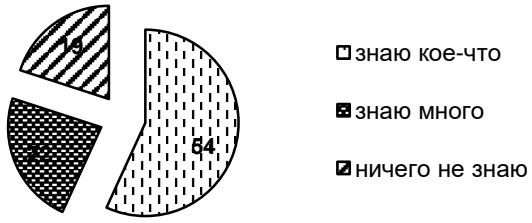

Рис. 2. Информированность детей-сирот о жизни в суворовских военных училищах (в %)

Информированы и знают много о реальной жизнедеятельности суворовских военных училищ 22% респондентов, больше половины опрошенных респондентов 54% − знают кое-что о жизни и учёбе в суворовских и 19% не знают ничего.

И отношение к суворовцам, нахимовцам и кадетам у детей-сирот разное (рисунок 3).

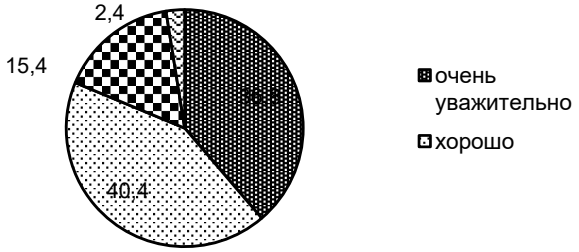

Рис. 3. Отношение детей-сирот к своим сверстникам, обучающимся в суворовских училищах (в %)

В то же время к людям в военной форме большинство всех опрошенных детей относится очень уважительно 36,8% и хорошо 40,4%. Безразличие выражают только 15,4% детей, а плохо относятся или не уважают – 2,4%. Но все же более половины 60% желающих обучаться в суворовских училищах

в дальнейшем свое будущее с военной службой связывать не хотят. В порядке целенаправленной военно-патриотической работы в детских домах проводятся беседы об армии, встречи с ветеранами войны и военнослужащими. О том, что с ними часто проводят такие беседы (не реже 1 раза в полугодие), заявили только 34% опрошенных детей. Каждый четвертый опрошенный 24,4% отметил, что подобные мероприятия проводятся редко (рисунок 4).

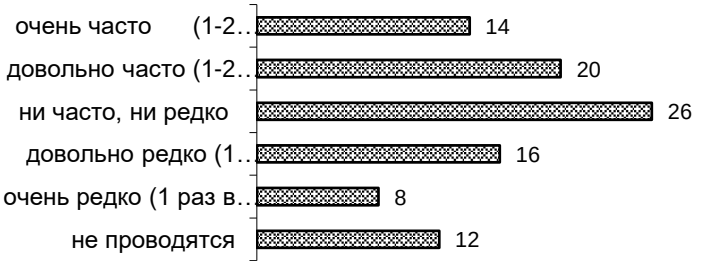

Рис. 4. Периодичность проведения бесед о Российской армии и военной службе в детских домах (в %)

Гордость за историю Отечества испытывают 75,1% опрошенных детей. Это подтверждает и успеваемость по предмету «история»: большинство детей имеют оценку «хорошо» 42,1%и «отлично» 20,1%. Свое состояние здоровья дети в основном оценивают как хорошее 42,2%. Отлично себя чувствует каждый третий из воспитанников детских домов 30,6%, удовлетворительно – 18,5%. Есть дети с плохим, по их мнению, 3,9% и очень плохим 2,3% состоянием здоровья. Условия обучения в суворовских военных училищах (кадетском корпусе) предъявляют требования к состоянию здоровья кандидатов на поступление. В связи с этим был проведен анализ успеваемости и отношения к дисциплине среди детей-сирот, оценивающих свое состояние здоровья как «отличное» и «хорошее». Уровень их успеваемости можно оценить только как посредственный. У детей с хорошим состоянием здоровья средний балл по основным предметам школьной программы составляет: по физической культуре – 4,6; по математике – 3,7; по русскому языку – 3,7; по литературе – 4.

Результаты анкетирования показывают, что менее половины 41% детей этой категории положительно относятся к дисциплине, необходимости подчиняться и выполнять поручения:

«Это мне нравится и не вызывает затруднений». Военную службу считают перспективной профессией 46% из указанной категории детей. Но лишь один из четырех, 25% хочет поступить в суворовское военное училище и в будущем стать офицером. Причины выбора ими военной профессии показаны на рисунке 5.

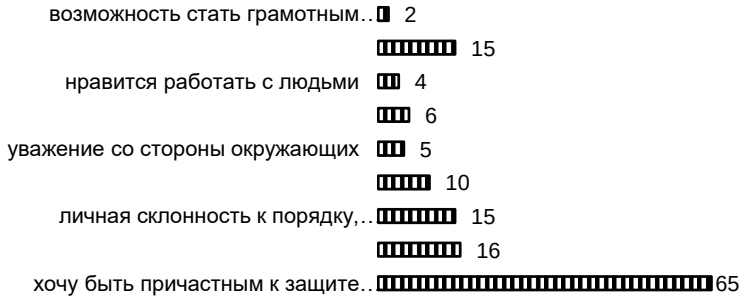

Рис. 5. Причины, побуждающие детей выбрать профессию офицера (в %)

Опрошенные дети любят смотреть в основном российские фильмы об армии и о военной службе 42,2%, есть полюбившиеся фильмы о военной жизни зарубежного производства 7,7%. Около трети опрошенных детей, 37,5% смотрят как российские, так и зарубежные фильмы об армии. А книги о войне и военной службе читают только 12,3% детей, хотя интерес к чтению у опрошенных детей достаточно высок. Больше всего их интересует фантастическая 27,5% и приключенческая литература 23,7%. Исторические книги любят читать 6,2% из опрошенных детей.

Приоритетом для большинства детей в настоящее время является получение хорошего (качественного) образования 64,8%. Однако успеваемость по основным предметам обучения (математика, русский язык, литература) у большинства респондентов средняя (рисунок 6). Тогда как «физическая подготовка» у большинства детей оценена на «отлично» − 56%.

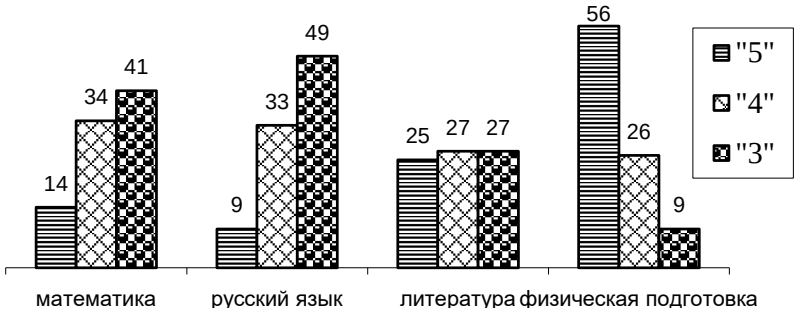

Рис. 6. Успеваемость детей по основным предметам (в %)

Таким образом, социально-патриотическая направленность детей-сирот на обучение в суворовских военных училищах и кадетских корпусах и мотивация выбора в дальнейшем профессии офицера остается на недостаточно высоком уровне. Во многом это связано с низкой осведомленностью о жизни и учебе в суворовских военных училищах и с недостатками в организации военно-патриотической работы в детских домах и школах-интернатах. В то же время нельзя не отметить значительный интерес опрошенных детей к отечественной истории и их высокий уровень патриотического настроения. Учитывая низкий уровень их успеваемости, можно предположить, что успешно окончить эти учебные заведения смогут не более 30% детей-сирот. Наряду с этим опрос показал хорошее состояние здоровья большинства детей и высокий уровень их физической подготовленности. В свою очередь, среди опрошенных детей выявлено значительное количество имеющих склонность и желание к военной службе. Одним из путей их профессионального самоопределения может стать поступление в специализированные кадетские школы-интернаты, в которых будет формироваться представление о военной службе. После их окончания перспективным становится дальнейшее обучение большинства выпускников в учебных центрах по подготовке профессионалов – сержантов, а наиболее подготовленных и имеющих твердую мотивацию – в высших военных учебных заведениях. Результаты проведенного исследования не претендуют на универсальность, однако в данной данное направление деятельности является очень важным и значимым для будущего нашей страны.

УДК 316.4
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51713

В.С. КАЛИНИЧ
ассистент кафедры современной социологии социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова*

Воспитание молодежи в условиях цифровой трансформации социального взаимодействия

В данной статье рассматривается вопрос организации воспитательной работы с молодежью с учетом аспектов ускоряющейся и усиливающейся цифровизации и цифровой трансформации социального взаимодействия. Молодёжь как социально-демографическая группа, традиционно находящаяся в авангарде технического прогресса и наиболее восприимчивая к инновационным решениям больше и раньше других, активно интегрируется в процессы изменений существующих форм взаимодействия и возникающие новые его формы. В данной связи субъектам воспитательной работы особенно важно оперативно реагировать на все происходящие изменения, поскольку их дисфункция может иметь катастрофические последствия для всего общества.

***Ключевые слова**: молодежь, воспитание, воспитательная работа, молодежная политика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровая трансформация социального взаимодействия, COVID-19, социальное взаимодействие, пандемия.*

V.S. KALINICH
Assistant, Contemporary Sociology Department, Sociology Faculty of the Lomonosov Moscow State University

Education of youth in the context of digital transformation of social interaction

* Калинич Владислав Сергеевич, e-mail: vladislav6988@mail.ru

This article provides an overview of the youth education process organization, taking into account the aspects of the accelerating and intensified digitalization and digital transformation of social interaction. The youth as a socio-demographic group is traditionally at the forefront of technological progress. Being more receptive to innovative solutions than others they tend to become yearly adopters. The young people are actively integrating with the processes of changes of the existing and emerging forms of interaction, therefore it is highly important for the education process actors to respond in time to the changes, since the dysfunction of these subjects can have catastrophic consequences for the all society.

***Keywords**: youth, education, youth policy, digitalization, digital transformation, digital transformation of social interaction, COVID-19, social interaction, pandemic.*

Особую актуальность вопрос осмысления цели, задач и повышения эффективности воспитательной работы с молодежью обретает в связи с начавшейся год назад пандемией коронавирусной инфекции и теми последствиями, которые она принесла российскому социуму. Это частичное или полное переведение в дистанционный режим работы многих общественных институтов, дистанционный образовательный процесс. Приобрёл массовый характер и масштаб процесс виртуализации социального взаимодействия. Кандидат психологических наук С.А. Гришаева указывает, что «виртуализация современной жизни сформировала виртуальное пространство (онлайн-среду), которое существует параллельно реальному (офлайн) пространству»[1].

Процесс цифровизации стремительно развивается и затрагивает практически все сферы жизни человека: трудовую деятельность, личное общение, развлечения, образование, отдых, саморазвитие и воспитательную деятельность. Сфера коммерческих услуг практически полностью охвачена цифровой трансформацией, и большинство возможных процессов на сегодняшний день уже переведено в электронный режим. Если в 2010 г. доля населения в возрасте от 15 до 74 лет, ежедневно пользующегося интернетом, составляла 26% от общего числа, то по состоянию на 2019 г. эта доля возросла

[1] См.: *Гришаева С.А.* Социальные трансформации в условиях цифровой среды // Вестник Московского университета, Серия 18, Социология и политология, 2020, т. 26, № 1, с. 72.

практически втрое, до 72,6%[1]. После публикации статистики за 2020 и 2021 гг. появится возможность проанализировать и оценить динамику данного процесса с учетом фактора пандемии Новой коронавирусной инфекции.

Цифровизацию всех основных сфер общественной жизнедеятельности, набирающую обороты уже не первое десятилетие, пандемия только усилила и ускорила. Президент Российской Федерации В.В. Путин назвал цифровизацию «в числе национальных приоритетов наряду со здоровьем и благополучием людей, созданием комфортной и безопасной среды для жизни, обеспечением достойного труда и успешного предпринимательства»[2].

Вышеуказанный процесс самым непосредственным образом коснулся сферы образования и воспитательной работы с молодежью и тех задач, которые решаются в рамках данной сферы. Рассмотрим, как определяется понятие воспитания и воспитательной работы в России.

Профессор В.А. Луков приводит 2 определения понятия «воспитание» в социологии: «социальный институт и совокупность социальных практик, направленных на удовлетворение потребности общества в передаче от поколения к поколению ценностей и норм социальной жизни, культурных образцов, знаков и символов с целью обеспечения социального контроля, поддержания социальной солидарности и воспроизведения социальных отношений»[3]. Приведенное определение достаточно полно отражает воспитание как социальный институт, играющий важную роль в воспроизводстве общества. Вторым определением В.А. Луков обозначает воспитание как «социокультурный процесс, состоящий в целенаправленном планомерном воздействии на личность, которое характеризуется тремя основными функциями: формирует у человека ориентационные механизмы для жизни в данном обществе, создаёт условия для духовного и физического развития личности в соответствии с моделью отношений «воспитатель-воспитуемый», обеспечивает целенаправленную передачу социально-

[1] *Абрахманова Г.И., Вишневский К.О., Гохберг Л.М. и др.* Цифровая экономика: 2021: краткий статистический сборник». М.: НИУ ВШЭ, 2021, с. 19.

[2] *Алпатова И.* Топ-7 событий 2020 года в области цифровизации // Российская газета. [электронный ресурс] режим доступа: https://rg.ru/2020/12/30/top-7-sobytij-2020-goda-v-oblasti-cifrovizacii.html. Дата обращения: 22.08.2021.

[3] *Луков В.А.* Воспитание // Знание. Понимание. Умение, 2015, № 3, с. 332-333.

го и культурного опыта старших поколений младшим»[1]. В данном определении автор уделяет внимание непосредственно контакту между субъектом и объектом воспитания, который обладает чётко выделенными функциями. Оба указанных определения охватывают основные подходы к пониманию воспитания: как социального института и как процесса социального взаимодействия.

Ключевую роль среди субъектов воспитательной работы играют семья, органы государственной власти, местного самоуправления и государственные учреждения по принадлежности, образовательные организации и общественные объединения. Воспитание и воспитательная работа с молодежью регламентируется законодательством Российской Федерации.

С целью дальнейшего рассмотрения сущности понятий «воспитание» и «воспитательная деятельность» обратимся к актуальным государственным нормативно-правовым актам. Концептуальный государственный документ «Основы государственной молодёжной политики до 2025 года», утвержденный распоряжением Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 г. № 2403-р, определяет, что «ключевой задачей государственной молодёжной политики является воспитание патриотично настроенной молодежи с независимым мышлением, обладающей созидательным мировоззрением, профессиональными знаниями, демонстрирующей высокую культуру, в том числе культуру межнационального общения, ответственность и способность принимать самостоятельные решения, нацеленные на повышение благосостояния страны, народа и своей семьи»[2].

Одним из важнейших субъектов воспитательной работы и социализации молодёжи в нашей стране являются образовательные организации. 1 сентября 2020 г. в силу вступил Федеральный закон от 31.07.2020 г. № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся»[3].

---

[1] Там же, с. 333.

[2] См.: Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29.11.2014 № 2403-р [электронный ресурс] режим доступа: http://static.government.ru/media/files/ceFXleNUqOU.pdf. Дата обращения: 21.04.2021.

[3] См: Федеральный закон от 31.07.2020 № 304-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» по вопросам воспитания обучающихся» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.kremlin.ru/acts/bank/45788. Дата обращения: 12.02.2021.

Данный закон разъясняет само понятие «воспитание», предписывает ряд новых требований к образовательным программам, а также конкретизирует общие требования к организации воспитания обучающихся в образовательных организациях. Сам Федеральный закон от 29.12.2020 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» (ст. 2) с учетом принятых вышеуказанных изменений определяет воспитание как «деятельность, направленную на развитие личности, создание условий для самоопределения и социализации обучающихся на основе социокультурных, духовно-нравственных ценностей и принятых в российском обществе правил и норм поведения в интересах человека, семьи, общества и государства, формирование у обучающихся чувства патриотизма, гражданственности, уважения к памяти защитников Отечества и подвигам Героев Отечества, закону и правопорядку, человеку труда и старшему поколению, взаимного уважения, бережного отношения к культурному наследию и традициям многонационального народа Российской Федерации, природе и окружающей среде»[1].

То есть основными направлениями воспитательной работы, согласно вышеприведенным нормативно-правовым актам, являются:

1) гражданское патриотическое воспитание;
2) привитие и укрепление в молодом человеке семейных, духовно-нравственных и культурных ценностей нашего общества;
3) ответственность и терпимость к окружающим;
4) мотивация к развитию профессиональных знаний и навыков;
5) бережное отношение к окружающей среде и природе в целом.

Безусловно, направлений воспитательной работы в настоящее время значительно больше, но указанные выше направления можно считать основополагающими.

Современная воспитательная работа с молодёжью как социальная деятельность неотрывно связана с цифровым обществом, цифровизацией, цифровой трансформацией. Для наиболее верной рефлексии указанных понятий для начала

[1] См.: ст. 2 Федерального закона от 29.12.2020 г. № 273-ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» [электронный ресурс] режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_140174/b819c620a8c698de35861ad4c9d9696ee0c3ee7a Дата обращения: 13.03.2021.

обратимся к понятию «цифровое». Очень точное для социологического осмысления понятие «цифрового» даёт профессор Н.Г. Осипова: «понятие «цифровое» означает то, что жизнь современного человека, его социальные взаимодействия, культурные смыслы и значения, которыми они наполнены, определяются возможностями, предоставляемыми новейшими цифровыми коммуникативными технологиями»[1].

То есть «цифровое» для социолога не столько техническая характеристика, сколько характеристика социальная.

Далее рассмотрим цифровизацию и цифровую трансформацию, чтобы оценить её роль в процессе воспитания молодого поколения. Одним из последствий цифровизации как «современного общемирового тренда развития экономики и общества, который основан на преобразовании информации в цифровую форму и приводит к повышению эффективности экономики и улучшении качества жизни»[2] является цифровая трансформация социального взаимодействия. В настоящее время в научной литературе нет обособленного определения феномена или процесса цифровой трансформации социального взаимодействия.

Теперь обратимся к некоторым трактовкам понятий «цифровая трансформация» и «цифровизация».

Цифровой трансформацией профессор И.В. Ильин называет «переход в некое новое качество благодаря проникновению цифровых технологий во все сферы общества»[3]. Он же определяет цифровизацию как «масштабный переход к цифровым, компьютерным технологиям во всех сферах жизнедеятельности человеческого общества»[4].

Доктор экономических наук Н.В. Кузнецов определил цифровизацию как «некое обобщение, являющееся результатом идентификации всего перечня процессов, в основе которых

---

[1] *Осипова Н.Г.* Актуальные проблемы гуманитарного образования в условиях цифрового общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации / Научно-практическая конференция. М.; СПб.: Нестор-История, 2020, с. 57.

[2] Там же.

[3] *Ильин И.В.* Глобальные процессы цифровой трансформации общества // Социальные науки и образование в условиях становления электронно-цифровой цивилизации / Научно-практическая конференция. М.; СПб.: Нестор-История, 2020, с. 18.

[4] Там же, с. 19.

так или иначе лежит активное использование цифровых технологий»[1].

Из приведенных выше трактовок можно сделать вывод, что понятие «цифровизация» более применимо для обозначения общего направления или тренда преобразований в разных сферах с применением цифровых технологий, то есть обретения цифровой «формы» и цифровой «сущности» тем или иным процессам и явлениям. А понятие «цифровая трансформация» – для обозначения непосредственного преобразования в цифровую форму большинства процессов, операций, алгоритмов, взаимодействий.

Далее рассмотрим определение социального взаимодействия, для этого следует обратиться к известным исследователям разных лет.

Немецкий социолог Г. Зиммель определяет взаимодействие индивидов вследствие определенных влечений или целей как общество[2]. То есть главное условие существования общества – это взаимодействие индивидов, и без наличия этого взаимодействия нельзя рассуждать о существовании общества в принципе.

Выдающийся русский социолог П.А. Сорокин в своём известном труде «Система социологии» определял явление взаимодействия индивидов следующим образом: «явление взаимодействия людей дано тогда, когда a) психические переживания или b) внешние акты c) либо и то и другое одного (одних) из людей представляют функцию существования и состояния (психического и физического) другого или других индивидов. Иными словами, когда изменение психических переживаний или внешних актов одного индивида вызывается переживаниями или внешними актами другого (других), когда между теми и другими существует функциональная связь, тогда мы говорим, что эти индивиды взаимодействуют»[3]. То есть П.А. Сорокин отмечает, что факт взаимодействия индивидов имеет место тогда, когда он затрагивает обе стороны взаи-

---

[1] *Кузнецов Н.В.* Трансформация общественного взаимодействия в условиях цифровизации // Теория и практика общественного развития, 2019, №3(133), с. 13.

[2] См.: *Зиммель Г.* ИзбранноеСозерцание жизни. М.: Юрист, 1996, т. 2, с. 486.

[3] *Сорокин П.А.* Система социологии. Социальная аналитика. Часть 1. Учение о строении простейшего (родового) социального явления. Петроград. Издательское т-во «Колос». 1920, т. 1, с. 44.

модействия, следовательно, данное взаимодействие является социальным.

Наиболее конкретизированное и целостное определение социального взаимодействия даёт академик РАН Г.В. Осипов: «взаимодействие − это любое поведение индивида или группы индивидов, имеющих значение для других индивидов и групп индивидов или общества в целом в данный момент и в будущем»[1]. То есть по сути своей взаимодействие является социальным, когда каким-либо образом затрагивает других индивидов.

Таким образом, одним из характерных признаков социального взаимодействия является воздействие, психическое или физическое на индивида или группу индивидов, причём это воздействие затрагивает обе стороны.

Следует отметить, что воспитание и воспитательная работа – это одна из форм социального взаимодействия, его частный случай, важный для воспроизводства и поддержания в здоровом состоянии самого общества. И цифровая трансформация рождает новые методы и инструменты этого взаимодействия.

Цифровая трансформация социального взаимодействия – это возникновение новых опосредованных методов и инструментов взаимодействия индивидов вследствие цифровизации и изменения способов контактирования между ними.

Общественные, общественно-государственные организации и объединения в настоящее время играют важную роль в воспитательной работе с детьми и молодежью, и именно перед ними стоит задача ведения непосредственной и постоянной работы по своим тематическим направлениям, таким как: патриотическое воспитание, добровольческая деятельность, пропаганда здорового образа жизни и занятий спортом, содействие в реализации молодежных инициатив и проектов, поддержка творческого самовыражения, профилактика негативных явлений в молодёжной среде. Партнерство между ключевыми субъектами позволяет решать основные задачи воспитательной работы. Молодёжь как социально-демографическая группа, традиционно находящаяся в авангарде технического прогресса и наиболее восприимчивая к инновационным решениям больше и раньше других, интегрируется в процессы изменений, новые формы и методы взаимодействия в той или

[1] *Осипов Г.В.* Социология. Основы общей теории. М.: Норма, 2003, с. 128.

иной сфере, в связи с чем субъектам воспитательной работы нужно максимально оперативно реагировать на все тренды и вызовы времени, чтобы не потерять молодёжную аудиторию, объект своей деятельности. Многие субъекты воспитательной работы смогли оперативно адаптироваться и перевести свою работу в онлайн-режим. Встречи, фестивали, концерты, форумы, обучение волонтеров и прочие мероприятия перешли в цифровую форму, что сыграло положительную роль и в усилении интеграции молодежи, окончательно стерев границы между городами и континентами для молодых людей.

Следует отметить, что пандемия ускорила наступление изменений, которые назревали во многих сферах общественной жизни, процесс цифровой трансформации достаточно резко обрёл массовый характер. Но такие важные общественные отрасли как образование, воспитательная работа, в которых цифровые технологии до последнего времени носили вспомогательный характер, и непосредственная контактная работа всегда стояла во главе угла, оказались в абсолютно новых условиях. Некоторые мероприятия или целые направления работы были перенесены в будущее, в период постпандемии, или переведены в дистанционный режим. Сейчас очень важно восстанавливать в максимально возможном объеме ту деятельность, которая велась до введения ограничений, а также сохранить и развивать те лучшие инновации и решения, что появились вследствие и по причине наступления пандемии.

Системная воспитательная работа с молодежью – залог стабильного развития общества и, по сути, его будущего, поскольку она несёт в себе трансляцию его ценностей, гармоничное и полноценное развитие личности молодого человека.

Профессор С.О. Елишев справедливо отмечает, что «современная молодежь как одна из самых слабозащищенных и уязвимых категорий населения, в силу отсутствия у неё соответствующих знаний, опыта и экономической зависимости, часто выступает объектом для различного рода манипуляций, а также апробаций на ней политических, социально-психологических технологий и экспериментов»[1].

Воспитание в семье, институтах образования и прочих общественных институтах на каждом этапе жизни и социализации ребенка, подростка, молодого человека помо-

[1] *Елишев С.О.* Молодежь как объект социализации и манипуляций. М.: МАКС-ПРЕСС, 2013, с. 63.

гает формировать здоровую, полноценную и всесторонне развитую личность, которая способна противостоять деструктивному влиянию извне. Недостаточное внимание к воспитанию молодого поколения в будущем или дисфункция субъектов воспитательной работы может создать проблемы катастрофические для всего общества.

С.О. Елишев в своей работе «Социальное манипулирование молодёжью» указывает, что «дисфункция институтов образования и воспитания делает молодёжь привлекательным объектом для манипулятивного воздействия со стороны различных сил и проходимцев, а также удобным средством для дестабилизации обстановки в стране и организации революций»[1].

Таким образом, отрыв от молодёжных трендов, современных и удобных для молодёжи способов взаимодействия, потеря актуальных каналов связи и взаимодействия достаточно быстро может привести к дисфункции институтов воспитательной работы, в том числе и по причине высокой динамичности молодёжи Субъектам воспитания молодёжи особенно важно развивать методы и формы работы параллельно динамике процесса цифровизации.

С.О. Елишев отмечает, что для эффективного функционирования институтов воспитания современной молодёжи необходима координация и взаимодействие субъектов этого процесса, создание единого воспитательно-педагогического пространства[2]. Успешным местом для создания данного пространства даже в глобальном масштабе может стать интернет и его цифровые инструменты и технологии взаимодействия.

При условии активного включения в процесс цифровой трансформации социального взаимодействия, оперативного освоения инновационных методов и инструментов работы большинством субъектов воспитания молодёжи удастся сохранить молодёжную аудиторию и развивать данную важную социальную работу в настоящем и будущем.

---

[1] См.: *Елишев С.О.* Социальное манипулирование молодёжью. М.: Канон+ РООИ «Реабилитация», 2019. С. 193.

[2] Там же, с. 317.

УДК 316.6
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51714

А.В. ПОПОВА
кандидат социологических наук,
заместитель декана факультета политологии
Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова*

С.А. БУТЫРИНА
кандидат философских наук, доцент Московского государственного университета спорта и туризма**

М.М. СИМОНОВА
кандидат социологических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала Финансового университета при Правительстве Российской Федерации***

Гуманитарные аспекты управления человеческими ресурсами как важнейшее направление развития социальной ответственности бизнеса

В статье отмечается значимость культуры в деле повышения социальной ответственности бизнеса. Культура способствует большему взаимопониманию и цивилизованному становлению всех отношений: социальных, производственных, политических, нравственных, информационных. Культура -моральный

* Попова Анна Вячеславовна, e-mail: ap.prm2017@gmail.com
** Бутырина Станислава Альбиновна, e-mail: s6354986@yandex.ru
*** Симонова Маргарита Михайловна, e-mail: MMSimonova@fa.ru

императив, выражающийся во владении большинством населения повседневным набором положительных качеств, необходимых для успешного развития ответственности всех и каждого.

Ключевые слова: *социальная ответственность бизнеса, культура, общество.*

A.V. POPOVA
Candidate of Sociological Sciences, Department of History and Theory of Politics Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

S.A. BUTYRINA
Candidate of philosophical sciences, associate Professor, Moscow State University of Sports and Tourism

M.M. SIMONOVA
Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor at the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University under the Government of the Russian Federation

Humanitarian aspects of human resource management as the most important area of development of the company's social responsibility

The article notes the importance of culture in increasing the social responsibility of business. Culture contributes to greater mutual understanding and civilized formation of all relations: social, industrial, political, moral, informational. Culture is a moral imperative, expressed in the possession by the majority of the population of the daily set of positive qualities necessary for the successful development of the responsibility of one and all.

Keywords: *social responsibility of business, culture, society.*

В современной управленческой науке накоплен большой опыт исследований влияния гуманитарных аспектов на развитие социальной ответственности бизнеса, подкрепленных квалифицированными социологическими и социально-психологическими исследованиями.

Проблема в том, чтобы собственники и руководители функционирующей экономики стремились освоить эти знания и умело использовали в компаниях. Не знающий меры эгоизм бизнеса, превращает во второстепенное самого человека, культуру, просвещение и психологию людей. Не только бизнес, но и многие представители научного сообщества находятся под большим влиянием экономизма и не считают даже образовательный фактор одной из движущих сил рационального управления. Между тем в мире признано, что культура ведения бизнеса оказывает существенное влияние на весь комплекс взаимоотношений в обществе.

Организационная культура в системе трудовых отношений в индустриальную эпоху формировалась на основе тейлористско-фордистско-веберианской схемы организации производственного процесса и линейной структуры управления, в которой подчинение выстраивается по цепочке «снизу вверх»: каждый подчиненный орган управления подчиняется только одному вышестоящему. В 30-50-х гг. сформировались предпосылки перехода к иной управленческой культуре под влиянием идей Э. Мэйо, Д. Морено, К. Леви и др., обосновавших теорию «человеческих отношений». В этой теории главным является признание значимости субъективных факторов – трудовой мотивации, потребностей и нужд работников, удовлетворенности характером и условиями труда, реакции работников на комплекс социально-психологических параметров. Стало серьезно продвигаться внимание к работникам и забота о них, корпоративный дух в производственных компаниях[1]. Постепенно сформировались новые представления о культуре организации и поведения человека на производстве. Все они ориентировались на достижение заинтересованности работников в конечных результатах и успешной деятельности производственных организаций в целом[2].

Статус работников, разнообразные неформальные связи стали играть все большую роль в организации и все сильнее влиять на эффективность труда.

Известный социолог Н. Дж. Смелзер увидел корреляцию «школы человеческих отношений» с идеями Фрейда о значении для человека группового единства и лидерства в группе. В

[1] *Мауо Е.* The cocial Problems of an industrial Civilization. L., 1949.

[2] *Туринова Л.* Культура бизнеса и трудовые отношения. М., Человек и труд, 2008, №10, с. 63.

данном конкретном случае исследователи сделали вывод о важности создания небольших, четко организованных групп рабочих. Практика подтвердила этот вывод: созданные первичные группы были способны оказывать влияние на объемы выпуска и качество всей продукции завода[1].

Если считать, что бизнес – категория сугубо экономическая и цели тут преимущественно экономические, то социально-психологическое содержание функционирования и развития бизнеса может восприниматься лишь как вторичный, второстепенный, периферийный фактор. В науке, да и в жизни на этот счет тоже сталкиваются друг с другом две парадигмы: 1) социальная психология в деле бизнеса требует своего учета во вторую и даже в последнюю очередь; 2) экономические и социально-психологические компоненты – равнодействующие. Суть второй парадигмы в том, что социально-психологический аспект необычайно важен и включает в себя полновесный учет психологических особенностей не только конкретных людей, работающих в данной сфере бизнеса, но и больших мегагрупп: от социальных и национальных групп до стран и народов. Экономический облик и общий имидж страны и ее народа во многом обусловлены исторически закрепившимися в жизни психологическими особенностями хозяйствования и проживания населяющих ее народов, её культурой.

Человек присутствует в экономической реальности. В формуле З. Фрейда – «психология предопределяет историю» – выражена одна парадигма. В формуле К. Маркса – «история предопределяет психологию» – другая. Маркс таким образом связал возможность становления социализма с коллективистской психологией, вырабатываемой у пролетариата общественным характером производства. Н. Козиенко в книге «Оптимальная экономика: проблемы политэкономии и теории общества» выводит основной экономический закон из способности и стремления человека к осмыслению мира в эстетических, то есть вне логических категорий, что оборачивается его стремлением к безграничному росту потребностей. «Мотивация деятельности человека, – пишет Н. Козиенко, – носит фатальный характер и предопределяется бессознательным»[2]. Просто в потреблении остро нуждаются все и всегда.

---

[1] *Смелзер Н. Дж.* Теория Фрейда. (Психоаналитическая теория). М., Социологические исследования, 1991, № 9, с. 101-102.

[2] *Козиенко Н.* Капитализм или оптимальная экономика: как распорядится история. ЛГ, 2009, №46, с. 11.

Безграничный рост потребностей – это действительно закон. Известный отечественный историк Н. Кареев считал, что основной принцип видовой жизни заключается в борьбе за существование, основной же принцип жизни общественной – в солидарности. Конечно, живя в обществе, люди не перестают быть животными организмами, находящимися между собой в борьбе за существование, но именно не эта борьба, а нечто ей противоположное ложится в основу общественной жизни[1].

Согласно Конту, непосредственной основой социологии является психология. Там, где нет психической жизни, не может быть и жизни общественной. «Сами экономические отношения, – писал Н. Кареев, – которые другая гипотеза кладет в основу всех общественных явлений, то есть все случаи взаимного обмена услуг или продуктов труда, на каких бы условиях этот обмен ни происходил, делаются возможными лишь на почве психического взаимодействия. Экономический материализм удаляет всю социальную психику из экономической структуры общества, игнорируя тот важный факт, что лежащие в основе экономические отношения сами по себе являются лишь определенными результатами психологического взаимодействия между людьми»[2].

Многие исследователи считают, что теоретически понять общество невозможно без самого внимательного отношения к внутреннему миру личности, а это внутреннее отношение признается еще неполным без этического элемента. Изначально социальная природа бизнеса предполагает знание руководителями бизнеса души народа. Отстраненность от этого непродуктивна.

Существует очень большой объём литература, затрагивающая социальную психологию делового поведения людей в различных странах. Очень поучительные книги для делового человека, которому в эпоху глобализации предстоит иметь дело с партнерами из разных стран и для себя почерпнуть нечто полезное.

Об Америке можно, например, прочитать со ссылкой на Тоффлера: «одним из принципов деловой культуры американцев считается стремление из всего получать доход»[3]. Американцы считают себя исключительной и самой лучшей на-

---

[1] *Кареев Н.* Введение в изучение социальных наук. СПб, 1903, с. 109.

[2] Там же, с. 21.

[3] Культура и поведение – 90 стран глазами бизнесмена. М.: ФИНТРА, 1993, с. 264.

цией в мире. Они должны преуспевать всегда и во всем. У них плохо не может быть. Их страна лучшая в мире. Все в мире должно быть так, как у них[1].

Известна знаменитая американская улыбка и поговорка: «Улыбайся, когда на душе тошно, улыбайся, когда на душе кошки скребут, улыбайся, когда хочется в петлю. Улыбайся, всегда улыбайся!» Если при встрече на вопрос: «Как дела?» – будет дан ответ: «О'кей!», значит, у вас все в порядке. В противном случае вы аутсайдер[2].

Литературу об особенностях поведения американцев в деловой сфере надо изучать российским предпринимателям – можно не только узнать специфику их психологии, но и многому поучиться в ведении бизнеса.

Англичане и французы в названной выше литературе представлены на некотором противопоставлении. Если у англичан господствует правило «Соблюдай формальности» и на этом строится их чопорность, то о французах пишется другое: «При обсуждении каких-либо деловых проблем французы часто отвлекаются и уходят от темы, затрагивая, казалось бы, вопросы, не имеющие отношения к данной проблеме. Но французские менеджеры в итоге предложат решение в собственной интерпретации и выдвинут иную проблему». Французы стремятся к постоянным новациям, улучшению своего имиджа, возвышенному стилю жизни. Для французов честь превыше прибыли[3]. Это спорное суждение легко можно опровергнуть хотя бы тем, что в свою президентскую кампанию Н. Саркози брал деньги у авторитарного руководителя Ливии М. Каддафи.

Восхваляемая авторами английская чопорность очень неплохо иногда сказывается на трудовых взаимоотношениях. Приказы и распоряжения никогда не отдаются в жесткой форме. Всегда следует обращение «Вы бы не могли…», «Будьте любезны» и т. п. Если руководитель (менеджер) критикует подчиненного, то делается это таким образом, чтобы подчиненный сначала узнал о своих заслугах и лишь потом – о промахах. Это весьма существенный прием, который стимули-

---

[1] Там же, с. 10-11.

[2] *Макашов И.Н., Овчинникова Н.В., Чистякова К.А.* Этика и культура управления. М.: Спутник, 2010, с. 361.

[3] Культура и поведение – 90 стран глазами бизнесмена. М.: ФИНТРА, 1993, с. 64.

рует и одновременно мотивирует работника на недопущение в будущем таких промахов или ошибок[1].

Изучающие Японию исследователи в первую очередь отмечают то, что черты делового поведения там отработаны веками. Как считает английский исследователь Р.Д. Льюис, Япония – это «общество-паутина»: «Это социум, в котором все его члены жестко взаимозависимы и между ними устанавливается строгая иерархия моральных и социальных обязанностей, как по вертикали, так и по горизонтали»[2].

Характеризуя деловое поведение японцев, Р.Д. Льюис предложил учитывать некоторые его особенности теми, кто с ними выстраивает деловые контакты. Учитывать их особенно важно при переговорах. Японская сторона, как правило, стремится получить максимальное количество информации о клиентах в целях изучения. На переговорах они прилагают все усилия, чтобы сблизить интересы команд. Если к японцам на переговорах проявляют грубость, нетерпение, недоверие, нарушение протокола или изменение условий, они покидают переговоры. Чтобы переговоры были успешными, «вы должны им понравиться, и они должны доверять вам от всего сердца, иначе сделки не бывать»[3].

Русский национальный характер выглядит после описания немецкого особенно рельефно. В частности, Н. Бердяев писал: «Россия – страна безграничной свободы духа, страна странничества и искания Божьей правды. Россия – самая небуржуазная страна в мире. В русском народе поистине есть свобода духа, которая дается лишь тому, кто не слишком поглощен жаждой земной прибыли и земного благоустройства. Россия – страна бытовой свободы. В России, в душе народной есть какое-то бесконечное искание. Она вечно печалится о горе и страдании народа и всего мира, и мука ее не знает утоления. Душа эта поглощена решением конечных, проклятых вопросов о смысле жизни. Сам русский атеизм религиозен»[4].

«Западноевропейский человек, – согласно Бердяеву, – чувствует себя сдавленным малыми размерами пространства земли и столь же малыми пространствами души. Он привык

---

[1] Там же, с. 28.

[2] *Льюис Р.Д.* Деловые культуры в международном бизнесе. От столкновения к взаимопониманию. М.: Дело, 1999, с. 351.

[3] Там же, с. 355-359.

[4] *Бердяев Н.* Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2006, с. 29.

возлагаться на свою интенсивную энергию и активность. Возьмем, например, немца. Он чувствует себя со всех сторон сдавленным, как в мышеловке. Шири нет ни вокруг него, ни в нем самом. … Немец должен презирать русского человека за то, что тот не умеет жить, устраивать жизнь, организовать жизнь, не знает ничему меры и места, не умеет достигать возможного»[1].

Все эти высказывания отнюдь не потеряли актуальности. Но кто сегодня читает Николая Бердяева или Питирима Сорокина? Какие-то редкие читатели. А ведь прочитай нашему человеку вот эти высказывания Николая Бердяева, и он задумается. Потому что нельзя не задуматься над таким своеобычным текстом, когда от сарказма в адрес немца, сдавленного, как в мышеловке, он стремительно переходит к полному убеждению, что немец должен презирать русского человека за то, что он не умеет устраивать и организовывать свою жизнь, за его славянскую безбрежность.

Самоуничижение нам, конечно же, не нужно, но конструктивно-критическое отношение к себе в целях нашего движения вперед просто необходимо. Особенно в бизнесе, где труднее всего делать то, что не обязательно, но необходимо. Это относится прежде всего к реализации принципов социальной ответственности бизнеса. Следует при этом пристально посмотреть на те особенности в деловом поведении разных народов, которые, конечно же, не подлежат прямому копированию, но могут быть использованы для самосовершенствования.

Мы не будем приводить здесь широко представленный в литературе анализ характерных черт делового поведения многочисленных народов, но на некоторых все-таки еще остановимся. Об итальянцах, например, говорится, что они так общительны, что и в деловых переговорах пускаются в рассказы о своих семейных делах, проведенных отпусках, делятся своими огорчениями и надеждами. При этом к пунктуальности все-таки относятся терпимо[2]. Очень ценится зрелый возраст, он отождествляется с мудростью[3]. В Греции, как отмечает тоже английский исследователь А. Фиада, получают признание управляющие, умело использующие социально-психологические методы управления. В науке существует

---

[1] *Бердяев Н.* Падение священного русского царства. М.: Астрель, 2006, с. 71.

[2] Культура и поведение – 90 стран глазами бизнесмена. М.: ФИНТРА, 1993, с. 128-132.

[3] *Лонней Д.* Эти странные испанцы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 1999, с. 66-69.

фактологическое подтверждение того, что они добиваются наилучших результатов[1].

Особо надо сказать о Дании и Швеции. Это королевства, но это никак не мешает им создавать социальное государство. Деловая культура Дании, как пишут ее исследователи Х. Дерби и С. Харрис, опосредована атмосферой социальной ответственности. «Перед тем как начать любое дело, претворить в жизнь любую идею, датчане должны найти ответ на вопрос, насколько это все полезно для общества[2]. О Швеции немало поучительного написал Р.Д. Льюис: «Шведские менеджеры умело работают с сотрудниками, используя свое обаяние, мягкий, но убедительный стиль общения и умные психологические подходы. Они хороши как руководители, потому что должны быть такими!». И другие исследователи отмечают массу положительного в шведской деловой культуре. Шведам присуще широкое обсуждение производственных и иных проблем с персоналом. Хотя это несколько удлиняет время подготовки и принятия решений, но зато не страдают качество и выигрыш в делах. И это сокращает дистанцию между управляющими и работниками. «Отличительными чертами такой культуры, – пишет П. Берлин, – являются самореализация и атмосфера равенства»[3].

Культура в деле повышения социальной ответственности бизнеса выступает весьма многоцветным фактором. Культура может сделать феномен богатства вполне приемлемым для общества и в состоянии перевести на более высокий уровень все трудовые усилия. Культура способствует большему взаимопониманию и цивилизованному становлению всех отношений: социальных, производственных, политических, нравственных, информационных. Забота о культуре как явлении и как предметной характеристике индивидуумов и социальных групп, различных общностей и организаций всегда считалась делом государства и творческой элиты. Сегодня такая забота настоятельно требуется со стороны новых рыночных структур, наших могущественных корпораций и всего бизнеса в целом. Причем забота как о материальных и нематериальных культурных ценностях, так и обо всех разнообразных сторонах проявлений культуры в жизни человека и общества.

---

[1] *Фиада А.* Эти странные греки. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2000, с. 68-69.

[2] *Дерби Х., Харрис С., Гользен Т.* Эти странные датчане. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2002, с. 12.

[3] *Берлин П.* Эти странные шведы. М.: Эгмонт Россия Лтд., 2001, с. 88.

УДК 316.75
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51715

Т.А. РАССАДИНА
доктор социологических наук, доцент, профессор кафедры связей с общественностью и рекламы Ульяновского государственного университета*

Гражданско-политический активизм студенческой молодежи в контексте развития студенческого самоуправления

Статья посвящена анализу некоторых особенностей студенческого самоуправления в контексте формирования гражданско-политической активности молодежи. Показано современное состояние гражданско-политического сознания молодежи, общественное значение этой формы самоорганизации студенческой молодежи. Приводится сравнительный анализ аспектов студенческого самоуправления в советский период и в современной России. Обозначены современные проблемы формирования политической активности и гражданских установок молодежи в процессе участия в студенческом самоуправлении.

Ключевые слова: *гражданско-политический активизм, самоорганизация, студенческое самоуправление, политическое участие, гражданские и политические установки, студенческая молодежь.*

T.A. RASSADINA
Doctor of Sociology, Associate Professor, Professor of the Department of Public Relations and Advertising, Ulyanovsk State University

Civil-political activism of student youth in the context of student self-government development

* Рассадина Татьяна Анатольевна, e-mail: t.rassadina@mail.ru

The article is devoted to the analysis of some features of student self-government in the context of the formation of civic and political activity of youth. The current state of civic and political consciousness of young people, the social significance of this form of self-organization of student youth is shown. A comparative analysis of aspects of student self-government in the Soviet period and in modern Russia is given. Modern problems of formation of political activity and civic attitudes of youth in the process of participation in student self-government are outlined.

Key words: *civil-political activism, self-organization, student self-government, political participation, civil and political attitudes, student youth.*

Повышение внимания к политическим аспектам сознания и поведения молодежи со стороны общественных и государственных акторов связано с ростом социальной нестабильности и неопределенности, с трансформацией идеалов, ценностей традиционной культуры, усложнением международного положения России, агрессивным санкционным и информационным влиянием со стороны Запада. В новейшую историю России этот интерес зачастую актуализировался и вслед за ростом неуправляемой энергией молодежи, к примеру, на фоне роста протестной активности, девиаций, эпатажных ситуаций.

Современная молодежь безусловно, более свободна, чем предыдущие поколения, более предрасположена к восприятию нового, с выраженными ценностями эпохи постмодерна, где системообразующей ценностью стал плюрализм. Молодежь – возрастная группа, имеющая особый социальный статус, с множеством жизненных стилей, с «разбегающимися» социализационными траекториями, разным уровнем освоения социализационной нормы[1] в условиях дисфункциональности, кризиса институтов социализации.

Вместе с тем, ее связывают с будущим страны, к ней обращаются представители старших поколений, власти, оппозиции. Молодежь осознает свои интересы, формирует, отстаивает собственную субъектность, одновременно понимает невозможность ее реализовать в полной мере. Она динамична, парадоксальна, обладает значительным интеллектуальным, ин-

[1] *Ковалева А.И.* Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория // Социологические исследования, 2003, № 1, с. 109-115.

новационным и протестным потенциалом[1] в целях самоутверждения, поиска своего «Я», удовлетворения собственных интересов. Аккумулирует общественные трансформации, накапливает «издержки» ускоренной социодинамики, преобразований общества со стороны государства[2], накапливает недовольство.

Массовое недовольство молодежи обусловлено не только объективными обстоятельствами, но во многом социально-психологическими особенностями социальной общности[3]. Молодым людям свойственны завышенные притязания, но зачастую, отсутствуют возможности их реализации. В процессе социализации молодежь проявляет острое ощущение несовершенства современного общества, которому, по ее наблюдениям, присущи прогрессирующий дефицит справедливости, прав человека, закона, честности, свободы, убеждение в примате силы, собственности, выгоды и личного успеха. Именно по этим позициям расхождение реального и идеального является особенно драматичным[4]. Усиление недовольства может служить катализатором протестных настроений молодежи. Понимание протестных акций как гаранта своей успешности и отсутствие понимания возможностей конвенционального политического поведения в решении своих проблем приводит к росту разнообразных рисков в молодежной среде[5].

Особой группой молодежи является студенчество, сочетающее качества молодежи и интеллигенции. Это – социальная группа, с отсутствием значительного социального капитала, думающая, ориентированная на интернализованные ценности, остро чувствующая несправедливость в обществе.

---

[1] *Габа О.И.* Молодежь как субъект протестных настроений // Знание. Понимание. Умение, 2015, № 1, с. 144-151.

[2] *Ильинский И.М.* Молодежь и молодежная политика. М.: Голос, 2001. – 694 с.; *Он же.* Прошлое в Настоящем: Избранное. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та, 2011. – 840 с.

[3] *Пушкарева Н.Н.* Протестный потенциал современной российской молодежи // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Москва, 2013. – 27 с.

[4] *Руденкин Д.В.* Фактор ценностей в развитии протестных настроений молодежи: итоги пилотажного исследования // Мир науки. Социология, филология, культурология, 2019, №1. URL: https://sfk-mn.ru/PDF/08SCSK119.pdf (Дата обращения: 04.06.2021).

[5] *Чупров В.И., Зубок Ю.А.* Экстремизм среди молодежи // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2009, №1(89), с. 146-166.

Преподаватели вузов, прежде всего, специалисты в области социально-гуманитарных дисциплин, зачастую становятся участниками острейших дискуссий со студентами на учебных занятиях по современным политическим, гражданским, правовым проблемам; свидетелями недоверия, неприязненного отношения и даже агрессии молодых людей к представителям власти различных уровней, к политической ситуации в стране, регионе, городе. Вынуждены не только объяснять ситуации, но нередко оправдываться за те или иные критикуемые молодежью поступки политических акторов. Молодые преподаватели, сами формировавшиеся в эпоху прагматизма, задают конкретные вопросы, что отвечать, какие технологические приемы, фразы использовать в общении? Эти вопросы требуют, безусловно, не просто нахождения речевых оборотов, технологичных алгоритмов для парирования, а знания, понимания особенностей социальной группы, общественной ситуации, особенностей взаимодействия с молодыми людьми, прежде всего властных институтов, их восприятия в молодежной среде.

Экспертный опрос, проведенный 2 июня 2020 г. ВЦИОМ, Российской ассоциацией политконсультантов (РАПК), Федеральной экспертной сетью «Клуб регионов» (приняли участие 30 экспертов из 15 регионов России; обсуждаемый материал – результаты всероссийских опросов ВЦИОМ, 9 волн)[1], позволил определить отношение студенческой молодежи к власти. Это отношение квалифицируется, по мнению большинства экспертов, как «недоверие», «отсутствие диалога», «взаимное недопонимание», «ощущение брошенности и безразличия». По обобщениям аналитиков, государство больше занимается имитацией работы с молодежью. Молодежь видит, что ее игнорируют, не слушают, и она платит тем же. Подход к работе с молодежью воспринимается, как более циничный, чем в других возрастных группах; подход государства к обязанности помогать – как помощь в обмен на соблюдение правил. Важно, что описанная ситуация сформировалась ещё до эпидемии, коронакризис её усилил.

В последнее время наблюдается проявление государством действенного регулярного интереса к молодежи, моло-

[1] Коронакризис: молодежь и власть – недоверие и недопонимание. Результаты экспертной онлайн-панели по общероссийскому опросу ВЦИОМ (9 волна). Вып. № 6. Москва, 5 июня 2020 г. URL: http://club-rf.ru/images/files/5eda0f8985870.pdf (дата обращения: 04.06.2021)

дежным лидерам, поиски современных форм взаимодействия, но проблемы далеко не исчерпаны. Важно понимать, что в современных российских условиях радикальной трансформации общества меняется роль молодежи в развитии страны. Современная российская молодёжь находится в специфической исторической ситуации, когда процесс социализации происходит не на базе унаследованных материальных и духовных ценностей, а, наоборот, требует активного участия самой молодёжи в выработке новых ценностей.

Все это важно для развития общественной самоорганизации. Вопрос самоорганизации, самоуправления чрезвычайно сложен даже для людей со статусом взрослого, тем более исторически привыкших жить в авторитарных системах, в условиях «ручного» управления. Молодежь, отягощенная реальным статусом невзрослого, недосоциализированного, недообразованного, недовоспитанного, осваивает такие формы жизни еще более сложно.

Анализу этих процессов посвящен большой пласт современных исследований[1]. Не претендуя на исчерпывающую постановку вопроса, на истину в последней инстанции, обозначу некоторые аспекты, которые находятся в плоскости моих многолетних наблюдений над развитием студенческого самоуправления (ССУ) как формы самоорганизации в контексте формирования гражданско-политической активности молодежи. Участие в ССУ – это не прямое гражданско-политическое участие. Оно близко и понятно студенческой молодежи, касается практически всех сторон ее жизни. Современная система ССУ в силу ряда причин не может быть отнесена к институтам подлинного гражданского общества; в то же время, ее социализирующее воздействие на молодых граждан нельзя недооценивать. Уточним, термин «активность» принято относить к жизненным установкам в целом; термин «активизм»,

[1] *Омельченко Е.Л.* Молодежный активизм в России и глобальные трансформации его смысла // Журнал исследований социальной политики, 2005, № 3(1), с. 59-85; *Погосян Л.А., Веселая Т.В.* Формирование и специфика политической культуры молодежи в современном российском обществе // Гуманитарий юга России, 2015, № 4, с. 276-282; *Мельников А.В*. Формирование общественно-политического потенциала российской молодежи в процессе политической социализации // Среднерусский вестник общественных наук. Серия Политология, 2015, т. 10, № 5, с. 105-109; *Макеева Е.А., Кондрашова К.Э., Литвинова М.А*. Студенческое самоуправление как особая форма общественной деятельности студентов // Молодой ученый, 2016, № 10, с. 1238-1241. URL: https://moluch.ru/archive/114/29588/ (Дата обращения: 04.06.2021) и др.

как известно, используют для выделения форм общественно-политической активности.

Вопрос об активизме молодежи в России объективно не прост. Сказываются факторы советского прошлого, сложный характер трансформаций в постсовременной России, смена критериев ценностей, сложность определения критериев общественной пользы (полезности), гражданской активности.

Интересным представляется советский опыт развития студенческой самодеятельности. Советская система социализации студенчества предполагала обязательную государственную легитимизацию любой приемлемой для властей студенческой инициативы. Существовала реальная, не имитационная низовая активность, лояльная по отношению к патерналистской опеке. Студенческая молодежь активно вовлекалась в официальную политику. Участие было и добровольным, и вынужденным, и добровольно-принудительным. Активность молодежи целенаправленно стимулировалась, формировалась, контролировалась. Критериями активной жизненной позиции были: участие во всех мероприятиях, которые одобрялись официальными общественными организациями (партией, комсомолом, профсоюзами); подчинение большинству, коллективу; приоритет духовных ценностей над материальными; знание политических документов. Политически грамотен и морально устойчив – фразы, которыми заканчивались характеристики-рекомендации, в том числе, для поступления в престижные вузы, на определенную работу, выезда за границу и т.д.

Есть точка зрения, что в советский период гражданское общество было сформировано больше, чем в современной России. Действительно, были ежемесячные собрания (комсомольские, профсоюзные, партийные, трудовых коллективов, групповые, курсовые, факультетские и т.п.). От них уставали, с них сбегали. Но это были площадки, на которых шло обсуждение вопросов не только по залегитимизированным сценариям. Имели место и указания на актуальные проблемы; критика шла, не взирая на лица и нередко статусы. Еще до перестройки в критерии оценки публичных выступлений включались обязательные критика и предложения.

Уже в советское время происходило осознание потери субъектности молодежи. Были реальные призывы к ее восстановлению (быть хозяевами в своих организациях, решать конкретные проблемы, влиять на решения в организациях).

Участие в молодежных организациях нередко оказывало серьезное влияние на дела в селе, городе, области, даже стране.

Несмотря на разную информацию о комсомольских лидерах (чего только стоили в те времена книги, публикации в прессе – «ЧП районного масштаба» Ю. Полякова, «Вольские аномалии» в «Комсомольской правде» и др.), было немало вожаков, которые влияли не скрытым административным ресурсом, а настоящим авторитетом. Зачастую молодежь с ее максимализмом, верой в подлинные ценности иных просто не признавала. Особенно это относилось к студенческой молодежи. Было немало умных, референтных наставников (ректоров, секретарей парткомов, деканов), которые прошли школу комсомола, управления, сами стали влиятельными для молодежи лидерами.

ССУ и игра в него (дни самоуправления) – вполне реальная серьезная жизнь. Такие традиции взаимодействия с молодежью в советский период были повсеместно. Реальностью был и жесткий, тотальный контроль, и открытый, и латентный, который, как известно, создавал эффект «сжатой пружины». Когда он ослабевал или сходил на нет, как в конце перестройки, наблюдался выброс неконтролируемой и неуправляемой активности с явным проявлением антиценностей предыдущего периода (потребительство, падение моральных ценностей, неформальная активность, девиации).

В постперестройку наблюдалось странное и безусловно ошибочное отстраненное отношение власти от молодежи, отсутствие интереса к ее проблемам. Молодежная политика имела форму реакции на чрезвычайные ситуации в молодежной среде.

Сегодня другая реальность. Молодежь живет взрослыми серьезными проблемами, как-то: безработица, платное образование, новые технологии, информационное пространство, культурные практики, новые стратификации и т.д. Адаптационные практики в условиях постоянных изменений альтернативны советским: индивидуализм пришел на смену коллективизму; мобильность, риск – стабильности; карьеризм, амбиции – на смену работе на одном месте, скромности в карьере; ценность потребления, материального; деньги – эквивалент свободы, независимости, успешности. Жизнь в условиях монолита (чего реально никогда не было) – усредняет, но жизнь в условиях постоянного выбора из огромного количества ва-

риантов, возможностей, дорог, средств – сложная, размывает нормативную систему, межпоколенную коммуникацию, преемственность. Нередко отмечается и рост инфантилизма среди молодежи.

Многие годы исследователи констатировали как данность политическую апатию молодежи. По ощущениям самих молодых людей, они не оказывают заметного влияния на государство. Активное участие молодежи в политических протестах конца 2011 – начала 2012 гг. для многих стало неожиданностью: еще накануне СМИ и некоторые эксперты сокрушались по поводу пассивности молодежи. Весной 2017 г. некоторые группы молодежи всколыхнули информационные выпады против власти и призывы к протестам оппозиционера Навального. Ситуация повторилась и 2019, и в 2021 гг. Разговоры об абсолютной пассивности современной молодежи – миф.

Как показывают исследования в регионах, молодежь демонстрирует желание заниматься общественно-полезной деятельностью (по данным НИЦ «Регион» (УлГУ) – свыше 80%), но присоединяться к кому-то, например, в качестве волонтеров, а не создавать новые проекты, не брать на себя всю ответственность. Однако повседневная рутина учебы, семейных дел, работы остаются самыми важными для молодых людей[1]: сфера учебы, образования для 69 % опрошенных (в рейтинге № 1); семья, дети, дом – для 67 % (2 место); работа, карьера, продвижение по службе – 48 % (3 место). Аналогичные тенденции продемонстрировало наше исследование (Рассадина Т.А., Репина Е.И. «Рационализация сознания и поведения современной российской молодежи, 2017-2018 гг.). Интерес к гражданскому активизму, политическому участию находится в конце рейтингов интересов, хотя есть познавательный интерес к сфере политики, проявляющийся на учебных занятиях, высокая критичность молодых людей. Массового интереса к политике, политической активности вряд ли стоит ожидать, но есть группы молодых людей, которым интересна эта сфера, есть потребности в самореализации в ней, принадлежности к группам политических интересов.

Интернет-опрос студентов транспортной отрасли (Московский университет транспорта, 2018-2019 гг.) показал, что как

[1] *Малик Е.Н.* Средства массовой информации как институт политической социализации молодежи в современной России. Монография. Орел: Издательство ОРАГС, 2009. – 168 с.

минимум 10% студентов готовы участвовать в деятельности общественных организаций и объединений, т.е. практически на регулярной основе. Юноши более, чем девушки идентифицируют себя с каким-либо политическим направлением, проявляют более радикальные установки. Интерес юношей к политике вообще традиционно выше, растет с возрастом. Нельзя исключать роста и даже взрыва эмоций молодежи в условиях ухудшения экономического положения, информационно-психологических воздействий (в том числе, подстрекательств из вне).

ССУ – это площадки для взаимодействий, коммуникации, обмена мнениями, диалога. Здесь создаются сообщества знающих друг друга лично, доверяющих друг другу людей; формируется неравнодушное отношение к общественной жизни, интерес к защите коллективных интересов. В.И. Чупров выделял отличительное социальное качество молодежи: способность унаследовать и воспроизводить сложившуюся структуру общественных отношений[1]. Это делает молодежь субъектом не только преобразовательной деятельности, но и сохранения сложившейся социальной ситуации. Несмотря на кардинально изменившуюся эпоху преподаватели, давно работающие в вузах, замечают, как практики советского периода, с которыми непосредственно не знакомы современные студенты, странным образом как архетипы коллективного бессознательного проникают и укореняются у современной молодежи. Видимо мало или нет других образцов, или так поступать легче, результативнее.

Гражданская социализация в процессе участия в работе органов самоуправления возможна тогда, когда деятельность последних характеризуются реальной автономией, даже если сами «рамки» деятельности заданы администрацией вузов. Основные сложности в развитии ССУ кроются в относительно низком уровне молодежной активности, в традиционной для России практике административной опеки молодежи и в отождествлении ССУ с одним из направлений воспитательной работы вуза или молодежной политики.

Действительно, сейчас ССУ курируют заместители деканов, проректоры по работе с молодежью. Заниматься молодежью, безусловно, необходимо, хотя это прямой администт-

[1] *Чупров В.И.* Развитие молодежи: концептуализация понятия // Молодежь России: социальное развитие / Отв. ред. В.И. Чупров. М.: Наука, 1992, с. 6-14.

ративный ресурс. Даже в комсомоле руководили организациями студенты, сама молодежь. Старшие оказывали воздействие через лидеров. Взаимодействие молодежи и взрослых шло в рамках общественной работы, бесплатной, в которой другие рычаги воздействия. Сегодня крайне востребованы умные, современные, референтные наставники, которым есть что передать, которые умеют не навязывать свое мнение, не манипулировать, даже если работу с молодежью они выполняют как представители администрации, за это получают заработанную плату.

Как продемонстрировало исследование Павловой С.М.[1], абсолютные показатели гражданской активности и у «активистов», и у обычных студентов невысокие, преобладают патерналистские установки. Однако опыт участия в ССУ позитивно влияет на повышение гражданской активности молодых людей, в том числе, вне вуза и после него. Это влияние проявляется как в сфере мировоззрения, так и на уровне поведенческих практик.

В процессе студенческого самоуправления формируются гражданско-политические установки. Этот процесс, как и формирование установок вообще, – сложный, неоднонаправленный, многофакторный. Уровень их интернализации разный. Как аспект социализации происходит на протяжении всей жизни человека, никогда не бывает полным. Связь между установками и поведением личности сложная. Есть ситуации, когда установка влечет за собой поведение. «Любое действие рождается от мысли» (Ральф-Вальд Эмерсон). И тогда логика формирования установки соответствует ее традиционной структуре: знание (когниция) – эмоции (отношение) – поведение. Есть ситуации, когда мысль – дитя поступка. Существует целенаправленное воздействие на молодых людей с ранних этапов жизни, когда создаются специальные ориентирующие ситуации. Известен древний прием – «кооптация», когда молодых лидеров включают в актив, на престижный пост, в определенную роль. Такие аффилированные довольно быстро усваивают требуемые установки. Человек многократно получает соответствующую информацию; высказываемое утверждение становится убеждением. Есть и фактор

[1] *Павлова С.М.* Участие в студенческом самоуправлении как фактор развития гражданской активности молодежи // Автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата социологических наук. Пенза, 2017. – 23 с.

взаимовлияния людей, особенно в публичном пространстве, что сказывается на формировании и проявлении установок.

И конечно, формирование политической и гражданской идентичности происходит не только в рамках групповой активности, к примеру, в вузе. Есть и другие институты, культура. В ССУ зачастую приходят уже во многом сформировавшиеся участники, со своим габитусом, установками, опытом. Именно они, прежде всего, попадают в эти структуры. Не будем исключать ситуации, когда интерес к такой активности возникает в студенчестве. Действия участников ССУ, как и активистов гражданского общества вообще, полимотивированные. Мотивы кроются не только в сфере гражданственности, помощи людям и т.п. Есть мотивы коммуникационные, чистого ПР, престижные, карьерные, накопления разных видов капиталов, связанные с трудоустройством и т.д. Диспозиции нередко остаются на уровне интересов (общение, карьера), не дотягивая до того уровня, когда регуляция поведения осуществляется ценностными ориентациями, включая такие непростые как гражданские, политические.

Для развития гражданско-политической активности, безусловно, важна информированность. Однако современные студенты демонстрируют слабые знания отечественной истории советского периода. Представления о нем зачастую воссоздают неузнаваемые, следовательно, неадекватные картины советского прошлого, в чем проявляется трансформация исторической памяти. Практически отсутствуют конкретные знания о новейшей истории России как основания для рефлексии и оценок этого периода, роли в нем различных акторов. Нередко недовольство современной ситуацией не подкрепляется фактами, аргументами. Студентам просто нечего сказать, кроме актуализации негативных эмоций. Заметим, история России является обязательной дисциплиной для изучения в вузах.

Общественная самоорганизация, в целом, ССУ, в частности, – динамично изменяющиеся сферы. Однако позитивные изменения происходят не просто, не отменяют и не уменьшают количества проблем. Где-то остается попустительское отношение к самоуправлению, где-то – избыточный авторитарный контроль. Решение этих проблем в немалой степени лежит в плоскости управленческих полномочий, прежде всего взрослых. Оно персонифицировано, зависит от конкретных личностей, их образованности, ума, ценностей, личностной и социальной зрелости, смелости, честности, наличия

чувства нового, преобладания внутренних мотивов деятельности, над внешними, презентационными. Но именно такого рода активность молодежи удовлетворяет запрос на объяснение ситуации, на взаимодействие молодежи и власти, молодежи и старших поколений, на диалог, на коммуникацию между ними вообще и максимально паритетную коммуникацию, которая формирует не пресловутую толерантность, а уважение как качество отношений, традиционно ценное в нашей национальной культуре.

УДК 37.012.7
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51716

И.А. ДОБРОВОЛЬСКАЯ
магистрант кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института "Педагогика и психология" МПГУ*

В.С. МЕСЬКОВ
доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института «Педагогика и психология» МПГУ**

Целевые ориентиры как метауровневые характеристики образования детей старшего дошкольного возраста

Цель данной статьи подтвердить актуальность формирования «целевых ориентиров» как метауровневых характеристик образования старших дошкольников (5-7 лет), используя математико-дидиктический метод. В рамках магистерского исследования одного из соавторов статьи предполагается также создание просветительско-образовательной программы по формированию данных целевых ориентиров.

Ключевые слова: *целевые ориентиры, МВАК(м), математика, математико-дидактический метод, культура мышления, ценности.*

I.A. DOBROVOLSKAYA
Master's student of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education named after Academician V.A. Slastenin of the Institute of Pedagogy and Psychology of MPSU

* Добровольская Ирина Александровна, e-mail: 89161500082@mail.ru
** Меськов Валерий Сергеевич, e-mail: vs.meskov@mpgu.su

V.S. MESKOV
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education named after Academician V.A. Slastenin of the Institute of Pedagogy and Psychology of the Moscow State University

Target guidelines as meta-level characteristics of the education of children at the upper end of the pre-school age range

The purpose of this article is to confirm the relevance of the formation of "target guidelines" as meta-level characteristics of the education of children at the upper end of the pre-school age range (5-7 years), using the matetic-didactic method. As part of the master's study of one of the co-authors of the article, it is also planned to create an educational program for the formation of these targets.

Keywords: *target orientations, MVAK(m), matetics, matetic-didactic method, culture of thinking, values.*

В данный момент мы оказываемся свидетелями изменения научной картины мира, это не только следствие цифровизации, влияния прогресса и технологий на структуру общественной жизни в целом, но и антропологическая и аксиологическая составляющие этих изменений. Корреляция развития образования и общества очевидна. Кризисные тенденции трансформации преобразований в обществе определяют увеличение научного интереса к переменам в сфере образования и воспитания.

Меняется общественное обустройство, и на смену общества потребления приходит «общество, основанное на знаниях»[1], по-другому – «информационное общество». Следует признать, что в этом новом обществе основным источником развития станет информационная (когнитивная, творческая, духовная) деятельность когнитивного субъекта, и соответственно главными характеристиками – знания, смыслы и идеи.

[1] В 1969 г. П. Друкер ввел понятие “общества знания” как общества, в котором знания определяют все остальные жизненные измерения.

Таким образом основной задачей образования общества, основанного на знаниях, становится воспитание человека, как когнитивного субъекта[1], субъекта когнитивной деятельности, а основные функции уже не сводятся только к предоставлению образовательных услуг и решению социальных задач.

Когнитивный субъект − такой субъект, который обладает внутренней мотивацией к когнитивной деятельности. Исключительным (присущим только ему) результатом деятельности когнитивного субъекта является создание экземплификатов и трансцендентатов, в том числе знаний, смыслов и идей.

Когнитивная деятельность − это способ существования и единственная уникальная деятельность когнитивного субъекта как мыслителя, создателя и деятеля. В основе когнитивной деятельности лежит цикл трансформации субъекта, причиной которого служит внутренняя мотивация субъекта к когнитивной деятельности. Внутренняя мотивация к когнитивной деятельности − это способность субъекта к познанию, необходимость познания и воля к познанию.

Соответственно, требуется пересмотреть и базовые ориентиры, и методологические основания образования, поскольку потребителем и заказчиком образования становится не социум, «власть» или потребности «рынка труда», а сам человек как потенциальный субъект, и ему для этого необходима особая трансформирующая среда.

Формирование целевых ориентиров у детей старшего дошкольного возраста считается государственной задачей, которая зафиксирована в приказе Министерства образования и науки Российской Федерации[2]. В нем определено, что образовательный процесс – это объединение процесса обучения и воспитания, которое строится на основании ценностей в интересах ребенка, семьи и общества.

Для интерпретации целевых ориентиров как метауровневых характеристик с точки зрения постнеклассической мето-

---

[1] *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Образование для обществ знания: постнеклассическая модель образовательных процессов // Ценности и смыслы, 2010, № 2(5), с. 17-49.

[2] Федеральный государственный образовательный стандарт дошкольного образования. Утверждён Приказом Министерства образования и науки Российской Федерации закон от 17 октября 2013 г., № 1155 // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

дологии воспользуемся разработками в области матетики[1] и неоматетического[2] прочтения текстов.

Матетико-дидактический и неоматетический методы базируются на открытии величайшего педагога и философа образования Я.А. Коменского, и получили сегодня достойное развитие в рамках современной постнеклассической методологии науки.

«**Матетика**» в переводе с латинского означает «ученичество», которое понимается Коменским как наука о познании. Матетика дополняет Великую Дидактику как парадигму «учительства», а вместе они задают полное содержание образования.

Матетика представляет собой необходимый новый инструмент, позволяющий совершенствовать современное педагогическое учение и самообразование.

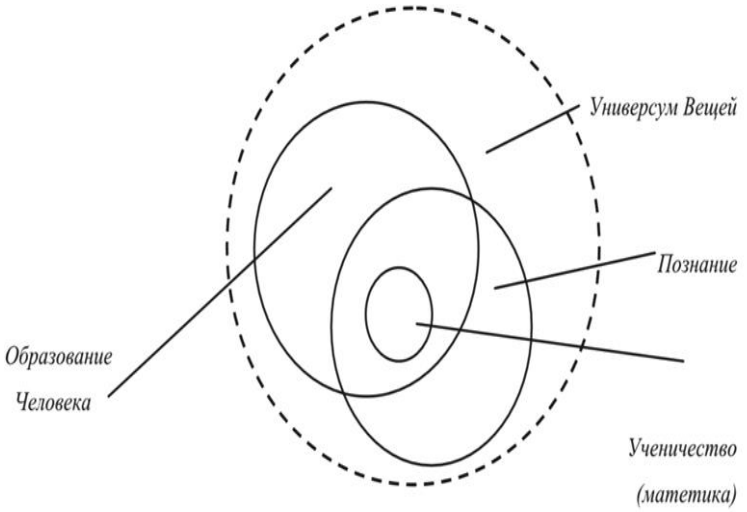

Рис. 1. Роль матетики в образовательном процессе

[1] *Меськов В.С., Зискин К.Е., Сабанина Н.Р.* Введение в матетику: науч.-метод. изд. В 2 т. М.: МПГУ, 2016. – 308 с. Книга 1, с. 225.

[2] *Меськов В.С., Сабанина Н.Р.* Неоматетика чтения научных текстов: экспликация, интерпретация, экстраполяция. Экология человека и природы в информационно-технической среде. 10-я Международная научная конференция. М.: Издательство МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2020, с. 245-247.

Матетико-дидактический метод предполагает целостный подход к систематизации и организации процесса познания как в рамках формального, неформального, так и информального (образования за пределами образовательных организаций и программ) типов образования. Дидактическая составляющая задаёт психолого-педагогические приёмы, философские и общекультурные принципы организации образовательных сред. В то время как матетическая компонента основывается на способности, мотивации и готовности человека познавать причины вещей различных уровней реальности.

Наиболее точного обоснования образовательной деятельности и идентификации проявлений человеческого поведения, можно достичь на основании ценностей, необходимого анализа среды, содержания деятельности и субъектных особенностей.

Для интерпретации целевых ориентиров как метауровневых характеристик, мы воспользуемся методом МВАК(м), необходимо дать описание структуры метода, систематизация которой выглядит следующим образом:

Таблица 1

Разработка концепции программы «УМный ребеНОК»

Метод поэтапного формирования программ в соответствии с МВАК (м)			
	Этапы метода	**Программа «УМОК»**	
1	Выбор прототипов и языка, принятие онтологических допущений	Целевые ориентиры ФГОС ДО	**Пролегомены**
2	Конструирование идеальных объектов (абстракций)	Обучение, воспитание, просвещение	
3	Построение модели (идеализированные модели, идеализации)	Целевые ориентиры как метауровневые характеристики образования	**Модель**
4	Создание базовой методологии (пресупозиции, основные принципы, характеристические черты)	Постнеклассическая концепция (ПНК) МОП, ТИММ, культура, ценности	**Методология**
5	Определение методов оперирования с базовыми идеализирован-	Добывание, фиксация, использование, перераспределение,	

	ными объектами	наследование, «отношение подобия», отношение творения»	
6	Формулирование допустимых способов рассуждения с заданными объектами	Доязыковые, языковые, постъязыковые тексты	**Логика**
7	Построение общих методологий деятельности	Игра, познание, творчество	**Деятельность**
8	Исследование модели в соответствии с результатами на адекватность, непротиворечивость, полноту и разрешимость	Метод экспертных оценок, анализ результатов	**Действие**
9	В случае обнаружения признаков на модели отсутствующих на прототипе переносим их на прототип	Неоклассика - Постнеклассика	
10	Проектирование приложений к выделенным областям деятельности	Программа «УМный ребенОК»	**Деятельность**
11	Верификация метода	Преодоление рисков, внедрение результатов	

Согласно вышеописанной методологии, зададим выделенные целевые ориентиры:

1) «… ребенок овладевает основными культурными способами деятельности …»

Успешное развитие общества возможно при наличии определенного оптимального баланса между «культурной» деятельностью родителя и неосознанной, стихийной активностью ребенка, которой он обладает с рождения. Неосознанная активность ребенка является фундаментом для развития всех «основных культурных способов деятельности» и не должна подавляться, а для адекватной педагогической поддержки необходимо правильное понимание сущности и специфики становления данных способов деятельности.

Культурная деятельность − деятельность по созданию, сохранению, распространению и освоению культурных ценностей[1].

«Культура есть практическая реализация общечеловеческих и духовных ценностей»[2].

Культура человека – безусловно его достояние, одна из важнейших ценностей, предмет гордости и основание уважительного к нему отношения со стороны других людей.

Ценность как метахарактеристика отношения субъекта к деятельности задает целостное целеполагание и соотносима с деятельностью других субъектов данного уровня взаимосодействия[3].

Я.А. Коменский наиболее полно сформулировал ценность познания в культуре, объединив три важнейших инструмента познания – Чувство, Разум и Веру – в целостном представлении.

Ценность считается освоенной человеком, если он способен осуществлять деятельность в соответствии с этой ценностью. Освоенная система ценностей становится регулятивом его деятельности.

Деятельность − форма психической (когнитивной − *И.Д.*) активности личности, направленная на познание и преобразование мира и самого человека[4].

Деятельность – способ существования субъекта, задается парой – среда и контент (в субъектно-деятельностном подходе)[5].

Субъект в математике – человек, который удовлетворяет признаку «ученичество». Ученичество при этом трактуется как познание (познавательная деятельность) и задается парой:

---

[1] Основы законодательства Российской Федерации о культуре (утв. ВС РФ 09.10.1992 г. № 3612-1) (ред. от 30.04.2021 г.). Ст.3.

[2] *Выжлецов Г.П.* Аксиология культуры. СПб.: СПбГУ, 1996. − 148 с.

[3] *Зыков М.Б., Сабанина Н.Р.* Глобальные ценности как "общий знаменатель" в культурном диалоге // Современные научные исследования и инновации, 2012, № 6 [Электронный ресурс]. URL: https://web.snauka.ru/issues/2012/06/15071 (дата обращения: 27.07.2021).

[4] *Коджаспирова Г.М., Коджаспиров А.Ю.* Педагогический словарь: для студентов высш. и сред. пед. учеб. заведений. М.: Издательский центр «Академия», 2001, с. 68-70.

[5] *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Цикл трансформации когнитивного субъекта. Субъект, среда, контент // Вопросы философии, Институт философии РАН (Москва), 2010, № 5.

содержанием образования (контентом) и образовательной средой.

Результатом матетики культуры как теории станет деятельность образованного человека, обладающего компетенциями, и действие в соответствии с ценностями, проявленными в культуре (со своим мировоззрением), создание картин и моделей мира и методологий.

С целью достижения данного целевого ориентира необходимо сформировать ценности у детей, для этого родители должны овладеть матетико-дидактическими компетенциями, зная специфику своих детей и специфику образовательного уровня ребенка, с помощью программы «УМный ребенОК».

«Матетико-дидактическая компетенция родителя» − это интегральная характеристика личности родителя, в которой учитываются не только знания, умения и навыки, но и мотивация к обучению и познанию, а также практический опыт, личностные качества, степень усвоения общекультурных, в том числе этических норм.

2) «…способен договариваться, учитывать интересы и чувства других, сопереживать неудачам и радоваться успехам других, адекватно проявляет свои чувства, в том числе чувство веры в себя …»

Задача этого целевого ориентира реализуется в воспитании.

Воспитание (как компонент культуры) рассматривается сегодня не только как важнейший общественный процесс представления человека (ребенка) как субъекта, но и является одновременно компонентом общемировой и национальной культуры.

Именно поэтому воспитание сегодня трактуется еще и как фактор, позволяющий сформировать Базовую культуру личности – уровень культуры жизненного самоопределения, способствующий индивиду развиваться в гармонии с общественной культурой.

В постнеклассическом подходе содержание воспитания предполагает повышение общего культурного развития[1].

Старший дошкольный возраст − это наиболее целесообразный этап для воспитания нравственных качеств личности,

[1] *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Образование для обществ знания: постнеклассическая модель образовательных процессов // Ценности и смыслы, 2010, № 2(5), с. 17-49.

толерантности, уважения, норм и правил поведения, приобщению к ценностям культуры. Система ценностей позволяет ребенку решать, что для него значимо в жизни. Соответственно ход развития ребенка будет зависеть от того, каким содержанием родители наполнят предполагаемые для усвоения нормы, правила и ценности.

В литературе выделяются три типа ценностей: ценность I порядка соответствует биологическим потребностям, ценность II порядка –социальным нормам, ценность III – духовно-нравственным потребностям и стремлениям человека[1].

Ценности культуры I, II и III порядков отражают последовательное (по мере взросления) становление самосознания актора культуры. Ценности осваиваются неравномерно. Можно выделить сенситивные периоды их освоения в процессе нравственного становления человека. Освоение системы ценностей III отражает полноту общего культурного развития человека.

Для развития указанного целевого ориентира требуется сформировать ценности (II и III порядков) старшего дошкольника, для этого родители должны овладеть матетико-дидактическими компетенциями, знать специфику каждого ребенка и его образовательного уровня.

3) **«… ребенок проявляет любознательность, задает вопросы взрослым и сверстникам, интересуется причинно-следственными связями, пытается самостоятельно придумывать объяснения явлениям природы и поступкам людей; склонен наблюдать, экспериментировать ...»**

Существенным условием дальнейшего благополучного обучения детей старшего дошкольного возраста является сформированность необходимого интеллектуального качества – логической правильности, или культуры мышления, т. е. способности выполнять мыслительные действия и операции в строгом соответствии с правилами.

Культура мышления – развитие компетенций рассуждения и критического мышления, получения знаний в области

[1] *Сабанина Н.Р.* Постнеклассическая концепция культуры: трансдисциплинарное монографическое исследование / Под науч. ред. В.С. Меськова / Московский пед. ун-т. Москва: Русайнс, 2020. − 398 с.

аргументации, принятия решений, формирования убеждений и обеспечение соответствующих форм деятельности[1].

Сформированность культуры мышления является одной из важнейших предпосылок возможности самостоятельной результативной мыслительной деятельности в процессе обретения, усвоения знания и условия его правильности.

Формирование культуры мышления оказывается наиболее эффективным до начала систематического обучения, совпадающего со временем начала интенсивного формирования словесно-логического (понятийного, теоретического) мышления, когда у ребенка еще не сложились стойкие, труднопреодолимые стереотипы мыслительной деятельности, в результате чего приобретение навыков правильного выполнения умственных действий происходит успешно у большинства старших дошкольников.[2] Раннее овладение дошкольником основами культуры мышления в будущем позволит улучшить процесс усвоения теоретических знаний в рамках изучения различных учебных дисциплин.

У дошкольников необходимо формировать элементы логических знаний и вырабатывать у них систему общемыслительных умений и логической интуиции, обеспечивающих интеллектуальную базу для дальнейшего процесса учения.

4) «… ребенок способен к принятию собственных решений, опираясь на свои знания и умения в различных видах деятельности…»

В основе учения, обеспечивающего формирование у детей умений выполнять общеинтеллектуальные действия, лежит активизация индивидуального интеллектуального опыта каждого ребенка.

Для развития культуры мышления необходимо формировать у детей обобщенную картину мира; систематизировать, расширять и уточнять их интеллектуальный опыт, включая понятия и представления в различные взаимосвязи в рамках целостной модели мира; знаний о логических объектах. Все это выступает в качестве необходимой основы формирования и совершенствования умственных действий дошкольников в будущем.

---

[1] *Сабанина Н.Р.* Образование человеческого и социального капиталов // Социально-гуманитарные знания, 2018, № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/obrazovanie-chelovecheskogo-i-sotsialnogo-kapitalov (дата обращения: 06.08.2021).

[2] *Брюшинкин В.Н., Сироткина Л.С.* Логические начала: Программа и методические указания (1-5-е классы). Калининград: Изд-во КГУ, 2003, – 28 с.

Мышление является творческим процессом, который помогает ребенку определить личные пути собственного развития, учебного и профессионального в дальнейшем, формировать умения анализировать полученную информацию, обобщать её и делать самостоятельные выводы. Развитию культуры мышления, в частности, способствует, например, решение логических задач.

Подавляющее большинство логических задач может быть решено разными, но одинаково верными способами в зависимости от признаков, обнаруженных при анализе логических объектов, что дает возможность каждому ребенку решать задачи на основе собственных знаний. Другими словами, каждый ребенок при желании может использовать те элементы информации, которые, по его мнению, являются оптимальными для решения конкретной задачи, причем привлечение результатов личных наблюдений или знаний, сформированных за пределами семейного обучения, могут и должны всячески поощряться родителем.

Таким образом, развитие культуры мышления предоставляют широкие возможности для проявления индивидуальности ребенка и вместе с тем для совершенствования особенностей интеллектуальной деятельности каждого ребенка и развития познавательной самостоятельности старших дошкольников. В первую очередь, вырабатывая положительную самооценку детьми собственных интеллектуальных способностей.

Подвоя итог и учитывая особенности современного детства, где семья выступает одной из первых ступеней социализации, когнитивного, творческого, ценностного и духовного развития растущего человека, необходимо понимать значимость вовлеченности родителей в процесс образования.

Особенность дошкольного возраста (неосознанность, спонтанность, гибкость и большая вариативность развития) не позволяет требовать от ребенка старшего дошкольного возраста достижения конкретных образовательных результатов и обусловливает необходимость определения готовности к школе в виде целевых ориентиров.

Разработанная авторами программа «Умный ребеНОК» может стать необходимой предпосылкой успешного овладения данными целевыми ориентирами.

Формирование целевых ориентиров как метауровневых характеристик становится важной задачей, стоящей перед современной системой дошкольного образования. Необходимо

обучить ребенка справляться с большим потоком информации, обрабатывать и анализировать растущий объем усвоенных знаний, нестандартно и результативно мыслить, уметь находить выход из различных ситуаций.

Математика должна сформировать у ребенка осознанность и ответственность за процесс обучения, с которым ему необходимо справиться, достигнув успешных результатов. При этом основами математико-дидактического метода будут являются: диагностика задатков; развитие способностей; формирование готовности и мотивации к познанию и творчеству.

УДК 342.5
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51717

Л.А. ТХАБИСИМОВА
доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой конституционного и муниципального права, директор Юридического института ФГБОУ ВО «Пятигорский государственный университет»*

М.А. КАМИЛОВ
генеральный директор ООО «ДЖИАР Консалтинг»**

Конституционно-правовое регулирование публичных мероприятий в сети и Интернет

В статье исследуются вопросы информационной системы Интернет, которая в настоящее время, всё чаще используется в качестве площадки для проведения массовых политических акций. При этом законодательство не успевает за развитием общественных отношений. Статья направлена на исследование текущего правового регулирования проведения политических акций в Интернете, а также на выработку рекомендаций по изменению действующего законодательства с целью улучшения правового регулирования.

Ключевые слова: *публичные мероприятия, массовые мероприятия, политические акции, интернет, информационная система, общественные объединения, инициатива граждан, политические партии, ответственность.*

L.A. TKHABISIMOVA
Doctor of Law, Professor, Head of the Department of Constitutional and Municipal Law, Director of the Law Institute of the Federal State Budgetary Educational Institution of Higher Education "Pyatigorsk State University".

M.A. KAMILOV
General Director of JIAR Consulting LLC»

* Тхабисимова Людмила Аслановна, e-mail: thabisimovala@mail.ru
** Камилов Микаил Альбертович, e-mail: kamilov_ma@mail.ru

Constitutional and legal regulation of public events on the Internet

The article examines the issues of the Internet information system, which is now increasingly used as a platform for mass political actions. At the same time, the legislation does not keep pace with the development of public relations. The article aims to study the current legal regulation of political actions on the Internet, as well as to develop recommendations for changing the current legislation in order to improve the legal regulation.

***Keywords**: public events, mass events, political actions, internet, information system, public associations, citizens initiative, political parties, responsibility.*

В первую очередь, необходимо отметить, что интернет определяется, как глобальная информационная система, которая:

- логически взаимосвязана пространством глобальных уникальных адресов, основанных на Интернет-протоколе (IP) или на последующих расширениях или преемниках IP;
- способна поддерживать коммуникации с использованием семейства Протокола управления передачей/Интернет-протокола (TCP/IP) или его последующих расширений/преемников и/или других IP-совместимых протоколов;
- обеспечивает, использует или делает доступной, на общественной или частной основе, высокоуровневые сервисы, надстроенные над описанной здесь коммуникационной и иной связанной с ней инфраструктурой[1].

В настоящее время глобальная информационная система Интернет стала неотъемлемой частью нашей жизни. В связи с введением режимов повышенной готовности в большинстве регионов Российской Федерации, множество простых и ежедневных потребностей мы удовлетворяем при помощи данной информационной системы, таких как потребность в общении, приобретении товаров, предоставлении услуг и многие другие.

С каждым годом расширяются сферы применения Интернета в современной жизни. Так, в последнее время, глобальная информационная система Интернет стала использоваться в качестве площадки для проведения публичных мероприя-

[1] Архив сайта Федерального сетевого совета [Электронный ресурс]: Режим доступа: https: //web.archive.org/web/20000831160733/http://fnc.gov:80/Internet_res.html (дата обращения 17.05.2021 г.)

тий. В связи с этим возникает вопрос, можно ли отнести политические акции в сети к публичным мероприятиям?

В соответствии с определением, установленным в федеральном законе публичное мероприятие, это открытая, мирная, доступная каждому, проводимая в форме собрания, митинга, демонстрации, шествия или пикетирования либо в различных сочетаниях этих форм акция, осуществляемая по инициативе граждан Российской Федерации, политических партий, других общественных объединений и религиозных объединений, в том числе с использованием транспортных средств.

Целью публичного мероприятия является свободное выражение и формирование мнений, выдвижение требований по различным вопросам политической, экономической, социальной и культурной жизни страны и вопросам внешней политики или информирование избирателей о своей деятельности при встрече депутата законодательного (представительного) органа государственной власти, депутата представительного органа муниципального образования с избирателями[1].

Общее определение публичного мероприятия приводится с использованием отсылок к видам публичных мероприятий. Определение каждого вида закреплено в вышеуказанном законе. Во всех определениях форм публичных мероприятий имеется привязка к слову «место». Предполагается, что при трактовании Федерального закона будут исходить из общеизвестного понимания «места».

К примеру, толковый словарь Ожегова определяет «место», как пространство, которое занято кем-нибудь либо чем-нибудь, на котором что-то происходит, находится и где можно расположиться[2].

Исходя из данного определения, можно ли отнести глобальную информационную систему Интернет пространство к категории «место»? В целях нашего исследования, условно отнесём глобальную информационную систему Интернет к категории «место», так как это «пространство» может быть частично «занято кем-нибудь, либо чем-нибудь» и в этом пространстве может «что-то происходить», либо «что-то находиться».

---

[1] Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru

[2] *Ожегов С.И.* Толковый словарь русского языка / С.И. Ожегов, Н.Ю. Шведова. 4-е изд., доп. М.: Азбуковник, 2000. – 940 с.

Предметом исследования является категория место проведения публичного мероприятия и данной категории посвящена ст. 8 Федерального закона № 54 от 19.06.2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях»[1]. Часть 1 данной статьи закрепляет, что публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного публичного мероприятия. Отнесение информационной системы Интернет к месту проведения публичного мероприятия не противоречат положениям ст. 8 Федерального закона.

В последнее время Интернет активно используют для проведения различного рода массовых мероприятий. В большинстве случаев, глобальная информационная система Интернет выступает в качестве инструмента организации публичных мероприятий, которые проводятся в реальной жизни, на улицах, площадях и т.д. Но, появился новый вид массовой акции, которая проводится в самой информационной системе Интернет.

Одним из последних интересных примеров можно назвать импровизированный «митинг» на платформе «Яндекс. Навигатор» и «Яндекс. Карты». Суть акции заключалась в том, чтобы анонимно высказать своё мнение либо отношение к введению в регионах режимов повышенной готовности в связи с распространением коронавирусной инфекции (COVID-19) путем добавления особых отметок на указанных выше площадках.

По своей сути данную политическую акцию можно отнести к публичному мероприятию в форме митинга, однако, законодательство не предусматривает проведение митингов в информационной системе Интернет.

Если данную акцию можно считать даже полезной для государства и общества, в случаях, когда отражает мнение части населения на имеющиеся проблемы в обществе, то существуют и другие виды политических акций. Среди таких можно назвать призывы известных блогеров к своим подписчикам к совершению каких-либо действий в Интернете либо в реальной жизни.

---

[1] Федеральный закон «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» от 19.06.2004 г. № 54-ФЗ (в ред. от 30.12.2020 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru

В качестве примера можно назвать следующее. В Федеральном законе «О порядке рассмотрения обращений граждан»[1] установлена обязанность органов государственной власти рассматривать обращения граждан. Большинство органов государственной власти для удобства имеют на официальной странице органа государственной власти в информационной системе Интернет площадки для направления обращений. Таким образом, любой желающий может направить обращение в орган государственной власти, не выходя из дома.

Так, например, призыв блогера к направлению виртуального обращения через систему Интернет в определённый орган государственной власти может заблокировать работу данного органа власти в реальной жизни. Подобных примеров в деятельности органов государственной власти множество.

Но, каким же образом трактовать призыв блогера, ведь это является всего лишь призывом к реализации своего конституционного права, которое закреплено в ст. 33 Конституции РФ и определяет, что граждане Российской Федерации имеют право обращаться лично, а также направлять индивидуальные и коллективные обращения в государственные органы и органы местного самоуправления.

Однако, следует отметить, что данный призыв имеет негативные последствия в виде вмешательства в нормальное функционирование органа государственной власти. Такие ситуации не редкость, когда органам государственной власти приходилось работать в авральном режиме, чтобы отметить на каждое обращение.

Исходя из этого, мы приходим к выводу, что некоторые подобные ситуации должны регулироваться со стороны государства и есть необходимость в корректировке соответствующего законодательства.

При рассмотрении вопроса отнесения информационной системы Интернет к месту проведения публичных мероприятий возникают множества проблем. С.А. Бабкин, например, выделяет одним из проблемных вопросов − это недостоверность личности и возможное наличие иностранного элемента. Как верно отмечает С.А. Бабкин, если во «внесетевой реальности» каждый субъект в подавляющем большинстве случаев

[1] Федеральный закон от 02.05.2006 № 59-ФЗ (ред. от 27.12.2018) "О порядке рассмотрения обращений граждан Российской Федерации" // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru

осознаёт, что вступает в отношения, осложнённые иностранным элементом, то при использовании сети Интернет никто не может быть уверен, имеет он дело со своим соотечественником или нет[1].

В этой связи относительно тематики нашего исследования могут возникнуть сложности с определением юрисдикции государства относительно действий в глобальной информационной системе Интернет. Юрисдикция, как процесс – это способ разрешения правовых конфликтов. Все виды юрисдикции объединяет одно – юридический способ охраны общественных отношений, заключающийся в рассмотрении компетентным органом юридического дела по существу и принятие решения по нему[2].

В.Б. Наумов отмечает, что в настоящее время несколько десятков стран имеют зачатки национального законодательства, касающегося использования глобального информационного пространства. Международные соглашения по этому вопросу отсутствуют, обычаи использования Сети весьма противоречивы – а значит, спорных ситуаций становится больше, и постепенно формируется судебная практика по данным общественным отношениям»[3].

О.В. Калятин выделяет несколько разновидностей правоотношений, возникающих при использовании системы Интернет. Он выделяет два вида отношений в зависимости от используемого способа коммуникации. Так, выделяются активный и пассивный виды коммуникаций[4].

Относительно исследуемых правоотношений к активным, можно отнести отправку сообщения, письма иной информации, побуждающей к принятию участия в публичном мероприятии в Интернете. К пассивной можно отнести информацию о мероприятии, размещённую на сайте, в приложении или иной платформе, доступ к которой (информации) получает пользователь при совершении определённых активных действий.

---

[1] *Бабкин С.А.* Право, применимое к отношениям, возникающим при использовании сети «Интернет»: основные проблемы. М.: АО «Центр ЮрИнфоР», 2003, с. 11-63.

[2] *Фиалковская И.Д.* Административная юрисдикция в области обеспечения прав человека: Проблемы теории и правового регулирования: Дисс. канд. юрид. наук. М., 1997, с. 10-25.

[3] *Наумов В.Б.* Право и Интернет: Очерки теории и практики. М.: Книжный дом «Университет», 2002, с. 12.

[4] *Калятин В.О.* Проблемы установления юрисдикции в Интернете // Законодательство, 2001, № 5.

Рассматривая в качестве ещё одной проблемы, связанной с отношениями в сети Интернет, стоит выделить также проблему применяемого права. Следует согласиться с мнением С.А. Бабкина, который считает, что нет необходимости разрабатывать новые принципы правового регулирования Интернет-отношений. Эти отношения необходимо «локализовать», «ввести в сложившуюся правовую систему и рассматривать в её рамках, как правило, за счёт раскрытия в законодательстве тех или иных понятий … а также необходимой модификации и корректировки положений действующих законов»[1].

Действующее российское законодательство пошло по тому же пути, внедряя в сложившуюся систему правовых норм, новые определения, связанный с использованием информационной системы Интернет.

Следует согласиться с мнением Р.Ф. Азизова, который рассматривая правовое регулирование в Интернете, выделяет следующие проблемы:

- идентификация пользователей;
- определение юрисдикции;
- ответственность информационных посредников[2].

Исследовав проблемные вопросы отнесения глобальной информационной системы Интернет к общественному месту, можно сделать следующие выводы.

В большинстве своём, мы ценим информационную систему Интернет за существующую приватность в некоторых областях взаимодействия между людьми, данная часть должна остаться нерегулируемыми отношениями.

Необходима доработка ст. 8 Федерального закона № 54 от 19.06.2004 г. «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях», которое дало бы более конкретное определение «места проведения публичного мероприятия». К примеру, в ст. 8 Федерального закона № 54 можно определить, что публичное мероприятие может проводиться в любых пригодных для целей данного мероприятия местах, за исключением информационной системы Интернет, в случае, если его проведение не создает угрозы обрушения зданий и сооружений или иной угрозы безопасности участников данного

[1] *Бабкин С.А.* Указ.соч., с. 11-63.

[2] *Азизов Р.Ф.* Правовое регулирование в сети Интернет: сравнительно- и историко-правовое исследование: Дисс. док. юрид. наук. СпБ., 2016.

публичного мероприятия. Тем самым, выводя из-под действия закона акции, проводимые в Интернете.

В некоторых случаях, необходимо предусмотреть в законодательстве введение ответственности за срыв нормального функционирования органов государственной власти, путем организации различного рода акций и публичных мероприятий в сети Интернет.

Главу 19 Кодекса об административных правонарушениях Российской Федерации на наш взгляд, необходимо дополнить статьёй, которая будет предусматривать ответственность за намеренные действия лица по организации массовой акции в информационной системе Интернет и его действия будут направлены на воспрепятствование деятельности органа государственной власти либо органа местного самоуправления.

Представляется необходимым дополнить Главу 28 Уголовного кодекса Российской Федерации аналогичной статьей, которая предусматривала бы ответственность за намеренные действия лица по организации массовой акции в информационной системе Интернет, способствующие воспрепятствованию деятельности органа государственной власти, либо органа местного самоуправления, повлекшие за собой причинение ущерба в крупном или особо крупном размере, либо повлекшие смерть гражданина.

УДК 177.9
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51718

А.Т. КАЮМОВ
доктор философских наук, профессор,
заведующий кафедрой философских наук
Московского государственного
лингвистического университета*

О.И. МИШУРОВА
соискатель кафедры философских наук
Московского государственного
лингвистического университета**

Сущность и основа социальной напряженности

Статья посвящена актуальной проблеме современного общества: социальной напряженности, ее сущности и основе. Авторы, опираясь на различные источники, приходят к выводу, что сущностью социальной напряженности является такое состояние отношений между социальными субъектами, когда их интересы не сочетаются. Основу социальной напряженности составляет отсутствие сочетания интересов между социальными субъектами.

Ключевые слова: *социальная напряженность, сочетание интересов, социальные субъекты.*

A.T. KAYUMOV
Doctor of Philosopy, Professor, Head of the Department of Philosophy of Moscow State Linguistic University

O.I. MISHUROVA
Applicant at the Department of Philosophical Sciences, Moscow State Linguistic University

The essence and basis of social tension

* Каюмов Айдар Талгатович, e-mail: atkayum@gmail.com
** Мишурова Ольга Ивановна, e-mail: olga-mi2101@mail.ru

The article is devoted to an issue of current interest: social tension, its essence and basis. The authors, on the grounds of various sources, conclude that the essence of social tension is a state of relations between social actors, when their interests do not combine. The basis of social tension is the lack of combination of interests between social actors.

***Keywords*:** *social tensions, combination of interests, social actors.*

Проблемы социальной напряженности в социальных системах и связанные с ними проблемы развития этих систем занимают особое место в социальных науках, поскольку они непосредственно связаны с возможностью управления обществом.

Актуальность проблемы методологического и теоретического обоснования исследования социальной напряженности также определяются объектом и предметом исследования. Социальная напряженность носит достаточно размытый характер, следовательно, необходима структуризация социальных отношений, с опорой на социальные приоритеты. Приоритетными направлениями исследования данного явления должны стать актуальные проблемы социума, такие как механизм снижения социальной напряженности, уровень рассогласованности между заявленными целями и результатами их достижения, изменение социальных ролей и статусов, социальных ценностей субъектов, сущность и причины социальной напряженности. Нам представляется, что рассматривать проблемы социальной напряженности необходимо через призму ее основы. Именно в основе активности человека, социальных групп лежат интересы, они взаимодействуют в отношениях между социальными субъектами, поскольку основу социальной напряженности составляет степень согласованности, сочетания их интересов.

Изначально проблема сущности социальной напряженности была в центре внимания таких наук как социология и психология, которые рассматривали данное явление в контексте изучения дезинтеграции, девиации, аномии и фрустрации. Далее конфликтология разработала содержание данного понятия в связи с исследованиями социального кризиса, социальных катастроф, а также межэтнических конфликтов, которые являются причинами возникновения разного рода противоречий, затрагивающих все сферы жизни общества, что спо-

собствует возникновению нестабильности[1], росту уровня социальной напряженности.

В России до начала 90-х гг. XX в. изучением напряженности занимались в основном психологи[2], рассматривая по большей части проблемы психологической напряженности отдельных профессиональных групп. Само понятие «социальная напряженность» стало использоваться в социологии и философии на рубеже 80-90-х гг. прошлого столетия.

Социальная напряженность, как социальное явление была всегда и постоянно под прицельным вниманием исследователей. Еще древнегреческий философ Платон был в числе первых, который пытался раскрыть феномен общественной напряженности. Он считал, что все граждане имеют различные потребности, интересы, однако возможности каждого индивида их удовлетворить в социуме крайне ограничены. И здесь уже, на наш взгляд, необходимым условием становится согласование интересов между субъектами. Основной идеей Платона было суждение о том, что существующим несовершенным формам государственного общежития предшествовала, во времена глубокой древности, совершенная[3], то общество, где интересы личные и общественные, государственные сочетались, находились в гармонии.

Английский философ Т. Гоббс рассматривал обычное состояние общества до заключения общественного договора, как «войну всех против всех». Данное положение было вызвано отсутствием согласованности интересов между членами общества. Гоббс утверждал, что изначально все люди обладают равным положением и руководствуются личными потребностями и интересами. Они неограниченны в своих действиях и свободны делать все, что им заблагорассудится, даже отнять жизнь другого человека, что непременно влечет за собой напряженность, конфликты и нестабильность в обществе. Единственный способ уберечься от зла, по мнению Т. Гоббсу,

---

[1] *Каюмов А.Т., Исхакова Н.Р., Сафиуллина Н.З.* Социологические аспекты межэтнических конфликтов в молодежной среде (на материалах города Набережные Челны) // Вестник МГЛУ. Общественные науки, 2018, № 1(794), с. 199.

[2] *Ульянова И.А.* Социальная напряженность в студенческом социуме: Опыт социологического исследования: Автореферат дисс. канд. социол. Наук. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2005, с. 6.

[3] Платон. Сочинения в четырех томах / Под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса / Пер. с древнегреч. СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та; Изд-во Олега Абышко, 2007, т. 3, ч. 1, с. 643.

является согласование интересов, путем заключения общественного договора[1].

В настоящее время нет единой общепринятой концепции, системно описывающей феномен социальной напряженности, показывающей ее основу и сущность. Об этом свидетельствует ряд существующих определений социальной напряженности. Например, В.О. Рукавишников рассматривал это явление как особое состояние общественной жизни, характеризующееся обострением внутренних противоречий объективного и субъективного характер[2].

И.В. Пирогов[3] определяет социальную напряженность как особое состояние социальных отношений, которое возникает на основе неудовлетворенных потребностей субъектов и определяющее нестабильность социальной системы[4].

М.Н. Муханова рассматривает социальную напряженность в качестве объективной составляющей нашей действительности. Автор подчеркивает, что социальная напряженность запечатлена в устойчивых негативных и динамичных эмоциях, чувствах, ощущениях, представлениях, выполняя роль отражения[5].

Однако психологические факторы не являются единственной причиной социальной напряженности. Е.В. Тучков, например, рассматривает социальную напряженность как интегральное социальное явление, которое формируется вследствие высокого уровня неудовлетворенности индивидов своим экономическим, политическим и социальным положением, характеризует динамику определенного социального состояния значительной части общества и функционирует под влиянием, как преобладающих тенденций развития общества, так

---

[1] *Гоббс Т.* Сочинения: В 2 т. М., 1991, т. 2, с 129-133.

[2] *Рукавишников В.О.* Социальная напряженность: диагноз и прогноз / В.О. Рукавишников [и др.] // СОЦИС, 1992, № 3, с. 18.

[3] *Пирогов И.В.* Социальная напряженность: теория, методология и методы измерения: Автореферат дисс. канд. социол. Наук. Иваново: Изд-во ин-та социологии РАН, 2002, с. 7.

[4] *Михеев И.В.* Понятие социальной напряженности в отечественной и зарубежной социально-гуманитарной науке // Вестник Казанского технологического университета, 2010, № 5, с. 206-211.

[5] *Муханова М.Н.* Ценностные установки и поведенческие стратегии студенческой молодежи // Модернизация социальной структуры российского общества. М.: Изд-во ин-та социологии РАН, 2008, с. 273.

и определенных условий, и особых обстоятельств[1]. На наш взгляд, здесь налицо рассогласование интересов личности и общества (государства).

Отечественная социология и философия считает социальную напряженность одной из самых существенных характеристик внутригрупповых и межгрупповых отношений, в основе которых лежат интересы и степень их сочетания, а в зарубежной литературе изучение данного явления не получило столь широкого распространения. Понятие аномии, введенное в категориальный аппарат социологии французским философом и социологом Э. Дюркгеймом, по своему смысловому содержанию и специфике отражаемой социальной реальности наиболее близко к термину «социальная напряженность»[2]. Феномен социальной напряженности он рассматривал как процесс утраты социальными субъектами ценностных ориентаций, их дезинтеграции, роста социальной аномии, которую он связывал с отсутствием органической солидарности и широким распространением самоубийств в современном ему обществе. Это проявление отсутствия согласования интересов личности и общества, государства.

Американский социолог Р. Мертон в работе «Социальная теория и социальная структура»[3] неявно употребляет понятие социальной напряженности. Автор указывает на то, что социальная аномия является источником различных форм девиантного поведения и основана на принятии или непринятии ценностей, то есть основу такого состояния отношений определяет несогласованность интересов.

Результаты исследования многих трудов российских социологов и философов позволяют говорить о наличии общего для авторов тезиса при определении социальной напряженности – это существование в обществе таких негативных явлений, как конфликты интересов, противоречия между социальными группами, недовольство происходящим, развитие которых при некоторых условиях может привести к деструктивной трансформации социальной структуры общества. Так

---

[1] *Тучков Е.В.* Социальная напряженность в регионах центра России: механизмы диагностики и регулирования. Автореф. дисс. канд. социолог. Наук. М., 2001, с. 24.

[2] *Дюркгейм. Э.* Самоубийство: Социологический этюд / Пер. с фр. с сокр. / Под ред. В. А. Базарова. М.: Мысль, 1994, с. 89.

[3] *Мертон Р.* Социальная теория и социальная структура. М.: АСТ: АСТ МОСКВА: ХРАНИТЕЛЬ, 2006, с. 133.

В.В. Локосов рассматривал проблему социальной напряженности в контексте потенциала социальной активности и протеста населения. По его мнению, «местные социальные отношения самые сложные – ведь они в буквальном смысле реально, непосредственно касаются прямого взаимодействия людей»[1]. Поэтому социальная активность конструктивная или деструктивная будет определяться степенью согласования интересов социальных субъектов.

А.А. Алексеенок и В.А. Бараночников рассматривают феномен социальной напряженности в качестве особого состояния социальной системы, характеризующееся высокой степенью неудовлетворенности базовых потребностей людей[2], в конечном счете, социальных интересов.

Исходя из вышесказанного, можно дать следующее определение социальной напряженности: социальная напряженность − это преимущественно конфликт интересов в социальных общностях, состояние потенциального конфликта во взаимоотношениях между различными социальными субъектами общественной жизнедеятельности, их интересами. Основу социальной напряженности составляет рассогласованность интересов социальных субъектов, отсутствие их сочетания.

Несомненно, отсутствие возможностей удовлетворения интересов субъектов должным образом является одной из основных причин, провоцирующих социальную напряженность. Впрочем, социальная напряженность может возникнуть и тогда, когда интересы удовлетворяются, что способствует социальному развитию[3]. Еще одной причиной напряженности выступает неспособность группы реализовать свои интересы. Таким образом, уровень социальной напряженности зависит от степени сочетания интересов социальных субъектов, ведь

---

[1] *Левашов В.К., Зубок Ю.А., Стрельцова Я.Р.* Россия: субъективные и объективные факторы в преодолении кризиса. Социальная и социально-политическая ситуация в России в 2009 году: анализ и прогноз. Коллективная монография / Под ред. Г.В. Осипова, В.В. Локосова / РАН. Ин-т соц.-полит. исслед. М. : ИСПИ РАН, 2010, с. 376.

[2] *Алексеёнок А.А., Бараночников В.А.* Влияние среднего класса на уровень социальной напряженности в современном обществе // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки, 2012, № 1, с. 3.

[3] *Иванов О.И.* Социальная напряженность и социальный конфликт // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 6. Политология. Международные отношения, 2005, № 3, с. 25.

именно интерес является мотивом активности индивида[1]. Отдельные исследователи в качестве причин возникновения социальной напряженности выделяют систематические ошибки и просчеты в стратегических и тактических действиях государственных органов управления в области социальной политики[2].

По нашему убеждению, социальная напряженность – это состояние отношений между социальными субъектами, их интересами, характеризующееся рассогласованием их интересов, отсутствием сочетания, ответственного взаимодействия. Социальная напряженность является условием возникновения социального конфликта и сопровождает его.

Таким образом, на основании вышеизложенного можно сделать следующие выводы: социальная напряженность порождается неудовлетворенностью интересов; в основе социальной напряженности лежит отсутствие сочетания интересов социальных субъектов, прежде всего между личными и общественными, государственными; у социальной ответственности и социальной напряженности одна основа − степень сочетания интересов, что обуславливает их диалектическое единство − взаимосвязь и взаимовлияние.

[1] *Мишурова О.И.* Основа социальной ответственности личности // Сервис в России и за рубежом, 2017, т. 11, № 1(71), с. 156.

[2] *Ульянова И.А.* Социальная напряженность в студенческом социуме: Опыт социологического исследования: Автореферат дисс. канд. социол. Наук. Пенза: Изд-во Пенз. гос. ун-та, 2005, с. 6.

УДК 740
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51719

И.А. ФАНАСОВА
магистрант кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института «Педагогика и психология» МПГУ*

В.С. МЕСЬКОВ
доктор философских наук, профессор кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института «Педагогика и психология» МПГУ**

Роль и значение матетико-дидактических компетенции в процессе формирования когнитивной деятельности

Цель данной статьи подтвердить актуальность формирования когнитивных, а именно «матетико-дидактических» компетенций родителей, для формирования «целевых ориентиров» старших дошкольников. В рамках магистерского исследования одного из соавторов статьи предполагается также создание просветительско-образовательной программы по формированию и развитию данных компетенций.

Ключевые слова: *компетенция, когнитивные компетенции, матетика, дидактика, междисциплинарные исследования.*

I.A. FANASOVA
Master's student of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education named after Academician V.A. Slastenin of the Institute of Pedagogy and Psychology of MPSU

* Фанасова Ирина Алексеевна, e-mail: clopichek@mail.ru
** Меськов Валерий Сергеевич, e-mail: vs.meskov@mpgu.su

V.S. MESKOV
Doctor of Philosophy, Professor of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education named after Academician V.A. Slastenin of the Institute of Pedagogy and Psychology of the MPSU

The role and significance of mathetic and didactic competence`s in the process of the formation of cognitive activity

The purpose of this article is to confirm the relevance of the formation of cognitive, namely, "mathetical and didactic" competencies of parents, for the formation of "target guidelines" of older preschoolers. Within the framework of the master's study, the coauthor of the article is also planned to create an illuminational and educational program for the development of these competencies.

Keywords: *competence, cognitive competence, mathetics, didactics, interdisciplinary research.*

Современная политика нашего государства направлена на социальную поддержку семьи и признание ее первостепенной роли в физическом, нравственном и интеллектуальном становлении личности ребенка.

В настоящее время требуется переосмысление и принципиально новое отношение родителей к воспитанию, обучению, просвещению[1], так как, все мы живем в информационно-насыщенной среде, переживаем информационный взрыв. Сегодня успешное воспитание и обучение ребенка зависит от способности родителя оперировать инфообъектами[2], свободно ориентироваться и работать с информацией.

Необходимо сконцентрировать усилия родителей на создании условий наиболее эффективной подготовки разностороннего развития детей дошкольного возраста с учетом их возрастных (5-7 лет) и индивидуальных особенностей. Новая образовательная парадигма ориентирована на обучение и воспитание поколения, не ограничивающегося воспроизве-

[1] «Просвещение» по И.Канту. «Sapere aude! – имей мужество пользоваться собственным умом!»

[2] Инфообъекты характеризуются по крайней мере пятью размерностями – физической, информационно-знаковой, семантической, прагматической и аксиологической.

дением, а способного и готового к самопознанию, самореализации, обладающего высокоразвитой информационной потребностью, умеющего творчески и креативно мыслить.

Необходимо создать и реализовывать программы помощи родителям, удовлетворяющие запросам формирующегося информационного общества: от образования на уровне сведений, умений и навыков, к образованию и воспитанию на уровне знаний, смыслов и идей, обеспечивающему компетенции для жизни нынешним и будущему поколению.

Родителям, как неотъемлемым субъектам образовательного процесса, необходимо овладеть когнитивными компетенциями, т.е. способностью, готовностью и мотивацией к познавательной деятельности. Мы вводим новое понятие «когнитивные компетенции родителя» с целью создания инновационной модели «УМный ребенОК» (УМОК), так как полагаем, что современные представления о родительстве, социальная ситуация, в которой государство ориентировано на поддержку семейных ценностей, привело к активному изучению феномена компетенции родителей.

В образовательно-просветительской программе «УМОК» придаем особое значение следующим видам когнитивных компетенций: осознавать себя как когнитивного субъекта, находить или формировать когнитивную среду, находить (обнаруживать) контент, распознавать и преодолевать когнитивные барьеры.

Исследования когнитивных компетенции родителей необходимы для прояснения проблем обучения и воспитания детей, формирования у них «целевых ориентиров». Целевые ориентиры дошкольного образования, представленные в ФГОС ДО, следует рассматривать как социально-нормативные возрастные характеристики возможных достижений ребенка. Это ориентир для педагогов и родителей, обозначающий направленность воспитательной деятельности взрослых. Не подлежат непосредственной оценке, в том числе в виде педагогической диагностики (мониторинга), не являются основой объективной оценки подготовки детей. (ФЕДЕРАЛЬНЫЙ ЗАКОН «Об образовании в Российской Федерации», ФГОС ДО). В процессе обучения и воспитания реализуются между родителем и ребенком взаимообратные связи. Мы будем рассматривать, используя терминологию Коменского, родителей – в качестве «дидактов», а детей – в качестве «мате-

тиков». В силу этого будем трактовать когнитивные компетенции как математико-дидактические.

«Математико-дедактическая компетенция родителя» - это интегральная характеристика личности родителя, в которой учитываются не только знания, умения и навыки, но и мотивация к обучению и познанию, а также практический опыт, личностные качества, степень усвоения общекультурных, в том числе этических норм.

Для разъяснения понятия «математика» используем трактовку В.С. Меськова, который вслед за Я. А. Коменским рассматривал термин “Mathetica” как ««ученичество», которое можно трактовать, также, как умение учиться. Коменский осознал необходимость более глубокого изучения процесса приобретения знания, тем самым он заложил основания «науки о познании» применительно к образованию и предложил называть это направление – «Математика» (по аналогии с Дидактикой – «учительство» или «наука о том, как учить»). Причём, в понимании Коменского целостное знание формируются по следующим уровням: первый – просто знать, то есть познавать (искать знание); второй – понимать в силу чего нечто существует (что дает внутреннее знание вещи, то есть понимание, из каких частей эта вещь состоит, как эти части соотносятся между собой и как они связаны, как благодаря им образуется само целое); третий – пользоваться, присваивать (всесторонне знать, как применить его).

Для развития математико-дидактических компетенций родителей, на основании научных трудов: И. Канта, Г.В.Ф. Гелеля, Л.С. Выготского, Я.А. Коменского, Дуга Лемова, В.А. Сухомлинского, Э.А. Голдберга, В.Н. Брюшинкина, А.В. Лубкова, В.А. Лекторского, В.С. Меськова, А. Д. Гетмановой, Л.С. Сироткиной, Ю.Б. Гиппенрейтер, Н.Р. Сабаниной, В.С. Мухиной, собрана проблемно-ориентированная (проблемно-представленная) база знаний трактовок просвещения, обучения, воспитания.

Рассматриваемые проблемы фиксировались в виде результатов анализа цитат из текстов научных трудов, выявлялся вид неопределенности, далее проводилась экспликация этих проблем, включая визуализацию, то есть при создании базы знаний был использован метод – неоматетического чтения. Визуализация работы над проблемно-ориентированной базой знаний представлена на (см. рисунок 1).

База знаний – это данные, адресно интерпретированные субъектами, с введением необходимых корректных определений.

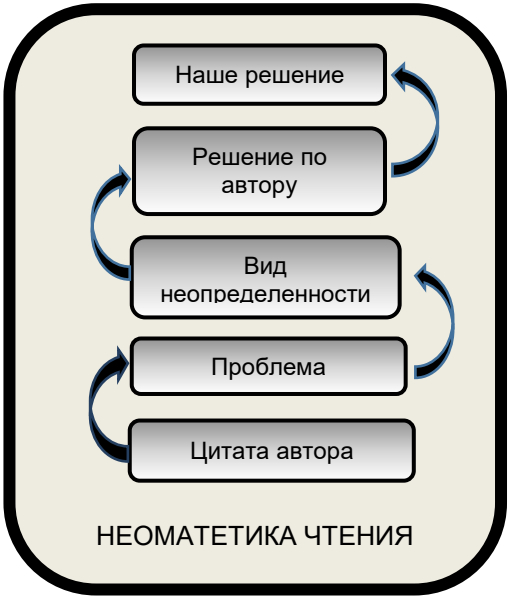

Рис. 1.

Результаты «базы знаний» для формирования когнитивных компетенций представлены в таблице 1.

Список проблем	**Характер несоответствия**	**Решение**
Несоответствие между фактическими компетенциями родителей и когнитивными компетенциями необходимыми для достижения ребенком «целевых ориентиров» в образовании.	Когнитивный провал	Изучить дидактические методы развития своих детей. Родитель как субъект образовательного процесса, должен стать когнитивным субъектом, овладеть когнитивными компетенциями

Несоответствие между когнитивными компетенциями родителей, необходимыми для правильного построения индивидуального образовательного маршрута ребенка в семье и фактическими их компетенций у родителей.	Когнитивный провал	Родитель должен «правильно, разумно[1]» выстраивать индивидуальный образовательный маршрут ребенка для подготовки ребенка к школе.
Необходимость формирования «культуры мышления», духовно-нравственных ценностей у ребенка в семье не соответствует сформированности этих качеств у родителей.	Парадокс мудреца	Формировать «культуру мышления» и духовно-нравственные ценности родителей.
Несоответствие между воспитанием отдающим приоритет ценностям первого порядка и воспитанием ценностям третьего порядка – «добродетели[2]»	Ценностный провал	Для воспитания детей создавать ценностно ориентированную среду
Несоответствие между тем, что родитель должен быть «просвещенным человеком[3]» с целью грамотного воспитания и обучения своего ребенка и тем, что родитель не является таковым, в силу того, что не способен пользоваться «собственным умом»	Когнитивный провал	Принимать решения, основанные на собственных рассуждениях
Несоответствие между необходимостью развития ребенка с учетом	Знаниевый провал	Присвоение Формы представления культуры –

[1] *Коменский Я.А.* Материнская школа // Под ред. проф. А.А. Красновского. М.: Из-во Министерство просвещения РСФСР, 1947.

[2] *Выготский Л.С.* Собрание сочинений. В 6 т. // Под ред. А.А. Запорожец, М.: Из-во Педагогика, 1984, т. 4.

[3] *Кант И.* Критика практического разума. Сочинения в 6 т. М.: Из-во Мысль, 1963.

«зоны ближайшего развития[1]» и неосведомленностью родителей об этом элементе интеллектуального сотрудничества		образование
Несоответствие между необходимостью быть родителю когнитивным субъектом и недостаточностью программ (сред) для формирования такого субъекта	Парадокс большинства	Формирование когнитивных компетенций родителей
Несоответствие между необходимым (для целостности личности, гармонично сочетающей рациональное и эмоциональное начала[2]) знанием родителем логики и отсутствием такового (экспресс-анализ)	Парадокс большинства	«занимаясь с ребенком логикой, вы поможете ему сделать первые шаги на пути развития рационального мышления и – впоследствии − к обретению целостности личности, гармонично сочетающей рациональное и эмоциональное начала»
Несоответствие между необходимостью формирования «культуры мышления» у ребенка в семье и несформированностью этого качества у родителя	Парадокс ученого	Формировать «культуру мышления», как ценность у родителей
Несоответствие в необходимости формирования «культуры мышления» ребенка родителями и отсутствием такового	Парадокс большинства	Развитие родителями «культуры мышления» старшего дошкольника

[1] *Выготский Л.С.,* Собр. соч.

[2] *Брюшинкин В.Н., Сироткина Л.С.* Логические начала Калининград: Изво Калининградского государственного университета, 2003. – 31 с.

Несоответствие между необходимостью раннего инвестирования в образование старшего дошкольника и отсутствием такового как правило	Парадокс ученого	«Вложение средств в образование после школы тоже совершенно необходимо, но и совершенно недостаточно для успешного социально-экономического развития человека[1]»
Несоответствие между установлением «поддерживающего эмоционального контакта[2]» родителя с ребенком и овладением способов достижения этой цели родителями как правило (*Ф.И.*)	Ценностный провал	Разъяснение и обучение родителей способам установления «эмоционального контакта» с детьми.
Несоответствие между фактическими компетенциями родителей и необходимыми когнитивными компетенциями для достижения «целевых ориентиров» в обучении ребёнка	Когнитивный провал	Формировать когнитивные компетенции родителей
Несоответствие между необходимостью родителям развивать «пытливый, острый, наблюдательный ум» ребенка и не сформированностью когнитивных компетенций у родителей для достижения этой цели	Когнитивный провал	Развитие когнитивных компетенций у родителей
Несоответствие между «упущенным временем» для воспитания ребенка в раннем возрасте и долженствованием	Ценностный провал	Формировать культуру «Чувств» с раннего возраста

[1] *Александров Д.А., Иванюшина В.А., Маслинский К.А.* Бедность и развитие ребенка. М.: Из-во Рукописные памятники Древней Руси, 2015. – 392 с.

[2] *Мухина В.С.* Детская психология. М.: Из-во Просвещение, 1985. – 272 с.

воспитания культуры «чувств»		
Несоответствие между необходимостью уделять родителями особое внимание «духовно-нравственнымым - ценностям» (ДНЦ) при воспитании своего ребенка и отсутствием понимания необходимости этого направления в воспитании	Ценностный провал	Просвещение родителей по вопросу важности воспитания у детей ДНЦ
Несоответствие между необходимостью подходить к обучению с матетической точки зрения и отсутствием этого подхода в обучении	Знаниевый провал.	Формировать у родителей когнитивные, матетико-дидактические компетенции.
Несоответствие между потребностью «оттачивать свое мастерство» учителю (родителю) для достижения «целевых ориентиров» и незнанием нужных методик для достижения этой задачи	Знаниевый провал	Освоение родителями необходимых методик
Несоответствие между тем, что родитель должен быть «Просвещенным человеком» с целью грамотного воспитания и обучения своего ребенка и тем, что родитель не является таковым, в силу того, что мыслит абстрактно[1]»	Парадокс мудрых.	Принимать решения, основанные на собственных рассуждениях
Необходимость формирования «культуры мышления», духовно-	Парадокс большинства	Формировать культуру мышления и ДНЦ родителей.

[1] *Гегель Г.В.Ф.* Кто мыслит абстрактно // Знание-сила», № 10(1973), с. 41-42 [Электронный ресурс]: http://caute.ru/ilyenkov/tra/denkabc.html (дата обращения: 21.06.2021).

нравственных ценностей у ребенка в семье не соответствует сформированности этих качеств у родителей		
Несоответствие между когнитивными компетенциями родителей, живущих в изменившемся обществе, основанном на «мире информации» для формирования «целевых ориентиров» и фактическими компетенциями родителей	Когнитивный провал	Формирование когнитивных компетенций у родителей
Несоответствие между необходимость развивать у родителей креативные способности для воспитания и обучения ребенка и отсутствием такого как правило	Креативный провал	Развитие креативности у родителей
Несоответствие между необходимостью формировать когнитивную среду, для развития когнитивных компетенций родителей и отсутствием таковой	Когнитивный провал	Формирование когнитивной среды.
Несоответствие между преобладанием авторитарного стиля общения родителя с ребенком и необходимостью в гуманистическом воспитании	Парадокс большинства	Формировать «культуру мышления» и духовно-нравственные ценности родителей
Несоответствие между восприятием каждым человеком себя, как «информационный объект» и отсутствием такого понимания	Когнитивный провал.	«В обществе основным источником развития и процветания должна стать информационная (когнитивная, творческая, духовная) деятельность, а главным ресурсом и богатством – знания, смыслы, идеи и

		их создатель и носитель – информационный (когнитивный, креативный) субъект[1]»
Несоответствие между необходимостью родителю быть когнитивным субъектом и недостаточностью программ (сред) для формирования такого субъекта	Когнитивный провал	Развитие когнитивных, матетико-дидактических компетенций родителей
Несоответствие между необходимостью повышения уровня культуры родителя для самосовершенствования (личностного роста) и недостаточностью средств - сред и программ для формирования ОКР	Ценностный провал	Развитие когнитивных, матетико-дидактических компетенций родителя

Проблемно-ориентированная база знаний нужна для достижения необходимой полноты анализа воспитания, обучения и просвещения, именно на ее основе создана просветительско-образовательная программа «УМОК». В свою очередь, программа направлена на формирование не только когнитивной деятельности и ценностей, но и на осознание родителями особой роли семьи в воспитательном процессе.

Данная проблемно-ориентированная база знаний и экспликация выявленных проблем в образовании имеет ярко выраженный междисциплинарный характер и по сути закладывает основы новой парадигмы образования: телесно-когнитивно-ценностной (ТКЦ). Важно сформировать глобальную систему не просто всеобщего образования, но и всеобщего воспитания, соединить науку, философию и деятельность, предложить человеку и человечеству новое понимание себя и мира, новые способы универсализации знаний, новые философию и методологию, адекватные информационному и ценностному обществу.

[1] *Меськов В.С., Мамченко А.А*. Образование для общества знания: когнитивно-компетентностная парадигма образовательных процессов // Ценности и смыслы, 2010, № 2.

УДК 304.2
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51720

Т.В. ДМИТРИЕВА
аспирант кафедры философии Московский государственный областной университет*

Сущностные признаки цифровизации

В статье представлены сущностные признаки цифровизации, рассмотренные в онтологическом, гносеологическом, этическом, аксиологическом и социальном аспектах. Это: возрастание скорости поступления новой информации и увеличение объема потребляемой информации; когнитивная готовность молодежи к получению рецептурных компетенций; «онлайнизация» бытия и формирование унифицированной цифровой личности; инструментализация ценностей.

***Ключевые слова**: цифровизация, информация, сущностные признаки, цифровая личность, инструментализация ценностей.*

T.V. DMITRIEVA
Postgraduate Student of the Department of Philosophy Moscow State Regional University

Essential features of digitalization

The article presents the essential features of digitalization are identified, considered in ontological, epistemological, ethical, axiological and social aspects. These are: an increase in the rate of receipt of new information and an increase in the volume of information consumed; the cognitive readiness of young people to receive prescription competencies; the "onlinization" of being and the formation of a unified digital personality; the instrumentalization of values.

***Keywords:** digitalization, information, essential features, digital personality, instrumentalization of values.*

Цифровизация представляет собой очередной этап информационной революции, сущностными чертами которого выступают: внедрение цифровых технологий во все сферы жизни общества, сверхтемп индивидуальной человеческой

* Дмитриева Татьяна Викторовна, e-mail: tanusha_ber@mail.ru

жизни, увеличение доступности информации, степени свободы во времени и пространстве для удовлетворения человеческих потребностей[1] и мы вправе рассматривать её как социокультурный феномен и как специфическую деятельность.

На основании методологии социально-философского анализа[2] рассмотрим существующие аспекты и признаки цифровизации.

В онтологическом аспекте нужно признать возрастание скорости поступления новой информации и увеличение объема потребляемой информации.

В условиях информационного общества это означает, с одной стороны, увеличение доли цифровой экономики, но, с другой стороны, вынужденное самоограничение человека в источниках и объеме потребляемой информации из-за физической невозможности её переработать, использование информационной выборки, подготовленной электронным помощником (искусственным интеллектом) по заданной программе, то есть добровольный переход на дозированную и тенденциозно (субъективно) подобранную информацию.

Быстрая смена информационных потоков формирует стереотип динамичной, но короткой жизни, когда многое нужно успеть в условиях ограниченных возможностей. Возможные варианты: а) получить как можно больше всего и сразу, для чего все средства хороши и нет речи о моральных ограничениях; б) следование буддийской заповеди: «не желай – не будешь страдать» и последующее углубленное самопознание с неизбежными жизненной апатией и пессимизмом; в) стремление к постановке краткосрочных целей, реализации единичных проектов и, ради этого, увеличение производства и потребления одноразовых предметов (бытовой техники, автомобилей[3], гаджетов и др.), удовлетворению сиюминутных (физиологических) потребностей, когда человек теряет долгосрочные цели, жизненную инициативу, становится «винтиком» потребительского общества, исполнителем чужой воли, от которого ничего не зависит.

---

[1] *Дмитриева Т.В.* Цифровой этап информационной революции: сущность, предпосылки, тенденции // Вестник Тверского ГУ. Серия «Философия», 2020, № 4(54), с. 72-73.

[2] *Беркут В.П.* Социально-философский анализ в методологии научного познания // Вестник МГОУ. Серия «Философские науки», 2016, № 1, с. 23-24.

[3] *Тоффлер Э.* Революционное богатство / Элвин Тоффлер, Хейди Тоффлер. М.: АСТ, 2008, с. 94.

Параллельно ширится процесс индивидуализации – освобождения человека от традиционных ролей и статусов в социальном, семейном, профессиональном смыслах, усилении «недолговечности человеческих связей»[1]. В этом плане вызывает недоумение решение правительства о предоставлении возможности проставлять отметки в паспорте о заключении и расторжении брака, детях до 14 лет по желанию владельца в преддверии перехода на введение электронных паспортов[2].

Гносеологический аспект цифровизации проявляется в когнитивной готовности и способности молодого поколения к получению рецептурных компетенций, а не фундаментальных знаний, освоению нужного материала в форме дистанционного обучения, когда знания перестают быть личностными, а становятся утилитарными, предоставляющими человеку возможность сразу идти и зарабатывать деньги на выполнении узкой технологической операции или алгоритма действий.

Один из атрибутивных признаков обучения при переходе к цифровому технологическому укладу – усиление визуальной формы подачи информации и снижение роли её содержания.

Революционные изменения в системе авторского права, корректировка устной и письменной речи, появление интертекста и гипертекста обострили проблему определения истинности информации. Появление большого числа коммуникативных площадок в интернете ознаменовалось контаминацией устной и письменной речи с типичными характеристиками первой: спонтанность и краткость.

Истинность знаний, зачастую, подменяется «цифровым симулякром» – псевдознаком, замещающим реальность посредством цифровой симуляции с помощью специального программного обеспечения. Личность познающего субъекта отказывается от реальности, в том числе от реальности знака, подменяя и реальность, и смысл виртуальным образом, картинкой – цифровая личность, зачастую, уже не обладает телесностью и смыслом, становясь знаком самой себя[3].

---

[1] *Бауман З.* Текучая современность / Пер. с англ. под ред. Ю.В. Асочакова. СПб.: Питер, 2008, с. 183.

[2] Россиянам разрешили не ставить в паспорт отметки о браке и детях / [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20210721/pasport-1742246359.html?-utm_source=yxnews&utm_medium=desktop (дата обращения 22.07.2021)

[3] *Даведенко С.В.* Цифровое пространство и алгоритмическое программирование социализации личности // Вестник Тверского государственного университета. Серия: Философия, 2021, № 1(55), с. 85.

Этический аспект цифровизации проявляется в неготовности и нежелании молодежи к принятию ответственности за собственный выбор и, следовательно, за результат – свое будущее и будущее государства, гражданами которого они являются. Мы наблюдаем появление людей, потерявших главные жизненные ориентиры, у которых нет роста инновационных прорывов в производстве, бизнесе, духовно-нравственной эволюции, отсутствует единое понимание цели развития обществ и человека[1]. Ныне, как никогда, актуальны мысли И.А. Ильина: «… именно за пределами повседневного бытия, его мнимых благ и бессмысленных принципов – современный человек не видит ни смысла жизни, ни цели жизни, и не ищет их, и не думает о них. Его воля, внутренне раздробленная и ослабевшая для духовных побуждений и мотивов, гонится за теми мелкими целями, которые подсказываются ему личными потребностями и страстями, и которые на самом деле не строят жизнь, а только разрушают её. Ибо за мелкой целью укрывается мелкая, но упорная страсть и извилистая, беззапретная линия поведения»[2].

Это видно на примере набирающего силу процесса «онлайнизации»[3] бытия, когда увеличивается количество людей «оцифрованных» (биороботов) с отключенными функциями нравственности, развитыми в интеллектуальном плане, нацеленными на достижение личного результата любой ценой, измеряющими жизнь только цифрами. То есть, происходит «оцифровка» человека, отрывание от исторических корней, нивелирование социальных и родственных связей, разрушение института семьи. Результаты видны на примере ряда европейских стран, где посредством интернетизации и цифровизации пытаются всем навязать свою философию жизни как единственно правильную. А это влечет одинаковость, появление нового «унифицированного» типа человека, признающего заданные универсальные (глобальные, общечеловеческие) ценности и не подвергающего сомнению их истинность, не спо-

[1] *Делия В.П.* Человек в XXI веке. Балашиха: Изд-во «Де-по», 2010, с. 80-81.

[2] *Ильин И.А.* Религиозный смысл философии. М.: ООО «Издательство АСТ», 2003, с. 53.

[3] *Панченко С.* Запад победил незаметно? На наших глазах создаётся Человек Унифицированный. Ирина Мухина // [Электронный ресурс]. URL: http: https://zen.yandex.ru/media/panch26/zapad-pobedil-nezametno-na-nashih-glazah-sozdaetsia-chelovek-unificirovannyi-irina-muhina-60f5d24c8346e576a3eacd5c (дата обращения 21.07.2021)

собного сформулировать собственное мнение, лишенного гуманного отношения к себе подобным, эмоциональной отзывчивости, человечности.

Человек, не способный сформировать свое мнение, подпадает под власть сети или сетесозидающей власти. При этом отчетливо проявляется коммодификация свободы – «присоединение широких масс к свободной коммуникации и продажа людям доступа к глобальным коммуникационным сетям в обмен на отказ от их права на частную жизнь и превращение в рекламные цели». Такой человек становится все более зависимым, подконтрольным, автоматизированным придатком созданной им же сети. Именно такому человеку «надо помочь обрести мужество духовно жить, напомнить ему, что у него есть дух…»[1].

Аксиологический аспект проявляется в инструментализации ценностей, что сокращает духовно-нравственный потенциал личности и социума. Насаждаемый в потребительском обществе прагматичный подход диктует исключение невостребованных компонентов знания, в число которых входят гуманитарное и неявное знание, передающиеся при непосредственном обучении, что обусловливает обеднение аксиологической сферы субъектов. Здесь важно определиться, кем выступает человек в процессе цифровизации: целью или средством? Рассматривается он как уникальная целостность, высшее материальное живое существо, понимается как личность, реализующая себя в многогранном, свободном, деятельностном взаимодействии с другими или как обезличенный, автоматизированный индивид[2].

Аксиологический аспект выражается, в том числе, и в формируемой системе оценивания полученных результатов – формализации, тестировании. Здесь существует угроза системе фундаментального образования, поскольку компетентностные модели, востребованные работодателями, не содержат детализации, достаточной для индивидуализированной оценки выпускника современного учебного заведения, а работодателям сложно определиться с выбором необходимых специалистов, поскольку не ясен уровень их квалификации. Наблюдается тенденция, когда профессиональное обучение мо-

[1] *Франкл В.Э.* Человек в поисках смысла. М.: Прогресс, 1990, с. 388.

[2] *Козлов А.А.* Философские этюды: методы и направления философии Платона: Монография. М., Берлин: Директ-Медиа, 2017, с. 9.

жет перейти в руки организаций-заказчиков квалифицированной рабочей силы.

Рассматривая социальный аспект, важно понимать, что ожидаемым следствием цифровизации является рост цифрового неравенства, когда различные социальные группы, в зависимости от уровня благосостояния, места проживания, профессиональной, политической или религиозной ориентации ограничиваются в доступе к современным цифровым технологиям, услугам и продуктам, что влечет увеличение неравномерности развития стран и регионов, рост миграции, риски нестабильности.

Так, привилегированные категории населения смогут получить фундаментальное образование с использованием очной формы обучения и современных технологий, тогда как остальные будут вынуждены осваивать курсы в бюджетных онлайн-учебных заведениях прикладного характера. Этот путь означает усиление неравенства в обществе, которое впоследствии отразится на социальной мобильности, доходах, качестве жизни и пр.

Таким образом, выявлены сущностные признаки цифровизации, рассмотренные в онтологическом, гносеологическом, этическом, аксиологическом и социальном аспектах. Это: возрастание скорости поступления новой информации, которую человек физически не в состоянии обработать, и увеличение объема потребляемой информации; расширение процесса индивидуализации и усиление «недолговечности» человеческих отношений; когнитивная готовность и способность молодого поколения к получению рецептурных компетенций, а не фундаментальных знаний; усиление визуальной формы подачи информации и снижение её содержательной функции, подмена истинного знания цифровым симулякром; неготовность молодежи к принятию ответственных решений вследствие потери главных жизненных ориентиров; «онлайнизация» бытия и формирование унифицированной цифровой личности, оторванной от исторических и родственных корней, не имеющей собственного мнения, выступающей автоматизированным придатком созданной цифровой сети; инструментализация ценностей, исключающая невостребованные компоненты гуманитарного знания; рост цифровой дифференциации, углубляющей социальное неравенство.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51721

А.А. ЮДИНЦЕВ
исследователь, преподаватель-исследователь, консультант Федерального агентства по делам Содружества Независимых Государств «Россотрудничество»*

Влияние процесса Brexit на доминанты и перспективы политических отношений ЕС и Великобритании

Европейский Союз, основная цель создания которого выражалась в объединении экономик, потеряла одного из важнейших лидеров – Великобританию. Автором в статье проанализирован вопрос о том, как Brexit оказал воздействие на политические отношения Великобритании и Европейского Союза. Автор также пишет, что во взаимоотношениях и политике Великобритании и ЕС произошли серьезные изменения, которые отразятся на всей международной политике, в целом. Автор делает выводы о том, что Brexit в значительной степени ослабит влияние Евросоюза на международной арене.

Ключевые слова: *брексит, референдум, политические отношения, Европейский Союз, еврозона.*

A.A. YUDINTSEV
Researcher, Lecturer-researcher, Consultant of the Federal Agency for the Commonwealth of Independent States "Rossotrudnichestvo"

The impact of the Brexit process on the dominants and prospects of the EU-UK political relations

* Юдинцев Антон Андреевич, e-mail: yudintsev.anton@gmail.com

The European Union, the main goal of which was to unite the economies, has lost one of the most important leaders – the United Kingdom. The article analyzes the question of how Brexit has affected the political relations between the UK and the European Union. The author says that there have been serious changes in the relations and policies of the UK and the EU, which will affect the entire international policy as a whole. The author concludes that Brexit will significantly weaken the influence of the European Union in the international arena.
Keywords: *Brexit, referendum, political relations, European Union, euro zone.*

Для современного международного сообщества проблема выхода Великобритании из Европейского Союза признается одной из наиболее важных тем. На первых этапах Brexit воспринимался всего лишь как идея несистемных политиков Великобритании. Тем не менее, после того как в Великобритании прошел референдум, Brexit стал рассматриваться в качестве одного из серьезнейших кризисов для Европейского Союза.

Можно предположить, что выход Великобритании из Европейского Союза в конечном итоге приведет к ослаблению обоих (по крайней мере, на несколько ближайших лет). Сам факт того, насколько напряженно проходил референдум в Великобритании, а также неожиданность в исходе голосования в пользу Brexit – это своего рода констатирование наличия кризисных явлений внутри объединенной Европы. И здесь необходимо учитывать тот факт, что кризис был начат далеко до момента проведения референдума.

Можно обозначить общую тенденцию на фрагментацию, дробление и разукрупнение. Если говорить о долгосрочной перспективе, то можно сказать о том, что международный порядок постепенно продолжает двигаться в сторону многополярной системы.

Референдум в Великобритании за выход из ЕС, усиление позиций крайних правых указывает на то, что в Европе происходят существенные изменения. И это в первую очередь говорит о кризисе евро-проекта, как проекта интеграции и расширения. Отмечается развитие кризиса не только внешнего, но и внутреннего в Европе – рост популизма, вызов со стороны крайних правых элите и т.д.[1].

[1] *Энтин К.В., Пиркер Б.* Свободное движение лиц в ЕАЭС: между Civis Eurasiaticus и Homo Oeconomicus // Международное правосудие, 2020, № 1, с. 79.

Brexit можно рассматривать в качестве своеобразного «симптома», причины ослабления Европейского Союза. Укрепленная Европа уже ослабла, а Великобритания, при принятии решения о выходе, продолжила процесс ее дробления. Можно предположить о том, что процесс дробления будет продолжаться и дальше. Во многом ослабление обусловлено и тем, что в большинстве европейских стран наблюдается кризис партийной системы, а соответственно, идет процесс изменения всего «политического ландшафта», в целом. Есть тенденция на пересмотр всего евро-проекта.

Brexit может отразиться на интеграционных процессах в других регионах. Европейский Союз необходимо рассматривать в качестве интегративного блока суверенных государств. В случае, если интегративные процессы будут ослаблены в ЕС, то последует ослабление интеграционных процессов в странах Латинской Америки, на Ближнем Востоке. Brexit стал частью общей тенденции к фрагментации, соответственно, в конечном итоге может привести к ослаблению и Европейского Союза, и Великобритании.

Перед Соединенным Королевством сейчас стоит достаточно сложная задача – обеспечить сохранение национального единства (против Brexit высказались Шотландия, Северная Ирландия, Гибралтар). Значит, процессы, вызванные Brexit, могут значительно пошатнуть Великобританию. Помимо этого Великобритании потребуются значительные денежные затраты на построение отношений с Европейским Союзом[1].

Сегодня по всей Европе, в целом, стоит вопрос о деволюции власти. То есть имеется выбор между процессами интеграции и предоставлением больших суверенных прав автономным объединениям. В том случае, если произойдет деволюция части полномочий в отношении национальных правительств, то вполне можно будет и дальше продолжать контролировать евроскептические силы. С другой стороны, имеются определенные риски – национальные правительства могут потребовать гораздо больше автономности, что может в итоге привести к ослаблению национальных институтов.

Brexit привел к так называемой проблеме идентичности, которая присуща всему блоку. Так, сегодня достаточно остро стоят проблемы будущей интеграции, а также политического

[1] *Гландин С.В., Панов Ф.Ю.* Ограничительные меры и санкции в праве Соединенного Королевства: до и после Brexit // Закон, 2020, № 6, с. 142.

будущего Европейского Союза как блока. Идей достаточно много – от включения новых структур принятия решения для единого рынка до возрождения масштабных проектов, которые позволят создать единую европейскую армию и т.д.

Brexit для Европейского Союза стал определенной неожиданностью. Часть исследователей указывают на то, что Brexit – это перспектива для других государств провести собственные референдумы о независимости и по аналогичному сценарию выйти из ЕС. Стоит обратить внимание и на то, что Brexit значительно усилил позиции евроскептиков. Все это может негативно сказаться на координации между государствами Европейского Союза по различным вопросам, которые касаются региональной, международной безопасности. Фактически может сложиться ситуация, при которой позиция Евросоюза как международного игрока, значительно ослабнет. В первую очередь это затронет ведение переговоров с так называемыми «проблемными странами»: Российская Федерация, Иран. Ввиду ослабления позиций Европейскому Союзу будет затруднительно принимать меры, которые касаются урегулирования спорных вопросов еврозоны.

Есть большая вероятность того, что внутри Европейского Союза будут усиливаться расхождения между «осью» (Германия, Франция, Италия, Бенилюкс) и периферией (странами Центральной и Восточной Европы). Выход Великобритании приведет к тому, что в периферии будут усилены популистские политические движения, тогда как Еврокомиссии будет весьма сложно оказывать воздействия на происходящие экономические и политические изменения в регионах.

Для Восточной и Центральной Европы экономические перспективы являются достаточно прочными для того, чтобы пережить внешнюю волатильность, которая обусловлена Brexit. Популистские тенденции, которые характеризуются быстрым ростом, могут подорвать долгосрочный потенциал роста, если политика государств обретет большую независимость от Брюсселя. И уже сегодня отмечается усиление антиевропейского настроения в Центральной, а также Восточной Европе. Это наблюдается, например, в отказе увеличивать квоту по приему мигрантов в Венгрии, Словакии[1].

[1] *Мохова Е.В., Яцук Н.П., Лиджанова А.Э.* Forum shopping и конкуренция регулирования в трансграничных банкротствах и реструктуризациях // Закон, 2020, № 9, с. 97.

Есть большая вероятность того, что произойдёт тесная интеграция Великобритании и США. То есть фактически Великобритания отдалится от Европейского Союза и возьмет курс на многополярность. Постепенно Великобритания начинает пересматривать свои приоритеты и идет по пути именно национальных интересов.

Европа имеет особую заинтересованность в том, чтобы продолжать отношения с Великобританией, даже после того, как произошел ее выход из Европейского Союза. Такая же заинтересованность наблюдается и у британских банков во взаимоотношениях с континентальной Европой. Есть необходимость сохранить и торговые связи с Евросоюзом.

Совместная работа Европейского Союза и Великобритании привела к тому, что удалось уйти от жесткого Brexit, который мог негативно отразиться на экономической, политической обстановке в странах.

Основным из направлений отношений стало введение нулевых тарифов. Так, стороны договорились об осуществлении свободной торговли, в отсутствии квот, тарифов в том случае, если будут соблюдаться все действующие европейские стандарты. Однако такие договоренности не коснулись сферы услуг (а в Великобритании сфера услуг занимает 80%). Соответственно, Европейский Союз сохранил для себя определённые торговые преимущества, поскольку оставил за собой права точечного регулирования различных секторов экономики.

Спорным вопросом в отношениях Великобритании и Европейского Союза остается соглашение о рыболовстве. Так, до Brexit рыбаки могли свободно заниматься рыболовством в территориальных водах Великобритании, но с учетом новых отношений между Евросоюзом и Британией общий улов должен быть сокращен. При этом ежегодно будут пересматриваться квоты на осуществление рыболовства.

Особое внимание стоит обратить на свободу передвижения. Граждане Великобритании в отсутствии специальных разрешений не могут больше учиться, работать, открывать бизнес на территории Европейского Союза. Наличие безвизового режима будет возможным только в отношении путешественников. Помимо этого будет установлен пограничный контроль между Великобританией и странами Евросоюза.

Достаточно остро стоят вопросы сотрудничества во внешней сфере, а также по вопросам внутренней безопасности. Сегодня Великобритания стремится к тому, чтобы наладить с

Европейским Союзом постоянный контакт и уделять повышенное внимание различным внешнеполитическим проблемам. Именно поэтому со стороны Великобритании имеется заинтересованность в том, чтобы продолжать взаимодействие с Евросоюзом по вопросам военно-технического сотрудничества, проведению антикризисных миссий и т.д.

Европейскому Союзу и Великобритании удалось только частично прийти к консенсусу по вопросам, касающимся внутренней безопасности. Так, согласно достигнутому соглашению, Великобритания теряет доступ к базам Европола, а также неограниченное право на использование европейского ордера для осуществления ареста. Помимо этого Великобритания была исключена из проекта Galileo.

Со стороны Великобритании есть заинтересованность в плотном сотрудничестве с Европейским Союзом, а соответственно, есть и желания продолжить участвовать в проектах, развивающихся под эгидой Евросоюза. И если между Великобританией и ЕС будут достигнуты соглашения, аналогичные тем, что заключаются с третьими странами, то это негативно отразится на эффективности такого взаимодействия, чего Великобритания не хочет допускать. Сегодня Великобритания стремится сохранить такие отношения с Евросоюзом, чтобы был сохранен доступ к базам данных Прюм, к базам данных пассажиров и т.д.[1].

Стоит отметить тот факт, что полицейское взаимодействие Великобритании и Европейского Союза необходимо той и другой стороне. Соответственно, при разрешении данного вопроса есть вероятность достижения компромисса. Сегодня существует несколько основных схем, по которым третьи страны могут получать доступ к полицейским базам данных, а соответственно принимать участие в осуществление работы Европола. Что касается Великобритании, представляется вполне возможным, что такие схемы будут расширены. Но это будет возможным только в том случае, если будет соблюдаться баланс интересов.

Можно предположить, что в будущем отношения, складывающие между Евросоюзом и Великобританией, приобретут форму своеобразной современной ассоциации, которая будет

[1] *Энтин К.В., Пиркер Б.* Свободное движение лиц в ЕАЭС: между Civis Eurasiaticus и Homo Oeconomicus // Международное правосудие, 2020, № 1, с. 79.

основана на гибких подходах, урегулированных двусторонним соглашением.

Все это позволяет говорить о том, что, выйдя из Европейского Союза, Великобритания предложила сформировать совершенно новую модель партнерства, которая, с одной стороны, позволила бы ей находиться вне зависимости от ЕС, а с другой стороны, за Великобританией была бы сохранена значительная часть проектов, в которых она может принимать активное участие.

Европейский Союз также на себе ощутил определенные проблемы, связанные с выходом Великобритании. Так, встала задача о сохранении отношений с Великобританией, но при этом, не нарушив и не ущемив свои принципы. Вообще позиция Евросоюза в данном случае формируется под влиянием нескольких факторов.

Государства, входящие в ЕС, имеют совершенно различные позиции о том, на каких основаниях должно заключаться «особое» соглашение с Великобританией (от менее жестких к более жестким). Это объясняется рядом обстоятельств.

1. Страны Евросоюза заинтересованы в том, чтобы права их граждан, проживающих на территории Соединенного Королевства, не были нарушены.

2. Если Европейский Союз пойдет по пути предоставления Великобритании особых условий после выхода, то это может быть расценено некоторыми странами ЕС как основание требовать для себя каких-либо специальных условий, форматов.

В конечном итоге может возникнуть неблагоприятная ситуация для Европейского Союза, когда будет нарушен принцип равенства прав и обязанностей государств-членов, а это находится в противоречии с интересами Евросоюза и никак нельзя допускать[1].

Получается, что Brexit будет иметь достаточно серьезные последствия для Великобритании и Европейского Союза. Во-первых, есть вероятность того, что США в большей степени будут нацелены на развитие отношений с Европейским Союзом, а не с Соединенным Королевством.

---

[1] *Овлащенко А.В., Седякин О.* Правовые основы выхода государства-участника из состава Европейского союза // Международное публичное и частное право, 2018, № 2, с. 7.

Во-вторых, Brexit показал, что Великобритания может быть суверенной в вопросах политического, экономического характера, при этом особо не завися от США.

В-третьих, Brexit показал, что интеграция в Европе в конченом итоге приведет к тому, что будет сформировано европейское супергосударство, неформальным лидером которого является Германия, а соответственно, участие в таком союзе Великобритании просто бессмысленно.

В-четвертых, с помощью Brexit удалось установить, что процесс развития свободной торговли, а также осуществление экономической интеграции имеет тесную связь с существующими национальными особенностями, а также особенностями самой страны. Отличия, которыми обладает Великобритания (экономическими, юридическими, культурными) от ряда стран Европейского Союза (в первую очередь, от Франции и Германии), в данном случае являются достаточно ярким примером.

В-пятых, членство Великобритании в Европейском Союзе и Brexit позволили доказать факт того, насколько провальными являются идеи либерального интернационализма. В любом случае существующие франко-британские и германо-британские противоречия, которые были и ранее, остались до сих пор.

В-шестых, Brexit позволил показать, что каждая из стран, входящих в Европейский Союз, может предпринять попытку восстановить свою независимость, могущество и выйти из Евросоюза, что является угрозой для его целостности.

Если рассматривать наиболее худшие перспективы во взаимоотношениях Великобритании и Европейского Союза, то можно предположить начало торговой войны. Это будет являться весомым ударом по экспорту Соединенного Королевства, а также по всей его экономике, в целом.

Однако в то же время у Великобритании сегодня появились реальные шансы создавать и формировать новые торговые связи уже за пределами Европейского Союза (например, с Канадой, Китаем).

Если рассматривать ближайшую перспективу Brexit и отношений Великобритании с Европейским Союзом, то можно говорить о таких составляющих, как экономическая, политическая, социальная, дипломатическая неопределенность.

Полагаем, что в конечном итоге есть все шансы для того, что отношения между Великобританией и Евросоюзом будут носить дружеский характер. В политических, экономических

интересах Великобритании и Европейскому Союзу все-таки необходимо сотрудничать и поддерживать отношения[1].

Таким образом, выход Великобритании из Европейского Союза стал важным событием в истории и политике. Необходимо обратить внимание на то, что выход из ЕС может способствовать ослаблению позиций и Великобритании, и Евросоюза на международной арене.

Несомненно, Великобритания признается одной из основных держав на территории Европы. Однако, если отношения с Евросоюзом будут усугубляться, то в геополитическом смысле «Запад» будет подорван, тогда как «Восток» будет переживать период своего развития. Все это может привести и к таким последствиям, как перенос «центра тяжести» с Запада на Восток.

Сегодня проблематично представить, каким будет европроект через несколько лет. Можно лишь делать предположение о том, что и дальше будет происходить процесс фрагментации Европы, тогда как расширение Европейского Союза является маловероятным. Политика Великобритании будет направлена на то, чтобы получать выгоду на стыке больших финансовых потоков, а соответственно, и самостоятельно устанавливать правила взаимодействия.

[1] *Купцов Н.А.* Феномен Brexit и тенденция роста популизма в европейской политике // Молодой ученый, 2020, № 26(316), с. 214.

УДК 316
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.51722

Е.В. ЧУМАК
кандидат наук по государственному управлению, доцент Уральского государственного экономического университета*

Глобальные миграционные процессы и миграционные риски

В статье рассматриваются актуальные вопроса миграционных процессов на фоне глобализации. В статье рассмотрены наиболее актуальные миграционные риски, которые характерны для Российской Федерации и других стран мира. Выявлено, что управление миграционными рисками открывает перспективы для устойчивого развития субъектов международных отношений на фоне нестабильной современной миграционной среды.

Ключевые слова: *миграционные процессы, миграционные риски, глобализация, цифровизация, трудовые мигранты.*

E.V. CHUMAK
Candidate of Science in Public Administration, Associate Professor, Ural State University of Economics

Global migration processes and migration risks

The article examines topical issues of migration processes against the background of globalization. The article discusses the most relevant migration risks that are typical for the Russian Federation and other countries of the world. It was revealed that the management of migration risks opens up prospects for the sustainable development of subjects of international relations against the background of an unstable modern migration environment.

Keywords: *migration processes, migration risks, globalization, digitalization, labor migrants*

* Чумак Елена Васильевна, e-mail: lena22021977@yandex.ru

Тенденция мировой глобализации обуславливает формат текущих глобальных миграционных процессов, которые имеют следующие проявления: снижение темпов и скоростей долгосрочных перемещений, увеличение количества миграционных потоков, увеличение показателей циркуляционной миграции. Согласно официальным данным, в 2018 г. накопленная мировая численность мигрантов превысила 0.25 млрд. человек. Согласно прогнозам Международной организации миграции, в 2050 г. численность международных мигрантов на долгосрочные перемещения достигнет уровня в 320 млн. человек и выше[1].

Если говорить о глобализационных процессах в экономической сфере, здесь протекает новый период развития – регионализация[2]. Следствием регионализации является формирование новых центров мирового развития, которые также являются центрами миграционного движения. Экономическая глобализация неразрывно связана с технологическими и миграционными трансформациями, что особенно актуально относительно миграции специалистов высокой квалификации. Данные изменения определяют место того или иного государства в современном глобализованном мире. На сегодняшний день положение государства преимущественно определяется такими показателями как уровень образованности мигрантов, качество человеческого капитала, уровень вовлеченности мигрантов в интеллектуальные сферы деятельности.

Реалии сегодняшнего дня обуславливают необходимость реформирования и развития механизмов регулирования миграционных процессов трансграничного типа, а также качественного управления миграционными рисками, которые являются обязательным элементом глобализации миграционных процессов.

Миграционные риски – актуальная проблема мирового сообщества, так как темп роста миграционных процессов повышается на фоне расширения состава и географии распространения миграционных потоков. Как итог, наблюдается сверх-

---

[1] *Цапенко И.П.* Трансформации глобальной миграции населения // Мировая экономика и международныеотношения, 2018, т. 62, № 8, с. 66.

[2] *Рыжов В.Б.* Диалектика глобализации и регионализации в правовом пространстве государств и международных организаций // Международное право и международные организации / International Law and International Organizations, 2020, № 1, с. 29-44. URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=30979 (дата обращения: 01.09.2021).

разнообразие общественных отношений.[1] Сверхразнообразие общественных отношений проявляется увеличением числа представителей различных национальностей и культур, граждан различной конфессиональной и этнической принадлежности. К примеру, в 2016 г. в Ирландии проживали мигранты из 190 стран мира.

В течение последних 50-60 лет отмечается рост гетерогенности мигрантов по таким факторам как причины для выезда, правовой статус, социальное и экономическое положение. К примеру, в период с 1950 г. по 1965 г. в государства Европы преимущественно иммигрировали специалисты низкой квалификации, рабочие, граждане их бывших колоний. В период с 1965 г. по 1980 г. иммигрантами преимущественно были члены семей поселенцев. С конца 80-х и начала 90-х годов преимущественно иммигрировали трудовые мигранты. На сегодняшний день в миграционных процессах увеличивается участие специалистов высокой квалификации. В частности, в середине 2010-х гг. отмечался всплеск нелегальных мигрантов, которые стали таковыми в силу ряда факторов, не зависящих от них, что стало следствием увеличения конфликтогенности в регионе Среднего и Ближнего Востока, в африканских государствах. Результатом стал миграционный кризис на территории Европы.

Вопрос развития миграционных процессов и миграционных рисков является актуальным в том числе и для Российской Федерации, так как она наряжу с другими государствами, является центром миграционного движения, что обуславливает социальные, политические, экономические и иные риски. Миграционные процессы также влияют на этнокультурный портрет общества РФ. В течение последних нескольких лет отмечается размывание этнокультурного портрета и особенностей, так как отмечается повышение интенсивности потоков мигрантов, преимущественно из государств СНГ[2]. Это обуславли-

---

[1] *Черевичко Т.В.* Управление миграционными рисками в условиях трансформации глобальных миграционных процессов // Изв. Сарат. ун-та Нов. сер. Сер. Социология. Политология, 2021, № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/upravlenie-migratsionnymi-riskami-v-usloviyah-transformatsii-globalnyh-migratsionnyh-protsessov (дата обращения: 01.09.2021).

[2] *Комаровский В.В.* Роль внешней трудовой миграции в миграционной политике России // Социально-трудовые исследования, 2021, № 2(43). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/rol-vneshney-trudovoy-migratsii-v-migratsionnoy-politike-rossii (дата обращения: 01.09.2021).

вает необходимость разработки и внедрения новых механизмов и решений для регуляции миграционных процессов.

При изучении вопроса управления и сокращения миграционных рисков нужно сделать акцент на категориальном аппарате, определив основные формы проявлений миграционных рисков.

Традиционно под ними подразумевают степень неопределенности, некой опасности для социальной области жизнедеятельности общества того или иного государства, которое принимает мигрантов, для минимизации и ликвидации которых необходимо выполнять расчеты и прогноз вероятных отрицательных последствий для сторон отношений в ходе миграции[1].

Миграционные риски отражаются на стабильности, развитии, благополучии принимающегося мигрантов государства. Из этого следует, что в каждом современном государстве должна функционировать стратегия управления ими, ориентированная на разрешение комплекса задач миграционных рисков двух уровней, внутригосударственных и глобальных. Таким образом, в РФ и других странах на уровне государственной власти должно быть предусмотрено управление миграционными рисками (МР).

Управление МР представляет собой процесс разработки и принятия решений относительно миграции при условии повышенной неопределенности. Цель управления МР – минимизация вероятных негативных последствий миграционных процессов и потерь в результате неправильных решений.

Одним из условий успешного управления МР является необходимый объем информации. Отбор информации, ориентированный на избежание рисков при асиметрии и неопределенности информации трансформирует миграционные процессы в спонтанные миграционные перемещения.

Характер учета МР позволяет разделить их на 2 группы:

– Внутренние. Обусловлены деятельностью самого государства и его административного аппарата.

– Внешние. Не зависят от деятельности и мер, предпри-

[1] *Сигарева Е.П., Плетнева Ю.Э.* Оценка рисков и эффективности мер борьбы с пандемией: миграционный аспект // ДЕМИС. Демографические исследования / DEMIS. Demographic Research. 2021, № 2. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/otsenka-riskov-i-effektivnosti-mer-borby-s-pandemiey-migratsionnyy-aspekt (дата обращения: 01.09.2021).

нимаемых тем или иным государством[1].

Управление МР включает в себя 5 основных компонент:

1. Определение цели управления МР и основополагающих задач для конкретного государства.
2. Сбор сведений и данных о текущих миграционных процессах для дальнейшей идентификации МР.
3. Определение возможных отрицательных последствий МР.
4. Разработка стратегии управления МР, выбор способов сокращения уровня негативных результатов, разработка программы действий для управления МР.
5. Организация управления МР с последующим сбором обратной связи для анализа, контроля и оценки эффективности используемых механизмов, средств, принятых решений.

В основе управления МР лежит выявление причин их возникновения. К примеру, миграционный кризис Европы дал основания для формулирования ряда выводов, полезных и показательных для остальных мировых государств:

I. Ретроспективные риски. Большая часть беженцев покинула родину из-за военных действий. Здесь важно говорить о социальном обеспечении принимающих европейских государств, разработанных и реализованных программах адаптации, финансовой стороне данных программ и мер.

II. Актуальные риски. Выражаются в росте недовольства со стороны местного населения принимающих мигрантов государств относительно увеличения доли мигрантов, ухудшении криминогенной ситуации, активации террористической деятельности.

III. МР, обусловленные вероятностью распада Европейского союза из-за увеличения разобщенности социума, роста антиисламских настроений, финансирования мигрантов в ущерб коренного населения, перехода государств Европейского союза в ранг стран оттока коренного населения[2].

Исходя из анализа миграционных процессов Европы, можно определить факторы, являющиеся причинами МР:

– Рост напряженности между участниками Европейского союза, признание ультраправых политических партий.

---

[1] *Bradbury J.* The Policy Implications of Different Concepts of Risk // Science, Technology & Human Values. 1984, vol. 14, № 4, p. 380-401.

[2] *Галас М.Л.* Миграционные риски: прогнозирование на основе ГИС-технологий // Власть, 2017, № 1, с. 77-83.

– Сокращение привлекательности инвестиционного климата внутри стран Европы.

– Преступная деятельность мигрантов, которая обусловлена низкой или отсутствующей приспособленностью мигрантов к социуму Европейского союза.

– Отчужденность местного населения, появление и развитие «мигрантофобии».

– Риск экологических МР, спровоцированных повышением загрязненности окружающей среды локаций, где организуются лагеря пребывания для мигрантов.

Перечисленные причины и МР являются внутренними. Если говорить о внешних МР, это рост объема мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки. Важно учитывать, что это могут быть мигранты не только из государств, где ведутся активные боевые действия, но также из стран со стабильной внутриполитической средой.

Внутренние МР стран Европейского союза напрямую связаны со внешними МР, каково положение ведущих стран-реципиентов мигрантов. Зависимость также проявляется нестабильностью европейского социума, самого союза. Сложная миграционная обстановка также связана с высоким риском распада действующих международных союзов, договоров и т.д.

Таким образом, миграционные процессы представляют собой риск, который нуждается в страховании, что является элементом управления МР[1].

Рассматривая ситуацию Российской Федерации, еще раз стоит подчеркнуть важность управления МР, так как на данный момент РФ является привлекательным объектом для мигрантов.

На данный документ утверждена Концепция государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 гг.[2]. Концепция является нормативно-правовым актом, который регламентирует стратегическое регулирование в области миграционных процессов.

---

[1] *Дроздова Ю.А.* Миграционные риски в полиэтничном регионе (на примере Волгоградской области) // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии, 2016, № 4(34), с. 100-109.

[2] О Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019-2025 годы: Указ Президента РФ от 31.10.2018 № 622. Доступ из справ- правовой системы «КонсультантПлюс».

Проанализировав Концепцию, был сделан вывод, что в нем используются элементы управления МР. В частности, в документе выделены виды рисков, которые способны причинить вред для миграционной ситуации на территории Российской Федерации. Перечислим их:

– Отток коренного населения РФ из регионов Сибири и Дальнего Востока в южные регионы, в такие крупные города как Санкт-Петербург и Москва.

– Скопление мигрантов в регионах европейской части РФ, приграничных территориях Сибири и Дальнего Востока.

– Риск проникновения представителей террористических организаций на территорию Российской Федерации.

– Потребность рынка труда исключительно в мигрантах, рабочих ресурсах низкой квалификации с низкими запросами в области оплаты труда. Данный факт также является преимуществом для российских предпринимателей.

– Компенсация естественного сокращения населения РФ посредством повышения интенсивности миграционных процессов.

Однако в Концепции не анализируются перечисленные риски, способы их минимизации или полного сокращения. Большое внимание в документе уделено следующим вопросам:

– Корреляция качества жизни и миграционных процессов;

– Доступность медицинской помощи, образования, социальных услуг для мигрантов.

– Обеспечение правопорядка.

– Уровень развития энергетической, телекоммуникационной, транспортной, информационной и других инфраструктур.

– Уровень занятости мигрантов.

Отдельного внимания заслуживает государственная программа, направленная на содействие переселению в РФ соотечественников и предотвращающая ряд МР. К данным МР относятся следующие факторы:

– Совершенствование условий для переселения востребованных специалистов.

– Увеличение финансирования добровольных миграционных процессов соотечественников, которые переезжают в РФ на постоянное место жительства.

– Ликвидация административных препятствий и финансовых расходов, которые не имеют за собой обоснования.

Важно отметить, что в документе нет анализа рисков данной государственной программы, что сокращает значимость способов минимизации МР.

Также особую актуальность имеет следующий вопрос. Одним из приведенных МР является потребность современного рынка в специалистах-мигрантах, которые являются рабочими ресурсами низкой квалификации. При этом на данный момент в РФ развивается инновационная экономика, что обуславливает спрос на труд высокой квалификации. Вопрос сокращения труда высокой квалификации в итоге оттока квалифицированных кадров (по различным оценкам отток на данный момент составляет от 1.5 до 4 млн. человек за период 2012-2019 гг.) и миграции в РФ специалистов высокой квалификации в Концепции не рассмотрен, однако, как уже было сказано выше, современной тенденцией является миграция высококвалифицированных специалистов[1].

Необходимо учитывать, что данный риск свойственен для международного экономического пространства, что продиктовано повышающейся миграционной зависимостью трудоизбыточных государств (с высоким предложением отдельных специалистов, низкой и высокой квалификации) и трудонедостаточных государств (с высоким спросом на отдельных специалистов, низкой и высокой квалификации, который не может быть удовлетворен посредством человеческого капитала самого государства). Данная взаимозависимость является основополагающей закономерностью миграционного процесса в сфере трудовых ресурсов.

Рассмотренные вопросы имеют особую важность при изучении миграционных процессов, однако нельзя игнорировать условия и факторы, которые обостряют миграционную обстановку в Российской Федерации и других мировых государствах, особенно на фоне модификации миграционных форм. На данный момент выраженно проявляет себя «текучая» миграция, имеющая непрерывный характер. У граждан, которые переезжают и перемещаются по всему миру, отсутствует ясная и четкая стратегия миграции. В данной ситуации миграционные процессы являются ответной реакцией на имеющие-

[1] *Флоринская Ю.Ф., Мкртчян Н.В.* Миграция в Россию: самый низкий уровень за десятилетие // Экономическое развитие России, 2021, № 1, с. 50-54; *Салунов А.В., Салунова Т.А., Багян Г.А.* Анализ актуальной демографической ситуации в Российской Федерации // Естественно-гуманитарные исследования, 2021, № 1(33), с. 187-190.

ся социальные проблемы, которые создают трудности и препятствия при выборе места жительства. «Текучие» мигранты не участвуют в мультикультурных и ассимиляционных интеграциях, предназначенных для мигрантов. Одной из причин «текучей» миграцией на данный момент является глобальная цифровизация.

Цифровизация миграционных процессов не только породила такое явление как «текучая миграция», но также создала новый категориальный аппарат для описания содержания и особенностей, имеющихся МР. Одним из данных понятий является фемториск, под которым понимается опасность малого масштаба, которая грозит катастрофическими последствиями для всей системы, в нашем случае для всего миграционного процесса.

Фемториски миграционного характера могут выстраиваются в определенный порядок и далее распространяться посредством глобальных социальных сетей. Небольшая опасность в ряде случаев неочевидна, однако она может увеличить свои масштабы и привести к существенным негативным последствиям. Примером являются конфликты на основе вопросов миграции, которые отмечаются в европейских странах в течение последних нескольких лет. Новые миграционные формы неразрывно связаны с новыми МР, что диктует необходимость разработки, внедрения и реализации новых подходов к управлению МР.

На данный момент управление МР является сложным вопросом. Однако стратегия управления МР открывает перспективы для устойчивого развития субъектов международных отношений на фоне нестабильной современной миграционной среды.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517723

М.Х. ГУГОВА
кандидат исторических наук,
старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра РАН*

З.М. КЕШЕВА
кандидат исторических наук,
зав.сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра РАН**

Кабардино-Балкария в период Битвы за Кавказ

В статье исследована деятельность партийных и государственных органов власти Кабардино-Балкарии в условиях приближения фронта. Освещены боевые действия подразделений Красной Армии по обороне республики. Особое внимание уделено боям на Эльбрусском направлении.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, Красная Армия, оборона, мобилизация.*

M.Kh. GUGOVA
Candidate of History, senior researcher of the Department of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

* Гугова Марина Хабасовна, e-mail: gugowa@mail.ru

** Кешева Зарема Мухамедовна, e-mail: kesheva10@gmail.com

Z.M. KESHEVA
Candidate of History, Head Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

Kabardino-Balkaria during the Battle for the Caucasus

The article examines the activities of the party and state authorities of Kabardino-Balkaria in the conditions of approaching the front. The combat actions of the Red Army units in the defense of the republic are covered. Special attention is paid to the battles in the Elbrus direction.
Keywords: *Great Patriotic War, North Caucasus, Kabardino-Balkaria, Red Army, defense, mobilization.*

Битва за Кавказ продолжалась 442 дня. Германское военное командование сосредоточило свои главные силы летом 1942 г. на южном крыле фронта, чтобы захватить Северный Кавказ с его богатыми нефтяными и продовольственными ресурсами и решить в свою пользу судьбу всей войны. Для советского руководства и командования Красной Армии немецкое наступление на юге стало неожиданным. Главный удар германских войск ожидали на центральном направлении, где и были сосредоточены основные силы Красной Армии.

Составной частью событий, происходивших на Северном Кавказе в 1942-1943 гг., были бои за Кабардино-Балкарию.

В октябре 1941 г. для оказания помощи фронту и мобилизации жителей республики, был создан Нальчикский комитет обороны. В состав вошли: первый секретарь Кабардино-Балкарского обкома ВКП(б) З.Д. Кумехов (председатель), Председатель Совнаркома КБАССР Х.К. Ахохов, Председатель Президиума Верховного Совета КБАССР И.Л. Ульбашев и др[1]. Под контролем комитета находились все органы власти, предприятия, колхозы, совхозы, МТС, органы противовоздушной обороны, противопожарная, медико-санитарная службы, отделы связи и информации, вокзалы и т. д. В короткие сроки открывались различные центры обучения военным специальнос-

[1] *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Нальчик, 1978, с. 54.

тям. Из добровольных пожертвований и взносов населения формировался фонда обороны. Мужчины и женщины Кабардино-Балкарии уходили на фронт добровольцами на защиту Отечества.

Осенью 1941 г. в Кабардино-Балкарии стала формироваться 115-я кавалерийская дивизия из 3500 бойцов. В нее вошли представители всех народов, проживавших в республике. Колхозы выделили для дивизии кабардинских скакунов, снабдили кавалеристов всем необходимым, в том числе седлами, обмундированием и продовольствием. Командиром дивизии был назначен полковник А.Ф. Скороход. Комиссаром дивизии был утвержден Ф.С. Иголкин, а начальником политотдела – секретарь Кабардино-Балкарского обкома партии М.Т. Селяев[1]. В мае 1942 г. дивизия выступила на фронт.

В Кабардино-Балкарии одновременно с всеобщей мобилизацией шла перестройка народного хозяйства военный лад. Помимо выпуска основной продукции, предприятия наладили производство боеприпасов и различных видов оружия.

В первые дни войны свыше 5 тыс. жителей республики ушло на фронт добровольцами. Для Красной Армии было собрано 23 вагона теплых вещей. За годы войны труженики сельского хозяйства сдали государству около 300 тыс. т. зерна, 97 тыс. ц. мяса, 56 тыс. лошадей кабардинской породы. За счет средств жителей Кабардино-Балкарии были созданы эскадрилья истребителей, танковые колонны. Всего в фонд обороны было собрано 170 млн. руб.[2]

7 августа 1942 г. на территории КБАССР было введено военное положение. Исходя из приказа Государственного Комитета Обороны (ГКО), Нальчикский комитет обороны принял решение о возведении вокруг Нальчика оборонительных сооружений. По всей Кабардино-Балкарии оборонительные сооружения. Однако немцы без особого труда обходили их и продвигались в нужном направлении.

Командующий группой армии «А» фельдмаршал В. Лист решил развивать наступление в направлении Грозный-Баку. Действовавший здесь 50-й танковый корпус генерала фон Швеппенбурга своими двумя дивизиями в течение 10-15 августа 1942 г. овладел городами Кисловодск, Ессентуки, Пяти-

[1] *Тетуев А.И.* Отечественная историография об участии народов Кабардино-Балкарии в Великой Отечественной войне 1941-1945 гг. // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН, 2015, № 4, с. 58.

[2] *Хакуашев Е.Т.* Указ. соч., с. 88.

горск, Железноводск, Минеральные Воды. Бои в этом районе продолжались до 25 августа.

Во второй половине августа 1942 г. под Моздок был переброшен 3-й танковый корпус генерала фон Макензена – 13-я танковая и 16-я моторизированная дивизия, а через калмыцкие степи к 18 августа на моздокское направление прибыл 52-й армейский корпус генерала Отта.

В тоже время на нальчикском направлении оставались 23-я танковая и румынская 2-я горнострелковая дивизии. Таким образом, для захвата Грозненского и Бакинского нефтяных районов враг смог сосредоточить части трех танковых (340 танков) и трех пехотных дивизий.

Немецким войскам противостояли подразделения Северной группы войск Закавказского фронта генерал-лейтенанта И.И. Масленникова. Соотношение сил было в пользу Красной Армии (кроме танков), но превосходство сводилось на нет линейным расположением войск на огромном фронте: 44-я армия генерал-майора И.С. Петрова тремя дивизиями заняла оборонительный рубеж по р. Терек, Сулак, Самур. 9-я армия генерал-майора К.А. Коротеева силами пяти дивизий и четырех стрелковых бригад занимала оборону по рекам Терек и Урух, а 37-я армия генерала П.М. Козлова силами пяти стрелковых дивизий прикрывала нальчикское направление, 58-я резервная армия генерал-майора В.А. Хоменко в составе трех дивизий и двух бригад занимала Махачкалинский укрепрайон[1].

Целью немецкого командования было прорвать оборону советских войск на р. Терек и захватить Малгобек, после чего танковыми соединениями прорваться между Терским и Сунженским хребтами и вдоль Алхан-Чуртского канала выйти к Грозному и Махачкале.

13 августа подразделения 2-й гвардейской стрелковой дивизии вступили в бой с противником в районе с. Куба КБАССР. Вражеская атака была отражена и противник вынужден был отступить.

Выйдя передовыми отрядами к рубежам рек Баксан и Гунделен противник 15 августа неоднократно пытался прорвать оборону Красной Армии на нальчикском направлении. Однако успеха не имел.

---

[1] *Опрышко О.Л.* Боевые действия на территории Кабардино-Балкарии. Август 1942 – январь1943 года. Нальчик, 2015, с. 72.

16 августа 1942 г. враг занял с. Алтуд и Ново-Полтавку. Прохладный был обложен с трёх сторон.

25 августа 1942 г. из г. Пятигорска для обороны города прибыл отряд курсантов Полтавского танкового училища (700 курсантов), у которых было 7 противотанковых ружей и 3 пушки.

24-25 августа шли тяжелые бои за подступы к городу. 26 августа немцы бросили на город 50 танков и 200 мотоциклетов. Курсанты героически сражались до последнего патрона и почти все погибли. Многим из погибших едва исполнилось 18 лет.

26 августа Прохладный пал. Немцы обманули защитников города. Их ждали со стороны техникума, а они, нарисовав звезды на своих танках и надев красноармейскую форму, зашли в Прохладный со стороны железнодорожного поселка. На переднем танке реяло красное знамя с портретами Сталина и Ленина, и местные жители подумали, что это советские войска, и не оказали сопротивления. Оставшиеся в живых курсанты отступили к Прималке.

В районе горы Хара-Хора, с. Заюково и Кызбурун I, где враг пытался развить наступление на Нальчик и вверх по Баксансому ущелью к перевалам Главного Кавказского хребта – Донгуз-Орун-Баши, Бичо, к Тырнаузскому вольфрамо-молибденовому комбинату советские войска успешно отражали многочисленные атаки противника.

Ареной жестоких сражений стала высота 910 в районе села Кызбурун I, через которую противник пытался прорваться к Нальчику. Неоднократно она переходила из рук в руки.

В ходе оборонительных боев защитниками Северного Кавказа удалось сорвать наступление немецко-фашистских войск. Противник был остановлен на рубеже рек Баксана и Терека, где бои приняли позиционный характер.

Не добившись успеха на нальчикском направлении, немецкое командование решило произвести перегруппировку своих сил, форсировать р. Терек в районе Моздока и по кратчайшему пути выйти к грозненской нефти. Так началась Малгобекская операция наших войск (1-28 сентября 1942 г.).

Ночью 2 сентября 1942 г. немецкие войска форсировали р. Терек в районе Предмостного и Кизляра, а к исходу дня 3 сентября подошли к ст. Вознесенской. На этом рубеже части 11-го гвардейского стрелкового корпуса остановили врага.

К 20 сентября 1942 г. противник снова перешел в наступление. Основной удар он нанес 13-й танковой дивизией из

района Хамидие на Куян, Арик и Котляревскую, где оборонялся 581-й стрелковый полк 151-й стрелковой дивизии. Против этого полка враг бросил 55 танков и пехоту на 35 автомашинах. Вспомогательный удар он нанес из района Нижнего Курпа на Верхний Акбаш и Плановское частями 370-й пехотной дивизии, усленной танками. 40 танков и автоматчики противника захватили с. Урожайное, Арик и пос. Терек.

Стремясь ворваться в Эльхотовские «ворота», Клейст участил атаки. Бросая в бой танки группами от 100 до 150 машин, он сумел захватить Тамбовское, Верхний Акбаш и Дейское. Под напором превосходящих сил противника части 151-й и 275-й стрелковых дивизий отступили на левый берег р. Терек.

Развивая успех, противник атаковал части 59-й и 60-й стрелковых бригад, несколько потеснил их к Сунженскому хребту и к исходу 24 сентября захватил Плановское и Илларионовку (ныне с. Янтарное).

Форсировав р. Терек, немецко-фашистские войска повели наступление и в сторону Пришибской, пос. Майского и ст. Котляревской.

К исходу 24 сентября немцам удалось захватить небольшой плацдарм на левом берегу р. Терек в районе Пришибской, Майского и Котляревкой.

В конце сентября 1942 года закончилась Малгобекская операция Северной группы войск Закавказского фронта. В ходе ее войскам 9-й и 37-й армий удалось остановить продвижение врага на юг и заставить его перейти к обороне. План гитлеровского командования по захвату к 25 сентября Грозного и Баку с малгобекского направления был полностью сорван.

Одновременно с Малгобекской оборонительной операцией проходила оборона перевалов, ведущих из Кабардино-Балкарской АССР в Закавказье.

14 августа 1942 г. подразделения 49-го горнострелкового корпуса «Эдельвейс», которые имели специальную подготовку для ведения боев в горах и соответствующее альпинистское снаряжение заняли селения Карт-Джурт, Учкулан и Хурзук.

15 августа 1942 г. отряд 99-го альпийского полка 1-й горнострелковой дивизии под командованием капитана Грота, пройдя ущельем реки Уллу-Кам, вышли к перевалу Хотю-Тау. Путь через него ведет в Баксанское ущелье Кабардино-Балкарии и горным проходам Донгуз-Орун и Бечо, за которыми – Грузия. 16-18 августа 1942 г. противник занял высокогорную гостиницу «Приют-11», «Ледовую базу» и метеорологическую

станцию. К перевалам Главного Кавказского хребта выдвинулись части 49-й армии, в районе Эльбруса находилась 63 кавалерийская дивизия под командованием И.О. Ромазова. 18 августа противник силами двух батальонов попытался спуститься в Баксанское ущелье по ледникам Азау и Гара-Баши, но они были атакованы 8-м моторизированным полком НКВД и 63-й кавалерийской дивизией и вынуждены были перейти к обороне. Утром 19 августа враг снова предпринял попытку прорваться к Терскол у, но был отброшен с восточных склонов Эльбруса[1].

21 августа 1942 г. альпинисты из высокогорного батальона под командованием Грота поднялись на Эльбрус и установили фашистские флаги, вымпелы.

В этих условиях на помощь 214-му кавалерийскому полку на Эльбрусское направление выдвинулась 242-я горнострелковая дивизия, которая затем заменила 63-ю кавалерийскую дивизию полностью. 28 августа эскадрон 214-го полка атаковал позиции противника и выбил его из Нового Кругозора, затем совместно с подразделениями полка НКВД освободили поляну Азау и Старый Кругозор. В начале сентября 1942 г. 214-й кавалерийский полк сдал свои позиции 897-му горнострелковому полку и 242-й горнострелковой дивизии под командованием Г.Т. Курашвили. 9 сентября подразделения 897-го полка и 106-го горнострелкового отряда НКВД небольшими группами прошли в тыл противника и в результате яростных боев, временами переходивших в рукопашную схватку, освободили 105 пикет, Ледовую базу, Базу МГУ и Нижний Кругозор.

18 сентября на Эльбрус выступили бойцы 106-го горнострелкового отряда, приданного 242 дивизии. Отряд имел задачу подняться из района Тегенекли вверх по ущелью Ирик и освободить перевал Хотю-Тау. Однако вытеснить немцев с их позиций не смогли.

27 сентября 1942 г. наступление на «Приют-11» начал отряд из 102 человек во главе с лейтенантом Г. Григорьянцем, хорошо знавшим район боевых действий. Несмотря на то, что противник имел превосходство в живой силе и технике, а также занимал командные высоты, отряд упорно продвигался вперед. И только тогда, когда отряд потерял три четверти личного состава, остатки залегли и вели бой до 14 часов 28 сентября. Немцам удалось окружить остатки отряда. Из окруже-

[1] *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М, 1976, с. 93.

ния вышел один раненый политрук и три раненых бойца. Командир отряда лейтенант Григорьянц, раненый в обе ноги, остался на поле боя. Высланный на помощь отряд был встречен в пути огнем противника и не смог оказать помощи группе лейтенанта Григорьянца.

Отражая наступательные действия противника, наши войска производили перегруппировку сил для последующего контрудара по уничтожению вражеской группировки на правом берегу р. Терек. Но, противник опередил советские войска. 25 октября 1942 г. Клейст перешел в наступление на нальчикском направлении.

Особенно ожесточенными были бои во время Нальчикской оборонительной операции (25 октября – 12 ноября 1942 г.). Противник, имея тройное превосходство в пехоте, одиннадцатикратное в артиллерии, десятикратное в минометах, абсолютное превосходство в танках и самолетах, утром 25 октября 1942 г. предпринял наступление на участке Баксан – Кызбрун III. Атаке переднего края обороны советских войск предшествовала мощная артиллерийская подготовка и налет вражеской авиации (до 100 самолетов) на боевые позиции и тылы частей 37-й армии.

В конце октября 1942 г. командованию Красной Армии стало ясно, что Нальчик не удержать. В городе остались бойцы 11-й стрелковой дивизии войск НКВД (1956 человек).

Наступление немцев на столицу Кабардино-Балкарии началось утром 24 октября. Сначала над городом пролетел немецкий самолет-разведчик «Фокке-Вульф-189». Зенитчики сбить его не смогли.

Утром 25 октября немецкие самолеты начали бомбить город. По военным сводкам, только на один аэродром Нальчика было совершено 42 налёта. Уже днём 26 октября после непродолжительного боя немецко-румынские войска вышли к аэродрому и стали продвигаться в сторону парка и Долинска. Нависла угроза выхода вражеских подразделений по руслу реки Нальчик в тыл частям РККА.

27 октября рано утром снова разгорелись ожесточенные бои. Враг захватил Промгородок, железнодорожную станцию и большую часть города. Вечером 28 октября немецкие войска при поддержке румынской пехоты полностью овладели Нальчиком. Части Красной Армии были вынуждены отходить в сторону Черекского ущелья по склонам Кизиловки и через селение Хасанья по лесной дороге. Слишком велико было

превосходство противника на этом участке. В течение 3-х дневных боев за Нальчик по приблизительным подсчетам противник потерял до 1570 убитых и раненых солдат и офицеров, 13 подбитых танков, 2 бронемашины, 12 грузовых автомашин, 1 минометную батарею, 1 пушку... Потери 11 стрелковой дивизии НКВД за дни обороны убитых, раненых и пропавших без вести – 664 человека[1].

28 октября в ходе боевых действий немцам удалось выйти на рубеж: Старый Урух, Хазнидон, Жемтала, Белая Речка, Лечинкай и Заюково и отрезать пути отхода советских войск, которые оказались исключительно в тяжелом положении.

30 октября 1942 г. советские войска отошли на оборонительный рубеж по линии Бабугент – Голубое озеро – Ташлы-Тала – верховья р. Урух. Таким образом, почти вся территория Кабардино-Балкарии была оккупирована, за исключением сел Ташлы-Тала и высокогорной части республики, которые оставались под контролем Красной Армии и избежали фашистской оккупации. Около 9 тыс. солдат и офицеров 37-й армии погибли, защищая Кабардино-Балкарию. Несмотря на захват основной территории Северного Кавказа, германские войска не смогли прорваться в Закавказье, их планы овладеть закавказской нефтью провалились.

[1] *Опрышко О.Л.* Указ. соч., с. 66.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517724

М.Х. ГУГОВА
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник сектора новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»*

Освобождение территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск в 1943 году

В статье освящены боевые действия частей Красной Армии по освобождению территории Кабардино-Балкарии от немецко-фашистских войск зимой 1943 года, происходивших в рамках Битвы за Кавказ, завершившейся 10 октября 1943 года изгнанием немецко-фашистских войск с Таманского полуострова. Особое внимание уделено боям за Нальчик и Приэльбрусье.

Ключевые слова: *Великая Отечественная война, Северный Кавказ, Кабардино-Балкария, Красная Армия, освобождение, мобилизация.*

M.Kh. GUGOVA
Candidate of History, Senior Researcher of the Department of Modern History of the Institute for the Humanities Research – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

Liberation of the territory of Kabardino-Balkaria from the Nazi troops in 1943

* Гугова Марина Хабасовна, e-mail: gugowa@mail.ru

The article deals with the military actions of the Red Army units to liberate the territory of Kabardino-Balkaria from the Nazi troops in the winter of 1943, which took place as part of the Battle of the Caucasus, which ended on October 10, 1943 with the expulsion of the Nazi troops from the Taman Peninsula. Particular attention is paid to the battles for Nalchik and Elbrus.

Keywords: *Great Patriotic War, North Caucasus, Kabardino-Balkaria, Red Army, liberation, mobilization.*

Осенью 1942 г. в Ставке Верховного главнокомандования начали разрабатывать план наступательной операции, целью которой было окружение и разгром действовавших под Сталинградом главных сил германских войск. От исхода Сталинградской битвы зависело освобождение Северного Кавказа, дальнейший ход освободительных боев на территории нашей страны и исход всей войны.

19 ноября 1942 года началось наступление Юго-Западного и Донского фронтов, а через сутки выступил и Сталинградский фронт. 23 ноября 1942 г. в районе города Калач-на-Дону соединились Юго-Западный и Сталинградский фронт. В результате этой операции под Сталинградом была окружена немецкая группировка общей численностью в 330 тыс. солдат и офицеров под командованием генерала фон Паулюса. Командование вермахта сформировало группу армий «Дон» в составе 30 дивизий и попыталось спасти окруженные части. Она должна была нанести удар по Сталинграду, прорвать внешний фронт окружения и соединиться с 6-й армией фон Паулюса. Однако сделать это немцам не удалось. К концу декабря, разгромив эту группу армии «Дон», части Красной Армии вышли в район Котельниково и начали наступление на Ростов. Это позволило приступить к окончательной ликвидации окруженных под Сталинградом немецко-фашистских войск. 2 февраля 1943 г. остатки армии фон Паулюса капитулировали.

Победа под Сталинградом создала благоприятные условия для контрнаступления Красной Армии на направлении Орджоникидзе (ныне Владикавказ) – Нальчик.

В этот период германское наступление на Нальчикско-Орджоникидзевском, Малгобекско-Грозненском направлениях и на перевалах Главного Кавказского хребта провалилось, что в свою очередь повлекло за собой коренной перелом в ходе боевых действий на Кавказе.

В конце декабря 1942 г. войска Закавказского фронта перешли в наступление, в результате которого противник понес

тяжелые потери. Только с 24 декабря 1942 г. по 4 января 1943 г. германские войска потеряли убитыми 11 тыс. солдат и офицеров, было уничтожено 18 самолетов, 170 танков, 42 орудия, 222 пулемета, 390 автомашин с военным грузом[1].

1 января 1943 года войска Северной группировки Закавказского округа начали стремительное наступление на Нальчикском направлении.

2 января 1943 года части 9-й армии заняли Эльхотово, овладели Новым Урухом, Старым Урухом, Ерокко, Лескеном II, Зарагижем, Герпегежем, Вагацкой. Затем вышли на рубежи: 295-я стрелковая дивизия – Псыгансу, 2-я гвардейская стрелковая дивизия – Аушигер, и Герпегеж, 351-я стрелковая дивизия – Толдзгун, Лескен.

3 января 1943 г. ожесточенные бои разгорелись на подступах к Докшукино (г. Нарткала), где во время оккупации были сооружены оборонительные полосы вдоль железнодорожной станции и железнодорожного полотна. 4 января 1943 г. Докшукино было освобождено подразделениями Красной Армии. Противник продолжил отход в северном направлении, прикрываясь сильными арьергардами на рубеже Аргудана и Нальчика. На пути отхода германские и румынские части минировали дороги, подрывали мосты и переправы, пытаясь задержать наступление советских войск.

3 января 1943 г. были освобождены селения Аушигер, Долинск, Хасанья, Аргудан и Псыгансу. Ночью бои шли уже на подступах к Нальчику, который оккупанты укрепили оборонительными сооружениями и заминировали к нему все подступы.

В это же время генерал-майор Ф. Захаров, командовавший 2-й гвардейской стрелковой дивизией, ввел в бой 395-й гвардейский стрелковый полк, который к вечеру овладел мясокомбинатом и сражался на северной окраине и площади, где располагался базар в Нальчике. В сражении за Нальчик особо отличился 3-й батальон 395-го стрелкового полка, командир которого гвардии капитан Ф. Пакин первым прорвался в центр города и очистил её от противника, зайдя ему в тыл.

Ожесточенное сопротивление германские войска оказали у нефтебазы и Промгородка. Штурм красноармейцев захлёбывался, в тоже время горючего практически не оставалось. Благодаря горожанам, активно помогавшим советским войс-

[1] См.: *Хакуашев Е.Т.* Кабардино-Балкарская АССР в годы Великой Отечественной войны (1941-1945). Нальчик, 1978, с. 142.

кам, к вечеру 5 января удалось освободить города. В память об этих событиях на месте тяжелых боев установлен памятник танку Т-34. В боях за Нальчик принимали участие партизаны Кабардино-Балкарии.

5 января 1943 г. в противотанковом рву на окраине Нальчика было обнаружено 600 трупов изуродованных и замученных мужчин, женщин и детей[1]. Всего за время нахождения Кабардино-Балкарии в оккупации было убито 4141 человека[2].

«На Северном Кавказе, – сказано в сообщении Советского информбюро 5 января 1943 года, – наши войска успешно развили наступление и заняли ряд населённых пунктов. Упорные бои происходили на подступах к Нальчику. Немцы опоясали город рядами мощных инженерных сооружений и минировали все подступы. Наши бойцы при поддержке артиллерии и танков преодолели все препятствия. Ночью ворвались в город и после решительной атаки овладели им. Противник оставил сотни трупов своих солдат и офицеров. Кроме того, наши войска захватили 27 орудий различных калибров, 50 минометов, 27 тягачей, 56 автомашин, 41 пулемёт, 250 противотанковых ружей, 500 винтовок и многое другое»[3].

Одновременно войска Красной Армии продолжили наступление на баксанско-пятигорском и моздокско-прохладненском направлениях.

Германские войска пытались остановить наступление советских войск в районе населенных пунктов Кызбурун III, Чегем II и Баксан, используя реку Баксан и оборонительные рубежи вдоль дорог и по высотам. Но, 6 января 1943 г. частям Красной Армии удалось освободить Баксан, нанеся противнику серьезные потери.

Гитлеровцы поспешно отходили и на прохладненском направлении, где надеялись задержать наступающие части Красной Армии. Но, в это время в Прохладный с востока вошли танкисты бригады подполковника В.И. Филиппова, с юга пехотные части и в результате ожесточенных уличных боев 5 января 1943 г. гитлеровцы были выбиты из Прохладного.

Во время освобождения Прохладного советские войска уничтожили более 150 немцев, 25 танков и бронемашин, захватили 27 орудий и другой техники[4].

---

[1] Сообщения Советского Информбюро. М., 1944, т. 4, с. 31.
[2] Там же.
[3] Там же, с. 14.
[4] *Хакуашев Е.Т.* Указ. соч., с. 144.

Отступая, части германских войск используя минные поля, оборонительные сооружения и проволочные заграждения, пытались задержать наступление Красной Армии на рубеже рек Малка и Кума и организовать контрудар.

В ночь с 6-го на 7 января 1943 г. районе Куба-Табы, Кубы и Марьинской шли ожесточенные бои. Результатом, которых стало освобождение 8 января селения Малка солдатами 351-й стрелковой дивизии генерала В. Сергацкова.

Атака частей Красной Армии в ночь с 9-го на 10 января 1943 г. завершилась освобождением Кубы и Марьинской. В уличных боях было уничтожено до 300 немцев, взято в плен 150 чел., захвачено много вооружения[1].

В 4 утра 11 января 1943 г. части Красной Армии завершили освобождение территории Кабардино-Балкарской АССР.

Бои шли и на Эльбрусском направлении. В начале января 1943 г. с перевалов Главного Кавказского хребта и с Эльбруса в связи с угрозой окружение начали отступление немецкие части.

2 февраля 1943 г. заместитель командующего войсками Закавказского фронта генерал-майор И.А. Петров направил в Штаб опергруппы Закавказского фронта по обороне Главного Кавказского хребта предписание снять с вершины Эльбруса фашистские штандарты, установленные в августе 1942 года и установить государственные флаги СССР.

По приказу Командующего Закавказского фронта И. Тюленева группа советских альпинистов в составе 6 человек (руководители − Н.А. Гусак, Е.А. Белицкий) 13 февраля 1943 г. совершили восхождение на западную вершину горы Эльбрус, а группа в количестве 14 человек (руководитель − А.М. Гусев), 17 февраля – на восточную вершину, сбросили оттуда фашистские штандарты и торжественно водрузили советские флаги[2].

Освобождение Кабардино-Балкарии является частью Битвы за Кавказ, завершившейся 10 октября 1943 года изгнанием немецко-фашистских войск с Таманского полуострова и сыграло важную роль в общей победе над фашистской Германией.

---

[1] *Хижняк.И.* Годы боевые. Краснодар, 1968, с. 112.

[2] *Опрышко О.Л.* Заоблачный фронт Приэльбрусья. М, 1976, с. 138.

УДК 396
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517725

Н.В. ВАРИВОДА
научный сотрудник Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ «Федеральный научный центр «Кабардино-Балкарский научный центр РАН»*

Особенности семейно-бытовой культуры казачек Северного Кавказа в условиях военного времени во второй половине XVIII–XIX вв.

В статье выявлены причины формирования у казачек Северного Кавказа военизированного мировоззрения и поведения. Исследованы черты эволюции женских ментальных и поведенческих установок в сторону адекватного противодействия военной угрозе, в том числе изменение гендерных стереотипов в направлении усиления у казачек маскулинных черт в семейной и хозяйственной сферах.

***Ключевые слова**: казачка, женщина, Северный Кавказ, война, мировоззрение, семья, хозяйство.*

N.V. VARIVODA
Researcher at the Institute for the Humanities Research – Affiliated of the Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

Features of the family and household culture of the Cossacks of the North Caucasus in the conditions of wartime in the second half of the XVIII-XIX centuries

* Варивода Наталья Владимировна, e-mail: variks1@yandex.ru

The article reveals the reasons for the formation of a militarized worldview and behavior among the Cossacks of the North Caucasus. The features of the evolution of women's mental and behavioral attitudes in the direction of adequate counteraction to the military threat, including the change in gender stereotypes in the direction of strengthening the masculine traits of the Cossacks in the family and economic spheres, are studied.

Keywords: *Cossack woman, woman, North Caucasus, war, worldview, family, economy.*

В XVIII-XIX вв. наблюдался факт мощного воздействия военного фактора на мировоззрение россиян, проникновение его во многие сферы жизни российского общества. В связи с этим особенный интерес представляет исследование казачьих сообществ, так как в их формировании войсковая составляющая играла доминирующую роль. Несомненно, в этом вопросе нельзя игнорировать и женскую часть казачества, учитывая, что сфера семейно-бытовой культуры казачек испытала воздействие реалий войсковой жизни.

Роль женщин в казачьих сообществах со временем менялась – от положения пленниц, распределявшихся среди мужчин по жребию вместе с прочей военной добычей в XVI в., до самовластных глав семейств, полномочия которых поддерживали обычай и войсковой закон на рубеже XIX-XX вв.

Отношение к женщине в казачьей среде менялось под воздействием ряда факторов. Этому способствовало долгое и довольное частое отсутствие главы семьи в военных походах. Дело в том, что именно в связи со службой казаков все работы по ведению хозяйства ложились на женские плечи. К традиционно женским занятиям, какими являлись приготовление пищи, уход за скотиной, шитье одежды и содержание дома, в отсутствии мужчин добавлялся ряд полевых работ, требующих от женщин физической силы. Так, традиционно вспашка земли и сев будущего урожая были чисто мужским делом. Эта традиция носила отголоски сакральных обрядов, связанных с оплодотворением земли. Но при отсутствии мужчин управляться с тяжелым плугом и запряженными волами приходилось казачкам. Кого-либо из стариков просили лишь символически проложить борозду или начать сев, отдавая дань традициям. Кроме того, тяжелый труд по заготовке и транспортировке дров тоже входил в перечень ежедневных женских обязанностей. Так же женщины занимались уборкой урожая, сенокосом и заготовкой кормов, разведением садов, возделыванием огородов. Сезонные полевые работы не могли ждать до возвращения

мужчин из похода и казачкам приходилось рассчитывать только на себя. Теперь благосостояние семьи зачастую зависело только от женщины. Данное положение дел подтверждает Е. Бутова, отмечая: «Считая себя господами в доме, мужчины стараются все работы свалить на женщин. Только пахота, косьба, да рыбная ловля лежат исключительно на обязанности мужчин; что же касается других работ по хозяйству, то они исполняются, главным образом, женщинами»[1].

Дело сильно осложнялось тем, что в условиях постоянных набегов и нападений горцев производство всех этих работ могло закончиться пленом, ранением или смертью. Поля, сенокосы, сады и огороды находились за пределами укрепленных станиц, а охранных мер было явно недостаточно. Особенно опасными были поездки за водой и за дровами, так как засады в лесу и по берегам рек были излюбленной тактикой горцев. За годы кавказской войны многие казачки потеряли свободу, здоровье и жизнь именно при проведении хозяйственных работ[2].

Повышению статуса женщины способствовал и демографический перекос в сторону мужского населения. В 1801 г. по сведениям Е.Д. Фелицына в Черноморском казачьем войске (около трети из которого составляли запорожские сечевые казаки[3]) на 100 мужчин приходилось лишь 39 женщин[4]. При заселении Азово-Моздокской оборонительной линии этот вопрос стоял наиболее остро, в связи с чем войсковая администрация материально поощряла заключение браков, выплачивая 100 рублей денежного пособия молодоженам[5]. Линейные казаки обычно ездили за невестами на Дон[6], где была более ровная демографическая ситуация. Так же казакам разрешалось вступать в браки с пленными горянками, принявшими православие, и в таких случаях они получали ту же сумму «подъемных» денег. Смешанные браки вносили свою лепту в формирование генофонда казачества.

Еще более показательная ситуация сложилась на Тереке. Здесь казаки с самого начала установили тесные добрососедс-

---

[1] *Бутова Е.* Станица Бороздинская // Сборник материалов для описания местностей и племен Кавказа. Вып. 7. Тифлис, 1889, с. 23.

[2] *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени. Армавир, 2012, с. 167.

[3] *Шевченко Г.Н.* Черноморское казачество в конце XVIII – первой половине XIX вв. Краснодар, 1993, с. 7.

[4] *Фелицин Е.Д.* Кубанское казачье войско. 1696-1888 г. Краснодар, 1996, с. 66.

[5] *Цыбульникова А.А.* Указ. соч., с. 41.

[6] *Захарченко В.Г.* Песни станицы Кавказской. Краснодар, 1993, с. 266.

кие отношения с чеченцами, что выражалось в широком распространении куначества, аталычества и смешанных браков. Многие из терских и гребенских казаков женились на чеченках. И их потомки, хорошо помня свою родословную, могли указать дома в чеченских аулах, где жили предки их матерей и бабушек. Особенно тесными были контакты с представителями тейпа Гуной, которые в свое время перебрались на левый берег Терека, не желая принимать ислам. Взаимосмешение было настолько сильным, что у чеченцев появился особый термин для жителей терских станиц – Гунойский народ. Л.Н. Толстой оставил такое описание местной казачки: «Красота гребенской женщины особенно поразительна соединением самого чистого типа черкесского лица с широким и могучим сложением северной женщины. Казачки носят одежду черкесскую: татарскую рубаху, бешмет и чувяки; но платки завязывают по-русски»[1].

Суровые реалии пограничной жизни потребовали от казачек новых умений. Теперь они стремились получить боевые навыки не из праздного любопытства, а из необходимости, диктуемой военной реальностью. Приемы обращения с холодным и огнестрельным оружием давали казачкам больше шансов выжить при нападениях неприятеля, как на них лично, так и на их станицы. Мужья старались научить жен необходимым навыкам обороны и управления конем. Известны примеры участия казачек в соревнованиях по наездничеству и джигитовке. Воспитанию боевого духа служили рассказы стариков о ратных подвигах и доблести предков, которые рассказывались не только мальчикам, но и девочкам[2].

Века постоянных боевых тревог, военно-полукочевого образа жизни выработали в казачке бесстрашную решительность и способность сохранять присутствие духа в моменты неожиданной опасности. Пограничная жизнь с риском постоянного нападения накладывала отпечаток на женский менталитет. Постепенно у женщин-казачек сформировалось военизированное мировоззрение, позволяющее им заменить мужей не только в хозяйственной, но и в военной сфере жизни.

В истории казачества отмечено немало фактов, когда женщины принимали участие в боевых действиях по обороне своих станиц наравне с мужчинами. В.А. Потто отмечает, что

---

[1] *Толстой Л.Н.* Казаки. Собр. соч. М., 1987, т.3, с. 19.

[2] *Цыбульникова А.А.* Формирование боевых навыков у казачек Кубани в конце XVIII – середине XIX в. // Из истории и культуры линейного казачества Северного Кавказа. Краснодар; Армавир, 2004, с. 59.

в 1774 г., во время первой русско-турецкой войны, станицу Наурскую осадил отряд неприятеля численностью до 8000 человек[1]. Нападавшие знали о том, что строевые казаки еще не вернулись из похода, и в станице, помимо легионной команды, находятся лишь старики, женщины и дети, поэтому рассчитывали легко захватить Наурскую. Казачки в парадной одежде с ружьями, косами и серпами в руках встали плечом к плечу с защитниками станицы. Женщины жгли костры, кипятя воду и смолу, которыми обливали нападавших, подтаскивали ядра, перекатывали орудия, а также принимали участие в рукопашных стычках. Встретив ожесточенное сопротивление и не добившись своей цели, противник вынужден был отойти, потеряв убитыми около 800 человек.

Комендант Моздока, в своем донесении об этой битве писал: «Некоторые не только казачьи жены, но и девки, иные с ружьями, а прочие с косами к отражению неприятеля так вспомоществовали, что из баб оказались такие, кто из ружей стреляли зарядов до двадцати, а одна из них, будучи с косой, у неприятеля, при устремлении его на вал к рогатке, срезала голову и завладела его ружьем» [2].

В.А. Потто указывает, что «оборона Наура была первым случаем, когда от кавказской женщины понадобилось серьезная и опасная боевая служба. Впоследствии она уже не расставалась с ней и сроднилась как с чем-то неизбежным среди суровой обстановки порубежного быта»[3]. Указом Екатерины II особо отличившиеся казачки были награждены медалями, а дни 10 и 11 июня отмечались в станице как особый Бабий праздник[4].

О смелости и решительности наурских казачек писал декабрист А.П. Беляев, живший в Науре в 1840-х гг.: «Случались иногда и геройские подвиги со стороны казачек. Рассказывали, как одна казачка, уже похищенная и увлекаемая через реку, выцарапала руками глаза своему похитителю и успела спастись вплавь» [5].

---

[1] *Потто В.А.* Кавказская война. Ставрополь, 1994, т. 1, с. 78.

[2] *Потто В.А.* Два века терского казачества (1577-1801). Ставрополь, 1991, с. 264.

[3] *Потто В.А.* Кавказская война, с. 79.

[4] *Щупленков О.В.* Были бы казачки – казаки будут // Альманах «Казачество», 2016, № 19, с. 29.

[5] *Беляев А.П.* Воспоминания декабриста о пережитом и перечувствованном. СПб., 1882, с. 475.

Подобным героизмом отличались не только наурские казачки. Очень часто в станицах можно было встретить женщин, награждённых боевыми медалями.

За храбрую оборону обоза от нападения горцев в 1826 г. под Екатеринодаром все участвовавшие в бою казачки получили пайковое содержание, а особо отличившиеся были награждены медалями[1].

В историю славы казачества вписала свое имя Марианна Горбатко, жена командира Липкинского поста, которая погибла вместе с мужем в рукопашной схватке при нападении многократно превосходящих сил горцев на пост 4 сентября 1862 г. Ее храбростью были потрясены даже нападавшие, а на месте ее гибели до сих пор стоит памятник[2].

В «Военном вестнике» за 1870 г. описан случай, когда шестеро горцев напали на шестнадцатилетнюю казачку Анну Сердюкову, работающую на огороде за пределами станицы. Будучи раненой, она смогла убить нападавших. За свой подвиг Анна Сердюкова получила золотую медаль за храбрость на георгиевской ленте, пожизненный пансион в 50 рублей серебром и золотой браслет – подарок главнокомандующего, князя Воронцова[3].

Все вышеперечисленные примеры доказывают, что героизм отдельных казачек основывался не просто на личной храбрости, но в первую очередь на военных традициях казачества[4].

Годы войн и труда вывели социальный статус казачки на новый уровень. Из бесправной служанки она превратилась в хозяйку дома, друга и боевого товарища для своего мужа. Живя в казачьей станице, выполнявшей функции военного гарнизона, казачка становилась полноправным членом военного сообщества. Как необходимая составляющая воинского уклада жизни казачества, она вынуждена была осуществлять множество функций, не свойственных женщинам, живущим в отдалении от границы, что указывает на системообразующий характер ее роли в казачьей семье.

---

[1] *Васильев И.Ю.* Нравственные ценности кубанского казачества и их трансляция // Молодежь и молодежные субкультуры этносов и этнических групп Южного Федерального Округа. Традиции и современность. Краснодар, 2008-2009, с. 133.

[2] *Щупленков О.В.* Указ. соч., с. 34.

[3] *Кубанский М., Басханов А.* Казачка Сердюкова // Ленинское знамя, 1990, №№ 39-41, с. 3.

[4] *Цыбульникова А.А.* Казачки Кубани в конце XVIII – середине XIX века: специфика повседневной жизни в условиях военного времени, с. 107.

УДК: 101.1:316
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517726

О.К. ШЕВЧЕНКО
кандидат философских наук, доцент,
доцент кафедры философии и социальных
наук Крымского федерального университета
им. В.И. Вернадского*

Пространство-Время власти в философской концепции А. Арендт

В статье анализируется исследовательский подход А. Арендт к социальной онтологии власти. Понимание власти в горизонте времени и пространства выступает ключом к открытию новых смыслов в творческом методе А. Арендт. Утверждается, что А. Арендт создает концепцию власти в формате «Топохрон». Где пространство власти доминирует над временем власти, что приводит к исчезновению темпоральности власти. Доказывается, что основе такой социальной онтологии власти лежит философия власти И. Канта.

Ключевые слова: *хронотоп, топохрон, власть, социальная онтология, пространство, время, авторитет.*

K.O. SHEVCHENKO
PhD in Social Philosophy, Associate Professor,
Department of Philosophy and Social Sciences,
V.I. Vernadsky Crimean Federal University.

The Space-Time of Power in the Philosophical concept of H. Arendt

The article analyzes H. Arendt's research approach to the social ontology of power. The understanding of power in the horizon of time and space is the key to the discovery of new meanings in the creative method of H. Arendt. It is claimed that Arendt creates the concept of power in the "Topochron" format. Where the space of power dominates the time of power, which leads to the disappearance of the temporality

* Шевченко Олег Константинович, e-mail: skilur80@mail.ru

of power. It is proved that the basis of such a social ontology of power is the philosophy of power of I. Kant.

Keywords: *chronotope, topochron, power, social ontology, space, time, authority.*

Мы склонны согласится с недавно высказанным мнением, что «*Несмотря на статус классика политической мысли, Арендт в нашей стране остается пока одним из самых недооцененных философов XX в.*»[1]. Особенно актуально это высказывание при обращении к социальной онтологии власти А. Арендт, которая практически не представлена в отечественной философии (чего нельзя сказать об онтологии А. Арендт как таковой, где иногда проскальзывают около властные мотивы[2]). В настоящей статье мы предложим свою реконструкцию ключевых для социальной онтологии власти понятий: «Пространство» и «Время», опираясь на специфическое арендтовское определение власти.

Хорошо известно, что в основе философии А. Арендт лежит хорошо ею изученная и проработанная философия И. Канта. Поэтому уместно предварить изучение социальной онтологии власти А. Арендт – анализом социальной онтологии власти И. Канта.

Нам представляется, что корневой элемент кантовского понимания власти кроется в следующем: «*Предмет же моего произволения − это то, чем я имею физическую способность пользоваться Как угодно, пользование чем в моих силах (poientia); от этого надо отличать случай, когда этот же предмет находится в моей власти (in potestatem meam redactum), что предполагает не только одну лишь способность, но и некоторый акт произволения*»[3].

Именно через пользование чем-либо, а, в иных случаях, при развитии и опредмечивании возможности в качестве акта произволения Иммануил Кант рассматривает власть. Пожалуй, один из ярчайших моментов – это овладевание страстью

---

[1] *Саликов А.Н., Жаворонков А.Г.* Философия Ханны Арендт в России // Вопросы философии, 2019, № 1, с. 134.

[2] *Сидорова М.А.* Понятия времени в философии Х. Арендт: от жизни деятельной к жизни ума // Вестник Московского университета. Серия 7: Философия, 2015, № 2, с. 14-16.

[3] *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994, т. 6: Метафизика нравов, с. 269-270.

других как личная страсть самого высокого пошиба[1]. По мысли И. Канта**,** власть-**imperium,** для человека как такового – это укрощение и оформление его власти-**potentia**[2]. Для Канта конкретное господство, тотальное и персонифицированное в конкретных людях – это безусловное **imperium** (см. пассаж о повелителе (imperans)[3], которое подвергается предметному разбору и обладает внешними проявлениями, но все так же замыкается на оптику тела, т.е. разум, но опять-таки в очень практической и предметно ощутимой сфере – учености[4]. Верховная власть в этом ключе лишь предмет в явлении, тогда как есть более серьезная и всемогущая власть, например *идея* верховной власти, которая (об этом со всей определенностью говорит Кант) не есть сама Верховная власть. Эта идея вне верховной власти и внутри самого человека, который в силу определенных обстоятельств, ориентируясь на идею, подчиняется определенным правилам, на наш взгляд, и есть власть-potentia в своей как бы развернутой форме, максимально фиксируемой оптикой тела и пересекающейся с определенной социально-исторической рефлексией (принадлежностью к определенному целому, в данном случае – народу)[5].

Формат воли есть исходное желание к обладанию, то, что Кант называет произволение. Уровни **воления** (желания, стремления, возможность обладания) разные, но они коренятся как в рамках естественной оптики Человеческого тела, так и в определенных социально-исторических условиях овладевания вожделенным предметом[6].

Перед нами очень необычная топохронность власти, где топос – тело, а хронос – социально-историческая рефлексия на окружающую среду. Это своенравная темпоральность власти, которая бытийствует исключительно исходя из бытийствования тела и его оптики. Она целиком растворяется в теле, в том, что включает в себя взгляд из тела. Разум является самостоятельным творцом своих принципов,[7] независимо от внешних влияний он сам творит, а вернее, волит са-

---

[1] *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994, т. 7: Антропология с прагматической точки зрения, с. 307.
[2] Там же, т. 6: Метафизика, с. 450.
[3] Там же, с. 339.
[4] Там же, т. 6: Религия в пределах только разума, с. 178
[5] Там же, т. 6: Метафизика, с. 410.
[6] Там же, *с.* 412.
[7] Там же, т. 4: Основоположения метафизики нравов, с. 227-229.

мого себя, в том числе и всю линейку от желания до конкретных механизмов обладания.

Иммануил Кант фиксирует, что до внешней власти существует насилие и злоба. Это естественные состояния, реализуемые кажимостью блага и права. Такая кажимость опирается на собственную власть[1]. И власть внешняя только тогда реализуется, когда **человек вступает** в гражданское состояние. Подчеркнем, что для Канта власть, находясь вне тела человека, не существует как действительность, а лишь предполагается как возможное существование. Социально-историческая моторика перехода к гражданскому состоянию обеспечивает предметность власти, ее темпоральную протяженность посредством разных состояний тела. Все три власти есть одно-единое, они вписаны в тело как таковое, а их темпоральность – это реализация кантовского антропологического принципа времени[2].

Продолжая и творчески перерабатывая кантовское наследие А. Арендт придает власти и человеческому действию, власти и событию статус важнейших смысловых связок[3]. Вполне в духе немецкого «**Macht**», понимаемого в своем изначальном корневом смысле как «**делать, мочь**», Арендт предваряет серьезный разговор о власти, насилии и авторитете заявлением о разнице между деланием и поведением: «*функция всякого действия – в отличие от всего лишь поведения – заключается в том, чтобы прерывать то, что иначе происходило бы автоматически и потому предсказуемо*»[4]. Эти довольно характерные немецкие смыслы она деятельно прикрепляет к семиосфере используемого ею англослова «Power», определяя последнее как способность согласованного *действия,* принадлежащую (способность) исключительно группе. Территория, где опредмечивается власть в разнообразные структуры-действия – это политика.

Следует подчеркнуть, что для философа территория власти (политика) не существует вне временных характеристик. Более того, выбирая лейтмотив своего самого политологичного исследования «Истоки тоталитаризма», Ханна Арендт выносит эпиграфом монографии не цитату о государстве или о

---

[1] *Кант И.* Сочинения: В 8 т. М.: Чоро, 1994, т. 6: Метафизика, с. 343.

[2] Там же, т.3: Критика чистого разума, с. 72-73.

[3] *Степанов В.Н.* Смысл силы: очерки немецкой философской традиции. Ярославль: Междунар. акад. бизнеса и новых технологий, 2016, с. 85.

[4] *Арендт Х.* О насилии. М.: Новое изд-во, 2014, с. 40

политических процедурах, не хлесткий афоризм о насилии или массах, а элегантную фразу Карла Ясперса о долженствовании темпоральности в бытии человека: «*Не следует отдаваться ни прошлому, ни будущему. Необходимо пребывать всецело в современности*»[1]. Если учесть суждения автора, разбросанные в разных разделах ее книг о власти, то выходит, что с темпоральной точки зрения власть – это дискретные отрезки некой данности, имеющие начало (оформление группы) и конец (распад группы и прекращение **действия,** хотя и сохраняющие некое **поведение**). При всем этом территория власти остается, и в ней ритмично или произвольно формируются разнообразные группы, распадаются, укрупняются, взаимодействуют, одним словом, прекращение внутреннего времени одной из групп не означает прекращения пространства как такового и не обуславливает времени как такового. Время власти – это сугубо внутренний феномен определенной группы, не выходящий в формат Абсолюта, как, например, территория власти, которая, по-видимому, и абсолютна, и вечна.

Но это верно **тольк**о в случае материализации власти на ее территории – в политике. Власть как сущность, как субстанциональное ядро – это абсолют, она является «вещью в себе»[2]. Более того, «*властная структура существует и до, и после всяких целей…*», она условие, которое позволяет «*группе людей мыслить и действовать в категориях «средства-цель*»[3].

По Арендт, власть не есть природный феномен, она укоренена в человеческой **деятельности,** в способности начинать нечто новое[4]. Но каким же образом власть материализуется? М. Ямпольский делает однозначный вывод: посредством коммуникации, через говорение и слышание. Эти феномены появляются, когда мы обретаем язык и способность/необходимость обобщать, концептуализировать[5]. Обобщенно эта процедура может быть наименована как doxa (мнение) и urteil (суждение), в чем Х. Арендт опирается на разра-

---

[1] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма. М.: ЦентрКом, 1996, с. 29.
[2] *Аренд Х.* О насилии, с. 60.
[3] Там же, с. 61.
[4] Там же, с. 96.
[5] *Ямпольский М.* От бытия к инструментальности. Насилие входит в мир // О насилии / Х. Арендт. М.: Новое изд-во 2014, с. 143-144.

ботки И. Канта[1]. Еще более конкретен Ю. Хабермас, который отмечал, что для Арендт власть – это praxis[2]. Таким образом, с точки зрения вдумчивых читателей А. Арендт, власть – это мышление и общее чувство. Это суждение, переписывающее внешний закон во внутреннюю нравственность[3]. Это измерение свободы и действия, дающие человеку возможность творить свою собственную реальность[4]. Следовательно, несмотря на ясное общетеоретическое заявление Арендт о том, что власть есть явление сугубо групповое, оказывается, что разорвать линию власть-Человек, власть-Тело не так-то и легко и в целом мало перспективно. Более того, есть и иное утверждение, которое Арендт настойчиво проводит во всех своих работах: начало всего – это человек и его способности[5].

Возможно дополнить мысли Арендт о власти и сформулировать, что оптика тела посредством оптики ума связывает власть и тело, власть и социальные процедуры в единое целое. По меткому замечанию Р. Бейнера, «*суждение выполняет функцию укоренения человека в мире*»[6], полностью работая в пределах Свободы и Действия, в поле того, что есть власть, дающая условия для самостоятельного творения мира (правда, коллективными средствами в поле политики).

Суждение для Арендт – это также есть то, что отсутствует «*в настоящем времени, поскольку их либо еще, либо уже нет*»[7]. Собирает все времена в единое целое мыслящее эго, кантовская «область чистого рассудка»: «*Временное измерение пипс stans, переживаемое в деятельности мышления, собирает в своем присутствии вместе отсутствующие времена, «еще не» и «больше не»…*»[8]. Определяя, где находится человек, который проявляет силу воли, мыслит, судит, свободствует (от понятия свобода), действует, творит, мыслит, оценивает, то есть свершает все те акты, которые суть основы манифестации власти, Арендт пишет, что «*нам знакомо толь-*

---

[1] Там же, с. 136.

[2] Цит. по: *Ямпольский М.* От бытия к инструментальности, с. 126.

[3] Там же, с. 139.

[4] *Арендт Х.* Що таке свобода // Арендт Х. Між минулим і майбутнім. К.: Дух и Літера, 2002. с. 180

[5] *Арендт Х.* Истоки тоталитаризма, с. 622.

[6] *Бейнер Р.* Ханна Арендт о суждении // Лекции по политической философии Канта / Х. Арендт. СПб.: Наука, 2011, с. 248.

[7] *Арендт Х.* Лекции по политической философии Канта. СПб.: Наука, 2011, с. 11.

[8] *Арендт Х.* Жизнь ума. СПб.: Наука, 2013, с. 205.

ко нераздельное единство с нашим телом, которое в мире явлений у себя дома в силу того, что однажды туда пришло и знает, что когда-то уйдет. Невидимое мыслящее эго находится, строго говоря, Нигде»[1].

Ум способен невидимое делать присутствующим, он способен казаться сильнее реальности[2]. Это происходит в области настоящего вневременного (но отнюдь не бесконечного) длящегося сегодняшнего дня[3]. Но это всего лишь афоризмы, ибо мы говорим о темпоральности терминами пространственности, а значит, и не видим темпоральности как таковой.

Осознавая это, Арендт заключает, что есть специфический ментальный орган, отвечающий за будущее, – воля, то, что отвечает за прошлое – память, а ум – настоящее[4]. Они и задают **пространства** времени в разнообразных процессах свободного творения реальности. Если вспомнить политическую философию Арендт, то можно выстроить довольно любопытные топохроны: **Будущее – Насилие – Воля**; **Прошлое – Власть – Память**; **Настоящее – Авторитет – Ум**.

В этой структуре власть **сама является топохроном,** локализованном в памяти, отвечающим за прошлое и рождающимся в коллективном действии людей. И сама в себе власть никаких особых темпоральностей объективного порядка, будь то топохроны или хронотопы, не имеет. Она обеспечена социально-исторической рефлексией (группа людей) и оптикой тела (память).

Подводя итоги, обозначим нашу позицию. Безусловно, связка власть-прошлое-память крайне важна, но власть не исчерпывается прошлым. Вернее, любой хронотоп (как явленность в событии гармонии пространственно-временных модусов) созидается памятью о прошлом, но созидается в настоящем и исключительно для определенного запланированного Будущего. А вот формат комбинаций Прошлого (память), Настоящего (ощущение реальности) и Будущего (мечты), их диффузия между собой или доминирование одного от другого есть предмет исследования каждого конкретного хронотопа власти. И, предположим, что они могут значительно отличаться друг от друга. Впрочем, это тема отдельной статьи или цика исследований о пространственно-временных характеристиках власти.

---

[1] Там же, с. 240.
[2] Там же, с. 241.
[3] Там же.
[4] Там же, с. 242.

УДК 71
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517727

З.М. КЕШЕВА
кандидат исторических наук,
зав. сектором новейшей истории Института гуманитарных исследований – филиала ФГБНУ Кабардино-Балкарского научного центра РАН*

Бренды КБР в медиапространстве

Статья посвящена рассмотрению вопросов, связанных с распространением информации о брендах КБР в медиа-пространстве. Актуальность темы обусловлена тем, что в настоящее время, в период пандемии коронавирусной инфекции необходимо искать новые каналы распространения информации о территориальных брендах, тем самым создавая им позитивный имидж и привлекая инвестиции для дальнейшего развития региона.

***Ключевые слова**: территориальное брендирование, информационное пространство, региональный бренд, туризм.*

Z.M. KESHEVA
Candidate of History, Head Sector of Modern History of Institute of humanitarian researches – Affiliated Federal State Budgetary Scientific Establishment «Federal Scientific Center «Kabardian-Balkarian Scientific Center of the Russian Academy of Sciences»

KBR brands in the media space

The article is devoted to the consideration of issues related to the dissemination of information about KBR brands in the media space. The relevance of the topic is due to the fact that at present, during the coronavirus pandemic, it is necessary to look for new channels for spreading information about territorial brands, thereby creating a positive image for them and attracting investment for the further development of the region.

***Keywords**: territorial branding, information space, regional brand, tourism.*

* Кешева Зарема Мухамедовна, e-mail: kesheva10@gmail.com

В настоящее время все более отчетливо приходит осознание того, что огромное значение в практике брендирования приобретают СМИ. Именно из них черпается информация о тех или иных местах, привлекательных для посещения туристами или людьми, интересующимися историей и культурой различных территорий и мест. Задачей брендирования является создание узнаваемого образа, который будет активно подаваться в информационном пространстве, и от качества подачи будет в дальнейшем зависеть результат. Однако следует заметить: в рекламных и PR-кампаниях, в случае возникновения «конкуренции», побеждает не всегда тот, кто обладает бюджетом. В первую очередь основополагающими условиями для успешного продвижения на рынок остаются грамотная стратегия и точный расчёт, позволяющие выбрать оптимальные средства для достижения поставленных целей. А в качестве подобного эффективного и действенного средства распространения и продвижения информации может служить грамотное продвижение продукта в интернете и социальных сетях. Безусловно, печатные издания сохраняют свою информационную актуальность, однако они не всегда доступны, и более экономичным способом является нахождение нужной информации в электронных версиях журналов и газет.

Британский правительственный консультант, специализирующийся в вопросах национального бренд-имиджа С. Анхольт отмечает: «Большинство стран практически непрерывно отправляют во внешний мир некие послания о самих себе. Страны способны в значительной степени влиять на восприятие собственного бренда, если у них есть действенная, ясная, внушающая доверие идея о некоей высшей их цели и если послания на эту тему поступают четко и бесперебойно [1]

Современный период устанавливает иные, чем ранее формы существования и взаимодействия. Главная цель бренда – активизировать внимание к четко определенному объекту продвижения. То есть нужно сформировать узнаваемый, отличающийся конкретными особенностями образ. Именно эти особенности и способны привлечь потенциальных покупателей. По утверждению теоретика брендинга А. Випперфюрта, брендинг – значимая составляющая коммерческого успеха; представлять продукт целевой аудитории нужно обоснованно

[1] *Анхольт С., Хильдрет Дж.*. Бренд Америка: мать всех брендов. М, 2010, с. 20.

и убедительно; реклама должна строиться вокруг позитивных представлений, связанных с брендом [1]

Для того, чтобы заинтересовать в своем туристическом продукте или объекте показа, нужно организовать четко продуманную рекламную кампанию в СМИ. Причем основной акцент в настоящее время делается на популяризации именно региональных брендов, так как люди, уставшие от всеобщей «похожести», стремятся к обретению чего-то индивидуального, аутентичного. Бренд региона – это территориальная идентичность, системно выраженная в ярких и привлекательных идеях, символах, ценностях, образах. Это визуальный или виртуальный символ, положительный «фирменный» признак, по которым потребители идентифицируют регион, «раскрученная» товарная марка, которая формирует или подтверждает его имидж и репутацию[2]

Современные реалии, диктуют необходимость активизации продвижения брендов на самых разнообразных, в том числе и виртуальных площадках. Эта тема в настоящее время особенно актуальна, так как пандемия коронавируса серьезно отразилась на сфере туристического бизнеса. Статья ставит своей задачей обозначения путей продвижения брендов Кабардино-Балкарии в медиа – пространстве и с их помощью – создания позитивного имиджа региона. Одним из факторов, сглаживающих последствия глобализации и проводимых в России реформ является обозначение регионально-локальных туристских брендов.

Важнейшей задачей брендирования, особенно в настоящее время, является развитие внутреннего, локального туризма, когда мир оказался ограничен в туристических посещениях. На одном из совещаний по вопросам развития транспортной отрасли 7 мая 2020 г. президент России В.В. Путин отметил: «Нам нужно сформировать развитие внутреннего туризма. Форсировать наши возможности на этом направлении. Нужно формировать привлекательные маршруты, открывать новые направления в нашей стране, куда можно будет удобно добраться и с интересом для людей провести время»[3]

---

[1] *Випперфюрт А.* Вовлечение в бренд. Как заставить покупателя работать на компанию. М., 2007, с. 3.

[2] Шокуров Д.В., Герасименко Л.В. Значение территориального брендинга в развитии социальной инфраструктуры // Научно-методический электронный журнал «Концепт», 2014, № 11 (ноябрь), с. 87.

[3] [Электронный ресурс]. URL: https://ria.ru/20200507/1571108240.html.

Для развития внутреннего туризма необходимо проведение грамотной PR кампании, нацеленной на раскручивание объектов внутреннего туризма с помощью продуманной системы брендов.

В регионах ведется активная работа по продвижению своих брендов на туристический рынок. Кабардино-Балкария, обладающая обширными природными, рекреационно-туристическими и культурно-познавательными ресурсами, заслуженно претендует на первые места в России в плане предложению туристического продукта.

Значимую роль в распространении сведений о брендах КБР в медиа-пространстве играют официальные сайты министерств республики, обширная информация представлена на сайте министерства курортов и туризма КБР представлен широкий спектр рекреационно-туристических предложений республики: горнолыжный туризм, пеший горный туризм, дайвинг, альпинизм, лечение, экскурсионные программы, парапланеризм, дельтапланеризм, спелеотуризм.

Руководство Кабардино-Балкарии понимая, что главенствующей отраслью в социально-экономическом развитии республики является туризм, придает большое значение стимулированию брендинга. В связи с этим, значительное внимание уделяется работе со СМИ в плане продвижения брендов КБР.

В 2018 г. представительная делегация иностранных журналистов посетила Приэльбрусье, где встретилась с министром курортов и туризма КБР М. Шогенцуковым и генеральным директором АО «Курорт Эльбрус» Х. Беккаевым. Гости озвучили вопросы относительно посещаемости КБР иностранцами, организации безопасности туристов, а также о перспективах сотрудничества с заинтересованными зарубежными инвесторами.

Межрегиональный центр общественных инициатив «Северный Кавказ» осуществил контент-анализ СМИ относительно наиболее упоминаемых туристических брендов Северного Кавказа. В список локальных брендов Кабардино-Балкарии вошли 8 наименований. Самый популярный – Эльбрус – 47132 упоминания. Он является главным природным достоянием не только Кабардино-Балкарской республики, но и Европы, входит в список 7 чудес России. Западная вершина – 5642 м над уровнем моря, и является самой высокой точкой России и Европы, восточная – на 5621 м.

Голубые озера – 17745 упоминаний. Одним из наиболее посещаемых мест является озеро Церик-Кель. Глубина предположительно 279 м, что делает его вторым по глубине карстовым озером в мире, после Красного озера в Хорватии.

Чегемское ущелье – 4108 упоминаний. Знаменитые Чегемские водопады, вошли в тройку лучших водопадов для водного туризма, данный результат получен после опроса, проведенного среди пользователей соцсетей.

Чегет – 1150 упоминаний, находится в Приэльбрусье. Благодаря тому, что ряд склонов покрыт снежным покровом практически круглый год, горнолыжный сезон может длиться круглогодично.

Долина Нарзанов – 934 упоминания. В уникальной курортной зоне расположено 17 уникальных по составу, целебных минеральных источников.

Национальный парк «Приэльбрусье» – 660 упоминаний. Он был создан постановлением Правительства России от 22.09.1986 г. с целью сохранения уникального комплекса Приэльбрусья. Площадь составляет 101,2 тысячи гектаров.

Джилы-Су – 396 упоминаний. Урочище располагается у подножия северной стороны Эльбруса. Здесь располагается источник теплого нарзана, отсюда его название.[1]

В октябре 2019 г. состоялся первый всероссийский фестиваль региональных культурных брендов «Живое наследие». В мероприятии участвовали около 600 человек из различных регионов страны, в том числе и из Кабардино-Балкарии. Значимым моментом было создание интерактивной национальной карты местных культурных брендов с визитной карточкой для каждого региона. Данный проект имеет большие перспективы не только в плане ознакомления с историей и культурой народов, населяющих Россию, но и в плане развития внутреннего этнографического туризма, имеющего хорошие перспективы в период пандемии, когда выезд за рубеж ограничен, и все больше людей склоняются к отдыху внутри страны. Поэтому подобные информационно-рекламные платформы помогут туристам сделать выбор, а заинтересованным лицам привлечь инвестициии улучшить экономический климат.

Важным шагом в стратегии развития туристической привлекательности республики было объявление Министерством

[1] [Электронный ресурс]. URL:http://kbrria.ru/obshchestvo/strana-uznayot kabardino-balkariyu-35438.

курортов и туризма Кабардино-Балкарской Республики конкурса по разработке и созданию яркого и узнаваемого визуального бренда-образа КБР. После подведения итогов, лучшей была признана работа М. Аталиковой, принято решение по активному продвижению в СМИ нового бренда республики, так как одним из важнейших ресурсов брендирования являются возможности полиграфии, позволяющие осуществлять продвижение товарного знака (элементов бренда) на рынок.

Более 50 туристических продуктов представила Кабардино-Балкария на выставке «MITT 2021». Из-за COVID-19 в 2020 г. выставка была отменена, поэтому в 2021 г. отмечался повышенный интерес к представленным проектам. Основное внимание было уделено внутреннему туристическому продукту, причем КБР представила 50 разнообразных турпродуктов. Такая широкая представленность на значимом форуме безусловно работает на повышение привлекательности региона, его брендировании. В период работы выставки, состоялся Форум представителей турбизнеса. Стенды Кабардино-Балкарии вызвали пристальное внимание со стороны заинтересованных в развитии туристической отрасли лиц.

Таким образом, для привлечения внимания к региону и позиционирования благоприятного образа республики в информационном пространстве, необходимо активное продвижение туристических предложений, способных заинтересовать потребителя. В полной мере справедливой является мысль, что в настоящее время правильно поданная информация – это залог успеха. Поэтому распространение брендов КБР в СМИ является важнейшей задачей. В сложной ситуации, связанной с COVID-19, регионы должны искать способы брендирования своих предложений, поэтому разнообразные формы онлайн продвижения туристического продукта в современный период являются самыми эффективными.

УДК 321.01
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517728

П.П. АНОШКИН
старший преподаватель кафедры философии
РНИМУ имени Н.И. Пирогова*

Идея социалистического государства в философии политики Н.А. Бердяева

В статье рассматривается критический анализ Н.А. Бердяева марксистско-ленинского учения о социалистическом государстве.

Философ показывает экономические, политические и духовные основы становления и развития социалистического государства в России, обосновывает экзистенциальный характер социалистического государства, реализацию идеи диктатуры пролетариата, подчеркивает положительные и отрицательные стороны социалистической государственности.

Ключевые слова: *абсолютное государство, государственная собственность на средства производства, диктатура пролетариата, диктатура миросозерцания, марксизм, персонализм, социалистическое государство.*

P.P. ANOSHKIN
Senior Lecturer at the Philosophy Department, Pirogov Russian National Research Medical University

The concept of the socialist state in the political philosophy of N.A. Berdyaev

This paper explores the critical analysis by N. A. Berdyaev of the Marxist-Leninist doctrine of the socialist state.

The philosopher demonstrates the economic, political and spiritual foundations of the emergence and development of the socialist state in Russia, substantiates the existential nature of the socialist state, the realization of the proletarian dictatorship concept, emphasizes the positive and negative sides of the socialist state system.

* Аношкин Петр Павлович, e-mail: anoshkinpp@mail.ru

Keywords: *absolute state, state ownership by the means of production, proletarian dictatorship, ideological dictatorship, Marxism, personalism, socialist state.*

Николай Александрович Бердяев (1874-1948) является одним из наиболее ярких представителей российской и мировой политической мысли. Значительное место в его творчестве занимает проблема построения, развития и функционирования социалистического государства. Реконструкция взглядов Н.А. Бердяева на данную проблему позволяет более глубоко осмыслить роль и место социалистического государства в истории России, его преемственность от московского царства и империи, его влияние на дальнейшее развитие российской государственности.

Н.А. Бердяев одним из первых мыслителей увидел, что к началу XX столетия в марксизме не сформировалось четкой концепции построения социалистического государства. Философ считал, что реализация марксистской идеи экспроприации частной собственности и организации общественной собственности на средства производства приведет к ее огосударствлению и создаст предпосылки для возникновения тоталитарного государства. В своих ранних работах он подчеркивал: «Социалистическое государство есть новая форма абсолютного государства, не ограниченная никакими безусловными ценностями и идеями, никакими неотъемлемыми правами личности, никакой религиозной правдой. Кесарево, – государственно-утилитарная общественность, окончательно признается выше Божьего, – абсолютно-ценного в личности»[1]. В социалистическом государстве власть, устраняя все формы гражданских прав личности, сосредоточивает в себе огромную ничем не ограниченную силу, которой не было даже в государствах восточной деспотии.

Социализм есть попытка заменить все частноправовые отношения общественно-правовыми, то есть устранить окончательно гражданское право и утвердить исключительно право государственное. Свобода слова, свобода совести или иная свобода не признаются абсолютными ценностями и определяются утилитарными соображениями общественной власти.

[1] *Бердяев. Н.А.* Новое религиозное сознание и общественность. М.: Директ-Медиа, 2008, с. 155.

Философ утверждал, что религию в социалистическом государстве замещает марксизм, вера в который должна охватывать все слои общества, а в отношении лиц, отвергающих данное учение, государство может использовать репрессивные меры. Он писал: «Это государство не равнодушно к вере, не индифферентно, как государство либерально-демократическое, оно декретирует свою истину и понуждает к ней. Те, которые не признают социалистической веры, должны быть поставлены в положение, аналогичное тому, в котором находились евреи в старых теократических христианских обществах»[1].

Н.А. Бердяев исследовал основные теоретические подходы к построению социалистического государства в нашей стране. Он выделяет два основных направления – марксизм и национально-освободительное движение.

Представители национально-освободительного движения видели конечную цель революционных преобразований лишь в уничтожении старого политического устройства, не думая о создании новой государственной машины.

Русские марксисты считали осуществление социалистической революции и создание нового политического устройства общества в России в необозримом будущем и не видели смысла в ее теоретическом обосновании.

Одним из первых теоретиков социалистического государства, по мнению Н.А. Бердяева, был П.Н. Ткачев (1844-1886). В своем известном публичном письме к Ф. Энгельсу (1874 г.) он высказал идею уничтожения монархической государственной машины в ходе осуществления социалистической революции в России, слабость которой видел в ее оторванности от реальных интересов различных слоев российского общества, деспотизме и т.д. П.Н. Ткачев считал, что достаточно 2-3 военных поражения, несколько крестьянских восстаний в губерниях, открытое восстание в столице и наступит угроза распада государства на части[2]. Забегая вперед скажем, что Россия, не выдержав тягот Первой мировой войны, переживала именно такое состояние и только большевики, по мнению Н.А. Бердяева, путем террора и ужесточения порядка в стране сумели сохранить целостность государства. Создавая в 1918 г. со-

[1] *Бердяев Н.* Новое средневековье. Размышление о судьбе России и Европы. М., 1991, с. 473.

[2] См.: *Ткачев П.Н.* Избранные сочинения на социально-политические темы в семи томах. М., 1934, т. III, с. 88-98.

циалистическое государство, В.И. Ленин сумел в этот период предотвратить хаос и анархию, которые представляли реальную угрозу целостности и существованию России. В этом смысле Н.А. Бердяев сравнивает его с Петром Великим.

В то же время сам П.Н. Ткачев считал абсурдом разрушение государства, полагая необходимым в ходе социалистической революции осуществить замену старых консервативных государственных учреждений новыми революционными.

Н.А. Бердяев, говоря о взглядах П.Н. Ткачева, писал: «Он один из немногих русских революционеров прошлого, почти единственный, который думал о власти, о ее завоевании и ее организации. Он хотел, чтобы революционная социалистическая партия стала правительством. И в этом он очень походит на Ленина. Революционное социалистическое правительство он представлял себе довольно деспотическим»[1].

П.Н. Ткачев, не обладая высокой философской культурой, не мог аргументировано показать и доказать возможность осуществления социалистической революции и построения социалистического государства в России, обладающей определенной спецификой государственного устройства, достаточно низким уровнем социально-экономического развития и незначительным количеством пролетариата.

Н.А. Бердяев именно, в самой философии марксизма видит теоретико-методологическое обоснование возможности осуществления революционных преобразований. По его мнению, философия марксизма есть не только диалектический и исторический материализм, но и экзистенциализм и персонализм. Социологический детерминизм, лежащий в основе философии марксизма и определяющий зависимость революционного сознания от общественного бытия, ограничивается рамками буржуазного общества, а дальше революционное сознание обладает определенной свободой в осуществлении революционных идей по разрушению буржуазных общественных отношений, созданных самими людьми, являющихся объективацией. В этих условиях представляется определенная свобода для осуществления революции и построения нового социалистического государства. Пролетариат, наделенный миссией освобождения, в состоянии уничтожить буржуазные экономические отношения и создать на их месте совер-

[1] *Бердяев. Н.А*. Истоки и смысл русского коммунизма. М.: Директ-Медиа, 2008, с. 81.

шенно новые – социалистические. Н.А. Бердяев писал: «В марксизме есть элементы настоящей экзистенциальной философии, обнаруживающей иллюзию и обман объективации, преодолевающей человеческой активностью мир объективированных вещей. Только эта сторона марксизма могла внушить энтузиазм и вызвать революционную энергию»[1].

В философии марксизма материальному процессу свойственна мысль, разум, свобода, творческая активность, что может привести к торжеству смысла, к овладению социальным разумом всей жизни. Это отмечает Н.А. Бердяев: «Диалектика превращается в экзальтацию человеческой воли, человеческой активности. Все определяется уже не объективным развитием материальных производительных сил, не экономикой, а революционной борьбой классов, т.е. активностью человека. Человек может победить власть экономики над своей жизнью»[2]. Очевидно, данные установки философии марксизма были глубоко осмыслены и взяты на вооружение В.И. Лениным для разработки плана осуществления социалистической революции и создания социалистического государства применительно к российским условиям.

Ленинский план осуществления революции, захвата политической власти и строительства социалистического государства не опирался на сознание трудящихся масс, на объективный экономический процесс, а исходил из его собственного миросозерцания, в основе которого лежала идея диктатуры в политике, экономике и культуре. Готовить и осуществлять диктатуру должна подготовленная политическая партия, охватывая своей властью все стороны жизнедеятельности социалистического общества. В условиях диктатуры были осуществлены изменения в территориально-государственное устройство страны. Так, Президент России В.В. Путин пишет: «Добавлю только, что произвольную перекройку границ большевики, как уже отмечал, начали ещё до создания Союза, и все манипуляции с территориями проводили волюнтаристски, игнорируя мнение людей»[3].

Н.А. Бердяев дал высокую оценку ленинской работе «Государство и революция». Он считал, что в ней В.И. Ленин разработал план государственного развития в переходный от

---

[1] *Бердяев. Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма, с. 112-113.

[2] Там же, с. 114.

[3] *Владимир Путин*. Об историческом единстве русских и украинцев / Независимая газета, 12 июля 2021 г.

капитализма к коммунизму период, который будет достаточно длительным, чего не было у Маркса, какие формы обретет диктатура пролетариата.

Он так же полагал, что для В.И. Ленина марксизм есть прежде теория и практика диктатуры пролетариата. В будущем государство должно отмереть за ненадобностью, но в переходный период его роль возрастает. Сам Н.А. Бердяев считал, что социалистическое государство в эпоху диктатуры пролетариата будет более жестким, нежели буржуазные государства: «Диктатура пролетариата, т.е. диктатура коммунистической партии, означает государственную власть более сильную и деспотическую, чем в буржуазных государствах. Согласно марксистской теории, государство всегда было организацией классового господства, диктатурой господствующих классов над классами, угнетенными и эксплуатируемыми»[1]. Государство отомрет лишь с исчезновением классов, однако сразу после революции это не может произойти. Будет длительный период борьбы, государство этого периода будет государством диктатуры пролетариата, осуществляющим насилие, ни о каком равенстве не может быть и речи, насилие и принуждение будут направлены не только в отношении буржуазии, но и против рабоче-крестьянских масс. Здесь Н.А. Бердяев полагает, что социалистическое государство будет осуществлять муштровку, диктатуру и насаждать железную дисциплину для всех членов общества, и лишь когда будут достигнуты определенные результаты, государство отомрет.

В тоже время пролетариат нуждается в государстве не в интересах свободы, а в целях подавления буржуазии. Н.А. Бердяев, комментируя учение В.И. Ленина о государстве, показывает ленинское понимание буржуазной демократии. Он, по существу, соглашается с В.И. Лениным в том, что буржуазная демократия не может эволюционировать к коммунизму, мешает осуществлению диктатуры пролетариата и является механизмом реализации политической воли буржуазии.

Первые фазы социалистического государства не могут дать свободу и равенство. В этот период будет государство диктатуры пролетариата, характеризующееся жестким насилием и неравенством.

Однако, по мнению философа, В.И. Ленин не предвидел возможности возникновения новых форм угнетения пролета-

[1] *Бердяев. Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма, с. 145.

риата в социалистическом государстве. Н.А. Бердяев, наблюдая за реальным социализмом в нашей стране, полагал, что в условиях диктатуры пролетариата усиливается государственная власть и, соответственно, бюрократия, которая может жестоко эксплуатировать народные массы. Он называет Россию страной государственного капитализма, в условиях которого правящая чиновничья коммунистическая элита, осознав возможности и привилегии, которые дает власть, будут использовать ее не как средство, а исключительно как цель. Н.А. Бердяев писал: «Советское государство стало таким же, как всякое деспотическое государство, оно действует теми же средствами, ложью и насилием. Это, прежде всего государство военно-полицейское. Его международная политика как две капли воды напоминает дипломатию буржуазных государств. Коммунистическая революция была оригинально русской, но чуда рождения новой жизни не произошло, ветхий Адам, остался и продолжает действовать, лишь трансформируя себя»[1].

Критикуя Советское государство, А.Н. Бердяев утверждал, что оно представляет собой тиранию, которой не еще было в современной истории. Созданный в системе государственного принуждения орган ГПУ (Главное политическое управление) является организацией, осуществляющей политические репрессии. Эта структура более тиранична, чем институт жандармов царского режима.

Советское государство осуществляет диктатуру во всех сферах жизни общества, в том числе и в духовной. Он подчеркивал уникальность созданной в СССР политической системы: «Русское коммунистическое государство есть единственный сейчас в мире тип тоталитарного государства, основанного на диктатуре миросозерцания, на ортодоксальной доктрине обязательной для всего народа. Коммунизм в России принял форму крайнего этатизма, охватывающего железными тисками жизнь огромной страны, и это к сожалению вполне согласно со старыми традициями русской государственности»[2].

Н.А. Бердяев неоднократно проводил сравнение и находил сходство созданного большевиками социалистического государства со старым Московским царством. и империей. Важнейшая роль в развитии и функционировании указанных государств принадлежала силовой составляющей, однако для су-

[1] *Бердяев. Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма, с. 149.
[2] Там же, с. 166.

ществования государства этого недостаточно и Московское царство широко использовало православную религию в укреплении государственности. Большевики, отрицая религию и осознавая, что нельзя подчинить рабоче-крестьянские массы только силой оружия стали использовать вместо религии адаптированный к российским условиям марксизм.

В последующем Н.А. Бердяев оценил создание советского государства как воспроизведение Российского государства времен Ивана Грозного. В этой связи О.В. Гаман-Голутвина пишет: «Бердяев был убежден, что советское государство представляет собой трансформацию идеи Ивана Грозного, что это новая форма старой гипертрофии государства. Русский коммунизм более традиционен, чем обычно думают. Он есть трансформация и деформация старой русской мессианской идеи».

О.В. Гаман-Голутвина также считает, что подобную позицию в основном разделяли Г.П. Федотов, А.В. Бобрищев-Пушкин, Л.П. Карсавин и евразийцы: «Если Троцкий делал упор на разрушительные задачи революции, то в содержании сталинской революции, в восприятии Бердяева и Федотова, не только не было разрывов с прошлым, но, по существу, и это очень интересная версия, она означала возвращение к традиционной модели российских модернизаций. В начале 1930-х годов в России − СССР произошло возвратное историческое движение. Причем имел место возврат не в эпоху императорской России, а в период Московского царства»[1].

В основе экономического развития социалистического общества лежит деятельность государства, которое вырабатывает и осуществляет комплекс необходимых для этого мероприятий. Государство использует не только энтузиазм народных масс, поэзию, мистику, мифотворчество, но и государственный террор. В этот период народ находится в крепостной зависимости от государства.

При осуществлении пятилетних планов, по мнению Н.А. Бердяева, высшей ценностью признаются не интересы рабочих, а укрепление могущества самого государства, его силы и экономической мощи. Он сравнивал деятельность И.В. Сталина по укреплению государства с деятельностью Петра Великого. Кроме того, любая власть должна стремиться к укреп-

[1] *Гаман-Голутвина О.В.* Творческое наследие Н.А. Бердяева и диалектика русской политической истории. Альманах «Тетради по консерватизму», 2014, № 2(1), с. 42-46.

лению государства, иначе она может пасть. Н.А. Бердяев писал: «Сталин – государственник восточного, азиатского типа. Сталинизм, т.е. коммунизм периода строительства, перерождается незаметно в своеобразный русский фашизм. Ему присущи все особенности фашизма: тоталитарное государство, государственный капитализм, национализм, вождизм и, как базис, – милитаризованная молодежь. Ленин не был еще диктатором в современном смысле слова. Сталин уже вождь-диктатор в современном, фашистском смысле»[1].

В годы Великой Отечественной войны, по мнению многих представителей философии Русского зарубежья, Н.А. Бердяев давал позитивные оценки Советскому Союзу, перестал сравнивать его с фашистскими государствами, подвергая критике тоталитарный характер социалистического государства, видел в нем единственную прогрессивную силу, способную организовать народ для защиты своей страны и уничтожить германский фашизм.

[1] *Бердяев. Н.А.* Истоки и смысл русского коммунизма, с. 171.

УДК 316.2
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517729

С.Л. ЕВЕНКО
доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии ФГКВОУ ВО «Военный университет» МО РФ

А.Ф. ЩЕГЛОВ
кандидат философских наук, доцент, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин ФГКВОУ ВО «Омский филиал ВА МТО им. А.В. Хрулева» МО РФ*

Трансформация научных категорий военной социологии: от «моральной упругости войск» до «морально-политического состояния»

В статье проведен анализ научных подходов к определению сущности и содержания базовых категорий военной социологии: «моральная упругость войск» и «морально-политическое состояние». Определены содержательные изменения научных категорий военной социологии в процессе развития военной организации российского общества.

Ключевые слова: *«моральная упругость войск» и «морально-политическое состояние», воинский коллектив, военнослужащий.*

S.L. EVENKO
Doctor of Psychology, Professor, Head of the Department of Sociology, Federal University for Higher Education «Military University» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

* Евенко Сергей Леонидович, e-mail: slevenko@yandex.ru;
Щеглов Александр Федорович, e-mail: a_scheglov31@mail.ru

A.F. SHCHEGLOV
Candidate of philosophy, associate Professor, Senior Lecturer of the Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Federal University for Higher Education «The Military Academy of Logistic Support named after the General of the Army A.V. Khrulyov» of the Ministry of Defense of the Russian Federation

Transformation of scientific categories of military sociology: from «moral elasticity of troops» to «moral and political state»

The article analyzes scientific approaches to determining the essence and content of the basic categories of military sociology «moral elasticity of troops» and «moral and political state». Significant changes in the scientific categories of military sociology in the development of the military organization of Russian society are identified.

Keywords: *«moral elasticity of troops» and «moral and political state», military personnel, military personnel.*

С древних времен военных полководцев и государственных деятелей интересовали вопросы не только ведения войн, военных компаний, реализации своих геополитических целей, но и «цены», которую готовы заплатить властвующие комбатанты за свой успех. Так, известное с античных времен понятие «пиррова победа», означало одержание верха над врагом, цена которого была соизмеримой с потерями собственного войска[1]. И сегодня готовность победить, в том числе, – внутренняя готовность воинов оказать решительное сопротивление противнику, является мощным ресурсом достижения успеха в условиях ведения войн и военных конфликтов.

Безусловно, цена победы в бою или военной компании содержит, наряду с материальной, и духовно-моральную компоненту. Такое моральное качество, как храбрость («средневзвешенное» между трусостью и безрассудством, а, следовательно, – моральное), в Античности, например, считалось неотъемлемой частью нравственной составляющей личности

[1] См.: *Казаров С.С.* Еще раз о «Пирровой победе» // Вопросы истории, 2003, № 8, с. 147-148.

воина, наряду с мастерством и профессионализмом. И сегодня внутренняя готовность воинов победить, оказать решительное сопротивление противнику является мощным ресурсом достижения успеха в условиях ведения войн и военных конфликтов. Впоследствии это стало выражаться термином «духовная сторона войны», введенным в научный оборот отечественными военачальниками, публицистами и учеными, такими как А.А. Брусилов, П.Н. Краснов, М.О. Меньшиков, Н.Н. Головин[1].

Одним из первых научное обоснование духовной категории, обеспечивающей победу над врагом, осуществил Николай Николаевич Головин – военачальник и ученый-исследователь военного дела, профессор Николаевской академии Генерального штаба. Обобщая, в силу своих служебных обязанностей, сводки с фронта, он обратил внимание на то, что отдельные воинские формирования, несмотря на существенные «кровавые потери» (выбывшие из строя раненые и убитые, до 25% военнослужащих), могли вести боевые действия и оказывать серьезное сопротивление противнику[2]. Такая способность, по мнению офицера, формировалась благодаря доминированию в мотивационной структуре воина идеи победить над желанием сохранить жизнь. Головин считал, что соотношение выделенных мотивов характеризует тенденцию военнослужащего оказывать сопротивление врагу и является показателем моральной упругости войск.

Выделенная социально-психологическая основа моральной упругости войск накладывала определенные диагностические трудности на процесс изучения духовного фактора достижения победы. Несмотря на это обстоятельство, ученый выделил пять объективных признаков данного явления: а) «заболеваемость войск» (число симулянтов и членовредителей); б) самовольное оставление части; в) число бежавших из плена; г) содержание солдатских писем; д) процент «кровавых потерь»)[3].

---

[1] См.: *Родачин В.М.* Духовная сторона войны: понятие, содержание в условиях Первой мировой войны 1914-1918 годов / Общество, государство, право, 2014, № 4 // URL: https://www.elibrary.ru/download/elibrary_28299091_88748299.pdf (дата обращения: 01.05.2020).

[2] См.: *Головин Н.Н.* Наука о войне: О социологическом изучении войны. М.: АСТ Астрель, 2008. − 248 с.

[3] См.: там же, с. 122-125.

Под заболеваемостью войск имелись ввиду не только больные, раненые и погибшие, что, безусловно, влияет на общее настроение армии, а также, что немаловажно для оценки морального духа, членовредители и иные симулянты. Однако, одни санитарные потери – это, хоть и серьёзная, но, все же, не определяющая причина, влияющая на моральные настроения войск. Количество военнослужащих, бежавших из плена, по мнению Головина, характеризует присутствие духа солдат и офицеров, совершивших столь дерзкий и опасный поступок. В годы первой мировой войны такой акт даже отмечался почётными нашивками на форме одежды и являлся иногда фактором назначения отличившего воина на вышестоящую должность.

Дезертирство – один из самых ярких показателей моральной упругости и стойкости солдат в бою. Вернее, сам акт дезертирства может считаться следствием падения боевого духа. Однако, здесь необходимо отметить, что цифры, характеризующие самовольное оставление поля боя, как правило, не предаются широкой огласке.

Наиболее объективным показателем морального состояния войск является процент кровавых потерь. Изучая большие этнические группы, военный теоретик приходит к выводу о том, что для различных национальных общностей, например, итальянских военнослужащих, предел моральной упругости наступает при 5% кровавых потерь, тогда как для казачьих подразделений уровень этого показателя не снижался при 90% потерь в личном составе. Исследователь при этом эмпирически обосновал, что в целом для российских войск упомянутый показатель доходил до 40%[1].

Изучая процесс формирования стойкости в бою, обозначенной Н.Н. Головиным как «моральная упругость войск», посредством развития дисциплинированности у военнослужащих, следует отметить, что развитие этого важного морального качества возлагалась прежде всего на командиров подразделений и частей, а воспитание патриотических убеждений, мужества, храбрости, взаимопомощи – на военное духовенство[2].

---

[1] См.: там же, с. 128-132.

[2] См.: Российское законодательство X-XX вв.: В 9 т. Законодательство периода становления абсолютизма / Отв. ред. А.Г. Маньков. М., Юридическая литература, 1986, т. 4.

Обращение к человеческому фактору как базовому условию успешности ведения боевых действий нашло свое отражение и в нормативно-правовых актах партийно-государственного руководства Советской России. Так, в административно-служебный оборот армии вводится относительно новая категория − «моральный дух личного состава», которая агрегирует в себе устойчивые идейные убеждения военнослужащего, уровень его политической сознательности и степень профессионализма субъекта вооруженной борьбы[1].

Следует отметить, что органы государственного управления Советской России не только придавали важность учета человеческого фактора на войне, но и создали отдельные организационные структуры военных комиссаров, которые на практике формировали морально-политический дух бойцов Красной армии[2].

Опыт применения института военных комиссаров имеется также и в армиях иностранных государств, однако комиссары там вводились однократно, и, как правило, во время революций (переворотов) или гражданских войн[3].

Органичное переплетение нравственного фактора и психологической готовности вести боевые действия актуализировали разработку такого показателя, как морально-психологическое состояние военнослужащих. Его оценка велась органами воспитательной работы в соответствии методикой, которую разработал Научно-исследовательский центр (социологический) МО РФ[4].

Формированием морально-психологического состояния военнослужащих успешно занимались воспитательные структуры ВС РФ. Высокий уровень дисциплинированности военнослужащих, сплоченность воинских коллективов, внутренняя го-

---

[1] См.: *Ефремов В.Я.* Концепция морального духа армии в видении партийно-государственного руководства Советской России в годы Гражданской войны и ее нормативно правовое оформление. Самара: Ас Гард, 2009, с. 25-35.

[2] См.: Приказ Наркомвоена о создании Всероссийского бюро военных комиссаров. 8 апреля 1918 г. // ЦГАСА, ф. 1, оп. 1, д. 93, л. 95.

[3] См.: *Маякова Л.В.* Комиссары духа / Независимое военное обозрение, 15.04.2009.

[4] См.: *Арзамаскин Ю.Н.* Система морально-психологического обеспечения в Вооруженных Силах Российской Федерации: Учеб. пособ. для слушателей и курсантов военно-учебных заведений Министерства обороны Российской Федерации / [Арзамаскин Ю.Н. и др.]; МО РФ, Гл. упр. воспитательной работы Вооруженных Сил Российской Федерации. Москва: ГУВР ВС РФ, 2005. − 469 с.

товность личного состава к исполнению служебно-боевых задач стали основными направлениями их работы.

Значительная потребность в формировании воина-государственника, человека, который готов с оружием в руках защищать целостность и суверенитет страны, стабильность государственного механизма, обозначили необходимость учета не только морально-психологического состояния военнослужащих, но и политического фактора, связанного с отношением к существующему государственному строю. Такая потребность сподвигла органы государственного и военного руководства интегрировать в практику военного управления новое понятие – морально-политическое и психологическое состояние военнослужащих. Учет идеологической мотивации военнослужащих при выполнении профессиональных обязанностей военной службы значительно расширяет человеческий фактор, мобилизующий личный состав на борьбу с врагом[1].

Научно-исследовательский центр (социологический) МО РФ разработал методику оценки морально-политического и психологического состояние военнослужащих. Основными содержательными характеристиками морально-политического и психологического состояния военнослужащих являются: а) лояльность; б) мотивация; в) готовность; г) профессионализм; д) коллективизм; е) поддержка; ж) удовлетворенность[2].

Таким образом, категория «моральная упругость войск», введенная в научный оборот Н.Н. Головиным, закономерно получила своё свое дальнейшее развитие в понятии «морально-политическое и психологическое состояние». Сравнительный анализ категорий «моральная упругость войск» и «морально-политическое и психологическое состояние» свидетельствует об их определённой схожести. При этом, следует заметить, что современная трактовка морально-политического и психологического состояния существенно дополняется такими новыми содержательными характеристиками как психологичность (мотивация и удовлетворенность) и патриотичность (лояльность).

---

[1] См.: Приказ Министра обороны РФ от 22.06.2019 N 404 «Об организации военно-политической работы в Вооруженных Силах Российской Федерации».

[2] См.: *Певень Л.В.* Методические рекомендации по организации социологического сопровождения мероприятий политического и морально-психологического обеспечения войск (сил) в условиях ведения боевых действий за пределами Российской Федерации / Под ред. Певеня Л.В. М.: Военный университет, 2018. − 23 с.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517730

И.Ю. ЛЕБЕДЕВ
кандидат философских наук, доцент
ИГСУ РАНХиГС*

Е.И. ЛЕБЕДЕВА
аспирант кафедры социологии и психологии политики факультета политологии
МГУ имени М.В. Ломоносова**

Австрия как медиатор отношений между ЕС и Россией

Австрийская республика является политическим субъектом в международных отношениях и осуществляет долгосрочное влияние на глобальные политические процессы с момента образования и по настоящее время. Обозначены фундаментальные основания феномена политической и экономической субъектности Австрии. Выявлены особенности историко-политического контекста формирования австрийской внешней политики в отношении ЕС и России, его эволюции на современном этапе. Раскрыты причины и последствия выбора Австрией нейтрального курса во внешней политике, а также его влияние на процесс принятия решений не только внутри самой страны, но и в Европейском союзе.

Ключевые слова: *Австрия, нейтралитет, международные отношения, медиатор, ЕС, Россия.*

I.Yu. LEBEDEV
PhD in Philosophy, Associate Professor, IGSU RANEPA,

E.I. LEBEDEVA
Postgraduate student of the Department of Sociology and Psychology of Politics, Faculty of Political Science, Moscow State University named after M.V. Lomonosov

* Лебедев Игорь Юрьевич, e-mail: lebedev-iy@ranepa.ru
** Лебедева Екатерина Игоревна, e-mail: bingobol@yandex.ru

Austria as a mediator of relations between the EU and Russia

The Republic of Austria is a political entity in international relations and exercises a long-term influence on global political processes from the moment of its formation to the present. The fundamental foundations of the phenomenon of political and economic subjectivity of Austria are outlined. The features of the historical and political context of the formation of the Austrian foreign policy towards the EU and Russia, its evolution at the present stage are revealed. The reasons and consequences of Austria's choice of a neutral course in foreign policy, as well as its impact on the decision-making process not only within the country itself, but also in the European Union, are revealed.

Keywords: *Austria, neutrality, international relations, mediator, EU, Russia.*

Австрия – сердце Западной Европы, страна с богатой историей искусств и выдающимся вкладом во все сферы европейской культуры, являлась участницей политических и военных коллизий истории XX в. На протяжении длительного времени Австрийская республика находилась на стыке интересов великих держав.

Австрия являлась центром Австро-Венгерской империи[1]. События начала XX в., поражение в Первой мировой войне, спад в экономике, политическая турбулентность послужили причиной прекращения существования Австро-Венгерской империи, многонациональной державы, в начале XX в. Сопоставимой по мощи с Германией и Россией. Так, после нескольких столетий правления Габсбургская монархия, одна из самых могущественных династий Европы на протяжении Средневековья и Нового времени, распалась и осенью 1918 г. Австрия была провозглашена самостоятельным независимым государством[2]. Австрийская республика, правопреемник Австро-Венгерской монархии, была образована как федеративное

[1] *Воцелка К.* История Австрии: культура, общество, политика / Пер. с нем.: В.А. Брун-Цеховой, О.И. Величко, В.Н. Ковалев. М.: Весь Мир, 2007; *Куковицкая Е.И.* Австрия: путь от империи к республике // Власть, 2008, № 6. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avstriya-put-ot-imperii-k-respublike (дата обращения: 29.06.2021).

[2] Collier's Encyclopedia. URL: http://niv.ru/doc/encyclopedia/collier/articles/31/avstriya.htm (дата обращения: 20.05.2021).

государство[1] и состояла из девяти земель: Нижней и Верхней Австрии, Каринтии, Штирии, Зальцбурга, Бургенланда, Форарльберга, Тироля и Вены[2].

Политика государства реализуется в разнообразных стратегических установках, опираясь на основания субъектности[3]. Образование Австрийской республики, ее интеграция в политические блоки, экономические сообщества осуществляется на устойчивых ментальных основаниях, модификация или разрушение которых ведет к потере ими политической субъектности[4]. В современной политической психологии в качестве методологического инструмента анализа и прогнозирования деятельности государств применяется концепт субъекта[5]. Истоки принципа субъектности восходят к античной философии, еще древнегреческий мыслитель Сократ определил принцип субъектности как нацеленность человеческого бытия на самого себя[6].

Австрийская республика временно утратила субъектность после 1938 г., когда произошло присоединение к Германии[7]. Аншлюс превратил ее в немецкий тыл, она стала источником сырья, военного производства, человеческих ресурсов, а также золотых резервов[8]. И только после поражения гитлеровской Германии во Второй мировой войне она смогла восста-

---

[1] *Елингер Т.* Австрийский опыт федерализма // Текст выступления на конференции «Европейский федерализм и Россия: опыт прошлого и настоящего», 30-31 октября 2000 г. в Москве. URL: http://www.ieras.ru/journal/journal1.2001/9.htm (дата обращения: 01.07.2021).

[2] Конституция Австрийской Республики. Спб., 2002.

[3] *Ракитянский Н.М.* Догматические основания англо-американской ментальной экспансии (психолого-политический анализ) // Актуальные проблемы современной политической психологии, М.: РИОР, 2010, с. 89-110.

[4] *Ракитянский Н.М.* Русские исламисты как политико-психологическая реальность // Вестник СПбГУ, Серия 16, 2015, Вып. 3, с. 70-82.

[5] *Гомеров И.Н.* Политическая субъектность в структуре политических отношений: теория и российские реалии. Новосибирск: Новосиб. гос. ун-т., 2011.

[6] *Ракитянский Н.М.* Концепт и принцип субъектности в политико-психологических исследованиях // Российская политическая наука: истоки, традиции и перспективы: Материалы Всероссийской научной конференции (с международным участием). М.: РИЦ МГГУ им. М.А. Шолохова, 2014, с. 408-410.

[7] *Наумов А.Ю.* Аншлюс Австрии в 1938 году как кризис Версальской системы // Новая и новейшая история, 2006, № 6, с. 56-72.

[8] *Акольянц А.С.* Аншлюс Австрии его последствия // Интерэкспо Гео-Сибирь, 2019. URL: https://cyberleninka.ru/article/n/anshlyus-avstrii-ego-posledstviya (дата обращения: 20.07.2021).

новиться и вновь обрести государственную целостность, а также статус «великой державы»[1].

Во второй половине XX в. Австрия становится суверенной[2], когда СССР, США, Великобритания и Франция, подписывают в 1955 г. Государственный договор и выводят войска с ее территории[3]. Великие державы взяли на себя обязательство уважать независимость и территориальную целостность Австрии[4]. Подчеркнем, что получивший политико-юридическое оформление в 1955 г. статус постоянного нейтралитета Австрии является заметным и своеобразным элементом системы международной безопасности в Европе и мире[5].

Нейтралитет и самобытная австрийская политическая субъектность формировались на основе природно-генетических ресурсов, культурно-исторического потенциала и укоренялись в течение нескольких десятилетий.

Сегодня Австрия имеет уникальный опыт с выгодой для себя контролировать политическое поведение различных политических субъектов на мировой арене[6]. Австрийский нейтралитет, как результат послевоенного урегулирования австрийского вопроса, оказал позитивное воздействие не только на само государство[7], но и на развитие Европейский стран в период выхода из острой фазы конфронтации[8]. Австрия играет роль медиатора в примирении между враждующими сторонами, что проявилось во время ее посредничества для зак-

---

[1] *Чернышов С.Н.* Партийная система Австрии // Вопросы политологии, 2013, № 1, с. 163.

[2] Государственный Договор о восстановлении независимой и демократической Австрии (Вена, 15 мая 1955 г.) URL: http://www.lostart.ru/ru/documents/detail.php?ID=920 (дата обращения: 15.07.2021).

[3] *Иванов А.Г.* Аннексия Австрии третьим рейхом и дипломатия Великобритании // Голос минувшего. Кубанский исторический журнал, Краснодар, 2014, № 3, с. 186-207.

[4] *Achtamsjan A.A.* Die Sowjetunion und Osterreich in der Zeit der Vorbereitung und des Abschlusses des Staatsvertrages (1945-1955) // Österreich und Sowjetunion. Wien, 1984, s. 131-144.

[5] *Кружков В.А.* Постоянный нейтралитет Австрии: становление, трансформация и перспективы: автореф. Дисс. канд. ист. наук. М., 2009.

[6] *Ракитянский Н.М.* Категории сознания и менталитета в контексте феномена политической полиментальности // Политическая психология: Хрестоматия / Сост. Е.Б. Шестопал. 4-е изд. М., 2018, с. 30-50.

[7] *Максимычев И.Ф.* 50 лет испытания нейтралитетом. В Австрии не прекращаются дискуссии о статусе страны // Дипкурьер, М., 2005.

[8] Круглый стол в редакции журнала «Международная жизнь» на тему «15 мая 1955 года. Государственный договор: Австрия независима и нейтральна» // Международная жизнь, 2005, № 6, с. 127-155.

лючения ядерной сделки с Ираном, а также поддержания диалога по решению кризиса в Сирии[1].

Кроме того, после обретения независимости Австрийская республика стала членом ООН, Совета Европы, Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ), а в Вене разместили свои штаб-квартиры и отделения ООН, ОБСЕ, ОПЕК и МАГАТЭ[2]. В 1995 г. Австрия вступила в Евросоюз, что привнесло необходимость координации принципов национального суверенитета и принципов ЕС.

Интеграционное объединение на высоких стадиях своего развития, в соответствии с теорией Бэла Баласса и практикой построения ЕС, предполагает охват внутренней, внешней политики государства, а также многих сфер общественной жизни: экономики, права, экологии, миграцию рабочей силы, науку, образование и иные сферы[3]. Формируются общие органы и нормативна база. Все эти необходимые требования интеграции во многом противоречили основным принципам, на основе которых формировалась Австрийская республика. Потребовалось приложить достаточно усилий, как со стороны структур ЕС и особенно со стороны Австрии для нахождения приемлемых форм взаимодействия в рамках ЕС. По сути, интеграция на высокой стадии предполагает отказ от значительной части национального суверенитета и делегирование его структурам ЕС, что предполагается в ключевых интеграционных теориях федерализма и неофункционализма.

Несмотря на принципы ЕС, Австрия традиционно старается проводить самостоятельную политику и сохранять во многих ситуацию нейтралитет. Это выразилось в позиции Австрии по отношению к миграционной политике ЕС, к договору о свободной торговле между ЕС и МЕРКОСУР, вето на который наложил парламент Австрии, и иные действия. В апреле 2021 года Австрия, вопреки позиции ключевых стран ЕС, заявила о готовности закупить один миллион доз вакцины Спутник V у

---

[1] *Емельянов А.И.* Особенности формирования и реализации современной внешней политики Австрии // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки, 2019, № 1(834). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/osobennosti-formirovaniya-i-realizatsii-sovremennoy-vneshney-politiki-avstrii (дата обращения: 12.03.2021).

[2] *Максимычев И.Ф.* Австрия: опыт нейтралитета // Современная Европа, 2006, №3(27). URL: https://cyberleninka.ru/article/n/avstriya-opyt-neytraliteta (дата обращения: 10.07.2021).

[3] *Balassa B*. The Theory of Economic Integration. London.G. Allen & Unwin Ltd. – 1961.

России[1]. Это говорит о том, что Австрия готова мирно урегулировать проблемы, используя soft-power для достижения своих целей. Она стремится разделять свои отношения с разными странами, держаться в стороне от любых противостояний и поддерживать контакты с широким кругом партнеров.

Как было отмечено в Докладе дискуссионного клуба «Валдай» в мае 2017 г., страны ЕС испытывают ряд кризисов: кризис лидерства и солидарности, комплексный экономический кризис, иммиграционный кризис и терроризм, кризис легитимности[2], все эти проблемы проявили себя в той или иной степени и в Австрийской республике.

Преодоление части кризисных проблем Австрия может найти во взаимодействии с рядом стран, не входящих в ЕС, но являющихся потенциальными партнёрами, таковыми могут стать страны ЕАЭС и Россия, в частности. Австрия может поддерживать и развивать политические и экономические контакты с Россией, опираясь на взаимные интересы, а также схожие взгляды по ряду вопросов международной политики.

Австрия является крупным покупателем российских энергоносителей, выступала за строительство «Северного потока-2»[3], австрийские инвестиции активно используются в экономики России, такие компании как Starbag, Raiffeisen Bank, филиалы Siemens и германских автоконцернов давно присутствуют на российском рынке. Но, несмотря на достаточно активные политические и экономические связи, Австрия традиционно голосует за продление антироссийских санкций[4], что отражает двойственность, как внутренней, так и внешней политики страны по отношению к России. Учитывая санкционное давление со стороны организационных структур ЕС на Россию и усиливающуюся конфрантационность, Россия во взаимодействии со странами Европы старается руководствоваться принципом субсидиарности, при котором каждую проблему следует рассматривать на должном для неё уровне, пытаясь переложить основную часть торгово-экономических соглашений с ЕС на институты ЕАЭС.

---

[1] URL: https://www.bbc.com/russian/features-56675724 (дата обращения: 25.07.2021).

[2] URL: https://ru.valdaiclub.com/files/15749/ (дата обращения: 03.07.2021).

[3] URL: https://1prime.ru/gas/20210604/833855252.html (дата обращения: 29.06.2021).

[4] URL: https://ria.ru/20210419/sanktsii-1728988072.html (дата обращения: 25.07.2021).

Важнейшей частью взаимодействия со странами Европы могут стать отдельные диалоги по важным двусторонним вопросам с отдельными странами ЕС. Контур взаимодействия России смещается от центра ЕС (брюссельской бюрократии) к отдельным странам Европы и в данных условиях Австрийская республика является возможным партнёром России и ЕАЭС.

Ограниченный геополитический потенциал Австрийской республики и уникальность австрийского опыта развития проявляются в перманентном поиске постоянства в условиях виражей мировой политики и вопреки политическим потрясениям и радикальным переменам[1]. Благодаря политическому нейтралитету небольшая по территориальному охвату центральноевропейская Австрийская республика старается принимать независимые решения, являясь гарантом безопасности и стабильности. Однако поддержание в рамках ЕС условно декларируемого нейтрального статуса будет во многом зависеть от соотношения внутриполитических сил, как в Австрии, так и положения в Европе и мире.

Австрия, стремясь поддерживать нейтралитет и суверенность, определённую договорами о ЕС, может активизировать взаимоотношения с Россией с взаимовыгодной целью, в различных областях экономического и политического сотрудничества. Основой взаимодействия стран во многом является самобытная австрийская политическая субъектность, которая формировались на основе природно-генетических ресурсов, культурно-исторического потенциала и укоренялись в течение нескольких десятилетий. Австрия имеет уникальный опыт с выгодой для себя контролировать политическое поведение различных политических субъектов на мировой арене и находить компромиссные решения, как во внутреннеполитической, так и во внешнеполитической деятельности. Россия крайне заинтересована в дальнейшем развитии взаимовыгодного сотрудничества с Австрией, как в интересах обеих стран, так и в целях решения ряда геополитических проблем.

[1] *Menasse R.* Das Land ohne Eigenschaften. Wien, 1993, s. 21.

УДК: 328.3
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517731

А.В. ЗИМИН
кандидат политических наук, доцент, профессор кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина*

А.А. АБРОСИМОВ
студент кафедры международных отношений и политологии Тамбовского государственного университета имени Г.Р. Державина**

Тамбовская областная дума: этапы становления и перспективы развития

В статье рассматриваются основные этапы становления Тамбовской областной Думы I-VI созывов. Ключевое значение уделяется дееспособности представителей региональной парламентской элиты Тамбовской области в контексте внутриполитических вызовов и угроз. В работе фокусируется внимание на выполнении народными избранниками законодательной функции, подводятся итоги деятельности депутатского корпуса.

Ключевые слова: *Тамбовская областная Дума, региональная парламентская элита, Устав Тамбовской области, законотворческая деятельность, общественное мнение.*

A.V. ZIMIN
Candidate of Political Sciences, Associate Professor, Professor of the Department of International Relations and Political Science of Tambov State University named after G.R. Derzhavin

A.A. ABROSIMOV
Student of the Department of International Relations and Political Science of Tambov State University named after G.R. Derzhavin

* Зимин Александр Васильевич, e-mail: zimin-1964@yandex.ru

** Абросимов Александр Алексеевич, e-mail: alexabr541@gmail.com

Tambov Regional Duma: Stages of formation and prospects of development

This article discusses the main stages of the formation of the Tambov Regional Duma of the I-VI convocations. The key importance is given to the capacity of representatives of the regional parliamentary elite of the Tambov region in the context of domestic political challenges and threats. The paper focuses on the performance of legislative function by people`s deputies, summarizes the results of the activities of the deputy corps.

Key words: *Tambov Regional Duma, regional parliamentary elite, Charter of the Tambov region, legislative activity, public opinion.*

Проблема становления парламентаризма в Тамбовской области не стала предметом системного изучения региональными политологами. В основном рассматривались отдельные аспекты деятельности народных избранников, как правило, связанные с выборной проблематикой. Так, в частности, Д.Г. Сельцер и А.В. Соколов[1] исследовали расстановку партийно-политических сил в Тамбовской областной Думе VI созыва по итогам выборов 18 сентября 2016 г. в сравнении с предыдущими созывами. А.В. Зимин и М.В. Шитиков[2] по итогам прошедшего в 2016 г. голосования серьёзное внимание уделяли ключевым факторам, повлиявшим на ротацию региональной парламентской элиты, в том числе, запросу на новые лица.

В настоящей работе авторы пытаются ответить на вопросы, без которых трудно представить становление регионального парламентаризма. Как политическая борьба в Тамбовской областной Думе на различных этапах её становления повлияла на качество законотворческого процесса? Каким образом региональная парламентская элита реагирует на внутриполитические вызовы и угрозы? Каковы особенности взаимодействия депутатского корпуса с областной администрацией? Каких успехов достигли народные избранники за более чем четвертьвековой период деятельности?

---

[1] *Сельцер Д.Г., Соколов А.В.* Выборы депутатов Тамбовской областной Думы – 2016: партийно-политический аспект // Pro nunc. Современные политические процессы, 2016, № 1(16), с. 93-101.

[2] *Зимин А.В., Шитиков М.В.* Ротация парламентской элиты Тамбовской области (по итогам выборов – 2016) // Pro nunc. Современные политические процессы, 2016, № 1(16), с. 59-68.

Тамбовская областная Дума I-VI созывов

Созывы Тамбовской областной Думы	Избирательная система	Кол-во депутатов	Принято законов
I созыв (1994-1997)	мажоритарная	30	147
II созыв (1997-2001)	мажоритарная	50	173
III созыв (2001-2005)	мажоритарная	50	ок. 200
IV созыв (2005-2011)	смешанная	50	ок. 250
V созыв (2011-2016)	смешанная	50	ок. 288
VI созыв (2016-2021)	смешанная	50	520

Этапы становления Тамбовской областной Думы хронологически совпадают с выборами нового состава депутатского корпуса. На работу народных избранников негативным образом повлияли трагические события осени 1993 г. Первое пленарное заседание состоялось 22 апреля 1994 г., на котором было избрано руководство, в том числе председатель – А.И. Рябов, представлявший КПРФ, два его заместителя, а также сформированы четыре депутатские комиссии. В декабре 1995 г. Рябов сложил депутатские полномочия в связи с избранием главой администрации области. В январе 1996 г. возглавил парламент В.Н. Карев, который на протяжении четырёх созывов занимал эту должность.

На пленарных заседаниях разгоралась ожесточённая борьба между представителями лево-патриотических сил и сторонниками радикальных экономических преобразований. Такое противостояние не способствовало эффективной работе парламентариев. Одним из важнейших вопросов первого состава депутатского корпуса стала разработка Устава Тамбовской области и других нормативно-правовых актов. Наибольшие сложности вызвали вопросы, связанные со сферой компетенции руководства областной администрации и регионального парламента. Сторонники КПРФ в рабочей группе бескомпромиссно стремились к широким контрольным полномочиям за деятельностью областной администрации (назначение заместителей губернатора, начальников управлений и городских

судей). Подобные требования не соответствовали Конституции РФ, потому не были закреплены в Уставе Тамбовской области. В результате важнейшие назначения на соответствующие посты в исполнительной власти глава администрации производит в порядке консультаций с депутатским корпусом. В конечном итоговом документе региональная исполнительная власть подотчётна законодательной власти по вопросам исполнения бюджета[1]. Принятие Устава позволило приступить к работе по формированию региональной нормативно-правовой базы. За короткий срок приняты важнейшие законотворческие решения, связанные с выборами губернатора, статусом депутата представительного органа власти, деятельностью местного самоуправления и др.

Работа парламентариев осложнялось системным кризисом, характерным как в целом для страны, так и региона: в экономике наблюдался спад, нарастали неплатежи, областной бюджет в значительной своей части формировался на основе взаимозачетов. Кроме того, депутаты столкнулись с ситуацией правового вакуума, когда федеральное законодательство во многом не соответствовало нормам и принципам принятой Конституции. Поэтому регулирование большого блока правовых вопросов выпало на долю региональных законодателей.

17 декабря 1997 г. прошли выборы в Тамбовскую областную Думу II созыва. Количество народных избранников увеличилось с 30 до 50, что, по мнению разработчиков, способно придать работе парламентариев более конструктивный характер. Новый состав депутатского корпуса принял нормативновые акты, касающиеся государственной поддержки предприятий лёгкой и текстильной промышленности, развития газификации, регулирования земельных отношений. Однако сохраняющееся противоборство между сторонниками и противниками радикальных реформ по-прежнему осложняло работу законодательного органа. Парламентарии своими решениями способствовали стабилизации социально-экономической ситуации и в целом заметному улучшению положения особенно работников бюджетной сферы.

Выборы в Тамбовскую областную Думу III и последующих созывов проходили в условиях доминирования в региональ-

[1] Устав Тамбовской области. – URL: https://constitution.garant.ru/region/ustav_tambov/ (дата обращения: 24.07.2021)

ном политическом процессе «Единой России». Значительному росту доверия к партии власти в региональном парламенте способствовало избрание В.В. Путина Президентом РФ. Кроме того, заметным ослаблением позиции левых стало поражение Рябова на губернаторских выборах в 1999 г.

Ключевым направлением деятельности парламента стала сфера межбюджетных отношений. В 1990-е гг. главный финансовый документ принимался в напряженной обстановке. По мнению оппозиции, размер дефицита областного бюджета был очень высок, что стало одной из причин падения жизненного уровня. Депутаты приняли законы, направленные на развитие и укрепление здравоохранения, в том числе началась реализация программ «Безопасное материнство» и «Дети Тамбовщины», способствовавшие росту рождаемости.

Тамбовская областная Дума IV созыва основное внимание уделяла реализации национальных и региональных проектов таких, как «Молодёжи – доступное жильё», «Здоровье», «О мерах по поддержке многодетных семей» и др. Первостепенное значение придавалось мероприятиям, направленным на повышение социально-экономического развития, в том числе сохранение и восстановление плодородия почв и агроландшафтов области. Народные избранники проводили парламентские слушания по различным вопросам. Так, например, весной 2006 г. в г. Мичуринске проходили обсуждения на тему «О ходе реализации приоритетного национального проекта «Здоровье» в Тамбовской области». Кроме того, народные избранники серьёзное внимание уделяли работе по увековечению памяти тамбовчан, погибших на фронтах Великой Отечественной войны.

В 2011 г. начал работу депутатский корпус Тамбовской областной Думы V созыва, председателем которой был избран А.В. Никитин («Единая Россия»), а экс-спикер В.Н. Карев стал первым заместителем. В мае 2015 г. Никитин сложил депутатские полномочия в связи с назначением временно исполняющим обязанности главы областной администрации, а впоследствии был избран на этот пост. На внеочередном пленарном заседании в декабре 2015 г. председателем избрали Е.А. Матушкина.

Одним из приоритетных направлений деятельности парламентариев стало программа «Реализация национального проекта по развитию агропромышленного комплекса в Тамбовской области», в рамках которой значительное внимание

уделялось развитию животноводства. На заседаниях регионального парламента активно обсуждались такие проблемы, как «Молодёжи – доступное жильё», «О мерах по поддержке многодетных семей», «Развитие и поддержка семейных форм устройства детей, нуждающихся в государственной защите» и др. По инициативе фракции «Единая Россия» была организована работа социального поезда «Забота», в рамках которого предоставлялась медицинская и социальная помощь жителям отдалённых сёл и деревень. Депутатами была продолжена работа по увековечению памяти тамбовчан, погибших в годы Великой Отечественной войны, в том числе воздвигнуты десятки мемориальных комплексов в городах и районах области.

Наибольшее количество законов депутатами Тамбовской областной Думы VI созыва (председателем которой переизбран Е.А. Матушкин («Единая Россия»)) было достигнуто за счёт успешного взаимодействия с областной администрацией и муниципальными образованиями. Из прежнего состава только 17 депутатам удалось остаться в парламенте, а 33 избирались в первый раз. Основной костяк «депутатов-новобранцев» составляли поколение молодых политиков, в том числе заместитель председателя И.Г. Тен, И.В. Антипкин, С.В. Хаустов и др.

Депутаты серьёзное внимание уделили приведению регионального законодательства в соответствии с федеральным, разработке новой системы управления муниципалитетами, в том числе был утверждён порядок избрания глав городов и районов представительными органами местного самоуправления[1]. Народные избранники также занимались вопросами межпарламентского сотрудничества, в том числе были подписаны соглашение с Думой Ставропольского края и Законодательным Собранием г. Севастополя.

Приоритетным направлением деятельности народных избранников стал главный финансовый документ региона. Так, в частности областной бюджет прошедшего 2020 г. был направлен на реализацию национальных проектов, в рамках которых расходы на социальную политику возросли и составили 13,1 млрд рублей. Депутаты серьёзное внимание уделяли промышленному производству как одному из стратегических приоритетов развития региональной экономики. Только за 2020 г.

[1] *Мордовин С.В.* Тамбовская областная Дума. 25 лет. Тамбов: Издательский дом «Мичуринск», 2019. – 220 с.

было создано и модернизировано 426 новых высокопроизводительных рабочих мест. В области аграрной политики парламентарии работали над решением вопросов обеспечения продовольственной безопасности. Большое внимание уделялось строительству крупных животноводческих комплексов, полному обеспечению овощами и фруктами, созданию дополнительных рабочих мест для тружеников села.

Ряд законодательных мер были направлены на поддержку социально уязвимых слоёв общества, в том числе детям-сиротам, ветеранам, многодетным семьям, пенсионерам. Депутаты в своей работе значительное внимание уделяли мерам социальной поддержки тружеников тыла, ветеранов труда, лицам, приравненным к жертвам политических репрессий. Таким гражданам предусмотрена компенсация расходов в размере 50% суммы платы за жилое помещение. Кроме того, был принят закон, направленный на дополнительные гарантии для детей-сирот и детей, оставшихся без попечения родителей. Важнейшее значение уделялось социальной поддержке многодетных семей, в том числе частичная оплата комплекта школьной формы и другие формы материальной поддержки.

Однако региональному парламенту нынешнего состава, в том числе депутатам фракции «Единая Россия», пришлось поддержать проведение пенсионной реформы. Шесть оппозиционных депутатов в лице КПРФ, ЛДПР, «Справедливой России», «Родины» подвергли жесткой критике данное решение и не смогли повлиять на исход голосования.

Общественное мнение является важнейшим индикатором измерения доверия населения к народным избранникам. Авторами настоящего исследования был проведен социологический опрос путём метода анкетирования. Выборочная совокупность составила 270 человек и проектировалась в зависимости от пола, возраста и профессии, т.е. исходя из социально-демографического состава населения Тамбовской области. Социологический опрос проводился с 25 сентября 2019 г. по 25 ноября 2019 г, в Тамбове, Моршанске, Уварово, а также проведён в Жердевском, Мичуринском, Первомайском, Токарёвском районах. Только 36% населения проинформированы о деятельности депутатов Тамбовской областной Думы VI созыва; 24% респондентов обращались со своими проблемами за помощью к парламентариям; 23% – считают главными качествами кандидата «профессионализм»; 22% – «честность», 19% – «справедливость».

Совсем немного (18%) – связывают возрождение Тамбовской области с деятельностью депутатского корпуса.

На наш взгляд, под влиянием внешних и внутренних факторов произошло снижение жизненного уровня как россиян в целом, так и тамбовчан. Поэтому неслучайно граждане хотят видеть во власти профессиональных специалистов, способных принимать оперативно ключевые решения. Кроме того, следует обратить внимание на невысокий уровень культуры парламентаризма населения г. Тамбова, поскольку только 25% осведомлены о деятельности региональных парламентариев[1]. В целом необходимо отметить, что культура парламентаризма в Тамбовской области окончательно еще не сформировалась, и ее установление возможно только на пути политического просвещения, более глубокого усвоения демократических традиций и ценностей.

***

Таким образом, депутаты Тамбовской областной Думы внесли заметный вклад в историю регионального парламентаризма. Народные избранники активно взаимодействовали с областной администрацией и муниципальными образованиями, смогли обеспечить устойчивое социально-экономическое развитие в условиях нарастающих вызовов и угроз. Однако многие проблемы, стоящие перед парламентской элитой, остаются нерешёнными такие, как сохраняющийся дотационный характер региональной экономики, сложное положение в промышленности, ухудшающаяся демографическая ситуация, особенно в сельской местности. Данное обстоятельство отрицательно влияет на восприятие образа народного избранника в массовом сознании. Кроме того, находясь в поисках постоянного заработка, граждане все меньший интерес проявляют к политике, что приводит к росту нигилизма, аполитичности, снижению доверия к институтам власти. Поэтому необходимо проводить просветительскую работу, более подробно освещая законотворческую деятельность парламентариев.

Необходимо отметить ряд тезисов, весьма актуальных для определения перспектив развития регионального парламентаризма. Во-первых, Тамбовская областная Дума состоялась как дееспособный законодательный (представительный) ор-

[1] *Зимин А.В.* Культура парламентаризма населения г. Тамбова: Опыт политико-социологического исследования // Вестник Тамбовского университета. Сер. Гуманитарные науки, 2014, Вып. 11, с. 34-38.

ган власти. Во-вторых, жёсткая конфронтация между «партией власти» и оппозицией не всегда идёт на пользу тамбовчанам. В-третьих, народные избранники обязаны более активно заниматься контрольной функцией за деятельностью исполнительной власти, в том числе следить за исполнением бюджета, а не быть только «проводниками воли губернатора». В-четвёртых, парламентаризм возможен только в тех условиях, в которых ценности демократии укоренились как в деятельности депутатского корпуса, так и массового сознания. В-пятых, тамбовчане рассчитывают видеть профессиональных, честных и справедливых парламентариев, достойных представлять и отстаивать их интересы на самом высоком уровне.

УДК – 374
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517732

Д.Г. БУКИН
магистрант кафедры педагогики и психологии профессионального образования имени академика РАО В.А. Сластенина Института педагогики и психологии МПГУ*

Информальное образование как область трансдисциплинарных исследований

В статье предложено новое определение информального образования как области трансдисциплинарных исследований, рассмотрены возрастные особенности мышления и восприятия информации, найдены ограничения на формализацию информации. Данные ограничения позволяют не парадоксально рассматривать информальное образование как дисциплину для исследований, с одной стороны, и как методы получения новых знаний и решения практических задач, с другой.

Ключевые слова: *информальное образование, трансдисциплинарность, постнеклассическая методология, цифровизация.*

D.G. BUKIN
Master's student of the Department of Pedagogy and Psychology of Vocational Education named after Academician V.A. Slastenin of the Institute of Pedagogy and Psychology of Moscow State Pedagogical University

Informal education as an area of transdisciplinary research

The article proposes a new definition of informal education as an area of transdisciplinary research, age-related characteristics of thinking and

* Букин Дмитрий Георгиевич, e-mail: dg.bukin.sci@gmail.com.

perception of information were considered, restrictions on the formalization of information were found. These restrictions allows consider informal education as a discipline for research avoiding paradox, on the one hand, and as methods of obtaining new knowledge and solving practical problems, on the other.

Keywords: *informal education, transdisciplinarity, post-nonclassical methodology, digitalization*

Быстрое развитие технологий и преобразования экономики приводят к росту требований к компетенциям человека. Чтобы соответствовать происходящим изменениям необходимо постоянно актуализировать знания и учиться решать возникающие проблемы. В связи с этим всё чаще обращаются к концепции образования в течении всей жизни (lifelong learning) и необходимости развития экономики талантов.

Система формального образования не всегда успевает за новыми требованиями к компетенциям и зачастую направлена на обучение стандартным навыкам. В этой связи возрастает роль других типов образования таких, как неформальное и информальное.

Формальное образование – систематизированная и структурированная форма обучения, определяемая государственными нормами и стандартами. По окончанию выдается документ государственного образца. Примеры: школы, колледжи, техникумы, институты и университеты.

Неформальное образование – организованная учебная деятельность вне системы формального образования. Примеры: учебные центры, онлайн курсы, курсы повышения профессиональной подготовки.

Информальное образование – самостоятельная учебная деятельность, проходящая вне формального и неформального образования. Оно не подтверждается дипломами, сертификатами и другими документами государственного и институционального образца. Примеры информального образования: самообучение, участие в круглых столах, молодежных организациях и общественных движениях. К ним также можно отнести взаимное обучение, получение знаний из СМИ, книг и иных информационных источников, передача опыта от более опытного наставника, самообразование для решения практических задач и другие виды.

Каждому виду образования можно сопоставить соответствующую методологию. В классической методологии[1] все элементарные высказывания независимы, что соответствует формальному образованию. В неклассической и постнеклассической методологии найдутся пары высказываний, которые связаны между собой на основании обращения к их содержанию. Для постнеклассической концепции также обязательным элементом является наличие субъекта, “открывающего новое из себя” и проявляющего результат открытия для других (процесс самотрансценденции). Неформальное образование необходимо рассматривать в контексте неклассической, а информальное − на основе постнеклассической методологии.

Информальное образование зачастую предполагает решение практических задач в деятельности. Исходно, сами задачи могут быть отнесены к различным дисциплинам и, в силу этого, для их решения необходим междисциплинарный подход. Из необходимости нахождения связей между дисциплинами и деятельностью следует применение трансдисциплинарного подхода к информальному образования.

Таким образом проведенное рассмотрение предполагает использование нового понимания “информального образования” как области трансдисциплинарных исследований на основе деятельности и учебных дисциплин.

Будем исходить из того, что дисциплина задается следующими характеристиками: объект, предмет, методы, принципы, результаты; а деятельность – объект, предмет, субъект, среда, контент, результаты.

Основываясь на данном понимании, для решения практических задач субъекту информального образования необходимо использовать анализ на метауровне в случае дисциплины и на метауровне − в деятельности и, далее, уже на мета-метауровне объединить их в новый (искомый) трансдисциплинарный объект, т.е. завершить процесс самотрансценденции.

Аналогично тому, как в формальном образовании необходимо учитывать возраст и когнитивный уровень развития субъекта, так и в информальном − мышление и восприятие субъекта меняется в зависимости от его когнитивного уровня. На начальной стадии развития ребенок воспринимает мир че-

[1] *Меськов В.С., Зискин К.Е., Сабанина Н.Р.* Введение в матетику. В 2-х книгах // Научно-методологическое издание, М.: РУСАЙНС, 2018, Кн. 1.

рез ощущения. Позднее он способен воспринимать объекты уже как единую совокупность свойств и состояний. Дальнейшее развитие актуализирует способность формировать представление[1] об объекте на основе актов ощущения и восприятия при помощи памяти или воображения без непосредственного взаимодействия с самим объектом. “Представление” в этом случае – это результат собственной когнитивной деятельности субъекта. Возможность воспринимать сведения и понятия появляется на более поздних этапах и требует специальных компетенций. Компетенция – это метахарактеристика отношений между субъектом и видом деятельности.

Для восприятия сведений и понятий субъекту необходимо обладать информационными компетенциями. В постнеклассической методологии к фундаментальным информационным компетенциям относятся способность (готовность, мотивация) к порождению, трансформации и утилизации инфообъектов[2].

Ярчайшим примером анализа проблемы “перехода от чувств к суждениям” в преподавании математики является исследование великого русского ученого Ивана Николаевича Лобачевского в при жизненно неизданной рукописи “Наставления учителям математики в гимназиях”[3]. Дело в том, что на самом высоком уровне мышления субъект создает истинностные оценки, что также относится к когнитивной деятельности. Таким образом, для каждого возраста, обучающегося необходимо формировать сведения, знания и компетенции на соответствующем уровне.

Всё больше сведений сейчас доступны в интернете и на других цифровых носителях, развиваются государственные программы по переходу к “цифровой экономике”, но значит ли это, что уже сейчас или в ближайшем будущем мы будем обладать необходимым набором сведений для решения любой практической задачи?

Процесс перехода к “цифровой экономике” принято называть цифровизацией, которая является, по нашему представлению, частным случаем формализации. Зафиксируем этапы формализации следующим образом: конструирование нового

---

[1] *Рубцова В.Л.* Психолого-педагогический анализ категории «представление». Теория и методология: проблемы, тенденции, 2007.

[2] *Меськов В.С., Мамченко А.А.* Когнитивно-компетентностная парадигма образования. Школьные технологии, 2011, № 3.

[3] *Лобачевский Н.И.* Наставления учителям математики в гимназиях. АН СССР. Труды института истории естествознания. 1948, т. 2, с. 554-560.

объекта; создание формализованного языка (включающего алфавит, правила образования, правила преобразования и семантику). Сегодня хорошо известно, что, используя средства алгебры логики, любое высказывание можно перевести на язык понятный ПК, осуществив тем самым цифровизацию. Представляется, что перед нами открываются безграничные возможности, которые она может дать. Так ли это?

Еще в 1900 г. Давид Гильберт, решая проблемы парадоксальности наивной теории множеств, провозгласил цель аксиоматизировать всю математику (арифметику). Для завершения решения этой задачи оставалось доказать непротиворечивость и логическую полноту арифметики натуральных чисел. В 1930 году Курт Гёдель представил доказательство своей теоремы, которая утверждает, что если формальная арифметика непротиворечива, то в ней найдется невыводимая и неопровержимая формула – неразрешимое предложение, что делало цель Гильберта недостижимой. Согласно теореме А. Тарского понятие арифметической истины не может быть выражено средствами самой арифметики. Метатеорема В.С. Меськова говорит о неполноте и непополнимости до полной любой квантово-механической теории, основывающейся на каком-либо из ограничительных принципов[1].

Аналогичные результаты были получены для квантовой физики. В соответствии с принципом неопределенности В. Гейзенберга, чем точнее измеряется одна из парных характеристик частицы, тем менее точно возможно измерить вторую. Согласно принципу дополнительности Н. Бора для полного описания квантово-механических явлений необходимо применять два взаимоисключающих («дополнительных») набора классических понятий, совокупность которых даёт исчерпывающую возможную информацию об этих явлениях как о целостных.

Сформулируем это положение дел на языке логики: найдутся пары утверждений, которые в классической концепции могут быть одновременно истинными или одновременно ложными, в случае дополнительности, если одно из них «И» или «Л», то второе – «Н» – неопределённо, и наоборот, если одно из них «Н», то второе – «И» или «Л».

---

[1] *Меськов В.С.* Квантовая логика: логико-метатеоретические и логико-методологические проблемы: Дисс. д-ра философ. наук в форме научного доклада./ МГУ. М., 1991.

Основываясь на указанных теоремах, мы приходим к выводу, что невозможно, претендуя на полноту формализовать все сведения, находясь на объектном уровне системы. Чтобы создать полное, непротиворечивое и разрешимое описание на метауровне нужно создавать новые объекты (метаобъекты) и строить метамодели, замещая ими модели на объектном уровне.

Итак, проблемы могут быть решенными, не решенными и неразрешимыми, формализуемыми и неформализуемыми на объектном уровне. При этом, осуществляя переход на метауровень, могут быть формализованы все сведения, что ведет, возможно, к потере информации на объектном уровне для исходных объектов. Более того, представляется, что вполне уместно обосновать предположение, что на метауровне возникнут новые неразрешимые проблемы.

УДК 327.7
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517733

М.С. ЯРИНА
аспирант факультета «Высшая школа культурной политики и управления в гуманитарной сфере» МГУ имени М.В. Ломоносова*

Спорт вне политики? К вопросу о роли МОК в организации олимпийского движения

В статье рассматривается роль МОК в организации олимпийского движения как с учетом его роли в качестве координатора спортивного движения, так и в рамках современного поля мировой политики. В этом контексте показываются возможности и ограничения, накладываемые политическими отношениями на деятельность данной организации, описываются исторические и актуальные аспекты и противоречия осуществления МОК своих спортивных и миротворческих функций.

Ключевые слова: *мировое политическое пространство, олимпийское движение, МОК, национальные олимпийские комитеты, Олимпийская Хартия.*

M.S. YARINA
Postgraduate Student of the Faculty of Higher School of Cultural Policy and Management in the Humanitarian Sphere, Lomonosov Moscow State University

Is sport out of politics? On the question of the role of the IOC in organizing the Olympic movement

The article examines the role of the IOC in organizing the Olympic movement, both taking into account its role as a coordinator of the sports movement, and within the framework of the modern field pf world politics. In this context, the possibilities and restrictions imposed by political relations on the activities of this organization are shown, historical and current

* Ярина Мария Сергеевна, e-mail: maria.yarina@mail.ru

aspects and contradictions in the implementation of the IOC`s sports and peacekeeping functions are described.

Key words: *world political space, Olympic movement, IOC, national Olympic committees, Olympic Charter.*

Сегодняшняя стадия глобализации и транснационализации экономических и политических отношений с их высокой конкуренцией, рисками и пандемическими угрозами, активизацией радикальных группировок и многими другими опасностями не только сказывается на позиционировании различных государств, но и оказывает неоднозначное влияние на деятельность международных неправительственных организаций, вынужденных по-своему реагировать на идущие трансформации. В этом контексте особая роль принадлежит Международному олимпийскому комитету (далее-МОК), возглавляющему мировое олимпийское движение и по природе своей призванному объединять страны и их народы в области спорта.

Опыт показал, что с момента своего создания и по сегодняшний день олимпийское движение неуклонно увеличивает свое влияние в сфере международных отношений. В основе деятельности МОК всегда лежала Олимпийская Хартия, выполняющая не просто функцию устава Организации, но и закрепляющую принципы и ценности олимпийского движения, его историческую миссию[1]. В этом смысле особое значение имеет правило 50 Главы 5 Олимпийской хартии, гласящее, что «на олимпийских объектах и других местах проведения соревнований запрещается любая политическая, религиозная или расовая пропаганда», способная нанести моральный ущерб участникам соревнований или дискриминировать спортсменов, представляющих разные страны и цивилизаци[2]. Одним словом, принципы, заложенные в Олимпийской Хартии, однозначно свидетельствуют, что формат деятельности МОК должен быть выстроен по принципу «спорт вне политики»[3]. Согласно идеям основоположника современного олимпийского движения Пьера де Кубертена, Олимпийские игры – это соревнова-

[1] Олимпийская хартия (в действии с 26.06.2019) [Электронный ресурс]. URL: https://olympic.ru/wp-content/uploads/2021/06/charter-26.06.2019-rus.pdf (дата обращения 02.07.2021)

[2] Politics and the Olympics [Электронный ресурс]. URL: https://www.theguardian.com/politics/politicspast/page/ (дата обращения: 04.07.2021)

[3] *Боголюбова Н.М., Николаева Ю.В*. Спорт и политика: истоки политизации Олимпийских игр // Клио, 2012, № 1, с. 49-49.

ния среди спортсменов, а не среди стран или социально-экономических систем[1].

Стоит, однако, отметить, что современный мир представляет собой весьма политизированное образование. Так что, наряду с нормами международного и национального права, нравственными максимами и традициями, которым руководствуются люди и правительства различных государств, неизбежным компонентом мировой нормативной среды выступают и политические цели, и ценности. Причем, природа политического регулирования значительно шире официальных и легальных методов регулирования человеческих и институциональных отношений.

Неслучайно, как полагают специалисты, современный спорт – особенно спорт высших достижений − подвержен тотальной политизации, в силу чего и Олимпийские Игры не могут ограничиваться акционизмом отдельных участников,[2] а МОК испытывает постоянные риски политической зависимости. История дала целый ряд убедительных фактов, когда МОК то принимал решения, навязываемые крупными державами и ему приходилось отклоняться от политики нейтралитета, защищая позиции одной из противоборствующих сторон, то действовал, невзирая на стороннее давление в соответствии со своими принципами.

В этой связи можно вспомнить события, произошедшие в преддверии Игр VII Олимпиады 1920 г. в Антверпене, когда МОК бойкотировал участие в спортивных мероприятиях немецких спортсменов, мотивировав это развязыванием Германией Первой мировой войны. На той же Олимпиаде МОК объявил бойкот и российским спортсменам, обосновав свое решение тем, что страна отказалась от принятия на себя финансовых обязательств Российской Империи.[3] Показательным примером служат и Игры XI Олимпиады 1936г. в Берлине, которым предшествовала широкая общественная дискуссия, в которой американская и французская стороны выступали за перенос Игр из Германии в другое государство, считая недо-

---

[1] *Coubertin P.D.* Les sports et la colonisation, Essais de Psyholoqie Sportive. Librairie Payot, Lausanne et Paris, 1913, c. 234

[2] *Готовцев И.И., Цветков С.А., Иванов В.Д.* Олимпийское движение: коррективы парадигмы // Ученые записки университета им. ПФ Лесгафта, 2010, № 10(68).

[3] *Теппер Ю.* Олимпийские метаморфозы // Отечественные записки, 2006, № 33, с. 6.

пустимым проведение олимпиады в тоталитарном и расистском Рейхе[1]. Однако МОК не согласился с такой позицией и Олимпиада прошла в запланированном режиме, без эксцессов, причем, сборные западных стран присутствовали на ней в полном составе. Показательным примером являются и Игры XXII Олимпиады 1980 г. в Москве, частично бойкотированные сообществом западных стран, протестовавших таким образом против ввода советских войск в Афганистан в 1979 г. В этом случае мир столкнулся не только с жесткими запретами правительства США по отношению к собственным спортсменам, но и с давлением этого государства на другие страны с требованием присоединиться к этому бойкоту.[2] Тем не менее, руководство основных стран-союзниц США по Североатлантическому альянсу (Великобритании, Франции, Италии, Испании) не было столь категоричным и позволило своим НОКам самостоятельно принимать решения, которые в результате были согласованы в соответствии с позицией МОК.[3] В итоге спортсмены из большинства западных стран смогли принять участие в соревнованиях, хотя и выступали на Играх под олимпийским флагом. Впрочем, и СССР тоже прибегал к тактике бойкота Олимпийских игр по своим политическим соображениям.

Коротко говоря, в результате политических демаршей отдельных стран, Игры не раз утрачивали свой масштаб, подвергались дискредитации или были в шаге от срыва. Характерно, что и МОК также вносил собственный «вклад» в мероприятия по минимизации значения Игр, в частности, инициируя бойкот для отдельных национальных сборных, тем самым, отступая от заявляемых в Олимпийской Хартии принципов аполитичности. И такая тактика МОК оказывала пагубное влияние на все олимпийское движение, создавая опасные прецеденты для нарушения своих базовых принципов.

Еще Пьер де Кубертен, хотя и преследовал цель в укреплении взаимопонимания между странами и преодолении национальных предрассудков ради укрепления мира с помощью спортивных мероприятий беспрецедентного масштаба, одно-

---

[1] *Теппер Ю.* История олимпийских бойкотов // Второй, идеологический – Свобода, 2008, т. 16, ч. 1.

[2] *Espy R.* The politics of the Olympic Games: with an epilogue, 1976-1980. Univ of California Press, 1981.

[3] *Левин Е.А.* Спорт как субъект политики на примере олимпийского движения, футбола и шахмат, 2016.

временно видел в Играх и национальную, подчас, весьма прагматическую составляющую. По его мнению, Игры должны были укрепить национальное величие Франции и в то же время развить физическую культуру внутри страны[1]. Таким образом, уже в момент своего зарождения в олимпийском движении закладывалось противоречие между международными и национально-ориентированными целями этих всемирных соревнований. И до сих пор любая страна-хозяйка очередных Олимпийских игр имеет возможность использовать их проведение для повышения своего политического влияния в мире, укрепления имиджа, расширения международных контактов, заключения необходимых соглашений и даже интенсификации деловых и коммерческих связей. И на эту цель, как отмечают иностранные эксперты в области олимпийских игр, работают и достижения их спортсменов, и организация спортивных мероприятий[2]. Как справедливо полагают специалисты, в современных реалиях олимпийские рекорды и победы рассматриваются не как личные достижения спортсмена, а как способ повышения престижа государств[3].

Как можно видеть, МОК на протяжении всей своей деятельности пытается – когда удачно, а когда не очень – решать задачу оптимального сочетания всеобщих и национальных целей, адекватно реагировать на вызовы и риски, на деле воплощать принципы Хартии. В то же время сочетание двух приоритетов своей деятельности предопределило и возникновение у него новых диспозиций в мировом поле политики. В частности, МОК рассматривает организуемые им спортивные соревнования, поездки своих функционеров, проводимые под его эгидой мероприятия не просто в качестве условия своей институциональной деятельности, а во многом уже в виде источника публичной дипломатии, повышающей сплоченность мирового спортивного сообщества и укрепляющей доверие между государствами и народами. В то же время нарастающая популярность Игр увеличивает источники политизации деятельности любых структур, прямо или косвенно связанных с их проведением и организацией.

---

[1] *Игнатченко И.В*. Пьер де Кубертен и возрождение Олимпийских игр в XIX в. // Шаги / Steps, 2018, т. 4, №. 2.

[2] *Bittnerová A*. The Olympic Games as a Political Tool: Case Study Beijing 2008: Дисс.Masarykova univerzita, Fakulta sociálních studií, 2014, с. 37-42.

[3] *Кыласов А.В.* Окольцованный спорт. Истоки и смысл современного олимпизма, 2010.

Создавшееся положение означает более высокий уровень политизации деятельности МОК, оказывающегося под перекрестным давлением крупных игроков и ресурсных центров, что способно отразиться на интересах олимпийского движения в мире. В этом контексте интересной представляется точка зрения зарубежных экспертов в области олимпийского движения, которые отмечают, что выбор столиц очередной Олимпиады, выборы Президента МОК и даже пересмотр перечня спортивных дисциплин, представленных на Играх (что становится ареной противоборства НОКов, за которыми стоят их правительства, где развиты или, напротив, находятся в забвении, соответствующие виды спорта), обретают дополнительный политический характер[1].

Одним словом, можно констатировать, что МОК, с одной стороны, не может выйти за рамки влияния реальных политических отношений, игнорируя позиции крупных международных и геополитических игроков, а с другой, должен неукоснительно следовать принципам Олимпийской Хартии. Не случайно, многие специалисты полагают, что в настоящее время существуют определенные риски, что более политизированная и ангажированная позиция МОК приведет к тому, что Олимпийская Хартия будет постепенно утрачивать свою конституционную силу, приобретая все более символический характер.

В качестве примеров такой политизации, как отмечают ряд специалистов, рассматривается использование на Олимпийских играх системы командного медального зачета по страновому признаку, что, строго говоря, противоречит основным постулатам Хартии. То же самое сторонники этой позиции говорят и о процедуре подъема флагов победителей и призеров, а также о традиции исполнения (в ходе церемонии награждения) гимнов государств, чьи спортсмены оказались на пьедестале[2]. При этом отметим, что достижения спортсменов на крупнейших международных соревнованиях становятся мощным инструментом формирования национальной идентичности и укрепления внутренней солидарности государства и общества.

И все же, как сделать так, чтобы принципы Хартии стали абсолютно доминирующими принципами деятельности МОК?

---

[1] *Toohey K., Veal A.J.* The Olympic Games: A social science perspective. Cabi, 2007.

[2] *Кругликк И.И.* Международное олимпийское движение в ракурсе кризиса Олимпийской идеи // Здоровье для всех, 2019, № 2.

Если говорить более взвешенно, то можно констатировать, что МОК вполне адекватно оценивает динамику мировых политических и международных отношений. Сегодня, на фоне глобальных кризисов в лозунг проведения Олимпийских игр внесено существенное изменение: в традиционный манифест Игр «Быстрее, Выше, Сильнее» решением МОК добавлено слово «Вместе»[1]. Нельзя не заметить и того, что МОК совместно с международными спортивными федерациями и WADA занимает принципиальную позицию по отношению к проявлению расизма на спортивных аренах, использованию допинга, коррупционным сделкам с участием своих функционеров и т.д. Это показывает, что МОК вполне осознает свою миссию, стремится реагировать на современные вызовы.

При этом нельзя не видеть, что МОК иногда использует в своих интересах определенные силы, желающие превратить спортивные соревнования лучших атлетов планеты в инструмент диффамации отдельных государств и их лидеров, нанести им моральный ущерб, снизить репутационный капитал.

Думается, у МОК, как у организационного центра, координирующего органа олимпийского движения, есть необходимый потенциал для укрепления своих позиций, как в мире спорта, так и в политическом пространстве. И главным источником его осуществления является развитие сотрудничества с международными организациями, спортивными федерациями и фондами, со всеми – государственными и негосударственными − участниками этого широчайшего процесса для выработки решений во благо развития мирового спорта и поддержания всеобщего мира. Поэтому МОК нужно в своих контактах со всеми заинтересованными сторонами, а уверенно руководствоваться ценностями и принципами олимпийского движения и идеалами Олимпийской Хартии.

[1] Девиз Олимпийских игр официально изменен. [Электронный ресурс]. URL: https://www.sport-express.ru/olympics/tokyo2020/news/deviz-olimpiyskih-igr-oficialno-izmenen-1813789 (дата обращения: 25.07.2021)

УДК: 321.01
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517734

А.И. ФИЛЯЕВА
аспирант кафедры сравнительной политологии факультета политологии МГУ им. М.В. Ломоносова, преподаватель кафедры гуманитарных дисциплин факультета «Liberal Arts College» ИОН РАНХиГС при Президенте РФ*

Консоциативный и интегративный подходы к урегулированию межэтнических конфликтов: развитие в исследованиях 1990-х–2010-х годов

Консоционализм и интеграционализм являются наиболее известными из современных подходов к урегулированию межэтнических конфликтов. В статье анализируются отличия соответствующих данных подходам «классических» моделей институционального дизайна 1970-х-1980-х гг. от моделей в работах, опубликованных в 1990-х-2010-х гг.

Ключевые слова: *межэтнический конфликт, институциональный дизайн, разделение властей, консоциативный подход, интегративный подход.*

A.I. FILYAEVA
Postgraduate student of the Department of Comparative Politics of Faculty of Political Science of the M.V. Lomonosov Moscow State University, lecturer of the Department of Humanitarian Sciences of Faculty «Liberal Arts College» of Institute for Social Sciences of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

* Филяева Алина Игоревна, e-mail: Alinf95@mail.ru

Consociational and Integrative Approaches to Settlement of Interethnic Conflicts: Development in Research of 1990s – 2010s

Consociationalism and integrationism are the most famous of the modern approaches to the settlement of interethnic conflicts. The article analyzes the differences of the "classical" models of institutional design of the 1970s – 1980s from the models in the works published in the 1990s – 2010s.

Keywords: *ethnic conflict, institutional design, power-sharing, consociational approach, integrative approach.*

Межэтнические конфликты являются серьезной угрозой благополучию как современного мира в целом, так и отдельных государств в частности. Полиэтничность, «многосоставность» современных государств, в большинстве которых сосуществуют представители различных рас, религий, культур и пр., делает актуальным вопрос не только о том, как разрешать межэтнические конфликты в таких «многосоставных», «разделенных» обществах, но и предотвращать эскалацию таких конфликтов, в особенности – посредством определенного институционального дизайна.

Основное различие концепций институционального урегулирования межэтнических конфликтов, наиболее часто выделяемое в научной литературе, представлено в дискуссии наиболее известных подходов – консоциативного и интегративного, начавшейся в 1970-х – 1980-х гг. и обычно связываемой с публикацией в 1977 г. книги Аренда Лейпхарта «Демократия в многосоставных сообществах»[1] и публикацией в 1985 г. работы Дональда Горовица «Этнические группы в состоянии конфликта»[2].

Консоциативная система Лейпхарта предполагает включенность всех основных «единиц» общества (этнических, религиозных и др. групп) в процесс принятия решений. Основным

[1] *Лейпхарт А.* Демократия в многосоставных обществах: сравнительное исследование / Пер. с англ. под ред. А.М. Салмина, Г.В.Каменский. М.: Аспект Пресс, 1997. − 287 с.

[2] *Horowitz D.L.* Ethnic groups in conflict. Berkeley and Los Angeles, California: University of California Press, 1985.− 697 p.

элементами консоциативной (сообщественной) демократии автор считает большую коалицию политических лидеров всех значимых сегментов многосоставного общества, культурную автономию этих сегментов, право взаимного вето и пропорциональность. Обеспечить успешное функционирование этих элементов, с точки зрения Лейпхарта, может система пропорционального представительства с голосованием по спискам, парламентская (или полупарламентская, при коллегиальном органе исполнительной власти) система правления и федеративное государственно-территориальное устройство.

Д. Горовиц, выступая не за представительство этнических групп, но за «стирание» их границ, поддерживает «рассеивание», распределение власти; создание стимулов для межэтнического сотрудничества; поощрение формирования спектра интересов, отличающихся от этнических, то есть формирования альтернативных социальных установок. Благоприятные для реализации такой политики условия включают, помимо поддержанной и Лейпхартом федеративной системы государственно-территориального устройства, систему альтернативного голосования и президентской системы власти.

Многие современные исследователи по-прежнему опираются на идеи Лейпхарта или Горовица. Так, Аллисон Маккуллох в работе «В поисках стабильности среди глубокого разделения: сравнительный анализ консоционализма и центрипетализма»[1] стремится доказать несостоятельность интегративного (центрипеталистского подхода) в сравнении с консоциативным. Исследователь приводит в качестве примера успешного функционирования консоциативной институциональной модели систему распределения власти в Северной Ирландии, установленную согласно условиям Белфастского соглашения. Консоциативный подход при анализе случая Бельгии использует Жоомарт Тынымбекович Ормонбеков, отмечающий необходимость обращения к данному подходу для наиболее полного и результативного рассмотрения ситуации в Бельгии[2]. Рут ван Дейк, также рассматривая данный пример, отмечает, что в целом консоциативная модель

---

[1] *McCulloch A*. Seeking stability amid deep division: consociationalism and centripetalism in comparative perspective. PhD thesis. Ontario: Queen's University Kingston, 2009. – 277 p.

[2] *Ормонбеков Ж.Т*. Многосоставные общества в федеративных политиях Бельгии и Швейцарии: сравнительный анализ: Дисс. канд. полит. наук / МГИМО (У) МИД РФ. М., 2007.

институционального устройства в Бельгии может считаться эффективной, а существующие проблемы могут быть разрешены путем проведения политики, направленной на поддержания взаимного уважения и взаимопонимания[1].

Интеграционисты в основном рассматривают случаи стран ЕС, чтобы продемонстрировать недостатки консоциативной модели урегулирования межэтнических конфликтов. Так, Энтони Обершалл и Кендалл Палмер, рассматривая институты распределения власти, установленные в Северной Ирландии в соответствии с условиями Белфастского соглашения 1998 г., в своей статье доказывают, что несмотря на то, что многие люди в Северной Ирландии благоприятно настроены на расширение сотрудничества и углубление интеграции между сообществами, выбор консоциативного институционального устройства означает, что в обозримом будущем межконфессиональная рознь, скорее всего, выйдет на первый план как в политических процессах в рамках институциональной системы, так и в отношениях между сообществами[2]. Пол Диксон в работе «Может ли консоциативная теория разрешить глобальный конфликт? От Голландии до Северной Ирландии и Ирака»[3] подвергает критике другой аспект рассмотрения Белфастского соглашения в качестве примера успешной реализации консоциативной модели: он утверждает, что установленная в Северной Ирландии институциональная система в принципе не является консоциативной.

Крис Дешувер критически относится к консоциативному устройству Бельгии[4]. Несмотря на то, что он признает, что у этой институциональной системы есть свои плюсы, по его мнению, жесткая институционализация идентичностей сообществ мало что сделала для того, чтобы разрешить разногласия между двумя основными сообществами. Вместо этого, как утверждает автор, тенденция продолжающейся деволю-

---

[1] *Ван Дейк Р.* Регионализм, федерализм и права меньшинств в Бельгии. [Электронный ресурс]. URL: http://poli.vub.ac.be/publi/etni-3/ruthvandyck.htm (дата обращения: 25.03.2019).

[2] *Oberchall A., Palmer L.K*. The Failure of Moderate Politics: The Case of Northern Ireland // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005, p. 77-91.

[3] *Dixon P*. Is consociational theory the answer to global conflict? From Netherlands to Ireland and Iraq // Politial studies review, 2011, vol. 9, p. 309-322.

[4] *Deschouwer K*. The Unintended Consequences of Consociational Federalism: The Case of Belgium // Power sharing: new challenges for divided societies / Eds. I. O'Flynn, D. Russell. London: Pluto Press, 2005, p. 92-106.

ции, которая характеризует современную бельгийскую политику, фактически означает, что в государстве нет реального политического центра и, соответственно, нет реального чувства бельгийской национальной идентичности. Таким образом, Дешувер отмечает недостатки реализации консоциативной модели на практике.

Таким образом, многие работы в целом представляют собой развитие идей, представленных еще в работах Горовица и Лейпхарта. Однако консоциативный и интегративный подход к анализу случаев урегулирования конфликтов в конкретных европейских государствах затрагивают различающиеся институты, изучают различающиеся особенности функционирования одних и тех же институтов, а также по-разному оценивают степени эффективности определенных институтов, оставляя пространство для критики и дальнейшего изучения институтов урегулирования межэтнических конфликтов. Данное пространство стремятся заполнить не только исследователи, работы которых представляют новые подходы (которые рассматриваются ниже), но и ученые, пытающиеся усовершенствовать консоциативный и интегративный подход. Для консоциативного подхода это, в первую очередь, Джон Макгэри и Брендан О'Лири, для интегративного – Бенджамин Рейлли[1] и Эндрю Рейнольдс.

Так, Макгэрри и О'Лири еще в 1993 и 1995 гг. отмечали, что консоциативные системы не всегда функционируют так, как ожидалось, даже в европейских демократических государствах. В качестве примера они рассматривали случай Северной Ирландии, где институты, соответствующие консоциативной модели, позволяли изменить форму проявления межэтнического антагонизма, но не устранить его. Поэтому в более поздних работах исследователи предлагают расширить число факторов, которым необходимо уделять внимание при рассмотрении конкретной конфликтной ситуации: так, они предлагают учитывать влияние внешних факторов на разрешение конфликтов[2]. Кроме того, Макгэри и О'Лири полагают, что при формировании правящей коалиции необходимо поощрять «любые

[1] *Reilly B*. Democracy in divided societies: electoral engineering for conflict management. Cambridge: Cambridge University Press, 2001. − 232 p.

[2] *McGarry J., O'Leary B*. Consociational theory, Northern Ireland's conflict, and its agreement. Part 1: What concociationalists can learn from Norther Ireland // Government and opposition, 2006, vol. 41, № 1, p. 43-63.

группы с отчетливой политической идентичностью, в том числе трансгруппового характера»[1].

Рейлли и Рейнольдс критикуют выбор Горовицем электоральной системы альтернативного голосования. Так, исследователи указывают, что демографическое распределение этнических групп в регионах порой приводит к тому, что в рамках отдельных одномандатных округов с доминирующей этнической группой объединения партий ради обмена предпочтениями не потребуется, и стимулов к компромиссу не будет[2].

Таким образом, изменения консоциативного и интегративного подходов оказываются незначительными: фундаментальные особенности данных подходов остаются неизменными.

[1] *Кудряшова И.В*. Как обустроить разделенные общества // Political science (RU), 2016, № 1, с. 15-33

[2] *Reilly B., Reynolds A*. Electoral Systems and Conflict in Divided Societies. Washington, D.C.: National Academy Press, 1999, p. 36.

УДК 314.748
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517735

А.А. СУББОТИН
аспирант кафедры демографии Высшей школы современных социальных наук (факультета) МГУ имени М.В. Ломоносова*

Масштабы миграции из России (на примере данных американской и российской статистики)

В статье исследуются масштабы эмиграции и трудовой миграции российских граждан за рубеж на основании сравнительного анализа официальных данных статистических служб США и РФ. Полученные результаты свидетельствуют о существенном недоучете отечественной статистикой уезжающих из России в США мигрантов, а также о высоком уровне квалификации выезжающих. Отмечается, что временная миграция может приобрести форму «утечки умов».

Ключевые слова: *эмиграция, трудовая миграция, миграционная статистика, утечка умов, интеллектуальная миграция, эмиграция из России.*

A.A. SUBBOTIN
PhD student at the Department of Demography at Higher School of Contemporary Social Sciences (Faculty) of Lomonosov Moscow State University

The scale of migration from Russia (based on American and Russian statistical data)

The article examines the scale of emigration and labour migration of Russian citizens based on comparative analysis of official data of the statistical services of the United States and the Russian Federation. The

* Субботин Александр Алексеевич, e-mail: aasubbotin@yahoo.com

results indicate a significant underestimation of the number of people leaving Russia to the United States by domestic statistics, as well as a high level of qualification of migrants. It is noted that temporary migration may turn into brain drain.

Keywords: *emigration, labour migration, migration statistics, brain drain, intellectual migration, emigration from Russia.*

Официальными источниками учета выбывших из России граждан являются данные Росстата и МВД РФ. При этом Федеральная служба государственной статистики получает информацию от МВД, куда она поступает из паспортных столов[1]. Учет выбывших на постоянное место жительства основан на снятии с регистрационного учета, что происходит далеко не всегда, или отказе от гражданства. Многие выбирают «жизнь на две страны», что не учитывается современной статистикой[2].

Поэтому рядом отечественных исследователей выдвигается гипотеза о расхождениях данных по миграции между российской официальной статистической информацией и сведениями стран, принимающих эмигрантов из России. Въезд мигрантов всегда более четко фиксируется страной назначения, чем выезд – страной происхождения. Это связано с тем, что государству важно знать, сколько реально людей проживает на его территории, чтобы более эффективно распределять бюджетные средства, планировать строительство социальных объектов и т.д. Так, С.В. Рязанцев и Е.Е. Письменная выявили существенные различия в сторону занижения объемов эмиграции российскими данными: по Испании сведения отличаются в 22 раза, по Франции – в 14 раз, по Германии – в 8 раз[3]. О.Д. Воробьева и А.А. Гребенюк пришли к выводу, что для получения реальных масштабов эмиграции российских граждан данные Росстата должны быть увеличены минимум в 3-4 раза[4].

---

[1] *Воробьева О.Д., Гребенюк А.А.* Эмиграция из России по данным отечественного статистического учета // Вопросы статистики, 2017, № 11, с. 44.

[2] *Воробьева О.Д., Гребенюк А.А.* Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России // Вопросы статистики, 2017, № 9, с. 22.

[3] *Рязанцев С.В., Письменная Е.Е.* Эмиграция ученых и высококвалифицированных специалистов из России: тенденции, последствия, государственная политика // Социология, 2016, № 4, с. 20.

[4] *Воробьева О.Д., Гребенюк А.А.* Сравнительный анализ отечественной и зарубежной статистической информации об эмиграции граждан России, с. 19.

Кроме того, исследователями отмечается, что на современном этапе развития миграционных процессов в России возникли новые формы эмиграции из России – трудовая, эпизодическая и др.[1]. Однако учет внешней трудовой миграции в России также обеспечивается МВД и основывается на информации, представляемой специализированными структурами, имеющими лицензию на осуществление деятельности, связанной с оказанием услуг по трудоустройству российских граждан за рубежом[2].

В связи с вышеупомянутыми особенностями статистического учета эмиграции и трудовой миграции из России для понимания реальных масштабов численности российских граждан за границей обратимся к зарубежной статистической информации. Ограничившись выбором США как одной из основных стран, масштабы эмиграции россиян в которые всегда оставались значительными[3], в данном исследовании мы проведем сравнительный анализ американских и российских данных по миграции. Ранее установлено, что в 1996-1998 гг. число российских иммигрантов в США по данным зарубежной статистики в 1.2-1.35 раз превышало число эмигрантов из России по официальным российским сведениям[4].

Согласно данным Управления иммиграционной статистики при Министерстве внутренней безопасности США, с 2000 по 2010 гг. эмиграционный поток из России в США сократился с 17,110 до 6,718 человек (в 2.5 раза), затем к 2019 г. увеличился до 9,822 человек (в 1.5 раза) (Таблица 1). За этот же период, согласно российской статистике, число эмигрантов сократилось в 3.4 раза (с 4,793 до 1,461 человека) и впоследствии стабилизировалось на уровне 1,500 человек. При этом на протяжении всего рассматриваемого периода времени росла доля эмигрантов, выехавших в США, но неучтенных в России. В 2019 г. этот показатель достиг максимума, сос-

[1] *Ионцев В.А., Рязанцев С.В., Ионцева С.*В. Новые тенденции и формы эмиграции из России // Экономика региона, 2016, т. 12, № 2, с. 504.

[2] Приказ Росстата от 31.03.2017 N 220 «Об утверждении статистического инструментария для организации Министерством внутренних дел Российской Федерации статистического наблюдения за внешней трудовой миграцией».

[3] *Ryazantsev S.V.* The modern Russian-speaking communities in the world: formation, assimilation and adaptation in Host Societies // Mediterranean Journal of Social Sciences, 2015, vol. 6, №. 3, p. 155.

[4] *Денисенко М.Б.* Эмиграция из России по данным зарубежной статистики // Мир России, 2010, т. 12, № 3, с. 168.

тавив 85.6% (и, возможно, оказался бы еще выше в 2020 г., если бы не пандемия коронавирусной инфекции), что свидетельствует о сохраняющейся тенденции увеличения недоучета по настоящее время.

Таблица 1

Сравнение данных американской и российской статистики по эмиграционным потокам из России в США в 2000-2019 гг.

	2000	2005	2010	2015	2016	2017	2018	2019
Данные Управления иммиграционной статистики США, человек	17110	18055	6718	8799	9297	8918	8621	9822
Данные Росстата, человек	4793	4040	1461	1610	1404	1452	1390	1414
Доля эмиграционного потока, не учитываемого Росстатом, %	72.0%	77.6%	78.3%	81.7%	84.9%	83.7%	83.9%	85.6%

Примечание: Данные Управления иммиграционной статистики США формируются на основе фискального (финансового) года, который не совпадает с календарным и длится с 1 октября по 30 сентября.

Составлено и рассчитано по United States. Department of Homeland Security. Yearbook of Immigration Statistics: 2000, 2005, 2010, 2015, 2017, 2019. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2002, 2006, 2011, 2016, 2019, 2020; Труд и занятость в России 2003, 2005, 2011, 2015, 2017, 2019. М.: Росстат, 2003, 2005, 2011, 2015, 2017, 2019.

Изучение временной миграции также свидетельствует о занижении численности российских граждан, трудоустроенных в США (см. Таблица 2). Учитывая, что в общие данные и в категорию «международные трейдеры и инвесторы» наравне с работниками включаются их члены семей и иждивенцы, для осуществления сравнительного анализа сначала оценим чистую численность российских трудовых мигрантов, то есть без учета членов семей и иждивенцев. Для этого предположим,

что основная часть таких зависимых лиц отнесена в раздел «другие» и что две третьих от общего числа выехавших на работу в США российских трейдеров и инвесторов являются сопровождающими лицами (в данном случае допущение некритично в связи с малочисленностью лиц данной категории). Отсюда около трети (31.8%) от всех выданных разрешительных документов на пребывание в США приходится не на самих мигрантов, а на членов их семей и иждивенцев.

Таблица 2

Сравнение данных американской и российской статистики по численности российских мигрантов, трудоустроенных в США в 2015-2019 гг.

	2015	2016	2017	2018	2019
Данные Управления иммиграционной статистики США, человек[1]	15262	14995	15659	15742	15137
В том числе					
Высококвалифицированные специалисты (H1B)	2470	2300	2086	1759	1726
Сезонные работники в сельском хозяйстве (H2A)	-	-	-	-	-
Сезонные несельскохозяйственные работники (H2B, H2R)	22	4	ДС	-	ДС
Специалисты с выдающимися способностями (O1, O2)	1498	1556	1875	2078	2155
Спортсмены, деятели искусства, артисты (P1, P2, P3)	2903	2009	2161	2438	2417
Переводы внутри компании (L1)	3578	4120	4355	4565	4030
Международные трейдеры,	141	173	ДС	213	ДС

[1] Включая членов семей и иждивенцев.

инвесторы (E1, E2)[1]					
Другие	4650	4833	4979	4689	4610
Оценка чистой численности российских трудовых мигрантов по данным США, человек	10518	10046	10544	10911	10394
Данные Росстата, человек	2287	2311	1129	1164	НД
Доля миграционного потока, не учитываемого Росстатом, %	78.3%	77.0%	89.3%	89.3%	НД

ДС – данные скрыты; НД – нет данных.

Примечание: Данные Управления иммиграционной статистики США формируются на основе фискального (финансового) года, который не совпадает с календарным и длится с 1 октября по 30 сентября.

Составлено и рассчитано по United States. Department of Homeland Security. Yearbook of Immigration Statistics: 2015, 2017, 2019. Washington, D.C.: U.S. Department of Homeland Security, Office of Immigration Statistics, 2016, 2019, 2020; Труд и занятость в России 2015, 2017, 2019. М.: Росстат, 2015, 2017, 2019.

Как можно видеть, согласно нашим оценкам, с 2015 по 2019 гг. численность российских граждан, трудоустроенных в США, находится на достаточно стабильном уровне и составляет около 10,5 тыс. человек ежегодно. Однако, согласно российской статистике, число трудовых мигрантов за этот промежуток времени сократилось в 2 раза (с 2,287 человек в 2015 г. до 1,164 в 2018 г.). Как и в случае с эмиграцией, доля неучтенных Росстатом российских трудовых мигрантов, работающих в США, высока, и в 2017 г. она превысила 89%. Получается, что лишь незначительное количество тех, кто уехал из России работать в Соединенные Штаты, отражено российской статистикой.

При этом категории виз указывают на очень высокий уровень квалификации уезжающих российских граждан. С 2016 г. наблюдается увеличение количества специалистов, проявивших выдающиеся способности в области науки, образования,

[1] Включая членов семей и иждивенцев.

искусства, бизнеса и спорта, а также добившихся высот в кино- или телевизионной индустрии и получивших международное или общенациональное признание. Более того, учитывая достаточно высокую долю членов семей и иждивенцев в миграционном потоке, речь скорее всего идет не о краткосрочных (стажировки, срочные контракты), а о долгосрочных трудоустройствах, при которых специалисты стремятся, чтобы их близкие находились рядом. Соответственно, часть такой трудовой миграции, отличающейся высокой квалификацией ее участников, может перерасти в эмиграцию в форме «утечки умов».

Таким образом, масштабы как эмиграционных потоков из России в США, так и потоков трудовых мигрантов из России в США, требуют существенных поправок в сторону увеличения. Согласно нашим расчетам, эмиграционные потоки из России в США следует корректировать в сторону увеличения официальной статистики примерно в 6 раз, в то время как потоки трудовых мигрантов требуют корректировки в сторону увеличения практически в 7 раз (если же брать в рассмотрение только последние годы – 2017 и 2018 гг., то и вовсе в 9.4 раза). Можно заключить, что несмотря на возникшие новые формы эмиграции из России, существенный недоучет мигрантов Росстатом сохраняется, что подтверждает проведенный сравнительный анализ данных американской и российской статистики.

Поэтому наравне с изучением объемов эмиграционных потоков необходимо развитие направления данного типа исследований в отношении сопоставимости потоков по трудовой миграции из России.

УДК 323.1
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517736

С.В. ГАРЕЕВ
аспирант кафедры российской политики, факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Р.А. МАЗЕТОВ
магистр кафедры российской политики, факультета политологии МГУ имени М.В. Ломоносова

Особенности национальной политики в г. Москве по ключевым документам Правительства Москвы

В настоящей статье на примере ключевых документов в области межнациональных отношений и национальной политики Правительства Москвы последнего десятилетия рассматриваются современные тенденции и изменения в сфере формирования национальной политики города.

Ключевые слова: *национальная политика города Москвы, гармонизация межнациональных отношений.*

S.V. GAREEV
Post-graduate student of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

R.A. MAZETOV
Master of the Department of Russian Politics, Faculty of Political Science, Lomonosov Moscow State University

Features of the national policy in the city of Moscow according to the key documents of the Moscow Government

This article uses the example of the key documents in the field of interethnic relations and national policy of the Moscow Government of the last decade to consider the current trends in the change and formation of the national policy of the city.

Keywords: *national policy of the city of Moscow, harmonization of interethnic relations.*

Особенности национальной политики в городе Москве подчиняются постановлению Правительства Москвы «О Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 года», с некоторыми изменениями в соответствующем документе 2018 и 2019 гг. Данная стратегия важна тем, что формирует идейную и концептуальную структуру государственной национальной политики на территории Москвы. Она также определяет многие более детальные и локальные подзаконные акты, и нормативы в данной области.

До упомянутого выше документа правительство города использовало своим руководством два других документа: Постановление Правительства Москвы № 522-ПП «О Концепции реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве» от 22.06.2010 г. и Постановление Правительства Москвы № 248-ПП «О Комплексных мероприятиях по реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве» от 07.06.2011 г.

Из этих двух документов наибольший интерес представляет первый, так как является концептуальным описанием национальной политики. Впрочем, уже здесь возникает первая особенность – употребление в тексте концепции понятия «государственная национальная политика» (чего уже не будет в Стратегии 2016 г. по той причине, что по сути оборот «государственная национальная» представляет собой тавтологию, да и представить себе существование негосударственной национальной политики на территории Российской Федерации не представляется возможным), а также отсутствие понятия «государственной национальной политики» в названии документов до 2016 г. (это свидетельствует о локальности и ограниченной области действия принимаемых документов, в свою очередь как после 2016 г. национальная политика приобретает более целостный, законченный вид и охватывает значительно большее количество задач, чем до 2016 г., о чем будет сказано более подробно чуть ниже).

Концепция состоит из шести пунктов: общие положения, специфика и роль города Москвы как политического центра Российской Федерации, этносоциальные процессы и их регулирование, принципы реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве, цели и задачи реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве, механизмы реализации Концепции.

В Концепции значительный упор и внимание отдавалось понятию «москвича» и его самоидентификации. Москва, согласно Концепции, представлялась как своего рода центр России, но при этом уникальный и своеобразный, а москвич по ряду историко-культурных особенностей отличается от прочих жителей России. Таким образом, косвенно, Концепция строилась на инклюзии «приезжих» и представителей национальных меньшинств в московское культурно-ценностное пространство коммуникаций. Благодаря выделению «москвича» как историко-культурной категории в документе периодически вопросы именно национальной политики смещались в область религиозной свободы и свободы вероисповедания (чего уже не будет на уровне Стратегии 2016 г., что показывает ее более детальную проработанность).

Достаточно подробно плодотворную работу московских властей в рамках реализации Стратегии 2012 г. и Концепции описывал Ю.В. Артюх в своей статье «Межнациональные отношения в столичном мегаполисе: опыт и перспективы регулирования в современных условиях»[1].

Документ «Стратегия национальной политики города Москвы на период до 2025 года» состоит из преамбулы и семи пунктов (и это одна из особенностей как документа, так и национальной политики после 2016 г. – пролонгация до 2025 г., при этом по сути документ призван окончательно синхронизировать национальную политику Москвы и национальную политику государства в целом, зафиксированную Президентом РФ в 2012 г.). Согласно постановлению правительства, контроль за исполнение постановления и соответственно стратегии возлагается на заместителя Мэра Москвы в Правительстве Москвы по вопросам региональной безопасности и ин-

[1] *Артюх Ю.В.* Межнациональные отношения в столичном мегаполисе: опыт и перспективы регулирования в современных условиях // Коммуникология, 2014, т. 4, № 2, с. 171-179.

формационной политики А.Н. Горбенко. Перечислим семь указанных пунктов: общие положения, современное состояние межнациональных отношений в городе Москве, цели и принципы национальной политики города Москвы, основные направления и задачи национальной политики города Москвы, механизмы реализации национальной политики города Москвы, целевые показатели реализации настоящей Стратегии, ожидаемые результаты реализации настоящей Стратегии.

В отличие от описанной выше концепции Стратегия 2016 г. имеет некоторые особенности, которые позволяют говорить о ней как о новом, весьма значительном шаге, по формированию единой национальной политики Российского государства. Здесь необходимо помнить, что попытки разработки и принятия федерального закона о единых принципах национальной политики предпринимались с 1996 г., однако, так и не были доведены до воплощения. Исследователь О. Б. Неменский отмечает, что это отчасти связано с не определенным корректно статусом русских как национального большинства в подавляющем количестве регионов страны. Неменский отмечает, что складывается парадоксальная ситуация, когда в рамках Стратегии 2012 г. и прочих нормативных документов законодатель и законоисполнитель исходят из принципа многонациональности страны, а сами представители национальных меньшинств и диаспор в своей деятельности исходят из понимания русского культурного, языкового и этнического большинства[1]. Стратегия 2016 г. отчасти и была разработана для снятия данного противоречия. Так, в частности, в ней полностью пропадает понятие «интернационализма», которое регулярно встречалось в Концепции 2010 г. Вместо этого в Стратегии вводится понятие евразийского сообщества, объединенного едиными ценностями (забегая вперед, необходимо отметить, что Стратегия 2016 г. призвана разработать новый описательный и интерпретационный аппарат как всей национальной политики, так и межнациональных и межэтнических взаимоотношений и взаимодействий). В стратегии также снимается идея об инклюзии «приезжих» в границы московской историко-культурной парадигмы, а вместе с этим снимается и особое понятие о «москвиче» (хотя само понятие

[1] *Неменский О.Б.* Подходы к легализации: русский вопрос в «Стратегиях национальной политики Москвы и России» // Вопросы национализма, 2019, № 1(32), с. 92-103.

употребляется, но не так часто). С точки зрения Стратегии Москва – это отражение России. Такой тезис полностью снимает другое противоречие, которое мы встречаем на страницах Концепции – противопоставление Москвы России. Именно из тезиса о Москве как о уменьшенном дубле России авторы Стратегии и определяют целевые показатели и ожидаемые результаты данного документа – это, пожалуй, самая любопытная и интересная его часть, показывающая его особенности и отличительные черты в сравнении с документами прошлых лет.

В отличие от предыдущей Концепции реализации государственной политики в сфере межэтнических отношений в городе Москве, данная Стратегия значительно, даже чрезмерно, расширила задачи и возможности информационного сопровождения (в Концепции была всего лишь одна задача – изготовление и продвижение материалов, способствующих реализации остальных задач и целей документа). По сути, Стратегия ставит перед государственными органами исполнительной власти задачу создания нового языка и терминологического аппарата консолидирующих символов, идей и установок межэтнического и межнационального взаимодействия населения города. Ряд исследователей национальной политики Москвы указывают на то, что информационное сопровождение как понятие было более лаконично сформулировано в документах до 2016 г., однако, они носили менее концептуальный и более инструментальный характер[1]. Стратегия же, наоборот, более фундаментальна на уровне излагаемых в ней идей (вероятно, именно этим можно объяснить наличие двух документов до 2016 г. – одного концептуального, а другого инструментального). Вероятно, именно из-за своей концептуальной фундаментальности, Стратегия стала опорой для множества подзаконных нормативных актов и другого рода нормативных документов (в том числе образовательных), о чем пишет исследователь Ю.А. Горячев[2].

[1] *Добровольская И.А.* Понятие «информационное пространство»: различные подходы к его изучению и особенности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Литературоведение, журналистика, 2014, № 4, с. 140-147.

[2] *Горячев Ю.А.* Международная и российская нормативная база совершенствования системы повышения профессиональной компетенции педагогических кадров по вопросам межэтнических отношений в контексте образовательной политики стратегии развития национальной политики РФ до 2025 г. (аналитический обзор) // Этнодиалоги, 2015, № 2(49), с. 21-50.

Вероятно, одной из наиболее важных частей Стратегии национальной политики города Москвы на период до 2025 г. является «информационное сопровождение» данной стратегии, которое прописывается в 4-м пункте. Мы помещаем данное направление в кавычки по той причине, что после ознакомления с задачами «информационного сопровождения» становится очевидно, что задачи, род и область деятельности данного направления далеко выходят за пределы указанного в самом документе термина: «создание в сфере национальной политики новых, отвечающих требованиям современного информационного общества понятийно-категориального аппарата, смыслов и образов», «развитие московского информационного пространства на основе идей духовного и культурного единства российского народа, патриотизма, межнационального согласия, противодействия этническому и религиозному экстремизму, любым формам дискриминации» и т. д.

В заключение стоит отметить, что изучение опорных документов национальной политики города Москвы, показывает несколько тенденций последних десяти лет в данной области. Первая тенденция – изменение национальной политики, поиск и формирование новых подходов и языка описания для решения межнациональной проблематики. Вторая тенденция – смена самой парадигмы национальной политики и постепенное движение к оформлению единой национальной политики государства. Эта смена парадигмы прежде всего проявилась в формировании простого и понятного движения национальной политики к реинтеграции евразийского постсоветского пространства, в отказе от московской инклюзивности в сторону выработки единой гражданской самоидентификации, в увеличении роли информационного сопровождения как инструмента профилактики и противодействия межнациональным и межэтническим конфликтам.

Изучение аналитики результатов национальной политики, в рамках реализации указанных документов, позволяет нам говорить о значительном усовершенствовании национальной политики Москвы в целом, а также закреплении полученных позитивных результатов осуществления национальной политики.

УДК 342.5
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517737

Э.В. БИЦИЕВА
аспирант кафедры государственного права Юридического факультета Северо-Осетинского государственного университета им. К.Л. Хетагурова*

Конституционно-правовые обязанности политических партий, как участников выборов в Российской Федерации: вопросы совершенствования

Статья посвящена анализу конституционно-правовых обязанностей политических партий, а также вопросам совершенствования конституционно-правовой регламентации обязанностей политических партий, как участников избирательных правоотношений на современном этапе. Уделяется внимание определению направлений и выявлению проблем реализации и возможной конституционно-правовой регламентации внутрипартийного предварительного голосования по отбору кандидатов (праймериз политических партий).

***Ключевые слова**: конституционно-правовые обязанности, избирательные правоотношения, выборы, политические партии, предварительное голосование, праймериз, конституционно-правовая ответственность политических партий.*

E.V. BITSIEVA
Postgraduate Student of the Department of State Law of the Law Faculty of the North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov

Constitutional and legal duties of political parties as election participants in the Russian Federation: issues of improvement

* Бициева Эмма Владимировна, e-mail: emma.bitcieva@list.ru

The article is devoted to the analysis of constitutional and legal duties of political parties and also to the issues of improving constitutional and legal regulation of political parties' duties as participants in electoral legal relations at the present stage. Attention is given to definition of directions and revealing of problems of realization and possible constitutional-legal regulation of intra-party preliminary voting (primaries of political parties).

Keywords: *constitutional-legal duties; election legal relations; political parties; preliminary voting; primaries; constitutional-legal responsibility of political parties.*

Актуальность обращения к анализу направлений совершенствования конституционно-правовых обязанностей политических партий обуславливается их местом в избирательной системе в качестве основных участников выборов в органы государственной власти и значимых участников выборов в органы местного самоуправления, или, как сформулировал Конституционный Суд РФ: «основных коллективных субъектов избирательного процесса»[1]. Но именно такое значимое место политических партий в избирательной системе, и, как следствие – в политической системе общества, требует обеспечить максимальную прозрачность их деятельности, и, следовательно – доверие избирателей к результатам выборов, что является необходимым условием доверия граждан к государственным институтам и государственной власти.

Существующее многообразие конституционно-правовых исследований статуса политических партий в целом, равно как и их обязанностей, в частности, не снимает с повестки совершенствования законодательства ряд значимых вопросов. Это вопросы как общетеоретического правового и социально-политического характера, так и носящие во многом прикладной характер вопросы совершенствования избирательного законодательства и законодательства о политических партиях.

Так, среди первых назовём проблематику повышения транспарентности партийного управления и принятия решений, повышения доверия избирателей и к самим партиям и

[1] Постановление Конституционного Суда РФ от 13 апреля 2017 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности части 2 ст. 40, частей 10 и 11 ст. 42 Федерального закона «О выборах депутатов Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации», п. 2 и 3 части 1 ст. 128 и части 10 ст. 239 Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с жалобой граждан И.Л. Трунова и М.В. Юревича» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru Дата обращения: 21.05.2021.

избирательной системе в целом, вопросы повышения правовой культуры внутрипартийной жизни[1].

Среди вторых можно упомянуть такие вопросы, как дискуссию об обязательности праймериз и вопросах его конституционно-правового регулирования, вопросы равного доступа к СМИ и т.д. политических партий при осуществлении предвыборной агитации, вопросы взаимодействия политических партий, их избранных в органы публичной власти представителей с избирателями, проблемы регламентации и распространения практики наказов избирателей и многие другие.

Обязанности политических партий закреплены в положениях ст. 27 Федерального закона от 11 июля 2001 г. № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее – ФЗ «О политических партиях»)[2]. Однако важнейшая конституционно-правовая функция политических партий – участие в выборах в органы публичной власти в положениях указанной статьи не значится. Возможность участия в выборах в органы публичной власти и единственность в качестве субъекта конституционно-правовых отношений, обладающего правом на выдвижение кандидатов (списков кандидатов) на выборах в органы государственной власти политических партий закреплены в качестве права на участие в выборах и референдумах (ст. 36), при этом установлена обязанность участия в выборах и установлены критерии признания партии, участвующей в выборах. Указанной обязанности корреспондирует положение о конституционно-правовой ответственности за несоответствие критериям участия в выборах в течение семи лет политическая партия подлежит ликвидации, решение о которой выносится Верховным Судом России (п. 2 ст. 37; ст. 41).

Действительно, политические партии реализуют конституционное право на участие в выборах, и это именно право, возможность действовать по своему усмотрению, принимать или не принимать участие в электоральных кампаниях; конституционно-правовой обязанностью будет выступать необходимость принимать участие в определенном положениями зако-

---

[1] *Тхабисимова Л.А., Цапко М.И.* Защита избирательных прав в контексте перспективных направлений совершенствования нормативной регламентации электоральных процедур и технологий // Избирательное законодательство и практика, 2020, № 1, с. 14-19

[2] Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021) «О политических партиях» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru Дата обращения: 21.05.2021.

нодательства минимуме электоральных кампаний: от однократного участия в течение семи лет в выборах Президента Российской Федерации, что весьма непросто, так как критерием участия будет выступать регистрация кандидата в соответствии с требованиями Федерального закона «О выборах Президента Российской Федерации» от 10 января 2003 г. № 19-ФЗ[1] (положения ст. 35-39) до участия в муниципальных выборов более чем в половине субъектов федерации (п. 1 ст. 37 Федерального закона «О политических партиях»).

Отметим, что, несмотря на то, что обязанность участвовать в выборах вполне эффективно работает «на отсев» политических партий, не участвующих в политической жизни, созданных «на бумаге», «под ключ» и т.д., отметим, что и в отношении анализируемого работающего механизма в конституционно-правовой науке высказываются аргументированные замечания.

Так, например, К.А. Агафонова, оценивая формулировку конституционно-правовой обязанности партий участвовать в выборах и проводя сравнительно-правовой анализ с аналогичным германским законодательством отмечает, что в российском законодательстве применена менее жесткая формулировка «участие в выборах», тогда как германское законодательство требует обязательности участия конкретно в парламентских выборах[2].

Действительно, по смыслу положений ст. 37 Федеральный закон «О политических партиях»[3], партия может быть создана задолго до выборов, например, Президента Российской Федерации, с целью, в дальнейшем, выдвижения определённого «кандидата-спойлера» (который может быть выгоден определённым политическим силам на этапе сбора подписей в поддержку выдвижения кандидатов). После изменений в ФЗ «О политических партиях» от 2 апреля 2012 г. общий срок неучастия в выборах до начала принудительной ликвидации составляет семь лет (ранее закон устанавливал срок в пять лет).

---

[1] Федеральный закон «О выборах Президента Российской Федерации» от 10.01.2003 г. № 19-ФЗ (ред. от 05.04.2021 г.) // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru Дата обращения: 21.05.2021.

[2] *Агафонова К.А.* К вопросу об основаниях юридической ответственности политических партий в Российской Федерации // Юридический мир, 2006, № 2.

[3] Федеральный закон от 11.07.2001 г. № 95-ФЗ (ред. от 30.04.2021 г.) «О политических партиях» // СПС «КонсультантПлюс». [Электронный ресурс]: Режим доступа: http://www.consultant.ru Дата обращения: 21.05.2021.

Тем не менее, вряд ли можно говорить о вероятности каких-либо значимых воздействий на политико-правовую ситуацию вышеуказанной схемы: до регистрации кандидата его представленность в информационном поле не слишком существенна и выстраивание дополнительных барьеров в и без того достаточно барьерной среде будет лишь символизировать повышение закрытости существующей избирательной системы, что, напротив, осмысляется в качестве существенной проблемы не только в политической публицистике или в политических исследований, но и в конституционно-правовой науке[1].

Анализируя вопросы конституционно-правового регулирования предварительного внутрипартийного голосования – публичного отбора и утверждения кандидатов от политических партий на выборные должности (праймериз), следует сказать о трёх допустимых вариантах их дальнейшей реализации в России. Первый, наиболее вероятный на наш взгляд, это сохранение существующего статус-кво.

Второй, это развитие указанного конституционно-правового института в достаточно традиционном направлении для современной России: последовательной конституционно-правовой регламентации указанной процедуры.

Действительно, ряд авторов последовательно обосновывают необходимость конституционно-правового регулирования праймериз. В частности, отмечается, что при проведении внутрипартийного предварительного голосования неустранимыми оказываются следующие его недостатки.

Во-первых, в ряде случаев это непрозрачность процедуры голосования, отсутствие внешнего независимого контроля; с другой стороны – может быть реализован и противоположный сценарий, когда внутрипартийный отбор и голосование не обладают таким атрибутом как тайность волеизъявления, что, соответственно, ставит под сомнение и отсутствие контроля в отношении членов партии со стороны партийных лидеров при осуществлении волеизъявления.

Таким образом, первый существенный аргумент в пользу регламентации – несовершенство процедуры, необходимость установления единого стандарта проведения внутрипартийного отбора кандидатов (праймериз).

Во-вторых, указывается и на тот факт, что среди политических партий существуют и такие, которые не обладают не-

[1] *Тхабисимова Л.А., Цапко М.И.* Указ. соч., с. 14-19.

обходимыми ресурсами по проведению внутрипартийного голосования, а следовательно – находятся в неравном положении по отношению к более обеспеченным ресурсами партиям[1].

С учётом того, что часть партий, напротив, получают финансовую поддержку из государственного бюджета (что само по себе поддерживается далеко не всеми учеными-конституционалистами[2]) и освобождены от сбора подписей, в отношении праймериз неравенство ресурсов предопределяет неравенство ресурсов не только по масштабу реализации, но и по самой возможности проведения праймериз. А это подводит нас к следующей проблеме: обладающая большими ресурсами партия имеет существенные преимущества с точки зрения фактического осуществления предвыборной агитации до того, как формально получит право на её осуществление.

В частности, неравенство ресурсов усугубляется и возможностью беспрепятственно информировать население о проведении голосования по внутрипартийному отбору кандидатов (праймериз) со стороны в большей степени обеспеченных ресурсами политических партий.

При этом, совершенно очевидно, что политические партии осуществляют, по сути ни что иное, как политическую агитацию, но, поскольку она проводится вне рамок избирательной кампании и не является формально предвыборной агитацией, невозможен и эффективный контроль в отношении порядка привлечения и расходования финансовых средств, затрачиваемых на подобного рода информирование.

Выходом, в последнем случае, могло бы стать закрепление возможности предлагавшегося в своё время общественного мониторинга в отношении расходования бюджетных средств политическими партиями[3] с возможностью распространения такового, в дальнейшем, в отношении праймериз любых политических партий, если они проводятся по т.н. «открытой» модели или если в ходе их проведения осуществляется

---

[1] *Болховитина Т.С.* Праймериз в современной России: перспективы институционализации // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия: История. Политология, 2017, № 8(257), с. 182-186.

[2] *Лебедев В.А.* Государственная власть и политические партии в современной России: конституционно-правовые проблемы их взаимодействия // Конституционное и муниципальное право, 2017, № 11, с. 26-30.

[3] *Долгих Ф.И.* Общественный мониторинг как форма общественного контроля за деятельностью политических партий // Государственная власть и местное самоуправление, 2018, № 1, с. 9-14.

информирование населения посредством СМИ, информационно-телекоммуникационных сетей и т.д.

В-третьих, отметим ненулевую вероятность нарушения прав членов политических партий, когда они ничем не связаны в отношении регламентации порядка проведения голосования по внутрипартийному отбору кандидатов (праймериз), привлекают к участию неограниченный круг лиц. При этом затруднён даже контроль в отношении не привлечения к участию в подобных мероприятиях лиц, не обладающих активным избирательным правом (голосования проводятся посредством интернет-сайтов, социальных сетей и т.д.)

Если и говорить о обязательности праймериз, т.е. конституционно-правового закрепления дополнительной обязанности политических партий, то на наш взгляд, в случае закрепления таковой в российском законодательстве весьма важно соблюсти два условия: распространить эту обязанность только на партии, получающие в соответствии с действующим законодательством финансирование из федерального бюджета и установить в законодательстве модель проведения предварительного голосования в виде т.н. «открытой модели» праймериз.

Однако есть ещё одно на наш взгляд существенное возражение в отношении обязательности проведения праймериз: отчётность о проведении праймериз, проверка реальности их проведения и соблюдения условий их проведения судя по всему будет возложена на избирательные комиссии, и без того несущих существенную нагрузку в период подготовки к проведению выборов.

В целом, несмотря на множество проблем и недостатков современного подхода к регулированию голосований по внутрипартийному отбору кандидатов (праймериз) политическими партиями, введение дополнительных условий, требований и ограничений вряд ли оправдано на современном этапе развития избирательной системы: в том случае, если контроль за соблюдением указанных условий, требований и ограничений будет эффективен, это повлечёт снижение транспарентности политической системы в целом и избирательной системы в частности, обязательность праймериз вообще серьёзно затруднит участие вновь созданных политических партий в выборах; в том случае, если контроль эффективным не окажется, это повлечёт за собой и возможные злоупотребления со стороны отдельных политических партий, и, как следствие

– снижение доверия избирателей к избирательной системе и государству в целом, как к неспособным обеспечить правопорядок.

В будущем, перспективным направлением совершенствования конституционно-правовых обязанностей политических партий будет выступать обязательность отчётности представителей политических партий, как избранных по пропорциональной (по партийным спискам), так и по мажоритарной избирательным системам в законодательные (представительные) органы власти субъектов федерации и в представительные органы местного самоуправления.

Санкции за такие нарушения предлагаем возложить именно на выдвинувшие указанных выборных лиц – депутатов представительных органов политические партии. Наиболее эффективной санкцией за такого рода нарушения, на наш взгляд, должно выступать обязывание политических партий, их региональных и местных (отделений) осуществлять сбор подписей на последующих выборах в тот орган народного представительства, где в течение предыдущих легислатур выявлены и установлены соответствующие нарушения.

Такого рода конституционно-правовая обязанность будет способствовать не столько повышению зарегулированности избирательной системы, сколько повышению транспарентности системы народного представительства. Именно такое направление совершенствования системы конституционно-правовых обязанностей политических партий представляется на современном этапе единственно оправданным.

УДК 1(091)
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517738

Т.Г. ЕГОРЯН
аспирант кафедры философских наук Московского государственного лингвистического университета*

Социальные предпосылки формирования V «Золотого века» культуры в Армении

В статье анализируются социальные факторы, которые стали решающими предпосылками национально-освободительной войны и формирования V «Золотого века» культуры в Армении.

Ключевые слова: *общество, культура, Золотой век, письменность.*

T.G. YEGORYAN
Postgraduate student of the Department of Philosophical science of the Moscow State Linguistic University

Social prerequisites for the formation of the V "Golden Age" of culture in Armenia

The article analyzes the social factors that were decisive prerequisites for the national liberation war and the formation of the V "Golden Age" of culture in Armenia.

Keywords: *culture, Golden Age, Armenian writing.*

В истории армянской нации выделяются три периода её качественного культурного подъёма: период начала формирования феодального строя («Золотой век»), период развитого феодализма («Серебряный век») и период Возрождения. Формирование «Золотого века» определили следующие крупнейшие для Армении события, происходившие с начала IV до середины V века: социально-классовые преобразования, принятие православия и религиозно-духовная революция, изоб-

* Егорян Тамара Гагиковна, e-mail: tamaraegoryangag@gmail.com

ретение письменности. Данные преобразования активизировали этно-защитные функции армянского народа, повлияли на его объединение, осознание своей идентичности и дали шанс представить миру свой национальный духовно-культурный потенциал.

Армянская цивилизация своими истоками уходит в глубокие слои человеческой истории. Географическое расположение Армении всегда являлось своего рода буферной зоной для могущественных империй Запада и Востока. Её территория представляла собой некую крепость, обнесённая со всех сторон недоступными стенами. Владея ею, можно было господствовать над долиной Куры, Месопотамией и, наконец, над равнинами и плоскогорьями Анатолии. Жизнь армянского народа была связана с историей мировых держав, и была полна борьбы за национальное выживание. На протяжении всей долгой и героической истории армянский народ боролся за свободу, создавая и сохраняя свою уникальную и самобытную культуру.

Уже с II-III вв. в Армении начали формироваться феодальные отношения, товарное производство заменялось натуральным хозяйством. Перестали чеканить монеты и денежные налоги были заменены натуральными поземельными. В III-IV вв. небольшое городское население, как и крестьяне-шинаканы, занималось хлебопашеством, садоводством и ремеслом. Торговля, развивающаяся в городах, носила транзитный характер, обусловленный их расположением на северном пути мировой торговли (от Китая и Средней Азии в южные и восточные порты Черного моря). Армения была связана с Ираном, Месопотамией, Малой Азией, портами Чёрного моря, с Картли. Торговля, однако, не затрагивала основной массы населения и не влияла на общий уровень жизни в стране. Со второй половины IV в. начался упадок городов и торговли. Усобицы и иноземные нашествия препятствовали торговым сношениям, усиливалась разобщённость отдельных провинций.

К IV веку в Армении образовалась феодальная монархия, главой которой являлся царь, с подчинёнными ему крупными феодалами (нахарарами), политическая власть которых год за годом возрастала. Важными государственными документами считались Гахнамак («Государственная грамота», которая представляет социальную пирамиду армянской знати) и Зоранамак («Воинская грамота», упорядочивающая количест-

во и распорядок воинских сил в древней Армении). С углублением феодальных отношений земли в государстве стали расчленяться за счёт дарственных имений (наград). Существовала сложная иерархическая лестница среди землевладельцев. Армянское общество делилось на три сословия: «свободных», «несвободных» и духовенство. Крестьяне-общинники были основным податным населением страны, которое платило оброк и отбывало барщину. Крестьяне считались имуществом феодалов и были прикреплены к земле. По правилам Шаапиванского собора (443 г.) «свободные» подвергались лишь денежным взысканиям. В последствии стремительного расчленения земель к IV веку Армения состояла из 190-195 провинций (гавар). Со временем земельные временные награды, как и государственные должности, стали превращаться в наследственные. Таким образом завершилось формирование правящего класса – феодалов.

Наряду с внутренними социальными факторами следует обратить внимание на внешние, то есть на отношение Армении с другими государствами. Родство между царями Аршакидской Армении и Парфянского Ирана давали возможность сохранить независимость. Но после переворота в Иране, с приходом к власти Сасанидской династии изменилась вся политическая картина региона. Сасаниды начали упорную борьбу с Римом за Месопотамию, в которой Армения также стала объектом противоборства между ними. Начавшаяся в 296 г. война закончилась Нисибинским 40 летним мирным договором, в котором персы признали римский протекторат над Арменией. Развивающаяся внешнеполитическая и внутриполитическая обстановка страны принудили задуматься об обеспечивающих независимость Армении политических шагах.

В 301 г. Трдат III Великий (287-330гг) провёл религиозную реформу. Это было своего рода провозглашением и проведением «национально-государственной политики на идеологическом обосновании»[1]. Принятие христианства создавало предпосылки для идеологического обособления от Ирана и Рима и укрепление национальной государственности на единой духовной основе, что повлекло за собой коренные изменения в развитии внешней политической истории и в общественной духовной мысли Армении. Христианство резко пов-

[1] *Мирумян К.* Из истории армянской политической мысли. Ереван. Лингва. 2002, с. 44 (на армянском языке).

лияло на напряженные отношения с маздеистским Ираном, который стал осуществлять политику экономического угнетения армянского народа. Подобное экономическое давление являлось прямым посягательством на право свободного вероисповедания.

Христианская церковь стала одним из крупных феодалов страны, которой платили дань. Однако, в течении столетия она не смогла раскрыть свой потенциал, стать защитником интересов народа. Национализации церкви, конечно, препятствовали множество обстоятельств: жизнеспособное языческое мировоззрение и традиции, служба в церквях, христианизация и духовное образование на совершенно чужом языке. В такой ситуации не могло быть и речи о духовной общности народа.

Вскоре экономические и политические амбиции церкви и феодалов, неумение Аршакидов вести гибкую внутреннюю политику привели к конфликтной внутриполитической ситуации в стране, которая переросла в гражданскую войну при царе Аршаке II (350-368гг.), который пытался упрочить положение царской власти, но сам стал жертвой аристократических заговоров. Приказ царя о построении города и предоставления права убежища всем беглым и крестьянам, поднял против его власти всех феодалов, в том числе и церковь, и послужил началом ожесточённой и кровопролитной борьбы между ними. Борьба продолжалась и в первые годы правления его приемника Папа (369-374гг.), который продолжал земельную политику отца. Он провёл секуляризацию церковных земель. Добился обособления армянской церкви от византийской. Несмотря на все попытки упрочить царскую власть, социальная база государства была ослаблена и Аршакиды лишились опоры среди народа, нахараров и церкви. В последствии заговора царь был убит во время пиршества. Жертвой раздоров становились как цари, так и нахарарские роды[1].

Таким образом, новые общественные отношения, затяжной социально-политический кризис страны, недостаток дипломатичности во внутренней политике Аршакидов, привели к крушению царства. Начатая междоусобица стала своего рода рычагом в руках сильных держав Римской Империи и Сасанидского Ирана. В последствии (387г.) Армения была разделена на две части. После раздела Армении соседние силь-

[1] См.: *Мовсес Хоренаци*. История Армении: В 3 кн. / Пер. с древнеарм. (грабара) Г.Х. Саркисян. Ереван. Айастан. 1990, кн. III, гл. 2.

ные державы стали вести новую языковую политику, которая стала прямой угрозой духовно-культурному единству армянского народа. В персидской части Армении был запрещен греческий язык, который был официальным языком армянской церкви, учебно-образовательной системы, культуры, внутренних и внешних отношений, а в Римской части – использование ассирийского и фарси, которые выполняли аналогичные функции. После раздела Армении политическая проблема обеспечения независимости государства, фактически, переросла в проблему физического существования нации и духовной её самозащиты. Эту важнейшую историческую миссию возложила на себя Армянская церковь и христианская религия превратилась в духовную объединяющую силу нации, сохранения её идентичности.

Для решения проблемы национальной самообороны, в первую очередь, нужно было создать идеологическую, духовную, культурную основу. Единственным выходом из этой ситуации царь Врамшапух (388-414гг) и католикос Саак Парфянин (387-439гг) видели в культурном перевороте страны, что возможно было при наличии национальной письменности. Её создание являлось единственным фундаментом для развития армянской духовной культуры, как главнейшего механизма самозащиты нации.

В 405 году выдающийся ученый и мыслитель Месроп Маштоц (361-440 гг.) создал армянский алфавит и национальную письменность. Корюн в своём труде «Житие Маштоца» сообщает достоверные сведения о своем учителе и о его культурной деятельности. Сразу после создания письменности акцент был сделан на распространение грамотности во всей Армении. При монастырях стали открываться школы, где обучение проходило на родном языке. В школах изучали богословие, математику, философию, риторику и другие науки. Как пишет Корюн: «Три дела должны были сделать – переводить, писать и обучать», что и принялись делать Маштоц и его соратники[1]. Усилиями первых переводчиков были переведены важнейшие труды античных философов. Появилась наступательная апологетическая литература в лице трудов Езника Кохбаци. Параллельно с распространением грамотности в Армении развернулось уникального размера литературное, куль-

[1] *Корюн.* Житие Маштоца. Ереван. Изд. ЕГУ. 1980, с. 61 (на армянском языке).

турное движение века. Появились первые памятники армянской самостоятельной литературы: произведения историографии, (Корюна, Агатангелоса. Егише, Мовсеса Хоренаци и другие. Политико-философские идеи Егише («О Вардане и армянской войне») и Мовсеса Хоренаци («История Армении») актуальны и по сей день. В них на первый план выдвигаются вопросы религиозной свободы, независимости армянского народа в рамках национальной государственности.

На протяжении своей истории армянский народ в условиях ожесточённой борьбы с внешним противником терял и вновь приобретал свою независимость. Армянский этнос вынужден был приложить максимальные усилия для сохранения своей национальной целостности и самобытности. Важнейшими решениями этих общенациональных задач являлись коренные социальные преобразования, культурная революция, связанная с принятием христианства, созданием письменности, распространением в массах грамотности и т. д. Данные качественные преобразования позднее получили название «Золотой век» армянской культуры. Таким образом, «Золотой век» был подготовлен как социальными преобразованиями, так и духовными.

УДК 327
DOI 10.34823/SGZ.2021.6.517739

А.С. ШАХБАЗОВ
аспирант кафедры дипломатии и консульской службы Дипломатической Академии МИД России*

Современные инструменты реализации внешней политики Испании

Любая политика, неважно, на что она направлена, имеет свои собственные инструменты самореализации. Наряду с этим существуют традиционные дипломатические инструменты, такие как взаимные визиты, двусторонние политические контакты и многосторонние встречи. Но есть и другие, которые являются сквозными и при использовании которых обеспечивается большая эффективность во внешней политике. В статье рассматриваются основные инструменты, связанные с новыми реалиями в международных отношениях, и которые могут иметь значимость в реализации главных внешнеполитических задач Испании.

***Ключевые слова**: Испания, внешняя политика, Marca España, общественная дипломатия, цифровая дипломатия.*

A.S. SHAHBAZOV
Postgraduate Student of the Department of Diplomacy and Consular Service of the Diplomatic Academy of the Ministry of Foreign Affairs of Russia

The modern instruments for implementing the foreign policy of Spain

Any policy, no matter what it is aimed at, has its own instruments for self-realization. Along with this, there are traditional diplomatic instruments, such as mutual visits, bilateral political contacts and multilateral meetings. But there are also others that are cross-cutting and when used, lend much greater effectiveness to foreign policy. The article discusses the main instruments related to the new realities in international relations, and which may be important in the implementation of the foreign policy of Spain.

* Шахбазов Абульфаз Салех оглы, e-mail: londinium96@yandex.ru

***Keywords**: Spain, foreign policy, Marca España, public diplomacy, digital diplomacy.*

Значение имиджа страны на международной арене возрастает с каждым днем. Хороший имидж во многом зависит от престижа страны в международном сообществе, ее способности влиять и убеждать, а также служить политической или социальной моделью. Это включает в себя способность формировать другой опыт, привлекать иностранные сбережения, благодаря которым возможно финансирование экономики, а также улучшать продажи товаров и услуг и привлекать туризм в качестве страны назначения. Все это означает, что вышеуказанные факторы влияют на потенциал страны для создания рабочих мест в ее экономической системе.

Многие страны осознали это и выступили с инициативами по продвижению своего имиджа за рубежом. Испания запустила аналогичный проект в 2002 г. Marca España (Бренд Испании). Миссия состояла в том, чтобы продемонстрировать возможности страны – экономический потенциал, технологические ноу-хау, человеческий капитал и влияние многонациональных компаний – и реализовать их в соответствие с имиджем страны.

Проект осуществляется с помощью ежегодных внешних планов действий, разработанных для продвижения Marca España, и министерские департаменты, а также государственные и частные структуры, обладающие компетенцией в этой области, вносят свой вклад в эти планы.

В 2013 г. Marca España запустила первый План действий, в котором были определены секторальные и горизонтальные приоритеты в пятнадцати странах и рынках, куда направляются 80% испанского экспорта. С этими странами у Испании также имеются взаимоотношения в сферах, как туризм и инвестиции. Для разработки этого плана Правительство Испании предложило включить такие инструменты, как интернет-портал, сеть внешних посольств, консульства, коммерческие офисы, туристические бюро, «Испанцы за рубежом», иностранные резиденты и гости; и волонтеры гражданского общества.

Второй план Marca España на 2014 г. дополнительно определял цели и приоритетные направления действий: общественная и экономическая дипломатия, образование, культура и наследие, туризм, гастрономия, мода, исследования и разработки, спорт и вооруженные силы. В нем представлены неко-

торые новшества, примечательными из которых являются углубленное изучение положения Испании в основных международных рейтингах и индексах (как глобальных, так и отраслевых). В зависимости от полученных результатов Marca España создала подробную картину сильных и слабых сторон современной Испании. Вместе с этим бренд совершенствует инструменты для мониторинга и оценки, включая систему MESIAS (система прикладного анализа и отслеживания Marca España) в департаменте продвижения и развития при Королевском институте Элькано, чтобы предложить полную оценку и подробное разъяснение всех значений или атрибутов Marca.

Хотя Marca España приносит свои плоды в среднесрочной и долгосрочной перспективе, некоторые итоги, такие как результаты исследования Barómetro Imagén de España, проведенного Королевским институтом Элькано, показывают, что образ Испании стремительно восстанавливается. Таким образом, имидж Испании за рубежом является хорошим и в целом остается стабильным, несмотря на экономический кризис, и улучшается быстрыми темпами. Тем не менее, все еще существуют негативные аспекты, которые создают образ, не соответствующий действительности, например, в вопросах культурного наследия, технологий и инноваций, а также лидерства в международном бизнесе.

Публичная дипломатия

В первом десятилетии двадцатого века международные отношения значительно изменились. После Первой мировой войны в условиях секретности и дипломатической некомпетентности международное сообщество настаивало на отмене тайной дипломатии и согласилось на публичность международных соглашений.

В первые годы нашего столетия наблюдается явление, о котором ранее упоминалось, – способность отдельных лиц оказывать влияние и своими действиями, и мнениями подтолкнуть многие страны и общества к изменению национальной или международной политической повестки дня.

Эти два события, разделенные почти одним столетием, тесно связаны с публичной дипломатией. Первое известно как явный предшественник публичной дипломатии – общественное мнение должно знать о соглашениях, заключенных между государствами. Второе, тесно связанное с глобализацией и распространением информационных технологий, подтвер-

дило силу общественного мнения и, кроме того, роль граждан как отдельных лиц, так и групп во внешней сфере. Это приводит к переменной геометрической конфигурации действующих лиц, дипломатии управляемых союзов. Появляются объединения между гражданами, бизнес-альянсы, тесно связанные с представителями гражданского общества и соответствующими игроками на международной арене. Не только общественное мнение, но и личное мнение отдельных граждан также может иметь отношение к внешней политике.

В этом контексте, как уже было отмечено ранее в параграфе Marca España, публичная дипломатия является инструментом первостепенной важности. Она продвигает и поощряет интересы в отношении общественного мнения третьих стран, способствует взаимопониманию и созданию союзов в среднесрочной и долгосрочной перспективе с целью получения большего влияния в мире. Таким образом, коммуникация, союзы и влияние являются основными характеристиками публичной дипломатии.

Публичная дипломатия действительно является очень важным активом для укрепления способности влиять и убеждать, о чем уже упоминалось ранее. Имидж Испании силен благодаря ее богатой истории, языку, известным художникам, спортсменам, шеф-поварам, модельерам, выдающимся испанским гражданам. У Испании имеется обширная сеть инструментов публичной дипломатии, которые варьируются от известного во всем мире Института Сервантеса до сети Casas, Культурных советов, Фонда Каролины и Испанского агентства международного сотрудничества. Это прекрасная работа по координации интересов, которые Испания продолжает защищать, и ценностей, которые она стремится донести до всех игроков, участвующих в управлении имиджем страны. В совокупности возможность граждан влиять на восприятие Испании другими странами возрастает.

Первоначально созданные в 1990-х гг., шесть Домов публичной дипломатии (Las Casas) являются инструментами первого ранга. Они соединяют воедино три ключевые функции. Во-первых, они являются примером сотрудничества между администрациями, поскольку все они включают Министерство иностранных дел и сотрудничества, а также соответствующие Автономные сообщества и городские Советы. Во-вторых, они позволяют установить тесные отношения с представителями гражданского общества из Испании и из-за рубежа. Casas

постепенно превратились в международные справочные центры по некоторым вопросам. Наконец, они предлагают широкий спектр услуг, проводя культурные и экономические мероприятия.

CASA	ШТАБ-КВАРИТРА	ГОД ОСНОВАНИЯ
Америка	Мадрид	1992
Азия	Мадрид и Барселона	2001
Арабский мир	Мадрид и Кордоба	2006
Израиль	Мадрид	2006
Африка	Лас-Пальмас	2006
Средиземноморье	Аликанте	2009

Цель состоит в том, чтобы продолжать совершенствоваться в этом направлении, работая с более конкретными целями, объединить культурную и экономическую дипломатию, поддержать Marca España, уделять больше внимания сотрудничеству между государственным и частным секторами и поощрять новые формы коммуникации. Идея заключается в том, чтобы каждый Дом проводил полезные мероприятия для граждан и предприятий, которые оказывают влияние на средства массовой информации с целью установить более тесное сотрудничество между ними.

Фонды Совета

Фонды Совета являются частными организациями, которые поддерживаются, координируются и управляются Министерством иностранных дел и сотрудничества. Они являются инструментом государственно-частного сотрудничества, в рамках которого предприятия, культурные и образовательные учреждения и другие деятели гражданского общества объединяют усилия с центральной администрацией и региональными и муниципальными советами для продвижения своих законных интересов в определенных странах.

Первый Фонд был создан совместно с Соединенными Штатами, за ними последовали другие страны, такие как Япония, Китай, Россия, Мексика, Индия, Австралия и Бразилия. Все эти страны обладают большим значением для испанской внешней политики. Все они имеют в своих советах аккредитованных специалистов, особенно из деловых, экономических

и финансовых сфер, чей вклад способствовал улучшению существующих фондов Совета.

ФОНД СОВЕТА	ГОД ОСНОВАНИЯ
Испания-США	1997
Испания-Япония	2001
Испания-Китай	2004
Испания-Россия	2008
Испания-Мексика	2008
Испания-Индия	2009
Испания-Австралия	2010
Испания-Бразилия	2011

На данный момент мы живем в обществе знаний, в котором способность влиять подпитывается силой идей. Испания имеет свое собственное видение мира и готова внести существенный вклад в международные стратегические дебаты. Наряду с этим в Испании существуют различные центры мысли, которые, хоть и малочисленны, но активно работают над международными вопросами, предлагая большое количество качественных, независимых идей для решения важных проблем, касающихся внешней политики. Испания старается использовать этот потенциал, чтобы лучше определять свою руководящую политику.

В этой связи Испания предлагает возможность разработки программы сотрудничества совместно с аналитическими центрами, направленной на их более тесное и регулярное включение в среднесрочное и долгосрочное планирование внешней политики.

Цифровая дипломатия

Для большей эффективности и последовательности во внешней политике страна должна аккумулировать коммуникационные усилия, с помощью которых можно будет донести до общества и СМИ суть внешнеполитической доктрины. В этой задаче собрано множество целей, таких как разъяснение содержания испанской внешней политики и обнародование оценок международных действий, обеспечение быстрого реагирования, позволяющего партнерам и союзникам Испании знать, по каким темам Королевство занимает публичную позицию и

каково содержание этой позиции, а также предоставлять подробную и обширную информацию гражданам по различным темам, связанным с их работой или безопасностью путешествий. Все это является частью более важной задачи дипломатической информации – предоставление Испании общепризнанной и четко определенной идентичности.

Прозрачность внешней политики требует надлежащего распространения информации о том, чем занимается МИД, его стратегиях, приоритетах и целях. В этой связи требуется решить следующие задачи:

• Передача полезной и точной информации средствам массовой информации;

• Анализ присутствия Испании в зарубежных СМИ;

• Обслуживание граждан, предоставление полезной информации гражданам Испании, которые путешествуют или живут за границей, а также иностранцам, интересующимся Испанией: оповещения о поездках, профили стран и т.д.;

• Более широкое освещение внешней политики Испании, активное присутствие в социальных сетях.

Таким образом, отношения и взаимодействия между представителями народного голосования являются ключевым аспектом внешней политики. Современные инструменты реализации внешней политики являются основополагающими средствами, которые включают в себя защиту и отражение интересов Испании с освещением более широкого спектра социальных аспектов и политики.

Информация для авторов

Направляемые в журнал статьи необходимо оформлять в соответствии со следующими правилами:

- Необходимые сведения об авторе:

- Код УДК (посмотреть точный код УДК можно по ссылке http://teacode.com/online/udc/);

- Фамилия, имя, отчество полностью; ученая степень; ученое звание; место работы (учебы); должность на русском и английском языках; адрес электронной почты; контактные телефоны.

- Объем статей не должен превышать:

- 7 страниц для соискателей степени кандидата наук;

- 17 страниц для соискателей степени доктора наук.

- Название статьи на русском и английском языках;

- Аннотации (не более 5-7 строк) и ключевые слова (5-8 слов) на русском и английском языках;

- Статьи должны быть напечатаны в формате Microsoft Word (2003-2007), межстрочный интервал 1,5, кегль 14, шрифт «Arial» на одной стороне листа, форматирование по ширине (поля: верхнее и нижнее – 2, левое – 2,5, правое – 1,5);

- ссылки (сноски) даются в конце каждой страницы (кегль 10);

- таблицы, схемы, диаграммы должны быть выполнены в черно-белом изображении и сопровождаться сквозной нумерацией.

- Статьи должны сопровождаться заверенной рецензией (отзывом) специалиста и рекомендацией кафедры (отдела) по месту работы. К статьям должен прилагаться скриншот из программы Антиплагиат (оригинальность статьи по системеhttp://www.antiplagiat.ru должна быть не менее 75%.);

- Статьи в редакцию направлять в печатном и электронном варианте.

- Содержание статьи должно соответствовать тематике журнала (политология, философия, социология).

- Решение о публикации принимается в течение 30 дней со дня регистрации статьи в редакции.

- Авторы несут ответственность за достоверность приведенных фактов, цитат и других данных. Мнение редакции журнала может не совпадать с позицией авторов публикаций.

- Редакция оставляет за собой право на научное редактирование статей.

- Рукописи не возвращаются.

Уважаемые авторы, в целях экономии времени следуйте правилам оформления статей. Статья может быть отправлена авторам на доработку или отклонена как по формальным, так и по научным признакам. Критериями отбора являются соответствие профилю, новизна, актуальность и обоснованность результатов. Работы, которые не отвечают указанным требованиям оформления, к рассмотрению не принимаются. Не допускается направление в редакцию работ, которые опубликованы и/или приняты к печати в других изданиях.

Вниманию подписчиков журнала!

Журнал «Социально-гуманитарные знания» является научно-образовательным изданием, предназначенным для преподавателей, студентов и учащихся высших, средних специальных и средних учебных заведений, всех, интересующихся социально-гуманитарными науками и образованием.

Подписка и доставка периодических изданий осуществляется всеми отделениями **Группы компаний "Урал-Пресс"** в офисах агентства в вашем городе. Информацию можно получить на сайте ГК "Урал-Пресс" **www.ural-press.ru** или по телефону **8(499) 700-05-07**.

Подписку можно оформить на сайте **Объединенного каталога** **www.pressa-rf.ru** Индекс подписки – 70652

Подписная цена за один номер в 1-м полугодии 2022 г. – 300 руб., в продаже – цена свободная. Подписка на электронную версию журнала осуществляется в Научной электронной библиотеке **www.elibrary.ru**

Information for authors

Articles sent to the journal must be executed in accordance with the following rules:

• Necessary information about the author:

- UDC Code (See the exact UDC code at link http://teacode.com/online/udc/);

- Surname, first name, middle name in full; academic degree; academic status; place of work (study); position in Russian and English; e-mail address; contact phones.

• The volume of articles should not exceed:

- 7 pages for candidates degree;

- 17 pages for competitors for Doctor of Science degree.

• Title of the article in Russian and English;

• Annotations (no more than 5-7 lines) and keywords (5-8 words or phrases) in Russian and English;

• Articles should be printed in Microsoft Word format (2003-2007), line spacing 1.5, kegl 14, "Arial" font on one side of the sheet, formatting by width (fields: upper and lower - 2, left - 2.5, right - 1.5);

- references (footnotes) are given at the end of each page (size 10);

- tables, schemes, charts have to be executed black and white and be followed by through numbering.

• Articles have to be followed by the certified review (response) of the expert and the recommendation of department of the place of work (study). The articles should be accompanied by a screenshot from the Antiplagiat program (The originality of the article on the system http://www.antiplagiat.ru should be not less than 75%.);

• Send articles to the editorial office in printed and electronic version.

• The content of the article should correspond to the topic of the journal (Political science, philosophy, sociology).

• The decision to publish is made within 30 days from the date of registration of the article in the edition.

• The authors are responsible for the accuracy of the given facts, quotes and other data. The opinion of the editorial office of the magazine may not coincide with the position of the authors of publications.

• The editorial board reserves the right to scientific editing of articles.

• Manuscripts are not returned.

Dear authors, in order to save time, follow the rules for writing articles. The article may be sent to the authors for revision or rejected on both formal and scientific grounds. Selection criteria are profile compliance, novelty, relevance and validity of results. Works that do not meet the specified requirements of registration are not accepted for consideration. It is not allowed to send to the editorial office works that have been published and/or accepted for printing in other publications.

To the subscribers of the magazine attention!

Journal "Socio-humanitarian knowledge" is a scientific and educational edition, designed for teachers, students and pupils in higher, specialized secondary and secondary schools, all with an interest in social and humane sciences, and education.

Subscription and delivery of periodicals is realized by all the chapters of the **Group of companies "Ural-Press"** in agency offices in your city. Information can be obtained on the website **www.ural-press.ru** or by phone **8 (499) 700-05-07.**

You can subscribe on the website of the **Combined Catalog www.pressa-rf.ru** The subscription index is 70652

The subscription price for one issue in the 1-half of 2022 − 300 rubles, free of control price for sale..

Subscribtion to the electronic version of the magazine is carried out in the Scientific Electronic Library **www.elibrary.ru**

Подписано в печать 24.11.2021 г.
Формат 84x108/32. Гарнитура «Arial».
Печать офсетная. Объем 24,0 печ. л.
Тираж 1000 экз. Заказ

Отпечатано с готового оригинал-макета
в ГУП МО «Коломеннская типография»
140400, г. Коломна, ул. III Интернационала, д. 2А
ИНН 5022013940. Тел.: 8(496) 618-60-16